

ГЕРБЕРТ А. ВЕРНЕР

НЕМЕЦКИЕ ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ:

СЕКРЕТНЫЕ ОПЕРАЦИИ

СОДЕРЖАНИЕ

[ПРЕДИСЛОВИЕ...1](#)

[ВВЕДЕНИЕ...4](#)

[ЧАСТЬ I.](#)

[ГОДЫ СЛАВЫ](#)

[ГЛАВА 1...8](#)

[ЧАСТЬ II.](#)

[НАД НАМИ — АД](#)

[ГЛАВА 10...84](#)

[ЧАСТЬ III.](#)

[КАТАСТРОФА И ПОРАЖЕНИЕ](#)

[ГЛАВА 19...153](#)

[ЭПИЛОГ...230](#)

ПРЕДИСЛОВИЕ

ОЦЕНКА КНИГИ АМЕРИКАНСКИМ ВЕТЕРАНОМ ВОЙНЫ

Кого бы не смутил представившийся случай написать, как это сделал я, введение к книге иностранца, да еще военнослужащего бывшего враждебного государства, чья боевая судьба почти в точности повторяет собственную судьбу автора предисловия? Мы учились в 1939 году в высших военно-морских училищах, оба завершили курс обучения на подводников и впервые явились к месту службы в 1941 году. Оба мы прослужили всю войну, от нижних чинов до командиров подлодок. Каждый из нас слышал разрывы глубинных бомб противника, хотя и уберегся от них, в отличие от некоторых своих боевых друзей. Очевидно, однако, что эти разрывы звучат на удивление одинаково, будь бомбы британские, американские или японские. Оба мы принимали участие в торпедных атаках на боевые и торговые суда. Каждый из нас видел, как тонут большие корабли, когда их днища пробивают торпеды, — иногда величественно, иногда неприглядно. Немецкие подлодки пользовались той же тактикой, что и мы. И Вернер, и я бесполезно осыпали своего противника проклятиями только за то, что он добросовестно выполнял свой долг. [6]

Итак, между Гербертом Вернером и мной было много общего, хотя я ничего не знал о нем до знакомства с его книгой. Но, констатируя все это, необходимо избежать двух ловушек. Первая состоит в уважении к профессионализму, которое может затемнить важные различия между нами, проистекающие из противоположности условий, в которых мы находились, и целей, которые мы преследовали. Вторая заключается в том, что объективной оценке прошлого, к которой мы стремимся сегодня, могут вольно или невольно помешать чувства и настроения военного времени. Избегая этих ловушек, мы найдем в результате правильный подход к проблеме. Потому что восхищаться людьми, которые сражались за Германию, можно, даже если мы осуждаем Гитлера и нацистов. Для правильной оценки книги важно иметь это в виду и учитывать в каждом конкретном случае позиции сторон.

В предисловии Вернер объясняет, почему он счел необходимым написать свою книгу. По его словам, он выполнил тем самым давнее обязательство и хотел отдать должное тысячам боевых друзей, которые навсегда похоронены в стальных гробах в глубинах моря. Политические пристрастия совершенно отсутствуют как в его повествовании, так и в трактовке профессиональных задач. Вернер не позволяет себе резких выпадов против противника, хотя ясно, что временами он, как и все мы, способен испытывать приступы раздражения. В таких случаях книга Вернера приобретает большую драматическую силу и на первый ее план выступает скотская, звериная сущность войны. Может, это покажется непривычным, но задумайтесь вот над чем: моряки-подводники, независимо от принадлежности к какой-либо из воюющих сторон, более всего восхищались тем временем, когда они выходили в море и находились в стальных

скорлупках лодок, в тесном замкнутом пространстве которых не ослабевал шум работающих дизельных установок, а при недостатке кислорода в спертом воздухе ощущалась вонь от человеческих испражнений и гниющей пищи. В таких условиях [7] экипажи подлодок в остервенении атаковали противника торпедами, осуществляли изнурительный поиск его морских конвоев или ожидали в страхе конца атаки глубинными бомбами противника.

В то же время во время пребывания на суше остро ощущалась атмосфера вырождения и упадка. Вернер дает нам почувствовать это в полной мере. Картина Германии, стоящей на грани поражения, переживающей моральную деградацию в условиях войны, становится еще более трагичной по мере приближения неизбежного краха агонизирующего гитлеровского режима. Без преувеличения можно сказать, что Вернер немало способствует осмыслению истории, делаясь личными впечатлениями о том, на что обрекает порядочных людей война, особенно тотальная.

Нельзя сказать, чтобы всего этого не испытали союзники по антигитлеровской коалиции, хотя они и выиграли войну. Однако Германия ощутила военную трагедию особенно остро. Из повествования Вернера мы узнаем о хорошеньких девушках, отдающихся первому встречному, поскольку мужчины могут вскоре погибнуть на войне; о мирных жителях, укрывающихся в бомбоубежищах и постоянно пребывающих в страхе и нерешительности, когда требуется оказать помощь соотечественникам, попавшим в еще более худшее положение, чем они. Мы узнаем о циничных дельцах, готовых спекулировать любым товаром — будь то секс или продукты питания, а также об иерархии высших эшелонов власти, хорошо защищенных от ужасов войны, не испытывающих недостатка в изысканной пище и любовных утехах, отдающих из своих бункеров панические бессмысленные приказы все убывающим в численности участникам последних сражений.

Однако эта книга не о том, что происходило в Германии во время войны. Ее основная тема — жизнь немецких подводников, которые в невероятно тяжелых условиях с фантастической решимостью и самоотверженностью выполняли свой долг. В конце книги можно ознакомиться с потерями немецких подводников, которые составляют [8] 90 процентов всех активных участников боевых действий на море (как правило, в оценке потерь учитываются и потери личного состава береговых служб). Этому следует отдать должное. Что особенно примечательно, в конце войны, когда, по приблизительным подсчетам, только две из десяти подводных лодок, выходящих в море, возвращались в порт базирования, подводники с большим воодушевлением отправлялись на боевые задания, зная, что большинство из них никогда не вернется назад.

Печальный, ужасный парадокс, волнующий Вернера, состоит в том, что к концу войны большинство его товарищей-подводников знали о безнадежности борьбы. Между тем героизм воина, как правило наивного, молодого, благородного и неподкупного, не должен служить неправому делу. Однако по истечении послевоенных десятилетий становится очевидным, что Германия восстановила свое национальное достоинство, опираясь на упорство и волю таких людей.

Данные союзников по подводной войне в Атлантике свидетельствуют о том, что перелом в ней произошел приблизительно в марте 1943 года. Тогда против немецких подлодок ополчились вся мощь палубной авиации авианосцев, усовершенствованная система радиолокационного отслеживания передвижений подлодок и новые виды оружия. Нигде, кроме книги Вернера, я не встречал описания того, как эта всеобъемлющая мощь воспринималась людьми, против которых она была направлена. Об этом рассказано без патетики. И до конца оценить авторский труд может только коллега-подводник. Но основное в состоянии понять любой читатель. К примеру, такой отрывок: «Несмотря на то что место нашего погружения было помечено краской, капитан приказал атаковать конвой, прежде чем эскорты смогли бы сбросить на нас глубинные бомбы. Удары импульсов «асдика», глухие разрывы глубинных бомб неподалеку и грохот сотен судовых двигателей конвоя создавали мрачный звуковой фон для нашей атаки».

[9]

Самообладание было яркой отличительной чертой этих людей, самообладание вопреки логике или разумному отказу от неприемлемого риска — здесь не идет речь, разумеется, о случаях, когда у подводников не оставалось выбора в пользу менее рискованного действия. Книга завершается так, как и должна была завершиться, — на нотах скорби и отчаяния. Но мы замечаем, как Вернер превращается в сосредоточенного, хладнокровного и уверенного в себе командира. Его подлодка была последней, которая покинула Францию во время отступления немецких войск после высадки союзников в 1944 году. Половина его предшественников погибла, пытаясь прорваться на родину, однако Вернер принял вызов судьбы и сумел найти безопасный путь в Германию, которая уже утратила способность оценить его подвиг. В мире, разрушающемся вокруг него, Вернер больше уже не был неопытным юношей двадцати пяти лет от роду, который пришел служить на флот пять лет назад. Он стал мужественным, бесстрашным мужчиной, способным понимать масштабы надвигающейся опасности и все же избежать гибели. Вернер сумел оценить силу воли своих

подчиненных, которым не осталось ничего другого, кроме как вернуться на свою поврежденную в боях, выработавшую свой ресурс подлодку после отпуска на берегу, доставившего слишком много трагических переживаний.

«Безумие!» — восклицает Вернер на каждой странице последней части книги, где он начинает подвергать сомнению политику своей страны. Он рассказывает и о своих любовных приключениях в промежутках между выходами подлодки в море, однако следует отметить, что по мере ухудшения военной обстановки амурные дела отступают для него на задний план. И не потому, что Вернер стал более сдержан, а желания молодого воина притупились. Просто наступила душевная и физическая апатия у человека, находившегося на пределе жизненных сил. Больше не было той Германии, которую он знал, — Германия Вернера исчезла задолго до того, когда его отец [10] попал в тюрьму за знакомство с еврейской девушкой. Больше не было германского флота. Часть флота, та, что действовала в море и представляла для него непосредственный интерес, была полностью уничтожена. Днем он еще видел здание морского штаба, но по ночам оно служило лишь для развлечений с женщинами.

«Безумие!» — восклицает Вернер. И с ним можно согласиться. Но и в этих условиях вырастали герои, которые заслуживают восхищения, даже если они боролись за несправое дело, и, следовательно, их жертвы не были напрасными. Никто не должен упрекать воина, который ради своей страны идет на смерть. Поэтому следовало бы позволить этим храбрецам покоиться в мире, уважать их самих и память о них. Хотя эти парни жили в безумное время, они были цветом молодой Германии; к несчастью, их воспитали в духе искаженных представлений о судьбе страны. Что, впрочем, их нисколько не компрометирует. Они не заслуживают чрезмерного порицания, если учесть, что Версальский договор считается сейчас едва ли идеальным документом. Более того, они составляли слой населения, избежавший болезни, которая поразила правящую политическую элиту. Молодые люди верили, что в отчаянной борьбе смогут спасти свою страну от опасностей, надвинувшихся на нее со всех сторон. Потому что это им внушали руководители Германии. Они не боялись смерти, и она нашла большинство из них. Но оставшиеся в живых все равно продолжали упорно сражаться, пока не устлали дно океана своими телами.

Эдвард Л. Бич,

капитан ВМС США в отставке.

15 февраля 1969 года.

Военно-морской колледж США.

Ньюпорт. Род-Айленд [11]

ВВЕДЕНИЕ

Этой книгой, в которой рассказывается о моей службе на германском подводном флоте в годы Второй мировой войны, я выполняю давнее обязательство. После окончания разрушительной войны роль подводных сил порой искажалась и недооценивалась даже военными историками, которые должны были бы знать предмет лучше. Я один из немногих командиров подводных лодок, который участвовал в боевых действиях большую часть войны и остался в живых. Поэтому я счел своим долгом перед павшими товарищами правдиво изложить факты. Уместно отметить, что подводники были преданы долгу всем своим существом, и, что бы там ни говорили, мы выполняли свой долг с отвагой, не превзойденной представителями других родов войск. Мы были солдаты и патриоты, не больше и не меньше того, и в своей преданности делу, успеха которого уже нельзя было добиться, погибали, не желая сдаваться. Но величайшая трагедия подводного флота Германии состояла не просто в том, что погибло много прекрасных людей, но также в том, что многие из них стали жертвами несовершенной техники и бессовестной политики штаба.

В ретроспективе решающее значение подводного флота для Германии совершенно очевидно. Она могла бы выиграть или проиграть войну, но проигрыш был бы неизбежен, если допустить беспрепятственные поставки в Великобританию из Америки промышленной продукции [12] в достаточном количестве. Исходя из этого и определились цели эпической битвы за Атлантику, в которой подводный флот оказался на передовой линии обороны Германии. Даже такой авторитетный государственный и политический деятель, как Уинстон Черчилль, заявлял: «Битва за Атлантику была доминирующим фактором в течение всей войны. Ни на одно мгновение мы не имели права забывать, что все происходящее на суше, на море или в воздухе в конечном счете зависело от ее исхода, и мы день за днем среди других забот с напряженным вниманием следили за изменчивой фортуной в боевых действиях на этом фронте». Хорошо представляя себе разрушительные последствия бомбардировок его страны люфтваффе, а также ракет «Фау-1» и «Фау-2», Черчилль при этом констатировал: «Единственное, чего я действительно опасался во время войны, — это угрозы со стороны подводного флота противника».

Да и все военные успехи или неудачи Германии оказались тесно связанными с усилением или ослаблением ее подводного флота. Эта взаимосвязь становилась все более отчетливой всякий раз, когда я сходил на берег после продолжительного патрулирования моей подлодки в море.

Начало боевых действий в сентябре 1939 года застало врасплох германский флот, и в частности подводный. Он встретил их совершенно неподготовленным. Подобное положение дел сложилось из-за договора, который вступил в силу между Германией и Великобританией в 1935 году. Он ограничил военно-морскую мощь Германии 35 процентами от мощи Великобритании, чтобы сохранить существовавший на то время хрупкий баланс сил. В 1939 году Германия располагала всего лишь 57 подлодками, полностью укомплектованными личным составом, из которых 52 имели небольшое водоизмещение и были способны выполнять боевые задания только в прибрежной зоне. Остальные пять подлодок имели большее водоизмещение и могли осуществлять продолжительное [13] морское патрулирование, до восьми недель. Из 57 подлодок 18 выделили для обучения новых экипажей. Таким образом, только 39 подлодок участвовали в операциях против мощного британского военного флота и многочисленного торгового, против боевых кораблей и торговых судов союзников Великобритании и множества нейтральных судов, арендованных союзниками.

Тем не менее первый год подводной войны оказался чрезвычайно успешным для Германии. Хотя она потеряла 28 лодок, немецкие подводники уничтожили британский авианосец, линкор, пять крейсеров, три эсминца, две подлодки и 438 транспортов общим тоннажем в 2,3 миллиона тонн. Более того, летом 1940 года после капитуляции Франции наши подлодки постепенно перебазировались на юг, во французские порты на побережье Бискайского залива. Этот маневр

укоротил пути доступа германских подлодок в Атлантику и их возвращение на свои базы. Он ознаменовал новую фазу в подводной войне — великие битвы за морские конвои.

Одновременно адмирал Дениц, главнокомандующий подводными силами с 1935 года, начал осуществлять грандиозную программу создания самого крупного в мире подводного флота. Наиболее совершенная подлодка того времени, класса VII, стала типовой для Атлантики. У нее было водоизмещение 770 тонн, а запас хода — девять тысяч морских миль. В ходе войны построили 694 подлодки этого класса, которые периодически модифицировались. 90 процентов потерь различных типов судов союзников вызвано подлодками этого класса. Кроме того, со стапелей спустили свыше 200 лодок большего водоизмещения для постановки мин, доставки крайне необходимых военных грузов и, что самое важное, для дозаправки и пополнения боеприпасами в море боевых подлодок.

Великобритания очень скоро почувствовала разящий эффект от осуществления Германией программы строительства подлодок. Подводная война без ограничений на маршрутах движения морских конвоев в Северной Атлантике [14] привела к уничтожению за четыре недели 1940 года судов союзников общим тоннажем в 310 тысяч тонн. За два месяца весны 1941 года союзники потеряли до 142 судов общим тоннажем в 815 тысяч тонн. Полтора года подводной войны стоили союзникам более 700 судов общим тоннажем в 3,4 миллиона тонн. Черчилль писал об этом самом тяжелом времени для Великобритании: «Военное давление возрастало, и наши потери значительно превышали возможности судостроения. ...Между тем новая тактика «волчьих стай»... методично использовалась грозным Призмом и другими представителями командования германского подводного флота».

В мае 1941 года, когда я принял участие в первом из своих сражений на подлодке, наши атаки на морские конвои, как правило, приносили успех. Контрмеры союзников — радиолокаторы, наблюдение с воздуха, новые типы эсминцев и корабли сопровождения — находились еще в зачаточном состоянии и не представляли серьезной угрозы нашим рейдерам. Ситуацию не изменило и подкрепление британского флота 50 эсминцами США на основе англо-американского соглашения по ленд-лизу. К концу 1941 года наше стремление к окончательной победе, казалось, было близко к осуществлению: потери союзников в этом году достигли 750 транспортных судов общим тоннажем в 3 миллиона тонн. Вскоре после того, как в войну вступили США, наши подводные лодки распространили свои боевые операции на прибрежные воды Восточного побережья Америки. Их рейды там производили опустошающий эффект. В течение первых шести месяцев войны против США мы потопили 495 судов общим тоннажем в 2,5 миллиона тонн. Помимо патрулирования в районах охоты за конвоями в Северной Атлантике и Карибском море, немецкие подводные лодки рыскали в Южной Атлантике, Средиземноморье, в Черном море, некоторые из них проникали даже в Тихий океан. В 1942 году, наиболее успешном в истории немецкого подводного флота, было потоплено более [15] 1200 судов союзников общим тоннажем в 7 миллионов тонн. Однако в марте 1943 года, когда были достигнуты наибольшие успехи в подводной войне, произошел поворот. В этот месяц немецкий подводный флот потопил небывалое число судов союзников общим тоннажем в 750 тысяч тонн и одновременно стал нести все возрастающие и необъяснимые потери. Они были обусловлены тщательно подготовленным комплексом контрмер союзников, которые применили новые образцы военной техники, в том числе быстроходные корабли сопровождения, небольшие авианесущие корабли, усовершенствованные радиолокационные средства. Военная промышленность союзников увеличила выпуск кораблей сопровождения, самолетов палубной авиации и базирующихся на суше бомбардировщиков дальнего действия. Сложив в апреле все эти новшества воедино, союзники, опираясь на количественное и качественное превосходство в вооружении, нанесли ответный удар такой силы, что в течение нескольких недель полностью уничтожили 40 процентов нашего подводного флота. Контрмеры союзников изменили ход войны коренным образом. Всего лишь за две недели охотники превратились в жертвы. До конца войны наши подлодки уничтожались устрашающими темпами.

Немецкий подводный флот отчаянно пытался отразить контрнаступление союзников, но безуспешно. В 1943 году, когда я числился офицером подлодки «У-230», мы теряли корабли быстрее, чем оказывались способны возместить потери. Летом 1943 года количество союзных судов, потопленных нами, упало до среднего числа, выражающегося общим тоннажем в 150 тысяч тонн. В это время промышленность союзников выпускала суда общим тоннажем в миллион тонн в месяц.

Все дело заключалось в том, что немецкая подлодка устарела. Слишком долго она оставалась, в сущности, надводным судном, которое погружалось под воду [16] только в отдельных случаях, чтобы оставаться невидимой во время атаки или ухода от преследования. Правда, по заказу главного штаба был разработан прибор «шнёркель», который позволял лодке вентилировать отсеки и перезаряжать аккумуляторные батареи во время патрулирования, находясь в погруженном положении. Однако «шнёркель» не получил широкого распространения в немецком подводном флоте до марта 1944 года, а к тому времени прошло уже десять роковых месяцев после контрнаступления союзников. И лишь через пять месяцев столь необходимый прибор установили на всех подлодках устаревших типов. Только с августа 1944 года, когда я уже ходил на пятой подлодке и второй под моим командованием, «шнёркель» избавил меня от постоянной, смертельно опасной «игры» со всплытием для вентиляции отсеков и погружением за несколько минут до атак самолетов и эсминцев союзников. Более того, сам по себе «шнёркель» не давал адекватного ответа на действия союзной авиации и противолодочных групп кораблей. Ход подлодки оставался опасно медленным, в целом она была чрезвычайно уязвимой, неспособной реагировать на внешние звуковые сигналы и остающейся особенно беззащитной во время действия «шнёркеля».

Единственным реальным выходом из ситуации было создание принципиально новой подлодки. Немецкие КБ к тому времени уже разработали такие субмарины. Предусматривалось, что они смогут часами плыть под водой со скоростью хода, превышающей возможности эсминца, проводить торпедные атаки с безопасной глубины и погружать на борт вдвое большее количество торпед по сравнению с обычной подлодкой. Эти диковинки постоянно обещали подарить подводному флоту. Однако они так и не были запущены в производство до полного поражения Германии в подводной войне. Лишь очень небольшое число новых подлодок успели подготовить к боевым операциям вовремя. [17]

Таким образом, германский подводный флот воевал тем, что имел на вооружении, и в последний год войны почти достиг стадии саморазрушения. Один за другим экипажи подлодок, сохраняя дисциплину и воодушевление, выходили в море выполнять нелепые задания, заканчивающиеся их гибелью. Немногие оставшиеся командиры-ветераны погибли, несмотря на свой опыт в искусстве выживания. Новые командиры даже с опытными экипажами, по существу, не имели никаких шансов вернуться живыми после первого выхода в море.

Когда в мае 1945 года война закончилась, дно океана было устлано обломками подводной войны. Наши подлодки уничтожили 2882 судна противника общим тоннажем в 14,4 миллиона тонн. Кроме того, они потопили 175 военных кораблей союзников и повредили их 264 судна общим тоннажем в 1,9 миллиона тонн. Взамен мы заплатили неприемлемую цену. Наши 1150 укомплектованных личным составом лодок постигла печальная судьба: 779 были потоплены, две попали в плен, остальные — либо затоплены, либо переданы союзникам по условиям капитуляции. Из общей численности личного состава немецкого подводного флота в 39 тысяч человек погибли 28 тысяч и 5 тысяч захвачены в плен. Потери составили 85 процентов всего личного состава.

Однако даже эти цифры не отражают полностью масштаб катастрофы подводного флота Германии. 842 подлодки участвовали в боевых действиях, и 781 из них была потоплена, то есть уничтожено 93 процента оперативных боевых единиц. В конкретном выражении потери выглядят

даже более шокирующими. Ко времени высадки союзников во Франции в июне 1944 года наш колоссальный подводный флот в Атлантике сократился до 68 оперативных единиц, и только три из них оставались на плаву к концу войны. Одной из этой избежавшей гибели тройцы была подлодка «У-953», которой я командовал в качестве последнего командира. [18]

В повествовании о боевых операциях немецкого подводного флота мне помогли заметки, которые я делал во время войны, а также фотографии и письма, которые удалось спасти в обстановке военной катастрофы на континенте и трагедии на море. Хотя память нередко подводит, мои фронтовые воспоминания отчетливы и, боюсь, останутся таковыми до моей смерти. Кроме того, последовательность событий я проверил по брошюре, опубликованной издательством «Хайденхаймер Друкерай», в которой прослеживается судьба каждой немецкой подлодки. Все они приведены в этом издании под их действительными номерами. Дни и часы событий соответствуют реальному времени, вплоть до минут. Тщательно воспроизведены тексты радиোগрам штаба и подлодок. Дан точный перевод трех пространных радиোগрам адмирала Деница.

Не менее достоверны и некоторые сенсационные эпизоды книги — те, что мало известны или долго замалчивались. Многие морские офицеры США могут подтвердить тот факт, что американские боевые корабли, включая эсминцы «Грир», «Ребен Джеймс» и «Керни», совершали нападения на германские подлодки еще в начале лета 1941 года, тем самым начав необъявленную войну против Германии. Я еще ожидаю откликов в печати на шокирующий приказ главного штаба подводного флота, опубликованный как раз перед вторжением союзников в Нормандию. Штаб приказал командирам 15 подлодок атаковать огромную флотилию вторжения и, когда торпеды будут израсходованы, таранить корабли противника, то есть совершать самоубийство.

Каждый человек, упомянутый в книге, — реальное лицо. Приведены настоящие имена капитанов, под командованием которых я имел честь служить. Точно так же, как и имена других командиров и отличившихся офицеров подлодок, многих из которых я считал своими друзьями. То же самое можно сказать о моих ближайших соратниках по морским сражениям и товарищах [19] по веселым пирушкам в порту. К сожалению, большинство из них погибло. В интересах живых я изменил некоторые имена. Было бы не по-джентльменски раскрывать имена женщин, которых я знал и которые через продолжительное время стали верными женами своих избранников. Но эта книга посвящена моим погибшим товарищам, простившимся с жизнью на заре своей юности. Надеюсь, этой книгой я воздам им честь по заслугам. Если мне удалось помочь читателю усвоить весьма старый урок, который тем не менее забывают сменяющие друг друга поколения, — что война — это зло, что она убивает прекрасных людей, — то сочту свою книгу самым полезным деянием.

Герберт А. Вернер

Январь 1969 года. [20]

Посвящается морякам всех наций, погибшим в битве за Атлантику во Второй мировой войне, особенно боевым товарищам, служившим на подлодках и покоящимся ныне на морском дне в стальных гробах.

На могиле моряка нет роз, Нет
лилий на океанской волне, Скорбят
о нем лишь чайки, мечущиеся над
морем, И возлюбленная, роняющая
слезы.

(Из немецкой песни)

ЧАСТЬ I. ГОДЫ СЛАВЫ

ГЛАВА 1

— Курсанты, — начал адмирал, — вы все пришли сюда, чтобы получить свои первые важные назначения. Сегодня вас отправят на фронт. Вы нужны нашим кораблям везде, где бы они ни находились: на Балтике или в Атлантике, в Средиземноморье или в Арктике. Пришло время показать, чему вы научились. Испытаете себя на службе родине. Вы будете сражаться с Англией везде, где обнаружите ее корабли, и сокрушите ее военно-морскую мощь. Вы добьетесь победы.

Адмирал, худощавый высокий мужчина, устремил на нас свой взгляд, пытаясь что-то прочесть в наших глазах. Мы, юные курсанты, в один из последних дней апреля 1941 года выстроились вокруг него подковой на большом плацу Высшего военно-морского училища во Фленсбурге. Наступил день нашего выпуска.

Адмирал продолжал говорить о великих традициях германского флота, о патриотическом долге. Он говорил о чести и нашем общем деле. Мы часто слышали подобные речи, и все же большинство из нас не переставал волновать призыв: победить или умереть.

Я испытывал в связи с происходившим особое удовлетворение, поскольку ждал этого дня слишком долго. Решение произвести меня в морские офицеры было [21] принято в то время, когда я еще спал в детской кроватке. Мой отец, чьи морские амбиции были разрушены семьей и бизнесом, решил, что я должен получить не иначе как адмиральские нашивки. Таким образом, я стал заложником морской службы. Детство и юность, проведенные в двух городах южногерманского Шварцвальда, подготовили меня для морской карьеры. Очарованный парусниками, торговыми судами, роскошными лайнерами, доставлявшими пассажиров в любой мыслимый пункт побережья, я прочел бесчисленное множество книг о морских сражениях, отважных исследователях, завоевателях, моряках-героях. Еще не достигнув семнадцатилетнего возраста, я уже приобрел немало практических навыков морехода на озере Констанца, где научился управлять почти всеми типами малых судов — от обычной лодки до двухмачтовой яхты с осадкой в 60 футов. В 18 лет я плавал в течение шести месяцев учеником на шхуне, курсировавшей в Балтийском и Северном морях. В последний год своей учебы в школе я прошел строгий отбор среди кандидатов на поступление в Высшее военно-морское училище. После этого отработал год трудовой повинности, регулируя сток горных потоков и строя скоростные шоссе. Начавшаяся в сентябре 1939 года война все изменила. Молниеносный захват Польши спровоцировал вступление в войну Великобритании. В результате я был призван во флот раньше, чем ожидал. 1 декабря 1939 года я переселился в казармы центра подготовки офицерского состава флота на небольшом острове в Балтийском море. Здесь уже училось 600 энтузиастов-новобранцев.

Когда 1 декабря я надел синюю форменную одежду, мне было 19 лет. В ту холодную, суровую зиму мы испытали на себе наиболее интенсивную программу боевой подготовки. Наши напряженные учебные и строевые занятия в снегу и грязи имели целью отсеять всех непригодных. За тяжелыми занятиями на берегу последовали три месяца плавания на борту судна «Хорст Вессель» с прямым парусным [22] вооружением. Затем наступило время плавания на учебном судне — минном заградителе, бороздившем воды Балтики.

После падения Франции я получил первое назначение на небольшой боевой корабль. Он входил в состав 34-й бригады тральщиков, базировавшейся на Хелдере, ключевом порту на севере побережья Нидерландов. Проходя службу в этой очень активной бригаде, я не раз сталкивался со смертельной опасностью. Во время траления пролива Ла-Манш приходилось ежедневно избегать английских, французских, бельгийских и голландских мин, подвергаться массированным атакам британской авиации на море и в порту. Мне удалось сбить устаревшим пулеметом времен Первой мировой войны с водяным охлаждением английский многоцелевой самолет «бьюфайтер». Но там же я испытал первый и последний раз в своей жизни приступ морской болезни, был произведен в курсанты и получил медаль за уничтожение большого числа тех круглых, черных, способных взрываться монстров, которыми кишело море. Я участвовал в учениях по отработке операции «Морской лев» — плана вторжения на Британские острова, которому не удалось осуществиться. В общем, я заработал свои медаль и повышение с большим напряжением сил и рассчитывал по окончании очередного курса обучения в училище получить назначение на более значительный корабль.

Незадолго до Рождества 1940 года я вернулся в свою учебную группу в Военно-морском училище во Фленсбурге, набранную в 1939 году. Несколько моих сокурсников уже погибли в боевых операциях. Остальных произвели в лейтенанты, что позволило нам переодеться в новую форму с двубортным кителем. Следующие пять месяцев оказались чрезвычайно трудными. Мы жили в постоянном напряжении, оставляя себе лишь считанные часы для сна. Занятия, сменявшие друг друга, пополняли наши знания в навигации, океанографии, тактике морского боя, техническом оснащении и организационном строении ВМС. Мы шлифовали также наш английский. Занимаясь спортом, изнуряли себя гимнастикой, боксом, [23] фехтованием, футболом, парусными гонками и даже верховой ездой и прыжками в воду. К нам предъявлялись жесткие требования, чтобы отделить от мужчин мальчишек. Как раз перед выпускным днем отчислили самого слабого. Теперь, когда наступил решающий миг, я понял, что наш курс собрался вместе в последний раз.

Адмирал заключил свою краткую речь классическими словами Нельсона, слегка измененными с учетом ситуации: «Господа, в этот день Германия ждет, чтобы каждый из вас выполнил свой долг». Затем он в сопровождении своего штаба покинул плац. Нами занялись офицеры, которые курировали курс последние месяцы.

Пока мы затаились в напряженном ожидании, офицеры объявляли первые назначения. Одни были направлены служить на эсминцы, другие — на тральщики. Лишь немногие попали на крупные боевые корабли. Большинству же приказали явиться к месту службы в подводном флоте. Это была профессия, опыта в которой не имел ни один из нас. К моему изумлению, мне приказали отправиться в Пятую флотилию подводных лодок в Киле. Это была крупнейшая база ВМС на Балтийском побережье. Все знали, что большинство наших подлодок, в основном успешно выполнявших свои боевые задания в предшествовавшие месяцы, совершали свои боевые походы из Кили.

Мы разошлись в радостном возбуждении. После завтрака в спальном помещении царил шумное оживление — опустошались шкафы, упаковывался багаж, проходило прощание с друзьями. Тем вечером мы уезжали из училища в разных направлениях навстречу уготованной каждому судьбе.

Переполненный поезд уныло двигался в ночи. Я сидел в углу купе 3-го класса прокопченного вагона и размышлял. Мои сокурсники по училищу спали в невозможных [24] позах, притиснутые друг к другу или подвешенные в сетках для багажа. Я тщетно пытался уснуть. Думалось сразу о многом: о настоящем, о будущем, о произошедших переменах с соотечественниками и всем миром, вызванных войной. Казалось, между школьными годами и этой ночью пролегла целая вечность. И все же время проходило быстро, слишком быстро, чтобы понять происходящее. Я твердо знал только то, что с юностью распростился. Комфорт и безопасность ушли в прошлое. Интересно, что случится в предстоящие недели и месяцы, как я буду чувствовать себя, находясь под водой, и какое впечатление произведет на меня первый бой на борту таинственной подлодки. Я допускал возможность того, что мой первый бой может оказаться для меня последним. Но если я выживу, то в скольких еще сражениях мне придется участвовать, прежде чем одно из них станет роковым? Меня интересовало, как звучат разрывы глубинных бомб. Расколется ли корпус моей лодки после первого же разрыва, или понадобится 10, 50, 100 бомб, чтобы ее потопить? Я попытался представить последние ужасные минуты перед тем, как лодка пойдет ко дну. Медленно или быстро наступает смерть на глубине 500 метров? Сколько я смогу продержаться на воде, если мне посчастливится всплыть на поверхность?

Среди этих размышлений я вспомнил о своих родителях и сестре. Я знал, что их безопасности ничто не угрожало в то время, когда меня уносило в неопределенное будущее. Я понимал, что наступил предел всему. Жажде славы, мечтам об удаче и успехах в жизни, поцелуям нежных и страстных женщин — всему мог скоро наступить конец. Мое тело может оказаться погребенным в стальном корпусе лодки или плавать где-нибудь на поверхности океана, послужив приманкой для голодных акул. Если же мне повезет, то кто-нибудь обнаружит мои останки и захоронит приличным образом.

Подобные мысли сопровождали меня всю ночь. Я ощущал себя гораздо ближе к смерти, чем к жизни, которой [25] только что начал наслаждаться. Что я знал о жизни и любви? Я должен был признать — слишком мало. Однако я готовился оставить этот мир, когда в этом возникнет необходимость. Ведь нам слишком часто повторяли, что наши жертвы приближают победу.

Поезд прибыл в Киль, когда было еще совсем темно. Лишь некоторые из нас покинули старомодные купе, остальные продолжали путь к другим портам. Поскольку было еще слишком рано, мы, в ожидании трамвая, провели около часа в привокзальной кафетерии, потягивая кислотоватый эрзац-кофе. Трамвай взяли приступом и со всем своим багажом направились в Вик — большую базу ВМС на северной окраине города. Трамвай громыхал по просыпающимся пригородам. Небо стало медленно багроветь с восточной стороны, однако ночные фонари по-прежнему горели, когда мы подъехали к месту назначения.

Я остановился перед большой кирпичной стеной, окружавшей территорию базы. В воротах часовой проверил документы и затем пропустил меня на базу. Когда все прошли через проходную между железными воротами, они со скрежетом захлопнулись. Пока мы следовали в район порта, топот наших ног о мостовую разносился глухим эхом между стенами казарм. Казармы и плац мне были хорошо знакомы. Почти три года назад я прошел здесь трудные экзамены, которым подвергался каждый перспективный кандидат на флотскую службу. Я уже возвращался сюда морем в качестве курсанта на борту шхуны «Хорст Вессель» и побывал еще раз предыдущей осенью после службы в проливе Ла-Манш. Теперь уже в четвертый раз я погрузился в атмосферу этой уважаемой цитадели флота, а во время службы мне придется навещать ее много раз.

На заре, перед утренним подъемом, Кильская бухта предстала во всей своей красе. Гладкая водная поверхность отливала серебром. Противоположный берег отражался в ней темно-зеленой громадой. Утренняя дымка [26] окутала несколько боевых кораблей, стоявших на якоре. Их серые надстройки просматривались сквозь туман.

Прямо перед нами располагался пирс Тирпица, названный так в честь основателя современного германского флота. Он занимал значительную часть побережья Кильской бухты. У этой протяженной пристани швартовались многие британские боевые корабли, прибывавшие сюда с дружескими визитами на «Кильскую неделю», которая проводилась в эпоху правления кайзера. Во время Первой мировой войны часть кораблей германского флота уходила отсюда, чтобы принять участие в величайшем Ютландском морском сражении между Германией и Великобританией. Отсюда наши подводные лодки выходили атаковать противника в 1914 году. В мирные годы пирс Тирпица был свидетелем рождения и моряков, и кораблей. Новая история пирса началась поздним летом 1939 года, когда наши подводные лодки начали вторую за 25-летний период войну против Великобритании.

Волны небольшого прилива плескались о деревянную опалубку пирса. В воздухе перемешались запахи смолы, соли и нефти, а также рыбы, водорослей и краски. Многочисленные подлодки стояли рядами у причала, по две-три в каждом ряду. На палубах стояли часовые, прислонившись либо к рубкам, либо к 88-миллиметровым пушкам. Автоматы небрежно болтались у них на груди. Часовые провожали нас критическими взглядами. Казалось, их забавлял наш марш вдоль пирса.

Мы дошли до конца пирса, где два корабля пришвартовались к обеим сторонам деревянного причала. С северной стороны стоял старый пароход водоизмещением около 10 тысяч тонн, с южной — тендер «Лех», где находился штаб флотилии. Мы предъявили документы часовому, затем перешли по сходням на «Лех» и сложили свои пожитки вдоль его правого борта. В офицерскую кают-компанию нас привел запах свежесваренного кофе. Там мы прекрасно позавтракали и вскоре освоились в новой обстановке. Кают-компания постепенно заполнилась офицерами [27] различных рангов в белоснежных кителях. Они выглядели раскрепощенными и удовлетворенными. Очевидно, они считали, что здесь идеальное место службы. Офицеры служили на корабле, постоянно видели вокруг себя морскую воду, и при этом город и его бурная ночная жизнь были совсем близко.

Около 8.00 мы явились к командующему Пятой флотилии подводных лодок. Его адъютант, молодой заносчивый лейтенант, заставил нас ждать более часа, прежде чем сообщил, что командующего нет на месте. Предоставленные самим себе, мы покинули тендер, чтобы познакомиться с подлодками и их экипажами. Одни из них только что вернулись с боевого патрулирования, другие завершили учения на Балтике и готовы были выполнить свое первое боевое задание. Консервные банки, ящики и продукты питания свалили с грузовиков прямо на пирс неподалеку от стоящих рядами подлодок.

Перед полуднем мы снова собрались в кают-компанию в ожидании завтрака. Небольшие группы офицеров стоя обсуждали последний «Специальный бюллетень», который был передан по корабельному радио несколько минут назад. В нем сообщалось, что немецкие подлодки атаковали в Северной Атлантике британский конвой и уничтожили восемь кораблей тоннажем в 50 тысяч брутто-регистрационных тонн. Это был самый крупный успех в операции против одиночного конвоя. Причем наши подлодки продолжали преследование противника, и ему может быть нанесен новый удар. Мы уже испытали гордость за наших моряков, хотя еще и не были зачислены в ряды подводников. Когда в кают-компанию вошел командующий флотилией, в ней царил приподнятый настрой. Он прошел к своему креслу, подождал, пока мы займем свои места, и затем обратился к присутствующим со следующими словами:

— Господа! Мы получили много радиogramм от командиров наших подлодок, преследующих сейчас в Атлантике британский конвой. Согласно их сообщениям, [28] число потопленных кораблей противника достигло 14 тоннажем в 85 тысяч тонн. Был торпедирован корабль сопровождения. Это превзошло все наши ожидания. Битву за Атлантику выигрывают наши подлодки. Мы диктуем свои условия.

Мы выпили за успех и сели обедать. Полученная новость была главной темой обсуждения. По мере неуклонного увеличения числа наших подлодок, крейсирующих в морях, потери британского флота достигли беспрецедентных масштабов.

У нас действительно были основания верить, что наша блокада с целью уморить Великобританию голодом закончится вскоре ее падением. Кроме того, немецкие армии продвинулись далеко в глубь территории противника. Вслед за захватом Польши буквально за две недели была разгромлена Норвегия. В течение нескольких недель Германия сломала сопротивление Голландии, Бельгии и Франции, оккупировала Данию. Наши крупные боевые корабли контролировали моря, омывающие Европу, вплоть до зоны арктических льдов. Мне казалось, осталось сделать только одно: усилить подводную войну против Англии, обескровить англичан и заставить их капитулировать. Как только мы овладеем Британскими островами, война прекратится.

После завтрака все вновь прибывшие собрались на палубе, ожидая приказов о назначениях. Наконец в 14.30 мимо нас прошел адъютант, размахивая несколькими белыми листками. Мы устремились за ним в офицерскую столовую и встали там вокруг него кольцом, нервно затягиваясь сигаретами, пока он сортировал листки. Адъютант стал выкликать наши имена в алфавитном порядке, называл конкретные подлодки и порты, куда каждому из нас следовало явиться. Поскольку мое имя находилось в конце списка, мне пришлось изрядно поволноваться. Некоторым из курсантов повезло: они получили назначения на подлодки, стоявшие у причала. Другим выпала доля ехать дальше. Моим сокурсникам [29] Ахлерсу, Бушу и Фаусту приказали отправиться в Бремерхавен. Гебель, Герлоф и мой лучший друг Фред Шрайбер были направлены на базу подводных лодок в Кенигсберг. Они молодцевато щелкнули каблуками и помчались в канцелярию за письменными приказами. Адъютант закончил общение с нами словами:

— Те, кому приказано явиться к месту службы в Бремерхавене, Данциге и Кенигсберге, должны отправиться туда ближайшим поездом. Времени для уединения с вашими дамами сердца не осталось, господа. Курсант Вернер останется на борту «Леха», чтобы получить индивидуальное назначение.

Я был ошарашен. Полагая, что молодой адъютант ошибся, я спросил у него, почему меня оставили на «Лехе».

— Не волнуйтесь, — небрежно откликнулся адъютант. — Вы попадете на фронт очень скоро. Ваша лодка «У-551» пока еще в походе. Вам придется подождать ее возвращения.

— Когда это будет, герр лейтенант?

— Точно не могу сказать. Но, если это вас утешит, могу сообщить, что ваша лодка, как я слышал, радировала о завершении патрулирования.

Я с облегчением узнал, что зачислен в экипаж подлодки, имевшей боевой опыт. Но когда я прощался с отъезжающими сокурсниками, то сохранял еще в душе остатки разочарования и зависти. Позже мне было приказано оставаться в распоряжении адъютанта. В мои обязанности входило принимать офицеров на моторную лодку и доставлять их через бухту в Киль или на судоверфи. Я рассчитывал на трудную работу, вместо этого мне было предложено выполнять мелкие поручения, с которыми мог бы справиться любой унтер-офицер. Я тщетно пытался убедить адъютанта в своем неумении управлять моторными лодками.

— Посмотрим, — сказал он, беря меня в одну из них. — Если вам не приходилось раньше делать это, то научитесь. [30]

Несмотря на все мои усилия продемонстрировать свою неспособность, адъютант остался доволен. К своему разочарованию, я был оставлен выполнять обязанности лодочника.

Прошло несколько дней. «У-551» все еще не возвращалась с патрулирования. Время от времени я навещал радиста, чтобы узнать новости о подлодке. Мое нетерпение возрастало, когда я наблюдал, как мои сокурсники готовятся совершить свой первый боевой выход. Затем наступил день, когда все мои надежды на скорое боевое крещение рухнули. Адъютант сообщил мне плохую новость. «У-551» никогда больше не вернется. Она потерялась в Северной Атлантике.

Я полагал, что тотчас же получу новое назначение. Когда же через несколько дней мои ожидания не оправдались, я стал нервничать. Мне казалось, что адъютант пытался преднамеренно оставить меня при себе. Однажды за завтраком я подсел к начальнику инженерной службы флотилии, которого считал отзывчивым человеком. После разговора на незначительные темы я откровенно рассказал ему о своем затруднительном положении. Собеседник пообещал что-нибудь сделать для меня. И хотя я не был полностью уверен, что он воспринял мою просьбу всерьез, результаты нашей беседы сказались быстро. На следующий день меня позвали к адъютанту. С бесстрастным выражением лица он вручил мне листок. Через секунду я понял, что это новый приказ о моем назначении. Охваченный ликованием, я щелкнул каблуками, отдал честь и быстро покинул канцелярию. Оставшись один, я внимательно изучил приказ. Из него следовало, что мне нужно явиться на подлодку «У-557» в Кенигсберге.

В 21.00 того же дня мой поезд-экспресс прибыл на Штетинский вокзал Берлина. Несмотря на поздний час, на платформе кипела жизнь. Солдаты с разных фронтов, [31] разных родов и видов войск пересаживались на нужные им поезда. Со своими двумя чемоданами я перебрался в трамвай, которым скорее всего можно было добраться до остановки Фридрихштрассе. Перед тем как уехать из Киля, мне удалось послать телеграмму в столицу своей милой блондинке Марианне. Я не видел ее с прошлого декабря и давно мечтал встретиться. Условились, что мы свидимся в маленьком кафе, где обычно ждали друг друга. Я знал, что Марианна столь же верна мне, как и прекрасна.

Она опоздала всего на пять минут, что вполне допустимо для хорошенькой девушки. Ее лицо и голубые глаза сияли так же, как перед войной, когда я впервые встретил ее на озере Констанца. Мы беззаботно поболтали несколько минут в кафе и вышли оттуда, молчаливо согласившись с тем, что этой ночью не расстанемся. В нескольких шагах от нас находилась Фридрихштрассе, пульсирующая артерия Берлина. Ее уже обволакивала темнота, однако редкие полупогасшие уличные фонари еще позволяли нам ориентироваться. Несмотря на поздний час, улицу заполняли солдаты, матросы, парочки влюбленных, похожих на нас. Все они шли своим путем. Мы с Марианной отправились на север, мимо вокзала к темной, тихой части улицы. Здесь нам встретилась лишь одинокая фигура прохожего и машина с затемненными фарами. Хотелось укрыться в какой-нибудь скромной комнате, арендованной на ночь, однако на наши звонки в десятки дверей ни одна из них не открылась. Почти час мы ходили по улице взад и вперед, пока не нашли крохотную комнатку для ночлега. Но она показалась нам достаточно просторной, поскольку влюбленным не так уж много места надо для счастья.

Далеко за полночь завывали сирены. Я уже забыл, что шла война и что «томми», случалось, преодолевали нашу противовоздушную оборону. После некоторых колебаний мы решили остаться там, где были, и не спускаться в бомбоубежище. Спорадически били зенитки, и мы слышали [32] вой падающих авиабомб, сопровождавшийся глухими разрывами. Здание слегка вибрировало. Когда авианалет наконец прекратился, мы поняли, что вызов обстоятельствам иногда приносит сладкие плоды.

Позавтракали мы в кафе «Вена» на Курфюрстендамм. Никаких разрушительных последствий авианалета не наблюдалось. Как всегда в тихое апрельское утро, окружающий мир выглядел

мирным. Работали магазины, кафе, отели. Берлинцы смешались с военнослужащими в серой, зеленой, синей и коричневой форме, знаменитая улица казалась сценой великолепного спектакля. Через каждый час звонили колокола, как и в любое другое солнечное воскресенье до войны.

Время разлуки наступает слишком рано, особенно когда долг зовет одного из влюбленных из уютной комнатухи. Но в тот день у меня не было особого желания задерживаться с отъездом. Хотя любовь к Марианне и согревала, я считал свою привязанность к флоту более прочной. С восходом солнца мы обменялись на вокзале прощальными поцелуями и пообещали друг другу встретиться при первой возможности. Вдоль железнодорожных путей тянулись равнины Померании. Потом вереск уступил место соснам. Перед войной путешественник должен был дважды пересекать германскую границу на пути в Кенигсберг. Он предъявлял свой паспорт при въезде из Западной Пруссии в Польшу и через несколько часов вновь делал это, когда пересекал границу Польши с Восточной Пруссией. Теперь, к несчастью для поляков, пересекать границы стало проще.

Я проехал поля наших сражений с поляками и в сумерках прибыл в Кенигсберг. Меня поразил городской вокзал. Он был освещен, как в мирное время. Уличные фонари, неоновая реклама, фасады магазинов и окна домов сияли ярким светом. Несмотря на путанные указания полицейского, я нашел место стоянки флота, где должен был вступить на борт «У-557». Несколько подводных лодок покачивались на волнах близ гранитного пирса. На [33] мгновение я остановился на причале, глядя на черные силуэты подлодок, пытаясь угадать, какая из них повезет меня в своем чреве на битву с Англией.

В стороне от подлодок был пришвартован океанский лайнер, покрашенный в ослепительный белый цвет и сверкающий огнями, как рождественская елка. Полагая, что на белом корабле находится штаб флотилии, я потащился туда по сходням с багажом и представился дежурному офицеру. Тот отослал меня к своему сослуживцу-интенданту, который нашел для меня каюту. Там наконец я плюхнулся в мягкое кресло, усталый и голодный. Итак, я прибыл на место службы.

Было уже поздно, когда я вышел на поиски корабельной столовой. Проходя мимо бара, увидел своих бывших сокурсников по училищу Гюнтера Герлофа и Рольфа Гебеля, которые уехали из Киля на две недели раньше меня. Подойдя к ним сзади, я хлопнул их по плечам и спросил:

— Почему вы еще не в море?

Ребята обернулись. Круглолицый Гебель ответил:

— Не тебе спрашивать, сухопутная крыса. Мы только что вернулись из длительного учебного плавания. Высокий блондин Герлоф добавил улыбаясь:

— Разве ты не видишь соль на наших губах? Она в воде не растворяется, надо спиртное. Мы долго были в море.

— Скоро и мне это предстоит, — заметил я,

— Если тебя не заставят гонять моторные лодки в порту, — иронически возразил Гебель.

— Обо мне не беспокойся. На этот раз все в порядке. Мне приказано явиться на «У-557». Не знаете, где ее найти?

— Да это, кажется, наша лодка, — сказал Герлоф, — и с командиром случится припадок, когда он узнает о том, что и ты зачислен в экипаж.

Разговорчивые приятели стали рассказывать о своем первом опыте подводного плавания. Их восхищение вооружением, командиром и командой было по-настоящему искренним и отнюдь не следствием потребления [34] чрезмерной дозы горячительных напитков. Позабыв о голоде, я внимательно слушал их, изредка опрокидывая рюмочку спиртного. Обычно я этого себе старался не позволять. Было уже за полночь, когда я уткнулся своей хмельной головой в подушку.

ГЛАВА 2

На следующее утро в 8.00 я явился на борт «У-557». Лодка оказалась изрядно потрепанной. Поверхность рубки выглядела как картина абстрактной живописи. Сквозь облупившуюся серую краску проглядывала полосами красная грунтовка. Повсюду пятна ржавчины. Она образовалась даже вокруг ствола обильно смазанной 88-миллиметровой пушки на носовой палубе. Деревянный настил, который покрывал стальной корпус лодки, был окрашен морскими водорослями в светло-зеленый цвет. На лодку, очевидно, наложили печать ее продолжительные учения в Балтийском море. Это меня растрогало.

Я передал приказ о назначении командиру и отпрапортовал:

—Герр обер-лейтенант, я явился для прохождения службы! Он

взглянул на документ, затем громко пожаловался:

—Что за чертовщина такая в этом штабе? Они опять прислали мне курсанта. Я уже наказан двумя точно такими же, как ты, новичками, не нюхавшими вони подлодки.

Затем, смачно выругавшись, он выразил надежду, что я смогу быть полезен в качестве дополнительного балласта.

Я был разочарован собственным рапортом, но не командиром. Обер-лейтенанту Оттокару Паульсену было уже за двадцать. Блондин небольшого роста, он отличался коренастой фигурой. Из-под козырька его белой флотской фуражки глядели голубые насмешливые глаза. [35] На кокарде фуражки, которую на борту лодки имел право носить только командир, сохранились следы яри-медянки. На нем была длинная куртка из кожи светлосерого цвета. Ее плечи и карманы кто-то искусно заштопал толстой ниткой. Расшитый золотом флотский галун был прикреплен к левому эполету. Командир носил большие кожаные сапоги, голенища которых спускались под складки сморщенных брюк. Короче говоря, Паульсен отвечал моему представлению об идеальном командире подлодки.

Без всяких церемоний Паульсен резким голосом приказал мне переодеться, затем отправил к своему помощнику. Этот худощавый элегантный офицер, вероятно года на два старше меня, представился как лейтенант Сайболд, специалист по радио и акустике. Он сердечно пожал мне руку.

Сайболд ответил на многие мои вопросы еще раньше, чем я их задал. Он рассказал, что «У-557» только что завершила свое первое трудное семимесячное плавание в Балтийском море. Команда подлодки насчитывала 48 человек без нас, курсантов. Она состояла из четырех офицеров, трех мичманов, 14 унтер-офицеров и 27 матросов, мотористов и техников. Некоторые из них уже имели боевой опыт. Опираясь на них, как на прочное ядро, Паульсену удалось превратить лодку в эффективное боевое судно, воспитать в людях готовность и желание выполнять нелегкую работу, которая предстояла впереди. Сам Паульсен, рассказывал мне с гордостью Сайболд, ветеран подводного флота. Он служил в 1937 году на подлодке, выполнявшей задания одной международной организации во время гражданской войны в Испании. Подлодка плавала в Средиземном море и Бискайском заливе. Позже в качестве ее командира Паульсен подготовил

немало экипажей, которыми сейчас укомплектованы подлодки в Атлантическом океане. По окончании своего короткого рассказа Сайболд приказал первому попавшемуся на глаза матросу заняться мною. [36]

Матрос отвел меня назад на океанский лайнер. Там я получил три комплекта робы: полный костюм из кожи, дождевик, а также синие свитера, вязаное нижнее белье также синего цвета. Кроме того, мне выдали резиновые и кожаные сапоги на войлоке, плотные перчатки, бинокль и множество мелких предметов. Чтобы перетащить все это снаряжение в свою каюту на лайнере, я должен был трижды сходить на склад.

Когда я переодевался в новую форменную одежду, в мою каюту, почти сорвав дверь с петель, ворвался Гебель.

— Эй, моряк, упаковывай свой багаж! — крикнул он. — В 14.00 мы отплываем. Пункт назначения — Киль.

— Черт знает что,- выругался я. — Я только что оттуда!

Тем не менее я в спешке уложил вещи, перенес все свое имущество на «У-557» и бросил его на одну из узких коек.

Ровно в 14.00 подлодка отшвартовалась от пирса. Пока работали электромоторы, она скользила по поверхности моря в полной тишине, маневрируя в зоне порта. Затем заработали дизельные установки. «У-557» направилась в открытое море.

Когда очертания Кенигсберга скрылись за горизонтом, капитан вызвал на мостик третью вахтенную смену. Лодка следовала курсом на запад. В ее правый борт били короткие крепкие буруны, ограждение рубки окутывала водяная пыль. Но вот курильщики побросали свои окурки за борт и проскользнули в рубочный люк. Я последовал за ними по вертикальной лестнице в вытянутую, узкую полость лодки. Внутри царило спокойствие. Каждый занял свое место. Единственный шум, который я слышал, доносился из носовых отсеков. Там работали дизели.

Обер-лейтенант Керн, старший помощник и первый вахтенный офицер, остановил меня в центральном проходе и прочел строгую лекцию о сути моих непосредственных обязанностей. Когда лодка шла в надводном положении, [37] я должен был быть дозорным в составе второй вахтенной смены. При погружении мне следовало выполнять различные обязанности: помогать рулевому в эксплуатации рулевого устройства, штурману Визнеру — в определении нашего местонахождения, второму вахтенному офицеру Сайболду — в дешифровке секретных радиogramм. Я был обязан также проводить часть времени с ним, Керном, и главмехом Федером. Они познакомят меня с устройством лодки, двигателями, оборудованием, цистернами, счетным устройством, торпедами и артиллерийским вооружением. Керн убеждал меня в необходимости посвящать все свободное время изучению технической литературы, чтобы догнать остальных членов команды как можно скорее. Затем он взял меня на экскурсию по отсекам внутреннего корпуса лодки.

Прогулка вскоре превратилась в малоприятное испытание. Сделав несколько шагов, я совершенно потерял ориентировку: стал ударяться головой о трубопроводы, вентили и приборы, натыкался на небольшие круглые заслонки в переборках между отсеками. Каждое мое движение напоминало проползание сквозь бутылочное горлышко. Больше всего меня выводила из себя качка. В начинающем штормить море лодку резко бросало с борта на борт. Чтобы сохранить равновесие, я должен был постоянно за что-то держаться и шатался на деревянном настиле, как пьяный. Надо было оберегать свою голову от ударов и научиться ходить устойчиво. В противном случае я не смогу находиться и сутки в стальной скорлупе.

Когда мы проходили через центральный пост, я нагнулся под нижней секцией рубки. В этот момент большая волна накрыла лодку и порядочная порция воды проникла сквозь люк. Я вымок до костей. Бывалые подводники, находившиеся рядом, громко рассмеялись. Керн, очевидно рассматривавший подобное купание как ритуал моего посвящения в моряки, подавил улыбку и продолжил знакомить меня с устройством подводной диковинки. [38]

Внутри прочного корпуса лодка делилась на четыре секции. В кормовой находились двигатели, электрооборудование, компрессор и один торпедный аппарат. Благодаря двум мощным дизелям лодка была способна развивать на поверхности скорость до 19 узлов. Два электромотора, работавших на гигантских аккумуляторных батареях, позволяли ей двигаться в погруженном состоянии. Она могла плыть один час с максимальной скоростью в девять узлов и три дня с крейсерской — в один-два узла. Однако батареи должны были в нормальных условиях перезаряжаться каждые 24 часа, что возможно только в надводном положении, поскольку подзарядка производилась генераторами, запускавшимися при помощи дизельных двигателей.

Между секцией с дизелями и серединой лодки располагались крохотный камбуз, туалет, кубрик для унтер-офицеров, а под палубой — часть 50-тонного комплекта аккумуляторных батарей. В центральной секции лодки помещались ее сердце и мозг — центральный пост. Он был оборудован сверх меры патрубками, трубами, клапанами, проводами, вентилями, измерительными приборами, переключателями, счетчиками, контрольно-регулирующим механизмом и гирокомпасом. Оборудование поста включало также насосы, опреснитель воды, нижний перископ, магнитный компас, шкаф для хранения навигационных карт, столик, электропривод для контроля за вертикальным и горизонтальным рулями.

В следующей секции размещались радио- и акустическая рубки, нижняя торпедная установка с четырьмя торпедными аппаратами, а также матросский кубрик, кают-компания для офицеров и мичманов, небольшая каюта для капитана, какое-то подобие туалета и опять же под палубой вторая часть аккумуляторного комплекта. Три секции были разделены на семь водонепроницаемых отсеков, каждый из которых имел водонепроницаемую дверь, способную выдерживать давление воды на глубине 120 метров. [39]

В четвертой, самой маленькой секции — рубке находились перископ для атаки, счетно-решающий механизм для торпедных аппаратов и штурвал. Цистерны балласта, спецназначения и корабельных запасов размещались по всей лодке. Запасы топлива и воды хранились в наружных цистернах, помещавшихся в особых полостях между легким и прочным корпусами.

Прогулка по лодке привела меня в замешательство. Я был поражен сложностью ее устройства и обескуражен даже той первичной информацией, которую узнал от Керна. Мне показалось, что должны были пройти годы, чтобы я достиг уровня знаний первого вахтенного офицера и тем более профессионализма командира лодки.

Я находился у маленького чертежного столика штурмана, когда с мостика прозвучала команда:

— Приготовиться к погружению! Общая тревога!

Несколькими мгновениями позже начали спускаться вниз вахтенные, громыхая по ступенькам алюминиевого трапа и тяжело топая по деревянным доскам палубы. Затем раздался пронзительный сигнальный звонок. Чтобы быстрее открыть цистерны балласта, одни механики повисли на рукоятках клапанов, а другие принялись неистово крутить вентили. Воздух шумно выходил из цистерн по мере заполнения их водой. «У-557» погружалась под воду так быстро, что я вынужден был схватиться за какой-то прибор, чтобы не упасть на металлические плиты палубы. Это вновь напомнило мне о том, что я должен постоянно быть начеку.

Раздался тревожный крик:

— Не закрывается впускной клапан!

«У-557» быстро уходила под воду дифферентом на нос под углом в 35 градусов. В круглом отверстии задней переборки показался орущий механик:

— Течь не устраняется! Должно быть, заклинило головной клапан! Тут уже

заорал Паульсен: [40]

— Главмех! Продуть балласты, поднять оба горизонтальных руля — всплытие!

Секунды стрелка глубомера перемещалась от деления 60 метров к 70, 85, ПО. Затем лодка на мгновение выровнялась и... начала опрокидываться на корму. Меня потащило вниз, и я упал бы, если бы не схватился за трубопровод над головой. Теперь лодка стремительно падала на дно Балтийского моря дифферентом на корму. Ее погружение было столь стремительно, что все незакрепленные предметы — чемоданы, ящики, жестяные банки консервов, предметы личного обихода — покатились с угрожающей скоростью вниз по центральному проходу. Двух механиков, занимавшихся горизонтальными рулями, выбросило из своих кресел в клапанное отверстие. Кто-то из них, влетев в люк передней переборки, схватился в отчаянии за ее край.

— Прекратить продувку балласта, лодка неуправляема! — заорал командир.

По мере того как «У-5 57» приближалась к морскому дну, из дизельного отсека стал доноситься ужасный шум. Сквозь впускной клапан в отсек обрушились тонны воды. Затем лодка испытала мощный толчок, ударились о дно, свет погас. Я оторвал руки от трубопровода, за который держался, и обрушился на штурмана. Тот упал на кого-то еще.

Потом наступила полная тишина.

С кормы прозвучал глухой голос:

— Впускной клапан задраен и закреплен.

Течь была устранена. Но лодка зарылась кормой в ил, находясь в подвешенном состоянии под углом в 50 градусов и слегка раскачивалась взад и вперед, как маятник.

— Включить аварийное освещение! Всем перебраться в носовой отсек! — приказал капитан повеселевшим голосом.

Тотчас загорелась часть ламп и едва различимые в полумраке члены команды стали карабкаться наверх. Быстро оглядевшись, я заметил, что глубомер показывал 142 метра. Казалось, «У-557» увязла в иле настолько глубоко, [41] что даже спасатели не смогли бы поднять ее. Система электроснабжения вышла из строя. Из аккумуляторных батарей вытекла большая часть электролита, и внутри лодки стали распространяться ядовитые светло-зеленые клубы дыма. Возникла угроза взрыва.

Я не успел полностью оценить обстановку, как услышал голос, прозвучавший из переговорной трубы:

— Говорит дизельный отсек. Механик Экштейн мертв.

В голове у меня мелькнула мысль, что вариант ухода Экштейна из жизни, возможно, был не самым худшим. Если ядовитые газы не сожгут наши легкие, то мы умрем от удушья, как только прекратится подача кислорода.

Команда продолжала карабкаться вверх на руках и коленях, опираясь на насосы, клапаны и любые подвернувшиеся трубопроводы. Когда я тащился по плитам палубы, то всматривался в лица людей, с которыми едва познакомился. Мокрые, пропахшие машинным маслом, грязные и потные, они выполняли приказ Паульсена без всяких эмоций. Все мы стали жизненно важным балластом, стремясь положить тяжесть своих тел на чашу весов нашей судьбы. Была, действительно, какая-то злая ирония в том, что капитан назвал меня дополнительным балластом, когда я явился на борт лодки.

Постепенно мы добрались до торпедного отсека. Однако нос лодки опустился от этого лишь незначительно. Казалось, она не сдвинется со своей позиции, поскольку колоссальный вес проникшей в кормовую секцию сквозь впускной клапан воды действовал как якорь. Я слышал, как капитан советуется с главмехом в центральном посту. Их можно было видеть через круглое отверстие люка. Все выглядело так, будто я стою на верхнем пролете лестницы десятиэтажного здания и наблюдаю холл, расположенный на первом этаже.

Паульсен приказал сформировать из 25 человек шеренгу для переноски воды ведрами. Необходимо было переместить часть воды из машинного отделения кормового отсека в носовой. Равномерно распределив таким [42] образом вес воды в лодке, можно было поставить ее на ровный киль.

Я присоединился к шеренге переносчиков воды, соскользнув вниз по плитам палубы в центральном проходе. Достигнув дизельного отсека, я увидел, что большая часть торпедного отделения, находившегося в задней части отсека, залита темной маслянистой массой воды. В механизме торпедного аппарата застрял в подвешенном состоянии мертвый механик, находившийся вне пределов досягаемости. На его голове у правого виска зияла глубокая рана. Пожелтевшее лицо было залито кровью.

Черный водоем выглядел слишком большим и глубоким, чтобы можно было вычерпать его ведрами и банками. Я подсчитал, что наших усилий переместить необходимое количество воды в носовую секцию хватило бы лишь на то, чтобы быстрее израсходовать оставшийся в лодке кислород. Тем не менее, мы начали черпать воду. Работали почти в полном молчании, передавая заполненные до краев водой ведра по цепочке, вытянувшейся кверху стальной гробницы. С трудом удерживаясь на ногах, мы буксовали на плитках палубы, стараясь не расплескать полные ведра, передающиеся наверх. Иногда мимо нас, как снаряды, пролетали пустые жестяные банки. Одни моряки тяжело вздыхали от усталости, другие бормотали проклятия, когда грязная вода плескала им в лицо.

Прошло три часа. В отчаянии и безысходности мы продолжали считать ведра и банки. 420... 421... 422...

Миновал еще час. Мы работали с огромным напряжением сил, преодолевая усталость. Уровень воды в кормовой секции понизился крайне незначительно. Однако ведра по-прежнему передавались из рук в руки по живой цепочке: 482, 483...

Через шесть часов изнурительной работы нас сменила другая группа, сформированная из оставшихся членов экипажа. Воздух стал невыносимо спертым: воняло топливом, потом, хлором и мочой. Дыхание становилось [43] прерывистым, движения вялыми. И все же вторая группа продолжала передавать ведра, хотя и во все замедляющемся темпе. Теперь каждый из нас чувствовал себя полузадохнувшимся и полузатонувшим.

Практически ничего не изменилось с тех пор, как мы четырнадцать часов назад погрузились на дно. К этому времени вторая бригада водоносов уже работала вторую смену. Между тем носовая часть «У-557» существенно не опустилась. И тогда Паульсен предпринял еще одну попытку спасти нам жизнь. Он приказал водоносам прекратить работу и всему экипажу вернуться в носовую секцию.

Тяжело дыша, мы снова стали карабкаться вверх. Когда я протискивался между торпедными аппаратами, случилось невероятное. Корпус лодки начал медленно и плавно колебаться. Внезапно воздушные пузыри вырвались с гортанным звуком из передних цистерн плавучести. Нос лодки опустился на дно с глухим ударом.

Каким-то образом к людям вернулась энергия. Тело мертвого механика перенесли в капитанскую каюту и покрыли холстом. Капитан задернул зеленые занавески, закрыв в нее доступ. Трюмные помпы бездействовали, но избыток воды был распределен так, чтобы выровнять лодку. Вода повредила аккумуляторные батареи. Находясь в море, их нельзя было отремонтировать. Мы были лишены возможности приготовить пищу, но кок снабдил нас консервированными персиками, грушами и клубникой. Настроение людей поднялось после того, как они утолили голод и жажду. Однако лодка все еще оставалась в западне. Около 40 тонн воды прижимали ее ко дну.

Попытался помочь нам освободиться из морского плена старший механик. По его команде в цистерны плавучести был закачан с шипением сжатый воздух. Но лодка не сдвинулась с места. Тогда в цистерны закачали дополнительную порцию сжатого воздуха. Лодка не проявляла признаков всплытия. Наконец воздушные струи ослабли и иссякли. Весь запас сжатого воздуха исчерпан. Мы были обречены на гибель. [44]

Однако механик не сдавался.

— Все в носовой отсек! — крикнул он.

Мы все стали проталкиваться вперед, и, когда мы столпились в носовом отсеке, механик приказал нам вертеться, прыгать и бегать. Мы толкались бок о бок, ныряли в люки переборок, скользили по мокрым плитам палубы. Потом услышали новый приказ:

— Все назад.

Мы покорно повернулись и стали двигаться в обратном направлении, подобно молодым бычкам во время беспорядочного бегства. Люди тяжело дышали, кашляли, но бегали и бегали... И тут лодка зашевелилась. Затем, когда мы столпились в носовом торпедном отсеке, корма неожиданно приподнялась. «У-557» начала работать на свое спасение.

Команда разбежалась по своим местам. Непостижимым образом поднялся нос, и лодка стала плавно и свободно всплывать. Когда я вошел в помещение центрального поста, стрелка глубомера показывала уже 140 метров. Она перескочила на деление 130 и продолжала двигаться по шкале. Главмех возбужденно выкрикивал цифры в рубку командирскую:

— 80 метров, 40 метров, 20 метров! Рубка над водой. Лодка всплыла!

Паульсен распахнул крышку люка. Наше 20-часовое пребывание в подводной могиле завершилось. В корпус лодки устремился свежий, кристально чистый воздух, воскрешающий всех членов команды. Кроме одного...

«У-557» возобновила свой переход в Киль уже в надводном положении. На смену страшному испытанию пришел спокойный и четкий порядок. Осмотр показал, что во внешнем впускном

клапане, который находился под палубой для курильщиков, застрял гаечный ключ. Никто не знал, как он там оказался.

В течение следующих двух суток я постепенно приспосабливался к своему новому образу жизни со всеми [45] его сложностями, качкой и креном. Я познакомился с большинством членов команды, старался быть полезным, где возможно, и через каждые восемь часов заступал на дежурство во второй вахтенной смене. Я научился двигаться в лодке, спускаться и подниматься по алюминиевому трапу рубки без травм, сохранять равновесие, проходя по центральному проходу во время качки, нырять в круглые люки переборок, принимать пищу во время шторма, управляться помпой в туалете, манипулируя клапанами в нужной последовательности. Я понял также, что грубоватость командира всего лишь оболочка его незаурядной личности. Он был женат и имел младенца-сына. К нашему обоюдному удивлению, мы фактически росли и учились в одном и том же месте, ходили в одну и ту же школу, слушали одних и тех же преподавателей, пили воду из одного и того же фонтана на школьном дворе, учились любить море и плавать в озере Констанца. Эти обстоятельства, однако, не изменили отношения Паульсена ко мне. Наоборот, я почувствовал, что он стал еще требовательнее. В то время как мои однокурсники Герлоф и Гебель избегали его придирчивой опеки, со мной Паульсен вел себя по-иному. Он приобрел странную привычку заставлять меня в тесном кубрике после изнурительного дня работы и посылать трудиться в машинное отделение вместо того, чтобы дать отдохнуть. Тем не менее я с трудом засыпал после исполнения служебных обязанностей.

На пятый день нашего почти фатального перехода примерно в 7.00 мы приблизились к плавучему маяку Киля. Через час проплыли мимо памятника военным морякам, который выглядел как предостерегающий перст, указывающий на утреннее небо. За рассеявшейся дымкой открылась Кильская бухта. Лодка осторожно маневрировала в обстановке все более оживлявшегося движения морских судов в направлении базы ВМС. 26 апреля в 10.30 «У-557» остановилась наконец близ пирса Тирпиц у кормы тендера «Лех». [46]

Еще не были полностью закреплены швартовы, как старпом Керн пошел на лайнер решать вопросы квартирования экипажа подлодки и отправки в последний путь на родину Экштейна. В течение следующих двух часов все были заняты переноской с подлодки на лайнер поврежденных чемоданов, промокших вещевых мешков и рюкзаков. Комфортабельные каюты лайнера выгодно отличались от наших тесных каморок на «У-557». Я устроился в каюте 3-го класса, затем вернулся на подлодку, с которой снималось оборудование перед ремонтом. Семь месяцев трудных учений, увенчавшихся аварией, оставили глубокие шрамы по всему корпусу лодки. Однако ее команда уже забыла встречу со смертью. Люди работали бодро и раскованно. По радио звучали самые последние популярные мелодии.

Я находился в каюте унтер-офицеров, когда появился Герлоф. Он спросил:

— Ты слышал печальную новость?

— Нет, — ответил я. — В чем дело?

— Говорят, что Кретшмер и Шенке потоплены. Не могу поверить в это.

Однако достоверность этой печальной новости была подтверждена лейтенантом Сайболдом. «У-99» и «У-100» под командованием командиров Кретшмера и Шенке были уничтожены в Северной Атлантике во время атак на конвой противника. Оба знаменитых капитана считались неуязвимыми. Их потеря — впервые за 18 месяцев подводной войны официально признанная — напомнила нам об активизации боевых действий по мере совершенствования Англией своей противолодочной обороны. Кретшмер, наш чемпион в подводной войне, потопил несколько судов противника, включая три эсминца общим тоннажем около 325 тысяч брутто-регистрационных тонн.

Это равнялось общему тоннажу флота страны среднего размера. Шенке, на счету которого были потопленные суда противника общим тоннажем более 250 тысяч брутто-регистрационных тонн, погиб, когда его лодка была протаранена [47] эсминцем, предварительно заставившим ее всплыть на поверхность бомбардировкой глубинными бомбами. Кретшмер же остался жив, попал в плен и провел все оставшееся время войны в заключении в Канаде.

Двойная трагедия, происшедшая 17 мая, ошеломила и привела в уныние страну. Неужели Англия владеет новым оружием и техникой в подводной войне? До сих пор охота за конвоями оставалась относительно легким занятием. Быстрые подводные лодки Германии были маневренны как на поверхности, так и под водой. Они оказались способны погружаться на глубину моря, недостижимую для британских глубинных бомб. Наши потери были незначительны по сравнению с теми, что наносили противнику немецкие подлодки.

Нам не объяснили причины трагедии. Верховное командование, чтобы подсластить пилюлю, выступило с заявлением, в котором провозглашалось, что немецкие подлодки потопили с начала войны суда противника общим тоннажем в четыре миллиона брутто-регистрационных тонн, включая один линкор, один авианосец и 18 боевых кораблей меньших рангов, из состава королевского флота.

«У-557» была отбуксирована на судовой верфь для капитального ремонта, в том числе дизельных установок, аккумуляторных батарей и электродвигателей. В течение недели ее команда ежедневно слонялась между пирсом Тирпица и сухим доком. Я в это время подвергся новым испытаниям, следовавшим одно за другим. В первый же день меня отправили в Адмиралтейство за картами Атлантики. Во второй — я помогал Керну пополнить нашу библиотеку наставлениями по артиллерийскому и торпедному вооружению. На третий — Сайболд эксплуатировал мои скромные административные способности и искусство печатать на пишущей машинке. Федер, главный механик, поручил черчение Диаграмм монтируемого на лодке оборудования. Я также составлял реестры казенного имущества, за которое необходимо было отчитываться, [48] инструментов, запчастей, такелажа и даже аптечных пузырьков. Офицеры явно стремились переложить свою работу на нас, курсантов, а ночи, как, впрочем, и дни, заполнялись разовыми поручениями.

Конец недели несколько облегчил наше существование. В воскресенье Гебель, Герлоф и я поехали в Киль. Мы прошли по книжным магазинам в поисках чтива на время долгих недель пребывания в море. В кафе отведали венского торта, а в нашем любимом ресторане «Ратс-келлер» заказали бифштекс на обед. Мы выпили немало мозельского, провозглашая тосты друг за друга и успешный боевой поход. И уже не приходило в голову, что первое же сражение могло оказаться для нас последним.

8 понедельник 5 мая отремонтированная «У-557» покинула судовой верфь. Она была покрашена свежей серой краской, выглядела и пахла, как заново построенная и укомплектованная. День мы провели в бухте, совершая пробные погружения и другие маневры, проверяя работу приборов и двигателей. Я был поражен высокой боеготовностью экипажа и отличной маневренностью лодки. Хотя «У-557» имела водоизмещение 770 тонн, достигала 75 метров в длину и шести в ширину, она отзывалась на команды механика быстро и точно. Лодка была готова присоединиться к своим боевым подругам, участвующим в подводной войне.

9 мая «У-557» погрузила на борт продовольствие и боеприпасы. Жестяные банки, бочонки и картонные коробки были тщательно отсортированы и уложены в определенном порядке. В то время как снаряды для нашей 88-миллиметровой пушки и 20-миллиметровой зенитной установки нашли свое место в специальных помещениях, контейнеры с продуктами распределили по всей длине лодки. Я с удивлением наблюдал, как укладывается продовольствие на восемь недель. Его распахивали между трубопроводами и клапанами, шпангоутами и двигателями, шкафами и люками. Внушительные копченые окорока подвесили в помещении центрального поста.

Деликатесы, [49] такие, как взбитые сливки, масло, кофе и чай, запер сам командир. Заправка «У-557» топливом была завершена 10 мая. Двенадцатого мы приняли на борт груз свежих овощей, яиц, хлеба и свежей воды, уложили кочаны капусты в последние свободные щели и свалили остальные овощи на три подвесные койки, позволяя им свободно качаться в носовом и кормовом отсеках.

Как только закончилась подготовка к плаванию, беззаботное настроение экипажа сменилось на серьезное. Возвратившись в каюту на старом лайнере, я уложил все свои оставшиеся вещи в чемоданы, составил опись их содержимого и наклеил багажные ярлыки. В случае если я не вернусь, мои вещи будут отосланы домой. Затем я написал одно письмо родителям, другое — Марианне и был готов встретиться лицом к лицу с неизвестным.

ГЛАВА 3

Утром 13 мая «У-557» была готова к отплытию. По установившемуся обычаю, мы перед походом побросали за борт кое-что из своей одежды, некоторые личные вещи — письма, книги, зубные щетки, снимки родных или друзей. Брать с собой на борт бритвенные принадлежности запрещалось. Наши бороды должны были расти нетронутыми, поскольку запас воды на лодке ограничен и используется только для питья и приготовления пищи. лейтенант Сайболд, ответственный за складирование продуктов, внимательно следил за нашими перемещениями. После многократных проверок он обнаружил несколько запрещенных бутылок ликера, избыток одежды и сигарет. Постепенно Сайболд добился необходимого баланса между пожеланиями и реальными потребностями.

В 11.30 команда лодки собралась на лайнере для прощального обеда. К нам пришли и офицеры штаба Пятой флотилии, чтобы пожелать счастливого пути. Мы стали [50] вдруг важными персонами — центром внимания. После лукуллова пирса командующий флотилией предложил тост за командира и команду подлодки, а также пожелал нам успешного выполнения боевого задания. К этому он добавил:

— Поскольку у одного из вас сегодня день рождения, 13 мая становится благоприятным днем для начала похода. Пусть это будет знаком удачи, не покидающей вас все время плавания. С днем рождения, курсант Вернер.

Я был взволнован. Подозреваю, что утечку моих биографических данных допустил Сайболд, который был знаком с ними.

С большим воодушевлением мы опустошили последние бокалы шампанского и высыпали на пирс. Морской оркестр играл бодрый марш, вокруг собралась большая толпа. Как только мы пересекли узенькие сходни, ведущие на «У-557», начались корабельные будни. Последняя переключка, несколько команд — и швартовы сняты с кнехтов.

«У-557» отчалила задним ходом в полной тишине. Очень медленно она отошла от пирса, высвободила свои горизонтальные рули и затем увеличила скорость. В 50 метрах от пирса старпом развернул лодку на 180 градусов и приказал включить дизели. Весь корпус лодки задрожал от сильной вибрации, на мгновение черные клубы дыма вырвались из выхлопных труб. Сдвоенные гребные винты под кормой взбивали пенистые водовороты.

— Оба двигателя средний вперед, курс 95, — раздалась команда.

«У-557» резко развернулась правым бортом и рванулась вперед к центру бухты. Музыка оркестра постепенно затихала, толпа на пирсе расходилась.

Через час мы прошли по шлюзам плотины Холтенау в Северо-Восточный морской канал. Остаток дня и следующую ночь двигались с малой скоростью по узкому водному пути. На рассвете достигли западной оконечности канала ипштюзов, выходящих в реку Эльба у Брунсбюттеля, [51] где нашего прибытия поджидали две другие подлодки.

В 10.00 наша «волчья стая» направилась в открытое море. Низкий берег вскоре превратился в тонкую линию, затем исчез за темным горизонтом. Лодки двигались в кильватерном строю, впереди — «У-557». До полудня была моя вахта. Я взбирался на мостик, чтобы отстоять четыре часа под командованием главного штурмана Визнера и третьего вахтенного офицера, в 8.00 и 20.00. Это было частью моих обязанностей во время похода. После короткого завтрака я вернулся на мостик, чтобы помочь в наблюдении за плавучими минами. Вскоре показался остров Гельголанд со стороны порта. Однако дождевая завеса сильно ухудшала видимость.

Лодки продолжали двигаться вперед. К востоку за горизонтом показалась Дания. К западу, лишь в нескольких милях отсюда, почти у самой поверхности затаились обширные минные поля. После захода солнца я вновь взобрался на мостик на очередную вахту. Четверо из нас следили, не появятся ли в небе самолеты противника или дрейфующие мины на воде. Медленно смеркалось, море становилось все темнее и темнее. У меня была уйма времени, чтобы общаться с Богом.

В полночь меня сменил на вахте Герлоф. Я нырнул в люк и спустился внутрь темного корпуса лодки. Рубка освещалась лишь слабым мерцанием фосфоресцирующего циферблата компаса. Центральный пост тоже был затемнен. Я с трудом различал приборы, вентили, переключатели, клапаны и другое оборудование. Небольшая лампа, основательно зачехленная, бросала неяркий свет на штурманский столик. Я прошел по шатающейся под ногами палубе в кают-компанию для унтер-офицеров, где за мной были закреплены крохотный рундучок и узенькая верхняя койка. Взобравшись в нее, я запер алюминиевый поручень ограждения и разместился между шкафом и стеной. Долгое время мне не давали уснуть ритмичный шум работающих дизелей, плеск [52] воды о корпус лодки и мысли о морском походе на врага.

Около 6.00 я стал просыпаться. Лодку сильно качало. Мы вошли в пролив Скагеррак. В 8.00 я встал на вахту, одетый в тяжелую промасленную робу. Море неистовствовало. Сквозь мостик проносились ключья морской пены и водяная пыль. Когда тяжелые волны били в рубку, лодку нещадно трясло. Две подлодки — наши попутчицы — потерялись где-то в ночи. «У-557» одиноко брела в необъятной бурной морской пустыне. Вахтенные на мостике молчаливо осматривали море, горизонт и небо.

Мы повернули к востоку от Шетландских островов, пробивая себе путь среди громад морских волн и пены, и двинулись далее на запад-северо-запад, в Атлантику. В 23.00 капитан приказал снова изменить курс — прямо на запад. Мы достигли точки, расположенной примерно в 70 милях к северу от Шетландских островов. Здесь нам придется прорываться сквозь морскую и воздушную блокаду Великобритании. Надежно работавшие дизеля «У-557» позволяли делать 14 узлов в штормящем море. Эпизодически в просветах между несущимися по небу облаками появлялась луна. Мы, четверо вахтенных, были защищены надстройкой, однако потоки воды периодически превращали мостик в ледяную прорубь. Полотенце, которым я укутал шею, насквозь промокло. Вода текла мне на спину и грудь. Пока я глядел в бинокль, она проникала уже в мои рукава и просочилась в сапоги.

Внезапно третий вахтенный крикнул:

— Тень прямо по курсу, пеленг 3-2, выглядит как транспорт!

Я быстро обернулся, направил окуляры своего бинокля в указанном направлении. Впереди, на дистанции шесть-семь тысяч метров, слабо различимый объект намеревался пересечь наш курс под тупым углом. Судно двигалось на запад-северо-запад.

— Командира — на мостик, — передал Визнер свой вызов в рубку. [53]

Внутри корпуса вызов повторили дважды. Несколькими мгновениями позже из люка показался Паульсен. Визнер указал на цель.

Командир, привыкнув к темноте, нашел судно и приказал:

— Беру управление на себя, спускайся вниз и готовь атаку. — Затем крикнул внутрь корпуса: — Все по местам! Право на борт! Объект по пеленгу 3-2. Полный вперед!

Охота началась.

Паульсен полностью сосредоточил свое внимание на цели. Мы, трое вахтенных, пристально осматривали морскую поверхность. В рубку пришел старпом и водрузил свой бинокль поверх прибора управления стрельбой (ПУС). На мостике сменились два матроса. Один из них установил в рубке счетно-решающее устройство. Группа торпедистов бросилась к аппаратам. Экипаж приготовился к бою.

Тем временем транспорт повернул через фордевинд налево, показав нам свою корму. Сейчас мы оказались в невыгодной позиции. Паульсен повернул лодку против ветра, который гнал теперь волны с носа прямо на рубку. Затем черные облака полностью закрыли луну. Долгую минуту мы не видели цели. Когда же луна показалась вновь, наша жертва, несущаяся полным ходом на запад, появилась вновь.

Паульсен, недовольный ходом преследования, заорал через переговорную трубу в радиорубку:

— Перейди на диапазон 600 метров и отслеживай движение судов на международных линиях! Если нас засекли, транспорт может запросить помощи у соседей.

Пока он отдавал приказ, цель повернула вправо, ложась на свой прежний курс. Старпом определил новый пеленг, передал свои данные в рубку и запросил:

— Сообщите скорость хода и курс цели. Через минуту снизу ответил Визнер:

— Скорость 14 узлов, курс по пеленгу 2-6. [54]

Транспорт был быстроходным, новым судном, попытавшимся пересечь Атлантический океан в одиночку. Однако в течение первых 70 минут преследования мы заметно сократили дистанцию. Теперь уже становилось очевидно, что транспорт никогда не доберется до берега. Гонка продолжалась. Нас захватил охотничий азарт. Мы уже не чувствовали воды, плещущей нам в лицо и стекавшей под одежду. Впереди маячила добыча — остальное не имело значения. Мы неслись в ночи по расчетному курсу, держа в поле зрения обреченное судно и оставаясь невидимыми для него. Только кончик нашей рубки возвышался над поверхностью воды. В 2.15 цель находилась по левому борту, под углом в 270 градусов. Мы неустанно неслись вперед благодаря дизелям, работающим в режиме атаки. К 3.00 после некоторой корректировки курса Паульсеном нам удалось добиться упреждающего угла атаки, продолжая оставаться незамеченными. Радио транспорта молчало. Он менял курс через одинаковые промежутки времени, что гарантировало успех нашей торпедной атаки.

В 3.25 капитан приказал старпому подготовить пуск торпед. Керн навел ПУС на судно противника и крикнул в рубку, перекрывая шум дизелей:

—Аппараты с первого по четвертый приготовиться к торпедной атаке! Снять крышки! Угол атаки 50 градусов, скорость цели 14 узлов, дистанция — 1000 метров, глубина хода торпеды семь метров. Товсь!

Снизу отрапортовали:

—Аппараты с первого по четвертый к стрельбе готовы.

Следующий маневр оставался за транспортом. Если наши расчеты правильны, этот маневр должен был стать для него последним. Так оно и случилось. Транспорт повернулся к нам носом и помчался прямо в западню, устроенную для него Паульсеном. Капитан вывел лодку на угол атаки, показав ее силуэт противнику.

Транспорт неся на нас подобно монстру, сокращая разделявшую нас дистанцию до 1000 метров. [55]

—Старпом, пли! — приказал капитан. Керн еще раз

прицелился и затем скомандовал:

—Первый аппарат — пли! Второй — пли!

Одновременно он манипулировал рычагом ПУС, освобождая путь торпедам. Произведя два толчка, торпеды выскочили из корпуса лодки и понеслись к транспорту, вспенивая воду.

Мы сфокусировали свои бинокли на неясных очертаниях стальной громады, увеличивавшейся в размерах с каждой секундой. Кто-то считал:

—Тридцать пять, тридцать шесть, тридцать семь...

Вдруг мощный столб огня поднялся с транспорта в небо. Чуть позже нас оглушил грохот взрыва. Корабль погибал.

В переговорной трубе прозвучал возбужденный голос Сайболда:

—Докладывает радиорубка. Передаю текст радиограммы транспорта: «Нас торпедировала германская подлодка, тоном, 59 градусов северной...» Радиограмма не окончена.

Почти сразу транспорт стал крениться на левый борт. Я видел, как его команда спускает несколько шлюпок. Остальные нелепо болтались на шлюпбалках. Огромный разбитый корпус судна выделялся своей чернотой на фоне красных, желтых и золотистых языков пламени. Это было великолепное зрелище.

Паульсен увел лодку из зоны, где плавала масса обломков погибшего судна. Торпедные аппараты были закрыты крышками, члены команды оставили боевые посты. Смертельно раненный транспорт все глубже и глубже погружался в воду. Затем нос судна конвульсивно дернулся вверх, и оно исчезло под водой кормой вниз. На поверхности моря не осталось ничего, кроме раскачивающихся на волнах спасательных плотов и шлюпок.

Первый транспорт противника мы уничтожили 19 мая в 4.10. Эта скорая победа, добытая в районе, который большинство подлодок старалось избегать, была выдающимся [56] подвигом и записала на наш счет по меньшей мере 7 тысяч тонн. Напряжение, которое в последние дни накапливалось, ушло. «У-557» двинулась новым курсом на максимальной скорости. Капитан стремился удалиться от места затопления судна как можно скорее, разумно полагая, что здесь в ближайшее время сосредоточатся крупные силы противника.

После девятичасовой вахты на мостике я вымок и дрожал от холода. Вода из сапог выливалась всякий раз, когда я ступал по алюминиевому трапу, спускаясь вниз. Освободившись от робы и нижнего белья, я повесил их сушиться в торпедном отсеке на корме, затем пробежал голым через всю лодку и залез в свою тесную койку.

Несколько дней «У-557» шла средним ходом в надводном положении. Дул сильный ветер, море штормило. Лодка беспрерывно раскачивалась с борта на борт и с кормы на нос. Внутри нее стояла невыносимая сырость. Влага конденсировалась на поверхности холодного стального корпуса и стекала ручейками на дно. Продовольствие портилось, его приходилось выбрасывать за борт. Хлеб отсырел и размяк. Бумага разжижалась. Одежда стала липкой и никогда не просыхала. К чему ни прикоснешься — все мокрое и скользкое. В течение нескольких дней мы не могли определить свое местоположение достаточно точно: не видели ни единой звездочки, ни луны, ни солнца. Лишь ежедневные погружения под воду спасали от непрерывной качки. Там в спокойной глубине мы завершали работу, которую не успели сделать, и ели, не роняя пищу на палубу. Час, два восстанавливали силы перед новыми атаками волн и ветра. Но ежедневные погружения никогда долго не продолжались; всплытие, наоборот, казалось преждевременным.

В эти дни противоборства со стихией мы получили из штаба радиogramму. Сообщалось, что наш крупнейший корабль — линкор «Бисмарк» — выходит для выполнения [57] боевого задания в Северную Атлантику в сопровождении тяжелого крейсера «Принц Ойген». 24 мая экипажи всех подлодок были оповещены о быстрой победе «Бисмарка» над линейным крейсером «Худ», самым мощным кораблем королевского флота Великобритании. Подлодкам рекомендовалось руководствоваться приказами, учитывающими будущие боевые операции «Бисмарка». Мы считали внезапное появление в Атлантике этих надводных германских кораблей большим событием. Северная Атлантика превращалась в наш передовой рубеж обороны, и отныне кораблям британских ВМС и коммерческим судам союзников находиться там стало смертельно опасно. Радиоперехваты с других подлодок также говорили о крупных успехах. «У-556» во время своего последнего похода потопила суда тоннажем более чем в 30 тысяч тонн. «У-203», «У-93» и другие уничтожили в предшествующие недели суда союзников общим тоннажем в 100 тысяч тонн.

25 мая третья вахтенная смена нашей лодки наблюдала в промежутке между заходом солнца и сумерками, как черная пелена застилает облака на западе. Через несколько минут мы поняли, что увидели десятки дымящих пароводных труб, а затем показались оконечности многочисленных мачт. Мы шли курсом, пересекающим движение конвоя.

Визнер быстро отреагировал, крикнув:

— Командира — на мостик!

Появился Паульсен. Он оценил обстановку и отдал несколько приказаний. Визвизнула сирена. Мы попрыгали в рубочный люк. «У-557» зарылась в волны и через 20 секунд уже оказалась под водой. Пока лодка выравнивалась, члены экипажа разбежались по своим боевым постам.

— Погружение на перископную глубину, — скомандовал командир.

«У-557» скользнула на заданную глубину. В рубку поднялся старпом, я взялся за штурвал. Жужжание мотора, [58] перемешавшего перископ, заполнило тесное помещение. У Паульсена что-то не ладилось. Он дергал перископ вверх и вниз в промежутках между подъемом и спадом волны. Акустик сообщил, что конвой приближается. Вскоре мы услышали шум множества вращавшихся винтов невооруженным ухом. Затем акустик засек впереди конвоя группу эскорта. Шум вращавшихся винтов ритмично нарастал с запада. Затем послышалось резкое металлическое позвякивание импульсов «асдика», которые посылали эсминцы, чтобы обнаружить подлодки. Для большинства из нас это была новинка. Каждая высокочастотная звуковая волна ударяла о поверхность лодки как молоточек камертона. Затем она распространялась по всему корпусу лодки, уходила и расплывалась по горизонту. Между тем глухие мощные удары поршневых двигателей и завывание турбин становились все громче и отчетливее. Акустик сообщил, что конвой повернул в южном направлении.

Внезапно мы услышали шум быстро вращающегося винта эсминца. Паульсен, повернув перископ вокруг своей оси, произнес:

— Три эсминца, курс по пеленгу 3-2, дистанция 3 тысячи метров. Лево руля, меняем курс на юг.

Мы могли бы атаковать эсминцы, от которых исходила опасность, но Паульсен принял более мудрое и безопасное решение. Вскоре он возбужденно закричал:

— Вот так картина! Все пять торпедных аппаратов — к бою! Скорость цели 10 узлов, угол атаки 30 градусов, глубина погружения семь, дистанция 1200 метров. Старпом, погляди на этот парад!

Керн наклонился вперед и прижался к резиновой подушке вокруг окуляров перископа. Затем он выдохнул:

— Там их по крайней мере тридцать. Переваливаются, как слоны.

Капитан возобновил круговые движения перископом, но вскоре одним толчком втянул его внутрь лодки и скомандовал: [59]

— Полный вперед! Механик, тащи лодку вниз! С бешеной скоростью завращались гребные винты. Лодка, сильно вибрируя, нырнула еще глубже под воду.

— Угроза атаки глубинными бомбами! Погружение — 70 метров.

Резкий, действующий на нервы грохот приближавшейся группы эсминцев становился громче, заглушая шум тридцати с лишним транспортов. Эсминец пересек наш курс за кормой лодки, затем поспешно удалился в северо-восточном направлении. Федер, совершив 20-минутный маневр, постепенно вернул лодку на перископную глубину. Тем временем конвой продолжил свое зигзагообразное движение. Быстрый поворот рукоятки перископа дал возможность Паульсену убедиться, что лодка попала в невыгодную позицию — она не могла рассчитывать на успешную торпедную атаку, поскольку слишком удалилась к северу.

В 21.15 Паульсен решил дожидаться темноты, всплыть и атаковать конвой с кормы. Дождевики передали вахтенной смене, которая уже готова была подняться на мостик. Как один из дозорных этой смены, я был освобожден от вахты на штурвале. Мы провели полчаса в молчании, пока капитан стоял согнувшись и прижавшись к окулярам перископа. Затем акустик сообщил, что конвой вновь изменил курс. Шум множества поршневых двигателей и вращавшихся винтов, который ясно слышался в прозрачной океанской воде, заставлял учащенно биться наши сердца. В 22.45 Паульсен метнулся в сторону от перископа и скомандовал:

— Продуть балласт!

Как только «У-557» всплыла, командир щелчком рычага открыл крышку рубочного люка. Ветер брызнул нам в лица водяной пылью. Пятеро моряков последовали за капитаном на мостик. Ночь была безлунная и темная — идеальное время для атаки. Лодка шла в полупогруженном положении: палуба вровень с поверхностью [60] моря. Она набрала скорость и устремилась за уходящими целями.

— Тени на горизонте, пеленг 2-5, дистанция 5 тысяч метров, — доложил один из вахтенных.

— Тени, пеленг 3-5, — сообщил другой.

Конвой шел прямо перед нами. Постепенно мы преодолели разрыв в дистанции. Искусными маневрами Паульсен сократил расстояние. До кормы ближайшего транспорта оставалось 300 метров. Невероятно, но конвой остался без сопровождения. Эскорт вел поиск в ложном направлении. Волк оказался в самом центре стада!

— Двигатели на треть оборотов! — приказал Паульсен. Затем он обратился к старпому: — Вклинимся между двумя колоннами. На каждую торпеду — одно судно. Выбирайте сначала самые дальние и крупные цели, потом ближайšie. Атакуйте с двух сторон и держитесь строго по центру.

Теперь расстояние от лодки до ближайших транспортов составляло от 400 до 700 метров. Сложилась поразительная ситуация: наша лодка шла незамеченной в центре вражеской армады судов, выбирая по своему усмотрению цели, обреченные на гибель.

Старпом несколько раз убедился в том, что параметры целей определены точно.

— Угол ровно 70 градусов, расстояние 500 метров, скорость 12 узлов.

Командир крикнул, перекрывая завывание ветра:

— Атакуй, старпом, дай им дрозда! Сквозь шум волн

прозвучала команда старпома:

— Первый аппарат — пли! Второй — пли!

Затем он взглянул налево и отдал аналогичные приказы аппаратам три, четыре и пять. Было 23.40. Пять торпед понеслись к качающимся на волнах судам-фантомам. Мы напряженно ждали, не желая менять курс до тех пор, пока первая из торпед не достигнет цели.

Первый взрыв прозвучал с правого борта. Вторая торпеда разорвалась с левого, затем еще одна. Новая вспышка [61] пламени и целая серия взрывов потрясли воздух. Взвились красные и желтые языки огня, вверх поднялась раскаленная лава расплавленной стали. Мы слышали грохот ломавшихся переборок и треск падающих мачт. Адское светопреставление достигло кульминации. На наших лицах мелькали отблески буйного огня.

Конвой просигналил о катастрофе десятками ракет, которые располосовали небо огромными изгибами. Одно из пораженных судов, семитысячетонный транспорт, накренилось на борт, гася в море языки пламени. Задрал киль и корму кверху в предсмертной агонии, оно обнажило при колеблющемся свете пожара руль и гребной винт, затем быстро скользнуло под воду. Половинки второго судна, пораженного в середину, разошлись в стороны, как концы ножниц. Оно затонуло со страшным треском. Третий транспорт, объятый пламенем, вышел из колонны. Взрыв разметал его

мостик и отправил в небо новую огненную вспышку. Части огромных стальных конструкций и другие обломки падали в море вокруг нас. Мы прятались за ограждение рубки и ждали, когда прекратится стальной дождь. Это была агония гибнущего судна. Оно исчезло под водой менее чем через минуту. Несколько горящих обломков дерева — вот все, что осталось от трех британских транспортов. Потери были бы большими, если бы конвой после нашей первой торпедной атаки не развернулся резко на северо-восток. Две наши торпеды прошли мимо целей.

После атаки я стал следить за тем, что происходит за кормой лодки, прислонившись к перископному корпусу. Позади нас к конвою приближались два эскорта. Их вахтенные не могли заметить очертания нашей лодки в бурном море. Паульсен повел ее под прикрытие конвоя. «У-557» снова пошла на безопасном расстоянии от ближайшего транспорта и следовала в его кильватере. Керн покинул мостик, чтобы проследить, как перезаряжаются торпедные аппараты. Сайболд передал на штабную подлодку радиограмму, сообщавшую о нашей боевой операции. [62] Вахтенные на мостике продолжали следить за зигзагообразным движением конвоя и были готовы к возобновлению торпедной атаки.

В 2.30 старпом доложил, что все торпедные аппараты перезаряжены. Капитан пристроился к конвою с намерением повторить нашу успешную боевую операцию. Двигатели лодки работали на предельных оборотах. В непосредственной близости кораблей сопровождения не наблюдалось. В любом случае мы находились слишком близко к конвою, чтобы эсминцы смогли преследовать нас без помех.

В отверстии люка появился Сайболд. Он надрывался, перекивая грохот шторма:

— Герр капитан, радиограмма из штаба: «Прекратить атаки, сообщите ваше местонахождение, поддерживайте связь до новых указаний»!

Паульсен выругался сквозь зубы. Приказ обязывал нас выждать до тех пор, пока сигналы нашего радиомаяка не будут приняты другими подлодками, призванными разделить нашу добычу. Рассерженный командир приказал убавить скорость лодки. «У-557» снова ушла в хвост колонн конвоя, потом направилась на северо-северо-восток, пытаясь уйти от преследования. Но, отслеживая обстановку впереди лодки, я сразу заметил реальную опасность. На расстоянии 1000 метров к нам с левого борта стремительно приближался эсминец. От его форштевня расходились белые барашки пены. За эминцем, неподалеку, следовали два других корабля сопровождения. На мгновение мой язык прилип к нёбу. Потом я выпалил:

— Эсминец, пеленг 3-40, нулевой угол.

Паульсен немедленно откликнулся:

— Право руля, полный вперед!

«У-557», раскачиваясь, кренилась на борт, описывая крутую дугу. Затем лодка на максимальной скорости устремилась на запад. Три преследователя, теперь обращенные к нам кормой, тоже испытывали сильную качку. [63] Взбираясь на гребни волн, они обнажали свой киль. Но несмотря на трудные условия хода, разрыв между ними и лодкой сокращался. Я продолжал следить за ними, словно обладал сверхъестественной силой удерживать эсминцы на расстоянии. Если бы мы смогли увеличить скорость на один-два узла, то постепенно оторвались бы от охотников. Двигатели работали на максимальных оборотах, лодка сильно вибрировала. Меня пробирали холода. Я видел, что дистанция между нами и преследователями сокращается.

— Тревога-а-а! — раздался из ночной тьмы крик капитана.

Мы бросились вниз сквозь рубочный люк на палубу прочного корпуса лодки. Но тут раздалась новая команда Паульсена:

— Погружение на 70 метров. Быстро вниз!

Пока старпом дублировал приказ по радио, командир повернул лодку на обратный курс. Мы двинулись навстречу эсминцам, которые мчались в направлении пенистого следа на месте погружения лодки. Теперь следовало уходить из зоны действия глубинных бомб. «У-557» устремилась к океанскому дну под острым углом, однако ее корма все еще находилась в опасной близости от поверхности. Шум винтов эсминцев угрожающе нарастал. Мы ожидали неизбежного.

Раздался ужасающий взрыв. Мощная сила подняла корму лодки и встряхнула ее. Члены экипажа попадали на палубу, а сама лодка была отброшена во тьму. Через несколько мгновений раздался второй взрыв. За ним последовал глухой продолжительный грохот.

Теперь заорал Федер:

— Включить аварийное освещение, продуть балласт три, пять! Поднять оба горизонтальных руля!

Замигали несколько ламп. Мощный толчок послал лодку на глубину 185 метров, но механик полностью контролировал положение. Это было самое быстрое погружение в его жизни. [64]

Паульсен приказал поддерживать тишину. Сам он говорил глухим голосом, почти шепотом:

— Позаботьтесь о бесшумном движении, левый двигатель — 70 оборотов, правый — 60.

Все вспомогательные движки были остановлены. Все приборы, в которых не было необходимости; — отключены. «У-557» двигалась бесшумно на невероятной глубине. Акустик сообщил:

— Цель по пеленгу 1-2, вторая — пеленг 2-2-5.

Мы не нуждались в докладе акустика, чтобы знать о происходящем наверху. Импульсы радиолокационной системы «асдик» били по корпусу лодки, как стрелы. Эсминцы готовились к новой бомбардировке. Мы слышали, как работали их помпы и движки. И даже звук оброненного кем-то молотка на палубу. На мгновение все три охотника остановились. Затем один из эсминцев включил турбину, увеличил скорость вращения своих винтов и возобновил движение. Шум его двигателей сопровождали звонкие удары импульсов «асдика», которые проникали сквозь стальной корпус лодки в наши сердца. Когда эсминец прошел над лодкой, мы услышали три отчетливых всплеска от сброшенных в воду глубинных бомб.

Последовали три оглушительных взрыва с левого борта лодки, ближе к корме. Лодка закрипела от взрывной волны, затем затряслась от серии новых взрывов. Начал атаку второй эсминец.

— Полный вперед! — крикнул капитан. — Держитесь, моряки!

Прогрохотали еще три взрыва. «У-557» задрожала, палубные плиты запрыгали, подтравливая воздух, но лодка держалась на плаву. Последняя серия глубинных бомб разорвалась с правого борта, опять же ближе к корме. Видимо, охотники не имели ясного представления о нашем местонахождении: большие волны и экстремальная глубина погружения лодки спасли нас. «У-557» медленно продолжила движение, оставляя эсминцы далеко за [65] кормой. Три часа мы продолжали свое молчаливое плавание, а эсминцы — бомбометание. Затем Паульсен решил, что опасность миновала.

В 5.00 «У-557» всплыла. В корпус лодки устремился свежий воздух. Еще было темно. Мы продвигались на восток при помощи одного дизеля, работавшего на полных оборотах. В это время другие дизели перезаряжали выработанные аккумуляторные батареи. Начались регулярные вахты. Мы ускользнули от группы эсминцев и возобновили поиски пропавшего конвоя.

27 мая вскоре после рассвета наш радист принял приказ из штаба: «Всем срочно. Подводным лодкам, сохранившим запас торпед, немедленно, на максимальной скорости следовать к «Бисмарку» в сетку квадрата БЕ-29».

Паульсен получил расшифрованную радиogramму в 6.35. К тому времени приказ опоздал на восемь часов, так как был подписан в 21.15 предыдущего вечера, когда мы шли в погруженном положении и не могли его принять. Ведь большую часть ночи мы подвергались бомбардировкам глубинными бомбами. Мы ничего не знали о затруднениях «Бисмарка», но догадывались, что линкор столкнулся с превосходящими силами противника после того, как его корабль сопровождения «Принц Ойген» пропал без вести.

У Паульсена не оставалось времени на размышление. Какое решение он примет? Продолжит ли преследование конвоя или поспешит на помощь линкору? «Бисмарк» находился более чем в 350 милях на юг от «У-557», слишком далеко, чтобы добраться туда в тот же день. Пока Паульсен обдумывал решение, мы перехватили радиogramму с «У-556», в которой сообщалось, что «Бисмарк» втянулся в безнадежный бой. Это заставило капитана немедленно изменить курс лодки и направиться в район, где, согласно последнему сообщению, находился «Бисмарк». Мы еще не знали об этом, но в то время, когда «У-557» спешила на юг, там в морском сражении два линкора, авианосец, два крейсера и несколько [66] эсминцев противника наносили смертельные удары по нашему самому мощному военному кораблю.

Океан штормил, дул сильный ветер. Брызги волн хлестали наши лица. В 9.25 мы обнаружили два эсминца противника и были вынуждены совершить полчасовой обход, чтобы избежать встречи с ними. Когда мы вернулись на прежний курс, то в продолжении перехода уже отпала необходимость. В 11.15 мы получили из штаба радиogramму: «Бисмарк» стал жертвой массированного огня противника. Всем находящимся поблизости подлодкам вести поиск спасшихся членов экипажа линкора».

Всю ночь и следующее утро мы шли на юг в сетку квадрата БЕ-65, где «Бисмарк» вел свой последний бой. Море успокоилось. Мы прибыли к месту гибели корабля в полдень 29 мая, через два дня и семь часов после нее. Поверхность моря оставалась спокойной. Она была покрыта толстым слоем нефти и множеством плававших обломков. Пока вахтенные следили за возможным появлением противника на море или в небе, остальные подводники высматривали за бортом людей, которые каким-либо образом могли спастись с погибшего «Бисмарка». Мы не нашли ничего. Ни мертвого тела, ни плота, ни иного спасательного средства. Поиск велся целый день. Затем мы повернули на север, в квадрат, где проходили маршруты конвоев.

ГЛАВА 4

Наш непродолжительный поход оказался весьма успешным. Лодка и команда с честью выдержали испытание огнем и сохранили запас торпед, необходимый для новой атаки. После целого дня следования курсом на запад протяженностью почти в 200 миль мы вынули две торпеды из аппаратов и поместили их внутри прочного корпуса. После полудня по радио из штаба был получен новый приказ: «Немедленно следовать в [67] АК-50НХ. Ожидается конвой с предполагаемой скоростью девять узлов и курсом на восток-северо-восток».

Паульсен немедленно развернул «У-557» в успокоившемся море. В Северную Атлантику вернулась весна. Впервые с нашего отбытия из Килиа на мостике царило веселье. Механики, бородастые и

бледные, выкраивали каждую минуту, чтобы взглянуть на солнце и небо, подышать чистым и свежим воздухом. В самой лодке условия были ужасными. Вонь от пропотевших членов команды, от солярки, гнилой пищи и заплесневевшего хлеба смешивалась со зловонием, распространявшимся из камбуза и двух крохотных галлюонов. Назойливые неприятные запахи и непрерывная качка вызывали у людей, заключенных в узкий стальной цилиндр, головокружение и непроходящее ощущение сырости. Только ежедневные регулярные погружения приносили частичное облегчение от постоянной качки.

За время нашего возвращения на север курс лодки не пересек ни один корабль, но Паульсен не давал нам расслабляться. Срочные погружения «для тренировки» в самый неожиданный момент, когда на лодке царила спокойная будничная атмосфера, стали элементами рутины. Командир поручил своим помощникам — старпому Керну, специалисту по торпедному и артиллерийскому вооружению, Сайболду, умудренному опытом в радиотехнике, Федеру, главмеху, и Визнеру, штурману, — составить для нас, трех курсантов, плотный график учебных занятий, чтобы до возвращения лодки в порт базирования сделать из нас хороших подводников. Мы и так были загружены до предела: стояли на мостике по четыре часа на вахте. Герлоф — в первую смену, Гебель — во вторую, я — в третью. Мы обслуживали торпедные аппараты и торпеды, сменялись по очереди на работе в дизельном и электромоторном отсеках, ползали в тесную секцию аккумуляторных батарей, чтобы замерить уровень электролита и проверить, нет ли утечки газов. Помогали своим коллегам в помещении центрального поста, производили расчеты [68] для определения нашего местоположения по пеленгам во время хорошей погоды на заре и в сумерках. Несмотря на такую загрузку, Паульсен лично обучал нас правилам погружения и торпедной атаки в любое время дня и ночи, которое он считал удобным.

Через несколько дней похода мы прибыли в заданную сетку квадрата. Видимость была отличной. Тем не менее признаков присутствия кораблей противника мы поблизости не обнаружили ни наблюдением за морем в бинокли, ни акустическими приборами. Проведя утомительную неделю в поисках интересных нас целей, Паульсен сообщил в штаб по радио о результатах поисков — точнее, об их отсутствии.

В один из дней в начале июня после полудня нам было приказано перебраться в другой квадрат. Поступили данные разведки о том, что в бухте Галифакс сформирован конвой. Он должен был направиться в район, расположенный в 600 милях к югу от Гренландии. «У-557» отправилась на его перехват.

На следующий день мы неожиданно вышли на другую цель. Я курил на палубе после завтрака, когда вахтенный левого борта, указывая рукой прямо по курсу, крикнул:

— Впереди мачты, пеленг 3-5!

Часы показывали 12.50.

Старпом приказал развернуть лодку и вызвал Паульсена. Когда «У-557» развернулась, цель повернулась к нам кормой. Ее мачты выглядели издали как острые зубы. Паульсен поспешил на мостик, где убедился в том, что цель, следуя курсом на запад, собирается исчезнуть за горизонтом. Капитан сердито выругался и крикнул в рубочный люк:

— Право руля, оба двигателя на полные обороты, полный вперед!

Это был сигнал к началу охоты. Наша лодка рассекала беспокойную поверхность моря, оставляя за собой пенистый след. Через 15 минут мы обнаружили, что впереди движется большой транспорт. Керн отсылал в рубочный [69] люк нескончаемый поток информации, давая возможность Визнеру предвосхищать курс и скорость цели. Постоянное определение пеленгов выявило наше

незначительное преимущество в скорости по сравнению с преследуемым судном. Паульсен держал лодку позади линии горизонта, чтобы остаться незамеченным и опередить цель для торпедной атаки на нее в погруженном положении. Внезапно судно резко изменило курс. Три его мачты совместились в одну, скрывшуюся за горизонтом. В течение 20 минут мы сближались и удалялись от судна. Оно вновь показалось на отчетливой синей линии горизонта с южной стороны, затем развернулось, обнажив свои мачты и дымовую трубу.

Вскоре после этого, в 14.15, Визнер взобрался на мостик и показал капитану навигационную карту:

—Герр капитан, цель идет зигзагом средним курсом 260 градусов, скорость 14 узлов.

Паульсен остался доволен. Вместе с Визнером они обговорили план торпедной атаки и определили курс пересечения с направлением движения транспорта. Мы передохнули за чашкой кофе, пока обреченное судно спешило на встречу со своей гибелью.

В 16.10 командир изменил курс лодки, чтобы выйти на угол атаки. «У-557» мгновенно сбавила скорость и повернулась на восток в направлении транспорта, двигавшегося зигзагами. Мы шли своим курсом под ярко-голубым небом, внимательно отслеживая обстановку. Сначала увидели клубок дыма, а потом опознали и верхушки мачт судна.

—Тревога!

Погружение шло как по маслу.

Акустик докладывал:

—Шум гребного винта в О-О, быстро нарастает. Паульсен, раскачиваясь у перископа, скомандовал:

—Приготовить торпедные аппараты три и четыре для веерного залпа. — Он окинул взглядом лодку и добавил: — Больше никаких докладов. Я знаю о цели все, что надо. [70] Лево руля 10 градусов, вот так, пеленг семь. Внимание, счетчик: скорость цели 16 узлов, угол перекладки руля влево 250 градусов, глубина погружения 8 метров.

На основе этих данных счетчик вычислял точный гироскопический угол для каждой из торпед в аппаратах. Мотор перископа жужжал непрерывно. Паульсен выбирал позицию для атаки. Обеспечив устойчивый ход лодки, он сбавил скорость и затем дал завершающее указание:

—Дайте поправку на дистанцию 800 метров, угол перекладки руля влево 30 градусов, аппараты три и четыре, товсь!

Два легких толчка свидетельствовали о том, что обе торпеды выскочили из аппаратов. Из носового отсека донеслось шипение, сопровождающее увеличение давления воздуха. Сжатый воздух, который, разжав держатели, выпустил торпеды из аппаратов, был стравлен внутрь лодки, а не в воду. Это было сделано для того, чтобы избежать появления на поверхности моря воздушных пузырьков, обнаруживающих ход лодки в погруженном положении. Так часто случалось во время Первой мировой войны. Между тем торпеды новой конструкции приводились в движение аккумуляторными батареями. Они следовали установленным курсом в направлении атакуемого корабля без светящегося следа, в отличие от торпед старых конструкций, более быстрых, но работавших на сжатом воздухе. Они сохранялись для ночных атак. Две стальные рыбы и британское судно упорно двигались к точке пересечения своих курсов.

Два мощных взрыва на транспорте сотрясли нашу лодку.

— Судно подбито и тонет! — закричал Паульсен.

Он отпрянул от перископа, давая возможность старпому бросить быстрый взгляд на происходящее. За старпомом прильнул к окулярам перископа один из вахтенных. Я последовал за ним и был крайне удивлен. Судно тонуло на ровном киле. На нем не просматривалось следов пожара. Надстройка транспорта была выкрашена сверкающей [71] желтой краской, корпус — красной, как у пожарного судна. Очень красивый корабль!

Судно опустилось примерно на метр, но не проявляло признаков дальнейшего погружения. Его экипаж принял все меры к спасению. Поскольку море было спокойным, люди покидали транспорт без паники. Пока спасательные шлюпки отходили от него, Паульсен разглядывал испуганных людей в перископ: на одном из спасательных плотов капитан транспорта прощался с тонущим судном, помахивая белой фуражкой.

Паульсен решил нанести судну последний смертельный удар. Лодка подошла поближе к шлюпкам и, направив свой нос в сторону подбитого транспорта, выпустила еще одну торпеду. Через 32 секунды она ударила в транспорт. После продолжительного глухого взрыва гордое судно пошло на дно океана.

Через 30 минут после захода солнца мы всплыли. Чтобы гарантировать спасение оставшихся в живых членов экипажа транспорта, мы послали общепринятый сигнал 508 на международной радиоволне в диапазоне 600 метров. Несколько минут спустя Паульсен передал по радио на штабные лодки следующую радиограмму: «Потопили пятое судно. Общий тоннаж 30 тысяч тонн. Осталось пять торпед. Нуждаемся в топливе. «У-557».

Двигаясь два дня на большой скорости, «У-557» прибыла в заданный район в сетке квадрата АЮ-94. Густой туман снижал наши шансы обнаружить конвой. Временами клубы тумана молочного цвета были настолько плотными, что мы не видели с мостика нос и корму лодки. Мы часто погружались под воду, чтобы определить движение судов противника акустическими средствами. Но чтобы контролировать большое пространство, приходилось покрывать значительные расстояния между погружениями. Эти стремительные опасные переходы настолько сократили наши запасы топлива, что без дозаправки мы уже не могли атаковать конвой и вернуться на базу. Паульсен послал в штаб еще одну радиограмму, настаивая [72] на срочном пополнении запасов топлива и боеприпасов лодки. Шесть часов мы ждали ответа. Наконец поступила радиограмма из штаба. Он приказывал нам двигаться в район, расположенный приблизительно в 80 милях от южной оконечности Гренландии, и заправиться топливом с немецкого танкера «Бельхен», которому удалось избежать встреч с британскими военными судами с самого начала войны. Мы развернулись и устремились к месту назначения на полных оборотах двигателей. Становилось холоднее, пришлось облачиться в синее вязаное нижнее белье.

Двухдневное следование этому курсу вывело нас в зону айсбергов. Мы часто меняли курс, чтобы обойти небольшие ледяные глыбы. Вскоре появились целые горы льда, и мы держались от них на почтительном расстоянии. Никто из нас никогда не видел такого зрелища, поэтому капитан позволил команде вести наблюдение. Сотни айсбергов разных размеров, восхитительно белых, чудесным образом дрейфовали на юг между лазурным небом и светло-зеленым океаном. Солнце многократно отражалось в зеркальных поверхностях этих плавающих ледяных островов.

— С левого борта клубы дыма! — выкрикнул вахтенный.

Он обнаружил три судна — крупных боевых корабля неизвестной принадлежности.

— Тревога!

Мы бросились в рубочный люк. «У-557» быстро скрылась под водой. Федер выровнял лодку, затем поднялся на перископную глубину. Однако наблюдать за кораблями Паульсену мешали плавающие в опасной близости айсберги. Он отчаянно вертел перископ, стараясь поймать в его фокус судна и в то же время избежать столкновения лодки с подводной частью айсберга. Наконец он увидел все три корабля и определил их как британские крейсера класса «Лондон». Держа их в фокусе перископа, капитан приказал приготовить торпедные аппараты к атаке. [73] Он корректировал параметры цели и несколько раз изменял курс. Затем подождал момента, когда лодка выйдет на угол атаки. Однако этот момент так и не наступил. Цели резко изменили курс и удалились на скорости в 24 узла, значительно превышающей возможности нашей лодки.

Паульсен удрученно покачал головой. После короткой передышки мы всплыли и пошли новым курсом на встречу с танкером.

По мере того как мы приближались к южному побережью Гренландии, айсбергов становилось все меньше. Рано утром на третий день после встречи с британскими крейсерами мы обнаружили в заданном районе одинокий «Бельхен». Медленно сближаясь, танкер и «У-557» опознали друг друга, обменялись приветствиями по мегафону и поймали брошенный с танкера линь с привязанным к нему топливным шлангом. Паульсен следовал в почти невидимом кильватере танкера. Это было невысокое длинное судно, водоизмещением приблизительно 15 тысяч тонн. Видимо, оно вмещало достаточно топлива, чтобы снабжать им наши подлодки в течение нескольких месяцев или даже года.

Один из механиков лодки присоединил топливный шланг к бортовому клапану и привязал канат к ограждению палубы. Затем «У-557» начала всасывать в свои пустые цистерны топливо, в котором остро нуждалась. Продовольствие доставлялось на лодку с «Бельхена» на резиновых шлюпках. В полдень к нам присоединилась еще одна подлодка, которая успешно добралась до танкера, чтобы заправиться топливом и пополнить» запасы продовольствия. В 15.00 нам составила компанию третья лодка. Это была «У-93» под командованием Корта. Она приблизилась и остановилась, качаясь на ледяных волнах недалеко от танкера. Четыре немецких судна встретились в уголке, затерянном среди Северной Атлантики. Экипажи лодок обменивались шутками, а мы предупредили всех о встрече с тремя британскими крейсерами. В 17.00 мы отсоединили топливный шланг, переместили его на [74] «У-93» и, пожелав экипажам других лодок счастливой охоты, расстались с ними.

«У-557» взяла курс на юго-запад, двигаясь полным ходом в направлении темнеющей части небосвода. Через четыре часа во время очередного погружения лодки мы услышали далеко за кормой три глухих разрыва. За ними последовала серия новых. Они продолжались десять минут и доносились как раз с того места, где находился «Бельхен». Мы поняли, что британские крейсера выследили свою цель.

В 23.00 «У-557» всплыла. Мы связались по радио со штабными лодками, доложили о заправке топливом и предполагаемой судьбе «Бельхена». Где-то между полночью и рассветом наш радист принял подтверждающую радиограмму: «Бельхен» потоплен британскими кораблями. Капитан погиб. Команда танкера спасена. Заправка топливом не завершена. Возвращаемся на базу, имея 93 человека на борту. «У-93».

Мы продолжили движение в сетку квадрата БВ-90, чтобы охотиться там за конвоями на судоходной линии между портами Галифакс и Сент-Джон. Во время прохода через акваторию, где холодное Лабрадорское течение встречается с теплым Гольфстримом, нас окутал густой туман. Впрочем, плотная пелена скоро рассеялась, и мы пересекли 47-ю параллель. После блуждания в течение нескольких дней в тумане наконец-то появилось солнце. Море было беспокойным, дул легкий ветерок. Два дня мы не спеша патрулировали пути конвоев, порой используя лишь один дизель.

В середине июня наступило настоящее лето. На каждой вахте мои мысли возвращались за Атлантику, почти за три с половиной тысячи миль на восток, где Марианна ожидала весточки о моем возвращении. Я в сотый раз вспоминал наше последнее свидание и мечтал о встрече с ней на пляже Ванзее в Берлине. Любовь и жизнь остались далеко позади, так далеко, что казались почти нереальными... [75]

В 16.00 в один из безупречных солнечных дней я освободился от вахты. После многочасового сидения на ограждении мостика и наблюдения за горизонтом я спустился вниз и занялся бутербродом, приправленным прогорклым маслом и зеленой плесенью. Чтобы скрасить неказистую пищу, я покрыл хлеб толстым слоем клубничного джема и запил свой нехитрый ужин крепким кофе. Однако в 18.15 моя трапеза оборвалась.

С мостика донесся крик, заставивший застыть кровь в жилах:

— Полный вперед, право руля! Торпеды по правому борту!

Я помчался через центральный пост в рубку. Возбравшись на мостик под шум заработавших дизелей, я заметил три искрящихся следа на морской поверхности, мчавшихся к нам с неумолимой точностью. Мы были парализованы ужасным зрелищем приближавшейся смерти. В эти роковые секунды я приготовился к встрече с вечностью. Еще миг — и пенистые стрелы ударят в борт лодки... Вот-вот...

Однако взрыва не последовало, не раздалось даже удара стали о сталь. Нас всех переполнило радостное возбуждение от неожиданного спасения. Когда мы повернулись к левому борту, то обнаружили по едва заметным следам торпед, что две из них проскользнули под килем лодки, а третья прошла мимо кормового гребного винта. Мы полной грудью вдохнули, еще не уверенные в том, что остались живы, затем наши сердца забились снова.

«У-557» мучительно медленно развернулась правым бортом и получила наконец возможность ускорить ход. Впереди нас шла подлодка противника, с которой и были пущены торпеды. Она выглядела едва различимым пятном на бескрайней поверхности моря. Мы достигли этого места в течение нескольких секунд. Паульсен, взобравшись на мостик через несколько мгновений после того, как нас миновала смерть, прокричал уверенным голосом: [76]

— Приготовиться к бою, очистить мостик!

Наша команда с азартом готовилась к дуэли с вражеской субмариной. Взвизгнула сирена тревоги, и «У-557» погрузилась вслед за противником в темную глубину моря. Капитан приказал заполнить водой все торпедные аппараты и сам расположился в помещении центрального поста, чтобы контролировать поступление акустических данных и счетчик. Это был уже другой вид боя. Наша лодка двигалась почти бесшумно. Акустические приборы установили движение субмарины противника в западном направлении, но, как только мы обнаружили ее прямо перед собой, шум ее винтов постепенно затих. Противник стремился оторваться от нас. Мы преследовали его, но без результата. Субмарина противника имела большую скорость.

В сознание Паульсена закралось подозрение.

— Бьюсь об заклад, противник собирается всплывать. Главмех, приготовиться к всплытию. Подготовьте дизеля к немедленному переходу на повышенную скорость хода.

Я последовал за капитаном в рубку.

В переговорной трубе прозвучал голос акустика:

— Противник продувает балласт. Паульсен мгновенно откликнулся:

— Всплытие — продуть балласт при одновременной работе дизелей на полных оборотах!

Мгновения спустя лодка освободилась из водяного плена, и мы ринулись на мостик с биноклями наготове. Субмарина находилась от наших торпедных аппаратов не более чем в восьми километрах. Под команду «Увеличить скорость втрое!» мы начали ее преследовать. Дымящие дизели субмарины свидетельствовали о том, что она на полном ходу стремится избежать нашей контратаки. Противник стал выполнять зигзагообразные движения. Беспорядочные зигзаги субмарины позволили нам рассмотреть ее надстройку и определить тип по международному морскому каталогу. Паульсен и Керн считали, что это была британская «Темза». [77]

Мы поняли, что субмарина превосходит нашу лодку в размерах и скорости. Поскольку преследовать ее было бесполезно, мы изменили курс и проводили противника, глядя на него в бинокли, пока он не скрылся за горизонтом в направлении Бостона. Хотелось знать, как отреагировал капитан субмарины на провал его попыток потопить нас тремя торпедами. Он умело вышел на угол атаки и произвел великолепный веерный залп. Две торпеды из трех должны были поразить нашу лодку, если бы глубина их хода была определена правильно. Какова бы ни была причина неудачи этой торпедной атаки, она сохранила жизни 51 члену экипажа нашей лодки.

Во время захода солнца, когда мы прошли 25 миль, капитан приказал экипажу «У-557» отпраздновать под водой свое спасение. Мы назвали это празднованием дня рождения. Той же ночью после всплытия передали в штаб следующую радиограмму: «Были атакованы британской подлодкой в квадрате СС-36. Провели контратаку. Противник уклонился от боя. «У-557».

Мы оставались в заданном районе еще пять дней. Внезапная атака на лодку заставила нас следить как за перископами субмарин противника, так и клубами дыма его надводных судов. Не было обнаружено ни того ни другого. Второй раз за короткий период времени нам было приказано следовать в определенный квадрат атаковать конвой, которого там не наблюдалось. В головы некоторых из нас закрадывалась мысль об утечке информации из нашей системы безопасности.

Подчиняясь приказам штаба, мы направились в сетку квадрата ВС-35. Здесь вместе с двумя другими лодками следовало создать передовой рубеж патрулирования между 48-й и 53-й параллелями, проходя около 450 миль к востоку от Ньюфаундленда. Через два дня мы прибыли в заданный квадрат. К этому времени прошло уже шесть недель с тех пор, как мы покинули порт базирования. Мы [78] стали полноценными подводниками. Однако наш продовольственный паек, скалькулированный на два месяца, значительно сократился, несмотря на то что мы получили от «Бельхена» некоторое количество консервных банок. Немало продуктов провалилось на дно лодки или испортилось. Паульсен разрешил проблему быстро: он приказал Сайболду уменьшить дневной рацион. В результате мы затягивали пояса почти каждый день.

Утром 20 июня мы получили радиограмму капитана Муцельбурга, лодка которого тоже охотилась в Северной Атлантике: «Обнаружил в зоне патрулирования линейный корабль США «Техас». Прошу разрешения атаковать. «У-203».

Появление «Техаса» было вызовом со стороны американцев, которые знали, что любое иностранное судно, заходящее в зону нашей морской блокады, рискует быть потопленным. Как решит Дениц? Мы все были за атаку и уничтожение «Техаса». «У-203», не получив до полудня ответа на свою радиограмму, вновь запросила разрешение на атаку. В сумерках мы наконец перехватили и дешифровали важную радиограмму штабной подлодки, содержавшую ответ на запросы Муцельбурга: «Согласно приказу фюрера, следует избегать любых инцидентов с кораблями США в предстоящие недели. До дальнейших указаний воздерживаться от атак на линкоры, крейсера и авианосцы до тех пор, пока они не идентифицированы с полной

определенностью как неприятельские. Боевые корабли, идущие ночью с погашенными огнями, не обязательно неприятельские».

Этот приказ не только запрещал атаковать противника «У-203». Он касался также всех наших подлодок в море и значительно ограничивал их боевые возможности, особенно атаки на охраняемые конвои. Потом мы узнаем, что практически невозможно было ночью отличить британский эсминец от американского корабля сопровождения.

22 июня трансляция по радио сообщения верховного командования вермахта потрясла экипаж лодки, как серия разрывов глубинных бомб. [79]

Наши армии начали наступление на СССР, продвигаясь на широком фронте от Балтики до Черного моря. Событие чрезвычайно взволновало экипаж лодки. Вторжение на территорию России, значительно превосходившее по своему размаху акцию Наполеона, отвечало коренным, долго вынашиваемым чаяниям немцев. Нам был преподан урок о невозможности сосуществования Германии и СССР. Коммунизм, а не Великобритания и ее западные союзники был смертельным врагом Германии. Каждый немец знал, что пакт о ненападении, который мы подписали со Сталиным в августе 1939 года, был всего лишь временной мерой, искусной тактикой отсрочки войны. Теперь, когда наши армии маршировали на Восток, следовало ожидать быстрого падения России и усиления «тысячелетнего рейха».

Несколько дней мы патрулировали в сетке квадрата БС-35 без всякого успеха. Затем на рассвете 23 июня поступила долгожданная радиограмма: «Конвой в сетке* квадрата ВД-15. Идет со скоростью 10 узлов курсом на восток. Всем подлодкам, находящимся поблизости, двигаться по направлению к цели с максимальной скоростью». Мы немедленно оценили наши шансы. Они были блестящи. «У-557» начала преследование, которое перешло в напряженную и захватывающую охоту. Мы двигались на юго-восток со скоростью 18 узлов, чтобы через 22 часа перехватить конвой. Прошел день. Ночь обещала нам бой. Небо было пасмурным, воздух бодрящим, а море беспокойным и черным... Идеальная обстановка для внезапной атаки.

Однако мы не увидели ни одной тени. Рассвело, но вокруг нас ничего, кроме безбрежного морского простора. Согласно расчетам, мы должны были бы встретить конвой еще четыре часа назад. Не зная, в каком направлении вести поиск, мы двигались широкими зигзагами, стараясь заглянуть за линию горизонта.

В 9.15 получили новые указания штаба: «Первая подлодка, обнаружившая конвой, должна доложить перед [80] атакой по команде всю необходимую информацию». Сообщалось также, что еще четыре лодки вели поиск конвоя. Напрягая зрение, мы следили за восточным горизонтом весь день, не обнаружив ни пятнышка. Конвоя как будто и не было вовсе. Между тем гонка на большой скорости сократила запасы топлива. Мы поняли, что не сможем снова двигаться на запад.

В 21.35 в рубочный люк закричали:

— Командира на мостик! Впереди цели!

Паульсен поспешил вверх по трапу. На глазах у него были светозащитные очки, которые он носил для того, чтобы при свете ламп в корпусе лодки не отвыкнуть от наблюдения за целями в темноте. Через несколько мгновений я услышал голос командира:

— Всем занять свои места. Приготовиться к атаке в надводном положении!

Я расположился позади Паульсена. Мы вышли в хвост конвоя. Я увидел эсминец, который шел параллельным курсом. Он казался слабой тенью. Паульсен сманеврировал так, чтобы уйти от

опасности, оставив правый борт эсминца за кормой лодки. Видимость составляла около трех тысяч метров. Мы шли в хвосте конвоя до тех пор, пока капитан не определил наиболее важные цели. Сайболд передал наши сведения на базу, и «У-557» двинулась вперед, чтобы занять удобную позицию для атаки. По нашему левому борту маячили две огромные тени. Впереди с правого борта показалась еще одна тень на средней дистанции в 600 метров. Суда по левому борту перекрывали друг друга — великолепные цели! Паульсен прокричал несколько команд. Восемь-девять теней подошли к нам, рассекая волны. Командир дал сигнал к торпедной атаке.

В этот момент я обнаружил эсминец — нет, целых два, прорвавшихся сквозь завесу тьмы со стороны нашей кормы под нулевым углом. Я уже не мог ждать, когда Керн скомандует «пли», и крикнул:

— Два эсминца в атакующей позиции! [81]

Паульсен обернулся:

— О Боже! Старпом, огонь! Последовала команда Керна:

— Аппараты один, два — пли! Аппарат четыре — пли!

— Закрыть аппараты крышками, полный вперед! — скомандовал командир под завывающий ветер.

«У-557» медленно набирала скорость. Когда наши торпеды понеслись в направлении стальных громадин конвоя, мы проскользнули в пространство между двумя эминцами.

С левого борта прозвучал мощный взрыв. За ним последовал второй. Я увидел, как одна из теней раскололась на два столба огня. Судно пошло на дно. Третья торпеда не попала в цель. Сигнальные ракеты и осветительные патроны на парашютах превратили ночь в день. Мы убедились, что попали в западню. С кормы приближались два эсминца, третий устремился в нашу сторону, выйдя из-за одного из транспортов конвоя. Уйти от опасности, оставаясь на поверхности, не представлялось возможным. Мы были зажаты между клиньями гигантского пресса.

— Тревога!

Возглас командира потонул в звоне сигнальной сирены. «У-557» зарылась носом в чернильные волны моря. Одновременно оглушительный взрыв приподнял корму лодки, мощно встряхнул ее и развернул вокруг оси. «У-557» потеряла управление и быстро погружалась.

— Течь в дизельном отсеке!

— Электромотор с правого борта вышел из строя!

— Гребной винт деформирован!

Четыре дьявольских взрыва отбросили лодку в сторону, как игрушку. Она продолжала тонуть, спотыкаясь и раскачиваясь. Люди катались по плитам палубы. В мерцании аварийного освещения я видел, как стрелка глубомера заколебалась на делении 125 метров, затем резко двинулась к 140, 160, 180 метрам. Гул от винтов эсминца усилился. Звуковые волны от вращавшихся винтов барабанили по стальному корпусу лодки. [82]

— Руль — право на борт! — скомандовал Паульсен. — Мотор левого борта — средний вперед!

Взорвались три бомбы, очевидно прямо над рубкой. После каждого взрыва корпус лодки жалобно стонал, плиты палубы подпрыгивали и били по ступням, дерево трескалось, стекло билось, консервные банки разлетались в стороны. Затем долгие секунды длилась сплошная мгла, пока вновь не загоралось аварийное освещение. Однако корпус лодки выдержал. Только прокладки в клапанах получали повреждения, пропуская бесчисленные тоненькие струи воды. Взрывная волна загоняла лодку дальше вглубь, и давление многотонных масс воды угрожало раздавить ее.

Корабли-эскорты наверху готовились к новой атаке. Без устали жужжали их гидролокаторы. Минуты напряженного ожидания растягивались для нас в бесконечную агонию. Мы едва осмеливались дышать. Внезапно два отчетливых взрыва прозвучали на той стороне, куда ушел конвой. «Прибыли другие немецкие подлодки!» — закралась обнадеживающая мысль. Однако ликование вновь сменилось отчаянием, когда три эсминца быстро приблизились к тому месту, где мы затаились. Один за другим они сбросили на нас глубинные бомбы, как бросают на гроб хризантемы. Три мощных взрыва лишь оглушили нас, поскольку «У-557» ушла под воду слишком глубоко, чтобы бомбы могли причинить ей серьезный ущерб. Теперь лишь глубина представляла для нас наибольшую опасность.

Через два часа мы всплыли на поверхность, потрепанные и истощенные. Свежий воздух восстановил наши силы. Осмотрели повреждения лодки. Они были гораздо серьезнее, чем мы предполагали. Мотор правого борта сорвало со станины, кормовая цистерна балласта разорвана, а веретено якоря правого борта погнуто. Это означало конец нашего похода.

«У-557» потащилась к своему новому порту базирования — Лорьян на западном побережье Франции, находившемуся [83] в 1600 милях от нас. Наш последний успех способствовал повышению боевого духа команды лодки. Мы не стыдились увечий, которые получила лодка. Потопленные британские суда общим тоннажем в 37 тысяч тонн были существенным вкладом экипажа лодки в дело разгрома Великобритании.

ГЛАВА 5

Через пять дней «У-557» осторожно приблизилась к водам Бискайского залива. Штаб рекомендовал двигаться в заливе с максимальными предосторожностями, поскольку Великобритания распространила на этот район свою систему воздушного наблюдения. Однако здесь и в других местах, как мы отметили с удовлетворением, когда познакомились с радиодонесениями других подлодок, британский королевский флот оказался не на высоте. Сводки показывали резкий взлет потерь союзников.

Одна из подлодок, уходившая из Бискайского залива в поход, радировала: «Прошли 8-й градус западной долготы. Потоплен один эсминец».

Другая подлодка докладывала по радио в штаб: «Потопили пять транспортов общим тоннажем 28 тысяч тонн. Еще один транспорт получил повреждения. Противолодочная оборона слабая. Продолжаем поход».

А вот радиограмма с подлодки в Северной Атлантике: «Потопили шесть транспортов общим тоннажем в 42 тысячи тонн. Израсходовали все торпеды. Возвращаемся на базу».

И еще одна радиограмма: «Потопили два транспорта общим тоннажем 13 тысяч тонн из конвоя в сетке квадрата АК-40. Продолжаем преследование».

Однако наибольшие потери противнику нанесла подводка повышенного класса, действовавшая в южных морях. Она радировала: «Полностью очистили оперативный район от судов противника».

Потопили восемь транспортов [84] общим тоннажем в 53 тысячи тонн. Уничтожили эсминец. Просим в порядке исключения доставить торпеды воздухом».

Интенсивность битвы в Атлантике возрастала по мере преодоления немецкими подлодками нового типа слабой британской обороны между Шетландскими островами и Исландией. Петля вокруг Великобритании постепенно затягивалась.

Утром 10 июля, ровно через восемь недель после того, как наша подлодка покинула холодный, недружелюбный северо-запад Атлантики, мы с напряженным вниманием ожидали, когда покажется из-за утренней голубой дымки на востоке темная полоска побережья Бретани. Франция предстала перед нами в наилучшем виде. Едва ли более благодатная земля выходила из морской пучины. Вскоре мы смогли различать участки зеленой растительности. Постепенно становились все более отчетливыми побеленные дома с красными, серыми и голубыми крышами. Мы жадно вглядывались в даль, следя за достопримечательностями экзотического, незнакомого мира.

В 13.00 нас встретил тральщик, посланный в условленное место, чтобы провести лодку между минными полями в порт Лорьян. Команда прикрепила к канату, протянутому от верхушки перископа, флажки белого цвета. Каждый флажок обозначал потопленный корабль, шесть флажков — шесть кораблей общим тоннажем 37 тысяч тонн. На подлодке царило праздничное настроение. Члены экипажа, переодетые в свежую форму, расчесывали свои длинные бороды в предвкушении возвращения на берег.

Обогнув край небольшого полуострова, пройдя мимо древнего форта — порта Луи, мы увидели прямо перед собой Лорьян. Наше прибытие казалось сказкой. Был жаркий день в середине лета, цветы казались ярче, трава — зеленее, дома сверкали белизной. Все было так непохоже на серое унылое однообразие тех мест, которые мы оставили два месяца назад. [85]

«У-557» сбавила скорость, входя во внутреннюю гавань. Мы медленно продвигались к пирсу, на котором собралась большая толпа встречающих. Там стояли наши товарищи по оружию, одетые в серо-зеленую, синюю морскую и других цветов боевую форму. Девушки — медсестры из нашего военного госпиталя — ожидали нас с букетами цветов. Как радостно было сознавать, что нас ждут, как хорошо, что мы остались живы!

Когда подлодка проходила вдоль пирса, чтобы закрепить швартовы, военный оркестр заиграл бодрящий марш. Командующий Второй флотилией подлодок приветствовал нас с пирса, затем прошел по сходням на лодку, чтобы обменяться рукопожатиями с командиром и всеми членами экипажа. За ним последовали медсестры, одарив каждого из нас улыбкой, букетом цветов и поцелуем. Теперь мы осознали, что спрыгнули с лопаты черта, а жизнь прекрасна и многообещающа.

Вся команда, за исключением небольшой группы вахтенных, оставшихся охранять поржавевшую и облезшую «У-557», собралась в одном из старинных залов бывшей Французской морской префектуры. Здесь должно было состояться торжество по случаю нашего возвращения из боевого похода, причем только для мужчин. Мы поздравили Паульсена с присвоением ему очередного звания капитан-лейтенанта, которое он получил еще во время похода. По такому случаю подали шампанское и омаров, за которыми последовали другие роскошные блюда. Паульсен держал речь, а командир базы зачарованно слушал его рассказы о наших приключениях. Когда была опустошена последняя бутылка шампанского, нам принесли почту. Она была помещена на льняную скатерть стола большими и малыми пакетами. Каждый из нас вскрывал конверт в торжественном молчании. Свой я вскрыл ножом для масла. Марианна каждую неделю писала мне тревожные любовные письма, было несколько записок от родителей, которые просили дать весточку о себе. Они могли утешиться. Я вернулся живым и намерен был еще долго оставаться в добром здравии. [86]

Мы ликовали. Обильная пища была сдобрена изрядным количеством отличного немецкого пива. Через четыре часа пиршества Гебель, Герлоф и я, помогая друг другу, добирались до своих комнат в старом морском квартале. Там мы обнаружили свой багаж, переправленный трансконтинентальным рейсом на грузовиках из Киля. Сняв и повесив на вешалки двубортные кителя и всю остальную одежду, мы впервые за восемь недель приняли ванну, побрились и причесались. Несколькими часами позже мы с деньгами в карманах и гордостью на душе отправились изучать город в поисках развлечений. Нелегко было ступать по твердой почве после нескольких недель передвижения по раскачивающейся палубе. Однако постепенно ноги привыкли к ходьбе по суше, и мы прошли по живописной улице, направляясь в нижнюю часть города.

В сумерках движение транспорта на улицах оставалось оживленной. Торговцы выставили корзины с фруктами и рыбой, выкрикивая достоинства товаров на своем мелодичном языке. Многие женщины были одеты в яркие национальные одежды бретонек — блузы с вышивкой, ярко-белые чепчики, широкие пышные юбки, достигающие до пят. Однако в городе преобладали военные: повсюду встречались люди в серых и синих мундирах, двигалась армейская техника. По узким боковым улицам бродили шумные ватаги матросов, искавших развлечений женщин или набора фотографий, призванных запечатлеть их участие во французской кампании.

Попробовав аперитива в одном из кафе, мы трое направились в темноте к ресторану на рыбацкой пристани. Там состоялось неторопливое праздное застолье. Прежде чем осушить бокалы с шампанским, мы долго вглядывались в темную, лениво плескавшуюся морскую воду. В памяти всплывали эпизоды нашего первого боевого похода. Никто не прерывал молчания.

Следующие три дня мы прожили в ожидании визита адмирала Деница, прозванного Львом. Он должен был приехать из своего штаба в Кемпере, небольшом городке [87] к северу от Лорьяна, чтобы встретиться с командами «У-557» и двух других подлодок, также возвратившихся из боевых походов. Утром в день визита адмирала мы собрались на площади перед префектурой, руководящим центром теперь уже не действующей французской администрации порта. Мы ждали высокого гостя на жарком июльском солнце, отчаянно потев в слишком теплой для этого климата морской форме. Проклиная все на свете, мы стремились укрыться от жары под акациями и пальмами, огораживавшими площадь. Наконец заиграл духовой оркестр и адмирал вышел на площадь, сопровождаемый свитой из штабных офицеров флота и высокопоставленных гостей из командования вермахта.

Дениц был худощав, лаконичен и требователен. Он сказал, что мы, подводники, должны следовать трем принципам: преследовать, атаковать и уничтожать. Каждая из команд трех подлодок через определенный промежуток времени хором приветствовала адмирала и обещала выполнить поставленные задачи. Затем Лев обошел наши ряды, обмениваясь с каждым рукопожатиями и прикрепляя медали к гимнастеркам и кителям. В это мгновение нам казалось, что на площади сосредоточилась наиболее боеспособная часть нашего военного флота. Каждый из нас был уверен, что сделает все возможное для победы в предстоящих сражениях за Атлантику.

Через день после визита Деница «У-557» перешла с открытого места у пирса в сухой док с бетонным укрытием, напоминавшим огромный собор. Команда ставшей на ремонт лодки была поделена на три группы, которые поочередно направлялись отдыхать на морской курорт Карнак сроком на неделю. Пользуясь своим преимуществом (первые буквы их фамилий стояли в начале алфавита), Герлоф и Гебель покинули порт. Пока до меня не дошла очередь, я занимался канцелярской работой: печатал окончательный вариант текста вахтенного журнала командира, донесения старпома, писал исчерпывающий отчет о расположении каждой торпеды и чертил подробные диаграммы [88] всего маршрута «У-557» и каждого маневра, к которому прибегал Паульсен. Чтобы избавиться от наставлений Керна, Сайболда и Федерера, я вызвался подготовить им документы для продолжительного отпуска командного состава в Париже.

Дни тянулись так же долго, как и ночи. Наши моряки посещали по традиции публичные дома. Их развлекали те же девицы, которые обслуживали раньше многих матросов, включая боевых товарищей, покоившихся уже на морском дне. К услугам гурманов имелись несколько хороших ресторанов, предлагавших экзотическую пищу и длинный перечень вин различных марок. Даже менее изысканные блюда и напитки воодушевляли людей, которые ели несколько недель подряд заплесневевший хлеб и размякшую пищу. Да и просто ходить по улицам Лорьяна и разглядывать витрины магазинов было большим удовольствием. В этом уголке, не тронутым войной, изобиловали товары прекрасного качества.

Однако война никуда не уходила от нас. Сообщения верховного командования вермахта, регулярно передававшиеся немецкими радиостанциями, чрезвычайно волновали нас. Особенно когда речь шла о блестящем наступлении наших войск на Восточном фронте. Германские вооруженные силы уже нанесли Красной Армии жестокие поражения и захватили около двух миллионов военнопленных. Наши солдаты атаковали противника под Ленинградом. 29 июня они охватили Ригу, днем позже Минск. Восточная кампания обещала повторить в гораздо большем масштабе победный марш Германии на Балканах минувшей весной.

Специальные бюллетени информации сообщали о немецких победах и в подводной войне. В июле в Атлантике было потоплено судов союзников общим тоннажем 300 тысяч регистровых брутто-тонн. Это значительно превышало число их потерь в июне. Сообщалось о регулярных успехах подлодок, действовавших против британских конвоев на судоходных линиях вокруг Гибралтара и [89] в Средиземном море. Они охраняли также наши пути снабжения в Северную Африку, где корпус Роммеля предпринял потрясающее контрнаступление против элитных бронетанковых дивизий Великобритании.

Радости жизни нахлынули на меня, когда я наконец попал в Карнак, как военные сводки. Я загорал на пляже под палящим солнцем, плавал в море с загорелыми француженками, общался с той или иной из них до поздней ночи. Через несколько дней этой летней идиллии я вернулся со своей группой в Лорьян. Поступил приказ немедленно собраться в полной боевой форме во внутреннем дворе префектуры. Впервые за 20 дней экипаж подлодки собрался вместе. Керн воспользовался случаем сообщить нам, что веселая жизнь закончилась. Он добавил, что «У-557» перемещена на пристань для погрузки и что несколько дней мы будем работать как рабы, чтобы погрузить в нее торпеды, боеприпасы, топливо и продовольствие.

Как и обещал Керн, наш труд оказался тяжелым, но команда работала с определенным чувством удовлетворения. Для многих из нас очарование жизни в порту уже поблекло, крепло желание вновь выступить в поход.

Наш выход в море был назначен на утро. Снова мы совершили ритуал разрыва связей с мирной жизнью. Уединившись, клеили бирки на оставляемый багаж, писали прощальные письма домой и готовили к походу свое морское снаряжение. Потом одни из нас пили вино, другие проводили последнюю ночь в объятиях любимой девушки или проститутки. И все гадали, удастся ли нам пройти через боевые испытания еще раз.

ГЛАВА 6

В начале августа 1941 года «У-557» уходила в свой второй боевой поход. В 14.00 мы отдали швартовы. Сыграл обязательный по такому случаю марш духовой оркестр, [90] громовое «ура» прокричали с пирса командующий флотилией, офицеры и матросы. На дальнем краю пирса стояла другая толпа провожающих, в которой находились девушки, со слезами на глазах прощавшиеся со своими возлюбленными. Война свела их вместе, война же разлучила их снова.

«У-557» вышла из Лорьяна на электромоторах. Когда она оставила слева от себя Порт-Луи, запущенные дизели начали свой старый, хорошо знакомый, глухой рокот. Половина команды лодки стояла либо на палубе, либо, прислонившись к ограждению, дымя сигаретами, переговаривалась, наслаждаясь последним часом пребывания на свежем воздухе под солнцем. Живописный Лорьян и побережье Бретани медленно исчезали за горизонтом. Как только корабль сопровождения покинул нас, командир подлодки высказал через мегафон напутствие: «Приятного путешествия и хорошей охоты!»

Членам экипажа, находившимся наверху, было приказано спуститься вниз. На палубе остались вахтенные и капитан вместе с гостем, который прибыл на борт лодки всего лишь за полчаса до нашего отхода в море. Капитан-лейтенант Келблинг, соученик Паульсена, был назначен к нам как перспективный кандидат в командиры. У него не было специальных обязанностей. В его задачу входило пополнить свой опыт участием в боевом походе. Позже мы прошли сквозь флотилию рыбацких траулеров, лениво покачивавшихся под ярким солнцем. Их желтые, красные и зеленые углы парусов упирались в темно-синее небо, как верхушки разноцветных сахарных головок. После того как мы приблизились к последнему из траулеров, Паульсен тихо скомандовал:

— Полный вперед. Курс по пеленгу 2-7.

Когда берег исчез, «У-557» совершила свое первое тренировочное погружение. Три дня мы не видели ни самолета противника, ни дымка транспорта. Бискайский залив оставался спокойным и пустынным. После прохождения восьмой западной долготы Паульсен вскрыл запечатанный конверт, полученный от адмирала [91] Деница. Нам было приказано охотиться на линиях прохождения конвоев в Северном проливе между Ирландией и Шотландией: штаб предполагал, что в этом районе происходит интенсивное движение судов противника. В конверте содержались также сведения о минных полях близ пролива.

«У-557» взяла курс на северо-запад. Дизели лодки выстукивали симфонию, которая заставляла наши сердца утешенно биться. На следующее утро ровно в 7.00 команда была разбужена громкой музыкой по радио. Уже не первый раз песня под фонограмму возвещала наступление нового дня на борту лодки. Необычным было то, что передавалась английская песня. Все узнали знакомую мелодию и, широко улыбаясь, подпевали: «Мы развесим свое белье на линии Зигфрида...» Англичане, так и не захватив знаменитый оборонительный вал, оставили эту пластинку в Лорьяне вместе с кипами своей военной формы и боеприпасами, когда спасались бегством через Францию на родину от наступающих германских войск в 1940 году.

На шестой день похода мы вошли в опасную зону, в 120 милях к юго-западу от Фастнет-Рок, маяка на южной оконечности Ирландии. Здесь южные маршруты конвоев сходились в узкую полосу шириной не более 80 миль. Мы, однако, ничего не обнаружили в этом районе и продолжили круговое движение приблизительно в 250 милях от побережья Ирландии, чтобы избежать встречи с британской авиацией. Постепенно мы достигли 58-й параллели, резко развернулись правым бортом и пошли курсом на восток к Северному проливу. Через десять дней после разлуки с французским раем мы прибыли в точку, расположенную в трех милях на северо-запад от возвышающихся утесов острова Иништрахалл, который находился почти в центре судоходной линии. Мы пытались здесь затаиться, но сильное течение, проходящее через Северный пролив, относило нас назад в Атлантику.

Мы патрулировали в этом районе несколько дней, не услышав ни единого звука и не обнаружив ни одного [92] судна. Было очевидно, что англичане изменили маршрут движения конвоев. Бесплодные поиски начали сказываться на настроении команды. Удрученный Паульсен связался со штабными лодками, попросив разрешения перебраться в более перспективный район охоты за конвоями. В ответ сообщалось, что штаб получил достоверную разведывательную информацию из Новой Шотландии. «Двигайтесь к 69-й долготе. Ожидается конвой из Галифакса общим курсом на

восток-северо-восток. Скорость 11 узлов. Слабое охранение. Счастливой охоты», — гласила телеграмма.

Три дня мы мчались на запад на большой скорости. Ночью прибыли в указанный район. Черная морская поверхность едва колыхалась. «У-557» застопорила двигатели. Акустик начал слушать. Однако в эту ночь мы не обнаружили противника. С первыми лучами утреннего солнца мы продолжили патрулирование и стали пересекать квадрат, беспорядочно меняя курс. В 15.10 того же дня я прокладывал курс за небольшим столиком в помещении центрального поста. В это время вахтенный на мостике закричал:

— По пеленгу 300 градусов вижу дымок!

Командир метнулся мимо меня и выскочил наверх. Я слышал, как он сердито отчитывает вахтенного:

— Ты называешь это дымком? Да здесь целый лесной пожар! Все по местам!

Когда я занял свое место на мостике, «У-557» развернулась в сторону черных дымов. Мы приблизились. Клубы дымов превратились в сплошную завесу. Показались верхушки мачт и дымовые трубы эсминцев, идущих впереди охраняемых судов. Через пять минут на горизонте показался лес мачт. Мы пересекали курс огромного конвоя.

15.35. «Тревога!»

15.45. Конвой пока не просматривается через перископ. Паульсен полагается исключительно на донесения акустика. Члены команды тихонько занимают свои места. [93] Торпедисты загрузили торпедные аппараты. Матрос наладил счетное устройство. Я взялся за руль.

16.10. Показались два сторожевика, идущие переменным курсом.

16.25. Акустические приборы обнаружили два эсминца, их гребные винты вращаются на полных оборотах. Однако охотники движутся так, как будто не вполне представляют себе, в каком направлении искать затаившегося противника. Импульсы «асдика» начали барабанить по корпусу подлодки.

16.35. Шум двигателей идущего конвоя нарастает. Грохот поршней двигателей, вращающихся винтов множества судов достигает своего предела.

16.45. Визнер рассчитал скорость и курс конвоя. Остальное было за Паульсеном. Он развернул лодку в атакующую позицию. Командир постоянно перемещал перископ вверх и вниз в зависимости от высоты волн и старался выхватить отчетливое изображение наиболее крупных целей. Потом решительно скомандовал:

— Подтвердить готовность торпедных аппаратов один-пять.

— Аппараты один-пять к бою готовы, — доложил Керн.

За 25 секунд Паульсен произвел пять пусков торпед. Теперь мы в рубке подсчитывали секунды, за которые торпеды достигнут целей. Между тем командир продолжал манипуляции с перископом, следя за приближавшимися транспортами. Они раскачивались на малой волне, которая беззаботно несла их навстречу гибели. В течение минуты этот респектабельный парадный строй качающихся гигантов будет разрушен горящими и тонущими судами. Остальные суда, чьи команды потряс ужас свершившейся катастрофы, удалятся на полном ходу.

Последовали один... два... три мощных взрыва. Командир, широко улыбаясь, распорядился:

— Старпом, запиши: торпедирован транспорт тоннажем пять тысяч тонн, другой — тоже пять тысяч. Попаданием [94] в корму поражен транспорт тоннажем четыре тысячи тонн. Две торпеды прошли мимо. Что случилось с этими чертовыми торпедами?

17.05. Мы все, находившиеся в рубке, получили возможность наблюдать катастрофу. Три огромных судна сильно накренились, окутанные столбами дыма и огня. Белые спасательные шлюпки болтались на шлюпбалках. К погибающим судам спешили два эсминца. Перед нами предстала страшная картина, расписанная яркими красками.

17.10. Неподалеку разорвались глубинные бомбы. По словам Паульсена, как минимум, на дистанции тысячи метров от нас.

17.20. Эскортные корабли скрылись. Акустическое отслеживание конвоя значительно ослабло.

18.00. Кок снабдил нас кружками кофе и боевыми бутербродами с большими кусками салами. Вспотевшие торпедисты подняли пять стальных рыбин и начали перезаряжать ими торпедные аппараты. Главмех выравнивал лодку, словно фокусник. Командир сел у перископа, наблюдая, как конвой удаляется к южной оконечности Ирландии.

21.25. «У-557» всплыла. Только очень тонкая светлая линия на западе свидетельствовала о том, что этот день — столь успешный для нас — подошел к концу. Тьма лишила нас видимости. Но конвой не мог уйти далеко — мы следовали за ним по пятам. Оба двигателя работали на полных оборотах. Лодка продолжала гнаться за потрешанным конвоем.

22.05. Мы радировали в штаб: «Конвой в сетке квадрата АМ-71. Курс 1-2-5. Потопили три судна общим тоннажем 14 тысяч тонн. Слабая противолодочная оборона».

Полночь. Мы развернулись правым бортом и двинулись на юг. Конвой не обнаружен.

00.30. Ушли под воду для прослушивания конвоя акустическими средствами. Акустик доложил: «Шум винта [95] по пеленгу 3-2, 3-6-1, дистанция около 10 миль». Через 10 минут лодка снова всплыла. В который раз грохот двигателей, шум волн, бьющихся о корпус лодки, сливались в гимн, напутствовавший нас на очередное сражение. На востоке взметнулась и погасла сигнальная ракета.

01.15. Эсминец на дистанции три тысячи метров по правому борту. Мы сделали огромную петлю, чтобы обойти эскортный корабль и пристроиться в кильватер конвоя, и, казалось, нырнули в неизвестность. Небо и море совместились в мощную черную стену.

02.20. Два эскортных корабля вынырнули из темноты, от их форштевней расходились пенистые усы.

— Тревога! — заорал Паульсен.- Погружение 170 метров. Максимум лево руля.

Шум от нашего срочного погружения перекрыл грохот вращающихся винтов эсминцев, приближавшихся к нам с ужасающей скоростью. Мы хватались за патрубки и приборы, чтобы сохранить равновесие, — «У-557» стремительно ушла в глубину. Она опустилась уже на 90 метров, когда эсминцы подошли к самой корме погружившейся лодки.

Две глубинные бомбы взорвались у нас за кормой, ударив лодку взрывной волной, словно гигантским хлыстом. «У-557» опускалась все ниже и ниже в кромешную тьму. Казалось, наступил

конец света. Снова загорелось аварийное освещение. Федер выровнял лодку на глубине 200 метров.

02.30. Оба эсминца застопорили ход. Тишина наверху, тишина в укывшейся под водой лодке. Акустик сообщил о приближении новых судов. Эсминцы вызвали подкрепление. Мы приготовились к длительной бомбардировке.

02.45. Один эскорт зашел к нам с левого борта. Мы маневрировали на большой скорости, чтобы он не смог нас накрыть. Затем послышались три всплеска, за которыми последовали три адских взрыва. Они отбросили лодку еще ближе ко дну океана. В помещении центрального поста заструилась гидравлическая жидкость. [96] Стальной корпус застонал от перегрузок, отключились реле электромоторов, заклинило горизонтальный и вертикальный рули, стали подпрыгивать палубные плиты. Как только взрывы утихли, кто-то снова включил реле. Главмех убавил скорость, стараясь сохранить тишину. Внутри лодки все затихло, только по его корпусу продолжали бить импульсы «асдика». Опытная команда эсминца вновь застопорила ход, чтобы прощупать локаторами глубину.

03.18. Возобновилось бомбометание: прозвучали три тяжелых взрыва через короткие интервалы. Затем — новая серия. Мы сидели в полутьме при аварийном освещении, задерживая дыхание, как только барабанная дробь импульсов «асдика» становилась нестерпимо громкой. Некоторые из нас лежали на палубе, устремив взгляд кверху. Другие сидели, уставившись неизвестно куда. Не слышно было ни слова, ни кашля. Команда не впадала в отчаяние, остались только усталость и напряжение.

Час за часом через разные интервалы возобновлялись бомбардировки. Глубина была нашим главным преимуществом и единственной защитой.

12.00. Охотники все еще ведут поиск над нами. Командир приказал раздать фруктовые консервы и бисквиты. Разумное решение. Люди немного приободрились от приема пищи.

14.12. Последняя бомбардировка довела серию глубинных бомб, сброшенных на нас, до 128. Акустик сообщил, что слышит, как эскорты покидают место бомбардировки. У нас затеплилась надежда.

15.20. Ни единого взрыва за более чем часовой период времени. Что случилось? «Томми» израсходовали запас глубинных бомб? Решили прекратить операцию? Акустик с нежной заботливостью поворачивал свои вентили. Казалось, пространство до самого горизонта свободно от опасных звуков. Но где же третий эскорт?

— Включить донные помпы, — приказал Паульсен. — Посмотрим, клонут ли они на эту приманку. [97]

Раздражающий скрежет действовал на нас, как дрель дантиста. Хотя он и выдал нашу позицию, сверху на это не последовало никакой реакции. Третий эскорт, очевидно, тоже ушел.

16.10. «У-557» всплыла через 14 часов. Когда капитан открыл рубочный люк на мостик, меня буквально вытолкнуло наружу под давлением человеческой массы снизу. Нас приветствовала великолепная погода. Мы благодарно вдыхали свежий воздух, хотя внезапное его изобилие заставило на мгновение задохнуться. Вентиляторы разносили воздух по самым затаенным уголкам корпуса лодки. Нам, находившимся на мостике, солнце никогда не казалось таким ярким, а небо — таким голубым. Поскольку конвой благополучно ускользнул от нашего преследования, «У-557» направилась на запад в поисках новой добычи.

Мы двигались трое суток, покрыв при умеренном волнении моря расстояние в 450 миль. На четвертую ночь подлодка, патрулировавшая на крайнем севере Атлантики, радиовала: «Конвой в сетке квадрата АЮ-35 курсом на восток. Скорость 12 узлов. Атакуйте».

Изменив курс, мы направились в давно знакомый, дальний район охоты. Другие подлодки, дешифровав радиogramму, также устремились на перехват. Однако штаб планировал использовать «У-557» иначе. Нам было приказано следовать в другой район, оставив добычу другим. Команде лодке оставалось ругаться, подобно пиратам, которые пролили бочонок рома.

Как выяснилось позже, конвой стал добычей большой «волчьей стаи». Раз за разом она торпедировала фланги, пока не уничтожила большую часть конвоя. Короткие радиogramмы следовали одна за другой, извещая о нашей победе в одной из величайших битв за Атлантику. Эти радиogramмы, скопившиеся на столе командира, свидетельствовали о беспощадности атак немецких подлодок, посылавших [98] на дно суда противника одно за другим. Они были лаконичны и точны, как пуски наших торпед:

«Торпеды израсходованы. Потоплены пять судов тоннажем 24 тысячи тонн. Отправляемся на базу».

«Потоплено три судна тоннажем 18 тысяч тонн. Повреждено десять. Продолжаем преследование».

«Потопили четыре судна тоннажем в 21 тысячу тонн. Продолжаем преследование».

Жестокое сражение шло еще двое суток. В эти часы безжалостной расправы с противником радиоаппаратура нашей подлодки была настроена на прием немецких радиостанций. Мы слушали специальные бюллетени новостей, которые информировали немецкий народ о победах германского подводного флота. Затем «волки» потеряли конвой в северном тумане, усеяв дно обломками 20 крупнотоннажных транспортов.

Когда одна из победоносных подлодок возвращалась на базу, она наткнулась еще на один конвой и немедленно возобновила охоту. На этот раз «У-557» было приказано принять участие в атаках. По мере нашего приближения к северным широтам волнение моря усиливалось. Во время вахты на мостике меня нещадно хлестали резкие порывы ветра, морские брызги и пена. Видимость резко упала от 16 к четырем милям. Мы снова оказались в суровых климатических условиях Северной Атлантики. «У-557» сильно кренилась под действием продольных волн. Поиск продолжался второй день.

Ровно в 17.30 прозвучало:

—Тревога!

Подлодка быстро ушла под воду. Паульсен, примчавшийся в помещение центрального поста, крикнул в рубку:

—Старпом, что случилось? Керн процедил

закоченевшими губами:

—Эсmineц по пеленгу тридцать, дистанция четыре тысячи метров.

Как только главмех выровнял лодку, акустик доложил, что вращающиеся на большой скорости винты медленно [99] удаляются. Нас не обнаружили. Но тут же мы получили другую весть:

— Сильный шум впереди по левому борту. Должно быть, конвой.

Мы вышли на правый фланг предполагаемого конвоя. Паульсен приказал команде занять боевые места, а лодку погрузить на перископную глубину. Перископ ничего не обнаружил, и тогда командир распорядился поднять лодку на поверхность.

Как только рубка оказалась над водой, мы высыпали на палубу под набегавшие волны. Видимость составляла всего лишь две мили. Плотный слой облаков закрывал небо от бушующего моря. Мы тотчас бросились вдогонку за источником шума. Через 40 минут снова появился эскорт, но мы быстрым маневром ушли от него. Морские волны, катившиеся с запада на восток, гнали нас вперед. Лодка следовала все дальше и дальше, преодолевая гигантские продольные волны.

Преследуя конвой в фиолетовых сумерках, мы сообщил в штаб о своей находке. Вскоре выяснилось, что конвой шел, резко меняя курс. Два часа мы двигались на восток, совершая большие зигзаги, но так конвоя и не нашли. Крайне неохотно Паульсен приказал главмеху снова уйти под воду и продолжать поиск акустическими средствами. Акустик доложил, что слышит слабый шум по пеленгу 40 с правого борта.

Мы снова всплыли. Сумерки сгустились, и видимость убавилась до мили. Бурное море качало и бросало «У-557». Водяные валы перекачивались через легкий корпус лодки, хлестали нам в лицо и жгли глаза. Я попытался укрыться от них, присев на корточки и оперев бинокль на край ограждения мостика. Но свирепые вихри секли мои губы и кожу, насквозь промочили турецкое полотенце, которым я обернул шею, забирались за шиворот и в сапоги. Я трясся от ночного холода, несмотря на тройной слой одежды, зачехленный сверху в водолазный костюм из толстой резины. [100]

«У-557» упорно преследовала противника. Почти в полночь в окулярах моего бинокля показалась движущаяся тень. Затем их стало две... три... четыре. Паульсен и старпом тоже их увидели. Два эскорта нервно сновали в хвосте конвоя с правого борта. Еще один совершал зигзагообразные маневры впереди транспортной колонны. Никто не заметил нашего появления. Огромные цели — гигантские транспорты — беспечно двигались вперед, подставляя свои широкие борта для торпедной атаки.

«У-557» постепенно вышла на угол атаки. Эскорт надвинулся на нас сквозь завесу тьмы, однако лодка снова ушла от него, прижавшись к гигантскому транспорту. Паульсен подошел к конвою с хвоста. Ни один вражеский наблюдатель не смог бы обнаружить нашу лодку в водовороте воды, закрученном ветром. Когда она незаметно проскользнула между двумя транспортными колоннами, гигантские суда показались нам монстрами. Сквозь бушующий шторм раздался голос командира:

— Старпом, побыстрее определяй цели, мы сможем атаковать только один раз!

— Цели определены. Аппараты один-пять для стрельбы готовы!

— Право руля! — скомандовал Паульсен. — Старпом, пли!

Через несколько секунд две торпеды выпрыгнули из аппаратов. Сразу же лодка произвела еще один веерный залп по целям, перекрывающим одна другую. Наконец последняя торпеда понеслась к ближайшему судну. Затаив дыхание, мы ожидали результата атаки.

Три мощных взрыва прогрехотали среди ночи. Почти одновременно начали извержение три вулкана. Три мощных толчка покачнули нашу лодку. Десятки сигнальных ракет взвились в небо, и бесчисленное число осветительных патронов повисло на парашютах, освещая хаотический морской ландшафт со свечением призрачных зеленых и желтых огней. [101]

Мы уже покинули место катастрофы, когда прибыли два эскорта спасать экипажи торпедированных судов. Удар по противнику оказался столь ошеломляющим, а паника в его рядах так велика, что с его стороны не последовало никаких ответных действий. В результате мы даже рискнули остаться в надводном положении, чтобы перезарядить торпедные аппараты, и пристроились в кильватере конвоя, тщательно соблюдая дистанцию до ближайших транспортов. Потрепанный конвой сделал резкий поворот на север, но «волк» еще оставался среди «стада». Пройдя небольшое расстояние, три судна потеряли устойчивость и, охваченные пламенем, затонули в бушующем море.

Через 40 минут после атаки наши аппараты были перезаряжены последними двумя торпедами. «У-557» сократила разрыв в расстоянии с удаляющимся конвоем. А еще через несколько минут лодка снова вышла на цели — прямо перед собой. Поворот руля — и, описав дугу, мы заняли нужную позицию. Две краткие команды, две вспышки — и торпеды выскочили из аппаратов.

Затем послышался голос капитана:

— Господа, это — все, теперь оба двигателя на полные обороты, и вперед. Руль право на борт. Курс 1-8.

«У-557» развернулась и стала удаляться от конвоя на большой скорости. 60 секунд... 70 секунд... Мы все еще следили за конвоем, ожидали и надеялись. Однако обе торпеды прошли мимо.

В эти мгновения между жизнью и смертью я представил себе моряков погибших судов, летящих вниз с гребней огромных волн, судорожно цеплявшихся за спасательные шлюпки и плоты. Мне было жаль этих храбрецов, которые тонули вместе со своими кораблями. Это был ужасный итог безнадежной борьбы за выживание. Я понимал, почему английские моряки столь упорны. Ведь они сражались за само существование своей страны. Однако упрямство капитанов и команд иностранных судов возмущало меня. Во имя чего они совершали [102] рейсы для англичан, несмотря на наши торпедные атаки и растущую жестокость сражений? Сколько бы им ни платили англичане, это все равно недостаточно для компенсации риска и потерянных жизней! Я был поражен тем, что Адмиралтейству ее величества все еще удавалось нанимать зарубежные суда.

Через 30 минут после последней атаки мы сообщили в штаб о ночном сражении и предложили оповестить другие подлодки о местонахождении конвоя. Три часа мы оставались в безопасной близости от конвоя, передавая по радиомаяку сигналы, необходимые для продолжения охоты. Затем два взрыва, сопровождавшиеся сполохами огня в авангарде конвоя, показали, что нашими сигналами воспользовалась другая подлодка.

Задание было выполнено. В 5.30 «У-557» нырнула в безопасную глубину. Там капитан приготовил для нас сюрприз. Потопление шести транспортов заслуживало раскупорки части «бутылок с лекарством», которые хранились под замком. Каждый член экипажа с кружкой в руке пробирался по центральному проходу и останавливался в каюте капитана ровно столько времени, сколько было необходимо, чтобы Паульсен налил ему порцию коньяка. Затем мы возвращались на свои места или койки, потягивая крепкий напиток.

Через 20 часов хода в погруженном положении «У-557» совершила всплытие и взяла курс на Бискайский залив.

ГЛАВА 7

Наш второй боевой поход, завершившийся 18 сентября, совершенно преобразил экипаж лодки. Теперь мы были закаленными бойцами мощной военной державы, изменившей лицо Европы буквально за два года. Мы убедились, что наши торпедные атаки с целью уничтожения вражеских

конвоев вносили важный вклад в дело неизбежного разгрома Великобритании. Мы сами потопили [103] только что три судна из конвоя противника, доведя свой счет нанесенных ему потерь до шести судов общим тоннажем 32 тысяч тонн. Наши атаки были продолжены другими подлодками, которые потопили еще шесть судов менее чем за четыре дня. Более того, сражение выросло в грандиозную битву против трех конвоев противника, пересекавших Северную Атлантику зигзагообразными курсами. Однако нашим подлодкам удалось потопить 20 судов из первого конвоя, четыре — из второго и девять — из третьего. Всего же было уничтожено 33 судна общим тоннажем минимум 165 тысяч тонн. И это всего за две недели. Подобные экстраординарные успехи еще раз продемонстрировали большой потенциал нашей тактики «волчьей стаи», против которой оказалась беспомощной британская противолодочная оборона и которая превратила Атлантику и акваторию вокруг Великобритании в кладбище кораблей союзников. Нам на самом деле было чем гордиться.

Как ветераны победоносных сражений, мы принимали за само собой разумеющееся сердечный прием, оказанный нам на пристани порта Лориан. Ликующая толпа, цветы, музыка духового оркестра, приветственные речи командующего флотилией и, членов его штаба — все это мы заслужили. Приятным сюрпризом была лишь смелая инициатива девиц из публичных домов, которые не смогли не поддаться искушению поприветствовать на пристани возвратившихся в порт своих лучших клиентов. Жаркие ночные объятия сулили заманчивые перспективы некоторым из нас, но даже это стало частью будней моряка.

Уже стало традицией наше присутствие после возвращения в порт на традиционном обеде в префектуре. Здесь были разнообразные изысканные блюда, сдобренные шампанским, красным вином и немецким пивом. Когда закончились речи, а участники торжества разбрелись по своим комнатам, я в первую ночь после прибытия был отправлен на «У-557» сменить вахтенных. [104]

На малой воде подлодка покачивалась, как призрак. Три моих вахтенных остались стоять на палубе, наслаждаясь теплом южной ночи. Я же спустился вниз, где все еще пахло соляжкой, маслом, потом и гниющей пищей. Наступившие затишье и устойчивость лодки после того, как волны неистово швыряли ее пятьдесят дней в разные стороны, после того, как она сеяла смерть и разрушения, вызвали во мне новые необычные ощущения. Я почувствовал, сколь дорога стала для меня эта плавающая обитель. Ее мощь способствовала подъему моих жизненных сил. Понимая, что позднее у меня может не хватить на это времени, я сел на зеленый кожаный матрас капитана, включил маленькую лампочку над его узеньким столиком и стал писать письмо домой.

Моя вахта закончилась рано. Едва забрезжило утро, как на борт лодки прибыли ремонтники. Они начали демонтаж оборудования «У-557», чтобы переместить ее в сухой док на ремонт.

Члены экипажа, большинство из которых только что вернулось из публичных заведений, направились в военный городок в свои комнаты, которые за время нашего боевого похода приобрели более комфортабельный вид. Я обнаружил, что и мои жилищные условия стали еще лучше. От хозяйственного управления флотилии мне был предоставлен большой номер в местном отеле «Босежур». Уже был доставлен мой багаж. Впервые после нашего похода мне удалось побриться и помыться под горячим душем. Смыв с себя пот и грязь, я растянулся на белой свежей простыне, покрывавшей мою необъятную постель, и погрузился в глубокий долгий сон.

Трех первых дней в порту нам хватило лишь на то, чтобы восстановить силы и подготовиться к традиционной встрече с адмиралом Деницем. Она снова проходила под палящим солнцем на площади перед префектурой под марш духового оркестра и в присутствии большого числа высоких военных чинов. Дениц наградил [105] многих членов экипажа лодки Железными крестами. Он повесил медаль и у меня на груди.

Этот день в конце сентября примечателен для меня и по другой причине. После церемонии встречи на плацу моих товарищей Герлофа и Гебеля известили об их срочном откомандировании на курсы подводников. Хотя начало дня было радостным, это известие несколько омрачило наше настроение. Вечером мы втроем собрались на ужин в городском ресторане, чтобы отметить свои награды и новые назначения моих друзей. Мы произносили тосты в честь друг друга и поклялись потопить до конца войны еще больше вражеских судов.

Мои друзья отбыли из Лориана утренним поездом. Я больше никогда их не встречал. Оба они погибли в разных местах Атлантики. Для каждого первый поход после курсов оказался последним.

Отъезд друзей был не единственной горькой пилюлей, которую мне пришлось проглотить. В тот же день к хорошим вестям с Восточного фронта и Атлантики прибавились горькие сообщения о потере нами двух знаменитых подлодок. Спустя много дней после того, как это произошло, штаб был вынужден объявить, что «У-47» во главе с выдающимся капитаном Гюнтером Приеном потоплена британским эсминцем во время атаки конвоя. Приена называли «быком Скапа-Флоу», потому что в 1939 году он осмелился проникнуть в это убежище британского флота. Здесь он потопил линкор «Ройял-Оук» и повредил авианосный крейсер «Пегас»^[1]. Приен погиб после того, как потопил корабли союзников общим тоннажем почти в 200 тысяч тонн. Была потоплена также «У-556» под командованием многократно отличившегося капитана Вольфарта. Лодку уничтожили серийными бомбардировками [106] глубинными бомбами, однако капитан и большинство членов команды были спасены тремя британскими эсминцами. Вольфарт тоже считался одним из асов-подводников, на счету которого числились суда противника общим тоннажем более чем 100 тысяч тонн. Мне казалось, что утрату лодок Приена и Вольфарта нельзя восполнить. Однако подводная война порождала асов гораздо быстрее, чем уничтожала их.

Теперь, когда я оказался единственным курсантом на борту «У-557», на мои плечи легла тройная нагрузка. Пока на лодке шел ремонт, я выполнял ежедневную весьма ответственную работу. Причем без помощи командира, который вскоре отправился домой в Констанцу, его школьного приятеля Келблинга, который через четыре дня после прибытия лодки в Лориан расстался с нами, старпома и Сайболда, которые поспешили в двухнедельный отпуск. Однако мои труды не оставались без вознаграждения. Вечерами я прогуливался по улицам Лориана, наслаждаясь одиночеством, или удалялся в уютный ресторан, дополняя скудный рацион моряка изысканными блюдами. Иногда я предавался любовным утехам под покровом великолепной южной ночи. К тому времени, когда члены экипажа лодки стали возвращаться на базу, я наслаждался всеми прелестями пребывания в порту без контроля начальства.

8 октября «У-557» отправилась в боевой поход в третий раз, снова держа курс в Северную Атлантику. Через несколько дней неторопливого хода мы оставили за кормой Бискайский залив и продолжили путь на север. Лето давно закончилось, штормовые ветры осени гнали высокую волну. Под небом, наглухо закрытым свинцовыми тучами, чудовищной высоты волны швыряли нашу лодку, как игрушку. Мостик наполовину был залит водой. Следуя своим курсом, «У-557» неистово боролась с волнами.

На шестой день похода мы достигли точки, расположенной приблизительно в 300 милях на запад-северо-запад [107] от Северного пролива. Когда после полудня мы проходили через знакомую зону охоты, мне была поручена третья вахтенная смена — одно из наиболее ответственных поручений, которые теперь доверял мне командир. Вахта была трудной. Штормовой ветер, срывающий с гребней волн пену молочного цвета, закупоривал наши глаза и ноздри солью. Пользоваться биноклем было бесполезно.

Через три часа пребывания на мостике я обнаружил эсминец, двигавшийся к кормовой части нашего правого борта. Я немедленно направил лодку подальше от опасного серого силуэта и сообщил о нем командиру, предположив, что эсминец входил в группу кораблей сопровождения

конвоя. Паульсен поспешил на мостик, прикрепил свой стальной пояс к скобе надстройки и ускорил обороты обоих дизелей. Следуя указаниям о необходимости сосредоточиться на уничтожении транспортов, командир не стал тратить торпеды на эсминец, но, напротив, постарался скорее удалиться от него¹. Через несколько минут подпрыгивавший на волнах корабль исчез за горизонтом.

Часа два мы следили за маневрами эскорта, надеясь, что он выведет нас на конвой. В 15.20 Визнер, постоянно наносивший на карту зигзагообразный ход вражеского корабля, определил, что нам следует двигаться курсом на запад. Конвой должен идти к югу от эскорта. Еще через час борьбы с громадами волн мы заметили клубы черного дыма по левому борту. И снова начали охоту, следуя за дымящими колоннами транспортов на дистанции десяти миль.

Когда Визнер сменил меня на мостике, я опустился в рубку и затем в прочный корпус лодки. Здесь в условиях стопроцентной влажности, где соленая вода хлестала сквозь рубочный люк на металлическую палубу, я с лихорадочной поспешностью занялся прокладыванием курса на карте. Сконденсировавшаяся на верхних плитах, трубах и патрубках вода капала вниз на карты и документы. Моя параллельная линейка не скользила, [108] карандаш не писал. Вода плескалась в ногах в ритме раскачивания лодки.

В 20.00 я снова занял свое место в передней части мостика. Командир стоял за моей спиной. Внезапно слабый луч прожектора прорезал серую пелену сумерек на юго-западе. Всего лишь на несколько секунд. Мы двинулись в этом направлении. Через сорок минут впереди обозначились неясные очертания двигавшихся транспортов. Быстрая корректировка курса — и мы идем параллельно конвою. Через бинокли большой кратности мы увидели знакомые силуэты транспортов, неуклюже двигавшихся в темноте. Насчитали 17 кораблей, но позади завесы дождя, возможно, шли и другие суда. По левому борту за кормой двигался эскорт, и мы взяли его под пристальное наблюдение. Капитан поддерживал постоянную дистанцию между лодкой и конвоем, пока мы намечали перспективные цели для полуночной атаки.

Под завывание ветра и грохот волн, заглушавших шум двигателей, мы, вдыхая дым и гарь, прошли мимо теней конвоя, легко увернувшись от двух эскротов. Небольшой стальной цилиндр лодки скрывало море, торчала только верхушка рубки. Теперь мы стояли на мостике по горло в воде, прикованные к поручням стальными поясами. Суда конвоя, подобно призракам, двигались несколькими колоннами на запад, искушая нас своими широкими бортами. Сквозь свирепый ветер и шум двигателей я слышал громкие команды сверху и глухие рапорты снизу. Старпом схватился за прибор управления стрельбой (ПУС), чтобы держаться на месте во время прицеливания. Настал критический миг для некоторых из плывущих гигантов и их экипажей.

— Огонь! — скомандовал Паульсен под оглушительный грохот шторма.

— Пли... пли... пли, — трижды повторил его команду старпом.

— Право на борт, курс 2-50! — прокричал капитан в переговорную трубу и плотно закрыл ее крышкой. [109]

Потянулись долгие секунды ожидания. Наконец взрыв, огненный шар и грохот. Гигантский фонтан поднялся над гибнущим судном. За ним последовали второй громовой удар, мощный гул, душераздирающие крики. Затем мы услышали третий взрыв, сопровождаемый языками пламени. Громадные куски стали взвились к облакам, освещенным пожарищем. От семитонного транспорта отвалилась носовая часть. Он полыхал огнем, дрейфуя среди двигавшегося конвоя. Позади идущие суда, отчаянно маневрируя, с трудом избегали столкновения с гибнущим транспортом. Выстрелы сигнальных ракет смешались с разрывами глубинных бомб. Ночь превратилась в полыхающий ад. Эсминец, помчавшийся на север, на помощь трем подбитым судам, угрожал

пересечь нам курс на короткой дистанции. «У-557» развернулась, чтобы уйти от противника, и скрылась среди громад волн. Неожиданное появление охотника лишило нас возможности проследить за гибелью двух других судов конвоя.

Последующий час поисков конвоя не дал результатов. У него словно выросли крылья. Мы погружались под воду, чтобы услышать шум его винтов, однако встречное течение поглощало все звуки. После всплытия Паульсен, полагаясь на интуицию, пошел курсом на юго-запад. Занялась заря. С наступлением нового дня подул резкий ветер. Он нагнал низкие тучи и высокие волны. Видимость быстро менялась от нуля до трех миль и вновь до нуля. Мы вели поиск целый день, не обнаружив никаких признаков судна. Но в сумерках впереди по левому борту вдруг прозвучал взрыв. За ним последовал второй. Это были торпедные атаки. Очевидно, другая лодка обнаружила конвой. Рой сигнальных ракет указывал нам путь к цели.

Пройдя 16 миль через час, мы обнаружили первый силуэт судна конвоя. Подлодка преследовала его 20 минут, дав возможность старпому определить характеристики новой цели. Но она вдруг растворилась в густом тумане, и так же неожиданно перед нами появился транспорт.

— Цель по пеленгу 2-40! — раздался чей-то крик. [110]

Гигантский форштевень транспорта двигался прямо на нас; Он находился так близко, что нам не оставалось ничего другого, кроме как атаковать и уходить. Прозвучала команда:

— Аппарат пять — пли!

Наша подлодка вовремя развернулась правым бортом, избежав столкновения с транспортом. Мы ждали взрыва 40-60 секунд, однако торпеда прошла мимо.

Еще три транспорта выросли, словно горы, перед нашими торпедными аппаратами, выпуская клубы черного дыма. Я слышал шум работы поршней их двигателей. Паульсен крикнул через плечо:

— Старпом, угости их тем, что они заслуживают!

Керн отдал три короткие команды. Три торпеды ушли после всеобщего залпа. Два взрыва разорвали ночь. Мы почувствовали упругие толчки ударных волн. На секунду нас ослепили две яркие вспышки. Два транспорта охватили сполохи пламени, осветившие все вокруг дневным светом. Один из них резко развернулся по кругу, его руль заклинило. Оба судна сильно накренились и через несколько минут ушли под воду. Их экипажи не успели даже воспользоваться спасательными средствами. На одном из транспортов мелькнула вспышка выстрела. Увлечшись зрелищем катастрофы, мы подошли слишком близко. Фигуры, похожие на муравьев, заряжали кормовое орудие и стреляли по нам. Вокруг лодки взметнулись два, три, четыре фонтана от падающих снарядов. Несколько из них пронесли над нашими головами. Поспешив уйти от стреляющего транспорта, мы скрылись за пеленой дыма и переместились в хвост пострадавшего конвоя.

Через час мы перезарядили торпедные аппараты. «У-557» сократила разрыв в дистанции с конвоем и затем прошмыгнула в пространство между его колоннами. Два хвостовых транспорта, все еще не ведавшие о нашем присутствии, двигались заданным курсом.

— Старпом, топи этих монстров! — скомандовал Паульсен. [111]

Мгновенно были произведены два пуска торпед. «У-557» развернулась среди бушующих волн и проскользнула в хвост конвоя. Через две минуты мы поняли, что торпеды прошли мимо целей. Паульсен подавил вспышку гнева и стал готовить лодку к новой атаке.

—Эсминец по пеленгу 2-20!

Корабль шел, сбрасывая вслепую глубинные бомбы и прорезая тьму высоко задранном форштевнем. Паульсен нагнулся к рубочному люку и крикнул:

—Осторожно, старпом, дай полный ход, или эсминец снесет нам корму!

Лодка протиснулась между двумя транспортами, однако эсминец сел нам на хвост, следуя всего лишь в двухстах с лишним метрах от нашей кормы. Не было никакой возможности осуществить погружение. Командир искусно маневрировал среди немногих транспортов, затем укрыл лодку во тьме яростно бушующих волн. Смерть миновала нас. Милостивый Спаситель не позволил охотнику овладеть своей жертвой.

После своего спасения мы снова решили атаковать конвой, но потеряли его из виду. Когда в 6.15 занялась заря, мы в одиночестве бороздили водную пустыню. Усталые и разочарованные моряки дремали или закусывали на своих боевых местах. Еда была ужасной. Хлеб совсем размяк, салями превратилась в зеленоватую, скользкую массу. Мы запивали «боевые» сэндвичи кофе, которое кафе Бергера во Франкфурте вряд ли осмелилось бы подать. Пот, конденсат и соленая вода пропитали нашу одежду, разбавили пищу и сделали все вокруг влажным и липким. От непрерывной бортовой качки лодки мы чувствовали вялость и слабость в коленях, ооченели и почти оглохли от непрекращающегося грохота двигателей, шума ветра и океана. Но охота продолжалась.

—Клубы дыма по левому борту!

Этот возглас взбудоражил каждого члена экипажа, где бы он ни находился. Полуживые люди мгновенно взбодрились и приготовились к бою. [112]

Когда спустились сумерки, мы вышли на конвой с твердой верой в успех. Это легкомысленное ощущение всегда приходило к нам перед атакой. Вскоре туманная, темная ночь ограничила видимость, но мы заметили, как неясный силуэт эскорта пересек за кормой курс лодки на большой скорости. Затем по правому борту показались три... четыре транспорта. Все они представляли собой удобные цели.

Быстрая перекладка руля и затем возглас Паульсена:

—Атакуй, старпом, я не смогу долго идти этим курсом! Керн

неистово вертел ПУС, наводку на цель затруднял шторм.

—Вот дьявол! Убирайся от аппаратов! — прокричал Паульсен в лицо Керну.

Руки старпома продолжали сжимать металлические рукоятки ПУС, голова прильнула к окулярам бинокля ночного видения. Он вновь повертел прибором, поймал цель в фокус и скомандовал дать залп двумя торпедами.

«У-557», описывая дугу, резко накренилась на левый борт.

Взрыв — цель поражена! Один транспорт раскололся позади мостика. После поражения торпедой второй накренился на правый борт, объятый пламенем. Его палуба стремительно приближалась к поверхности моря. Штормовой ветер доносил до нас запах паленого и дыма из котельни.

Теперь следовало перезарядить торпедные аппараты. «У-557» оторвалась от конвоя, удалилась на безопасное расстояние и в течение часа беспомощно болталась в океане, пока не были загружены в аппараты наши последние торпеды. Затем мы возобновили преследование конвоя. Он уже успел удалиться от нас на значительное расстояние.

С наступлением дня пошел дождь. Все утро и до полудня он хлестал по нашим лицам, смывая корки соли. Тем временем конвой скрылся за низко висящими облаками. [113] В 18.45 показался эсминец. Мы осторожно наблюдали за ним и медленно следовали его курсом. Через два с половиной часа после полуночи мы вновь обнаружили конвой, три транспорта двигались в бушующем море, кренясь от бортовой качки. «У-557» догнала конвой. Керн поймал в фокус ПУС транспорт водоизмещением семь тысяч тонн и отдал приказ. Торпеда настигла транспорт, и он мгновенно нырнул носом под воду под оглушительный грохот. Когда корма его поднялась вверх, мы увидели, как продолжает вращаться его гребной винт. Вслед за этим в темное небо взвились длинные языки пламени. Они были настолько ярки, что я мог подсчитать морщины на лице капитана. Наконец неподалеку от левого борта лодки тонущий транспорт издал в судорожной агонии пронзительный гудок.

Умело маневрируя между колоннами конвоя, Паульсен вскоре выбрался в его сегмент, не освещенный пожаром. Пламя привлекло эскадрон. Он остановился около тонущего транспорта, принимая на борт спасшихся членов экипажа. Эсминец стал удобной целью, но неписанный закон запрещал атаки на корабль, занятый спасательными операциями. Однако Паульсен вновь прорвался в пространство между колоннами конвоя. Он был в ударе. Рейд проходил так, как хотел командир. Он диктовал условия.

Через 90 минут преследования и разнообразных маневров нам удалось прорваться в середину конвоя. Целью Паульсена был десятитонный транспорт. Но у нас оставалась лишь одна торпеда в кормовом аппарате. Выходя на угол атаки, «У-557» преодолевала бешеное сопротивление волн. Непостижимым образом была услышана в грохочущем шторме команда «Пли!». Последняя торпеда понеслась к цели.

Она быстро пропала из виду в ночной тьме. Но как мы ни напрягали слух и зрение, как ни надеялись, взрыва не произошло.

Боевой поход подошел к концу. В тот же час «У-557» оставила конвой. Мы взяли курс на Бискайский залив и [114] порт Лориан. Позже лодка погрузилась под воду, чтобы дать экипажу отдохнуть. Только несколько человек бодрствовали, следя за тем, чтобы лодка продолжала движение. В чреве «У-557» царила полная тишина. Слышалось лишь слабое жужжание электромоторов и удары капель конденсата о палубу.

Потери, нанесенные нами одиночному конвою, составили шесть потопленных транспортов и, возможно, два поврежденных. Судя по радиоперехватам на пути в Лориан, наши успехи превзошли достижения других подлодок. «У-107», подлодка несколько большего водоизмещения, потопила во время похода суда противника общим тоннажем в 100 тысяч тонн. Говорили, что в октябре были уничтожены суда противника тоннажем более чем 160 тысяч тонн, в сентябре — в 200 тысяч тонн. В Лондоне осенью 1941 года со страховой компании «Ллойд» должна была быть взыскана рекордная сумма страховки. Это было трудное время для страхового бизнеса на судоходных линиях.

ГЛАВА 8

27 октября «У-557» вошла в бухту Лориана. Нас ожидала оживленная толпа встречающих. На этот раз, однако, в ней не было девиц из публичных домов. Позже мы узнали, что военно-морской комплекс был обнесен забором, чтобы закрыть в него доступ посторонним. Однако после традиционного банкета и хорошего душа многие подводники навестили своих французских подруг в приморских борделях и отсутствовали на базе до утреннего подъема.

3 ноября в полдень экипаж снова собрался на широкой площади перед префектурой. Приветствовать нас прибыл из штаба адмирал Дениц. Он щедрой рукой опять раздавал медали. Я испытывал гордость, еще не зная, что мне осталось немного времени числиться членом экипажа подводной лодки «У-557». [115]

После церемонии Паульсен объявил, что меня переводят в первую флотилию подводных лодок, базирующуюся на Брест, крупнейший порт на побережье Бретани. Это был тяжелый удар. С большой неохотой я подчинился приказу, разлучившему меня с друзьями-моряками, с лодкой, которая помогла мне найти свое призвание. Славный дух товарищества, объединявший офицеров и матросов подлодки, стал теперь частью прошлого. Я больше не принадлежал ему. Когда я прощался с командиром и командой «У-557», то заметил, как глаза некоторых моих сослуживцев увлажнились.

В этот день я в последний раз обменялся рукопожатиями с моими дорогими товарищами по службе на «У-557», которым вместе со мной не раз удавалось избегать гибели. 19 ноября «У-557» покинула Лориан и направилась в Средиземное море. Ей удалось прорваться сквозь Гибралтарский пролив, который англичане охраняли с особой бдительностью. Лодка увенчала свой боевой счет потоплением британского крейсера «Галатее» близ порта Александрия. Однако злая судьба не оставила «У-557», и она нашла свою гибель. 16 декабря итальянский эсминец «Орион», корабль дружественного государства, случайно протаранил ее близ побережья Крита. «У-557» ушла на дно, став вечной гробницей для ее команды.

5 ноября русский шофер-эмигрант вез меня по шоссе. Вокруг простирался великолепный, залитый солнечным светом ландшафт Бретани. Когда наш «ситроен» ехал под уклон, стрелка спидометра нередко пересекала отметку 120 километров в час. Скорость, солнце, роскошная природа улучшили мое настроение. Было радостно ощущать себя возвратившимся из морского ада и путешествующим по иноземной территории, полной экзотики. Тем не менее всему приходит конец. Машина затормозила у военного комплекса Первой флотилии подводных лодок в Бресте.

Передо мной раскинулись обширные гранитные сооружения, выходящие фасадами к бухте. Строительство некоторых зданий еще не было завершено. Эти массивные [116] сооружения предназначались для Высшего военно-морского училища Франции, однако оккупация страны положила конец этим планам. Вместо французских энтузиастов морской службы в зданиях комплекса поселились немецкие подводные асы.

Я коротко доложил о своем прибытии адъютанту флотилии. Он сообщил, что мне придется посещать занятия в школе для подводников, как раз должны начаться зимние курсы. Это меня слегка разочаровало, однако я не возражал против того, чтобы провести несколько дней в праздности после шести месяцев походов. Я поселился в комнате с чудесным видом на бухту и полуостров Крозон. Затем вышел познакомиться с городом.

Меня предупредили, что Брест — очаг шпионажа и саботажа. Участники французского движения Сопротивления время от времени похищали и убивали здесь наших военнопленных. Но город оказался оживленным и мирным. Вовсю работали кафе, бистро и магазины. Присутствие на улице людей в немецкой военной форме вселяло дополнительную уверенность. Был солнечный ноябрьский день. Я решил отдохнуть на полную катушку.

Отведав изысканных блюд из морских продуктов, я прогуливался по живописным улицам города, не забывая осматривать витрины книжных магазинов. В одной из них я увидел Ивонну. Она была продавщицей в магазине. Меня сразу очаровали ее светлые волосы и голубые глаза. Я попросил ее показать мне кое-какие книги, которых, видимо, в магазине не было. Мне удалось вовлечь девушку в разговор, закончившийся ее согласием на свидание следующим вечером.

На другой день, опасаясь, как бы неожиданные распоряжения начальства не сорвали мои планы, я постарался покинуть военный городок пораньше и провел еще один приятный полдень, бродя по улицам Бреста. Задолго до условленного времени я нетерпеливо ожидал Ивонну в бистро напротив городской ратуши. Она появилась — грациозная, хрупкая и настороженная. Девушка сказала, [117] что только раз общалась раньше с немцем, давая ему пояснения насчет книг. Вскоре, однако, она незаметно втянулась в непатриотичную беседу тет-а-тет с одним из оккупантов в полумраке роскошного ресторана. Блюда были великолепны, а десерт девушка подсластила обещанием увидеться со мной снова. К моему огромному разочарованию, вечер завершился слишком рано у забора, окружавшего ее дом на другом конце города.

Я снова встретил Ивонну на следующий день не днем, а вечером. Она не хотела появляться со мной на публике. На закате солнца у калитки под покровом сгущавшейся темноты ей было не так страшно. С этого времени я стал ее постоянным гостем. Когда бы я ни приходил к Ивонне, мой пистолет всегда хранился в кобуре на поясе, поскольку я не был уверен, что встречу ее, а не своего палача, какого-нибудь «маки» на уединенной аллее Бреста. Я уходил из дома Ивонны на восходе солнца, никак не раньше, потому что должен был хорошо видеть всякого прохожего, следовавшего за мной по улицам города. Я никогда не пытался выведывать у Ивонны тайны. Она говорила, что любит меня. Вот все, что я хотел услышать от нее. В свою очередь, я обещал ей все, что возможно, за любовь, которую она мне дарила.

Я был счастлив в эти дни осеннего солнца и цветов. Однако уже через две недели возникла необходимость сообщить Ивонне о разлуке в связи с моей новой командировкой. Мы договорились встретиться, как только я вернусь. Я надеялся вернуться весной, когда зацветут вишневые деревья. Последним напоминанием об Ивонне стал ее светлый развевающийся шарф, который скрылся в ночной тьме, когда мой поезд уходил от перрона.

Прибыв на парижский вокзал в Монпарнасе, я импульсивно принял решение остаться на день в столице и отправиться в Германию вечерним поездом. Осмотрел Лувр, прошелся по Елисейским полям, постоял на площади Этуаль, полюбовался городом с высоты Эйфелевой башни, посидел в кафе «Мир», наблюдая через окно, [118] как проходит мимо блестящая публика. Когда церковные колокола оповестили об окончании дня, я остался доволен тем, что хоть ненадолго, но познакомился с жемчужиной всех городов мира.

На следующее утро, когда поезд пересекал Рейн, стоял глубокий туман. Однако ко времени, когда экспресс прогромыхал сквозь сосновые леса к югу от Франкфурта, туман испарился под лучами солнца. Никто не встречал меня на главном вокзале, поскольку я и не оповещал о своем прибытии. Мне хотелось, чтобы все было именно так. Я не сторонник сентиментальных встреч на публике.

Недалеко от привокзальной площади, на тихой аллее, располагался дом моих родителей. Свернув на знакомую улицу, я увидел впереди себя пару стройных ножек. Только со второго взгляда я понял: а ведь это моя сестра.

— Труди, — произнес я одно лишь слово. Она обернулась и заключила меня в свои объятия. Ее слезы увлажнили мои щеки.

— Почему ты не сообщил о своем приезде? Мы пришли бы на вокзал. Ты отлично выглядишь. Хотя немного похудел, не правда ли?

— Не думаю. Тебе кажется так, потому что мы год не виделись. Расскажи, как отец, как мать?

Пока мы шли к дому, Труди попыталась за несколько минут выложить все новости. Мать сияла от счастья. За год после моего последнего отпуска она извелась в ожидании и даже не спрашивала о войне. Ее интересовали только мое здоровье и аппетит.

— Ты мог бы послать нам телеграмму, тогда я испекла бы к сегодняшнему дню пирог, — сказала она.

Тем не менее в это утро пирог был все же испечен. Я позвонил по телефону отцу. Он закрыл на весь день свой офис и прибежал домой. Отец тепло приветствовал меня. Мы пожали друг другу руки, как два старых солдата.

— Здравствуй, сынок, сколько продлится твой отпуск на этот раз? — спросил он. [119]

— Я не в отпуске, папа. Остановился проездом по пути к Балтийскому морю. Могу побыть дома не больше 30 часов.

— Печально. Но погоди. Дай мне подумать, что можно сделать, чтобы ты получше провел это время.

Затем он начал расспрашивать меня. Как я заслужил свою награду? Что представляет собой битва за конвой? Как влияют бомбардировки глубинными бомбами на лодку и экипаж? Он хотел знать мое мнение о перспективе войны с англичанами и обо всем, что касалось моих боевых походов. Постепенно наш разговор коснулся тем, которые, кажется, его особенно тревожили.

— Не думаешь ли ты, что наши войска на континенте слишком растянули свои коммуникации? Достаточно ли у нас живой силы, чтобы контролировать оккупированные территории? Сколько еще фронтов мы можем позволить себе открыть? — задавал он мне тревожные вопросы. Я не ответил, так как сам испытывал смутное беспокойство. И перевел разговор на более приятные темы.

Этот и следующий вечер, проведенные в родном Убермингене, успокоили мою душу. Быть дома значило оказаться в безопасности, укрыться на островке спокойствия и родственных чувств среди военной стихии. Несмотря на настойчивые просьбы отца, я почти не рассказывал ему о подлодках и своих ощущениях в бою. Я хотел внушить впечатление, моя служба не представляет смертельной опасности и я всегда стану навещать дом.

Когда мой поезд прибыл в Берлин, дул ледяными резкими порывами северо-восточный ветер. Марианна со своей обычной пунктуальностью ожидала меня на вокзале. Мы шли по почти пустынным улицам к роскошному отелю «Фюрстендорф», в котором я решил остановиться. Апартаменты были гораздо комфортнее и дороже, чем та скромная комната, которую мы наняли во время нашей предыдущей встречи. Но теперь я мог себе это позволить. Марианна тоже изменилась — стала менее сдержанной. Ее ласки заставили меня забыть о том, что шла война, что [120] я сам провел в море все лето и осень. В ее объятиях окружающий жестокий мир исчезал, а воздушная тревога не вызывала беспокойства.

В течение двух дней моего пребывания в столице мы бросались от одного развлечения к другому. В условиях войны культурная жизнь Берлина пошла на убыль, а художественный уровень спектаклей театра и оперетты значительно понизился. Другой заметной потерей стало ухудшение качества блюд, подаваемых в ресторанах на Курфюрстендамм. Нет, Берлин был уже не тот. Но моя ласковая Марианна превращала холодный город в обетованную землю. И я был опечален — возможно, слишком опечален — необходимостью снова упаковывать багаж и проститься с ней.

Когда я прибыл в последний день ноября в Кенигсберг, было холодно, 15 градусов ниже нуля. Окончательно прозябнув в своей легкой морской форме, я сел на местный поезд, идущий до Пиллау, небольшого порта на Балтийском побережье. В купе я чувствовал себя словно в холодильнике и, доехав до места назначения, буквально превратился в сосульку. Уже в полночь я прибыл на борт комфортабельного лайнера «Претория», резиденцию командования и учебный дивизион Первой подводной флотилии.

За завтраком состоялся большой сбор курсантов. Я обменивался рукопожатиями со многими бывшими сокурсниками и отмечал расставание со многими другими в баре. Мы прибыли из всех уголков Европы, участвовали в самых крупных сражениях и потопили приличное количество кораблей союзников. Между нашим выпуском в апреле и нынешним морозным декабром прошло семь месяцев. Для большинства из нас подводная война прошла без серьезных потерь. Это был хороший повод для торжества.

Для наших напряженных учений имелись серьезные препятствия. Бухта Пиллау была покрыта льдом, в ряде мест он достигал 30 сантиметров толщины. Постоянно [121] работали ледоколы, чтобы пробивать фарватеры для ограниченного движения судов и проходы для выхода подлодок в море. Мы выходили днем и ночью, попеременно выполняя функции старшего механика и командира. Наши преподаватели, опытные подводники, учили нас всем премудростям атаки в надводном положении ночью и в погруженном — днем. Погружение производилось в искусственно созданных нештатных ситуациях, так что мы доходили до изнеможения в попытках выровнять лодку. Вскоре мы могли даже во сне совершать действия, необходимые в обычной, боевой и аварийной обстановке. Отдыхать не удавалось даже для того, чтобы восстановить силы после напряженной учебы предыдущего дня.

Однако случались и легкие дни. Командующий флотилией Шухарт, заслуженный подводный ас, который в 1939 году потопил британский авианосец «Кариджес», был выдающимся педагогом. Его лекции посещались нами с особым удовольствием. Выходные дни недели я проводил на борту «Претории», развлекаясь чтением книг, игрой в карты или обсуждением причин нападения японцев на базу ВМС США в Пёрл-Харборе. Наступление японцев на Филиппинах или в других районах Тихоокеанского региона происходило слишком далеко, чтобы вызвать у нас большой интерес. Однако я понимал, что события на Тихом океане оказывали глубокое воздействие на ход подводной войны в Атлантике. С полным вовлечением США в войну, особенно в боевые действия против нашего флота, ситуация радикально изменилась за две недели. Я приготовился к длительной войне.

Тем не менее сражение в Атлантике все еще развивалось благоприятно для нас и не было причины терять веру в окончательную победу. Наши радиостанции часто передавали победные репортажи и побуждали немецких граждан подсчитывать количество кораблей противника, отправленных на дно. В 1941 году общий тоннаж потопленных судов составил почти три миллиона регистровых брутто-тонн. Англичане все еще не могли противостоять [122] нашему усиливающемуся давлению на море. Целые конвои их судов отдавались фактически на растерзание нашим «волчьим стаям». Впрочем, и мы несли потери. В декабре у Гибралтара погиб еще один ас. «У-567» под командованием капитан-лейтенанта Эндраса, которая потопила вражеские суда общим тоннажем в 200 тысяч тонн, отправилась на дно. Никто из ее экипажа не спасся.

В январе 1942 года мы продолжали интенсивную учебу в Пиллау. В начале февраля меня направили в Военно-морское училище во Фленсбурге совершенствовать знания в торпедной атаке. Шесть недель теоретических занятий и практики в стрельбе раскрыли передо мной последние секреты торпедного дела. Вслед за ослаблением зимних холодов пошли занятия по тактике подводной войны и радиосвязи. С наступлением весны, когда я уже проходил курс артиллерийской подготовки, меня произвели в лейтенанты. Я с нетерпением ждал приказа об отправке на фронт. Вспоминая с нежностью об Ивонне, надеялся вернуться в Брест.

Начальство, однако, имело в отношении лейтенанта Вернера другие планы. Мне было приказано ехать в Данциг^[2] и явиться на борт «У-612», заняв должность старпома. Я дважды прочел телетайпную ленту, прежде чем уразумел содержание приказа. Фактически я должен был стать ведущим офицером, уступающим по рангу только капитану новой подлодки. Смутная перспектива стать командиром неожиданно оказалась вполне реальной.

19 мая я прибыл в Данциг и явился на борт «У-612». Моя лодка, недавно построенная, но уже достаточно потрепанная в походах, покачивалась у старого каменного мола. Караульный сообщил мне, что командир в лодке. Я спустился в нее и сразу же почувствовал знакомый прогорклый запах. Я нашел капитана и представился:

—Герр капитан, лейтенант Вернер явился для прохождения службы. [123]

—Добро пожаловать! Я — обер-лейтенант Зигман. Жду вас со вчерашнего дня. Мы готовы покинуть порт. Проходите, пожалуйста, хотелось бы, чтобы вы познакомились с другими членами экипажа.

Командир, полноватый рыжеволосый мужчина, выглядел опытным моряком и, кажется, был лет на семь старше меня. Я последовал за ним в крохотную кают-компанию и был представлен главмеху и моему будущему помощнику, второму вахтенному офицеру. Мы обменялись традиционными любезностями. Меня посвятили в историю лодки. «У-612» была укомплектована личным составом в минувшем декабре в Гамбурге, родном городе командира. С тех пор он проходил интенсивную учебную подготовку. Зигман рассчитывал завершить обязательное пробное плавание в течение трех месяцев, чтобы подготовить лодку и экипаж к боевым действиям. Я узнал, что прежний старпом был освобожден от своих обязанностей из-за слабого здоровья. Черноволосый главмех, лейтенант Фридрих, оказался на год старше меня и уже был женат. Оказалось, что второй вахтенный офицер, лейтенант Ридель, мой сокурсник. Оба офицера не имели боевого опыта, чем, собственно, и было вызвано мое назначение на «У-612». Ее командир зарекомендовал себя перспективным подводником во время боевого похода в Атлантику, но только треть экипажа испытала вкус боя. Остальные нуждались в подготовке к первому боевому походу. Я познакомился со старшими унтер-офицерами, имевшими большой стаж морской службы. Затем мы с командиром отправились в его каюту, где он коротко и четко познакомил меня с обязанностями старшего помощника.

Как первый вахтенный офицер, я нес ответственность за состояние торпедного и артиллерийского вооружения лодки. Я должен был производить пуски торпед, когда лодка находилась в надводном положении, и управлять стрельбой в погруженном. На мне, как старпOME, лежала забота о благосостоянии экипажа. То, что на эту должность назначили меня, а не моего сокурсника Риделя, [124] объяснялось исключительно моим боевым опытом, и ничем больше. Позже, уединившись в кают-компании, мы с Риделем откровенно обсудили этот вопрос. Договорились уважать друг друга, конфликтовать с врагом, а не между собой. С этого разговора началась наша долгая дружба, которая закончилась только с гибелью Риделя.

В тот же день «У-612» направилась к полуострову Хела. Там я позаботился о размещении команды в одноэтажных чистеньких казармах, которые расположились среди хвойных деревьев в песчаных дюнах. «У-612» посвятила следующие шесть недель учебной подготовке — стрельбе торпедами. Не позже 7.00 мы выходили в море день за днем, чтобы заняться часом позже стрельбой по целям. В полдень меняли порядок учений. Зигман освобождал аппараты от торпед, имитируя атаку в погруженном положении. Лишенные торпед, мы мчались в порт за новым комплектом. Затем отрабатывали всю программу в темноте, выстреливая последние торпеды около полуночи. Экипаж самозабвенно трудился почти без отдыха и перерывов шесть дней в неделю. В течение этих недель я добился важного достижения: научился стрелять торпедами по целям, а не просто выпускать их в море.

В начале июля мы завершили свои наиболее трудные упражнения. «У-612» вскоре была придана другой бригаде, и более щадящий режим учебы сменился лихорадочной активностью на Хела. Мы переместились на пирс Готенхафенского порта в Данцигской бухте. Я перевел экипаж в массивные каменные здания. Теперь нас занимали и другие интересы. Пришло лето. Недель шесть или больше я не встречался с женщиной, а всего лишь в двадцати минутах поездки поездом, на другой стороне бухты, в знаменитом курортном городке Сопот было полно женщин. Я проводил выходные дни в роскошных казино, кафе и на пляжах Сопота. Устраивал и посещал застолья, приобретал и терял любовь девушек и в конце концов воспользовался возможностью хорошо пожить, прежде чем смерть приберет меня к себе. [125]

Пока «У-612» готовилась к боевым действиям, наши войска все глубже проникали на территорию противника. Был окружен Ленинград, хотя он и продолжал упорное сопротивление. В Крыму капитулировал Севастополь. Германские дивизии захватили Ростов-на-Дону, достигли Кавказа и штурмовали нефтеносный район Майкопа. В Северной Африке Роммель вел свой Африканский корпус против «томми» от победы к победе. Он захватил Эль-Аламейн в ливийской пустыне и уверенно продвигался к Нилу. В Атлантике, несмотря на вступление в войну США, наши подлодки наращивали беспощадные удары против британских конвоев. Боевые операции немецких подлодок распространились на прибрежные районы Америки, встречая лишь слабое противодействие или вовсе никакого. Торпеды поражали торговые суда на коммуникациях от Нантакета до Гаттерраса, от Флориды до Виндвордских островов. Немецкие подлодки сожгли, торпедировали, обстреляли из артиллерийских орудий и потопили большое число кораблей союзников между Бостоном и Нью-Йорком, недалеко от Джэксонвилла, Майами, Гаваны, Нью-Орлеана, Корпус-Кристи, близ Баранкилла, Маракайбо, порта Спейн, Барбадоса и Гваделупы. В те месяцы были отправлены на дно более 500 судов, включая 140 танкеров общим тоннажем в 2,5 миллиона тонн. Наступила золотая фаза подводной войны.

Боевой дух экипажей подлодок, проходивших учебную подготовку, достиг небывалой высоты. Меня, однако, не покидало чувство раздражения в связи с нашей затянувшейся учебой. Я стремился вернуться в боевую обстановку, топить суда противника, испытывать радость победы. Но сдерживаемое мною нетерпение должно было пройти новые испытания.

Катастрофическое 6 августа чуть было не похоронило мои надежды. Как обычно, в 8.00 «У-612» покинула порт. Акватория бухты была спокойной и отражала солнечные лучи, как зеркало. Нас, очевидно, ожидал впереди еще [126] один жаркий день. Более 20 подлодок, выкрашенных в светло-серый цвет, направлялись в заданные квадраты, сверкая на солнце в кильватерном строю. По правому борту лежал город Данциг, его старинные шпили и башни упирались в безукоризненно голубое небо. Наш штурман Прагер определял курс лодки по ориентирам на суше. После двухчасового обмена впечатлениями — ведь большинство из нас вчера поздно вечером вернулись из увеселительной прогулки в Сопот — Прагер сообщил мне, что лодка прибыла в свой квадрат. Командира вызвали на мостик, и начались учения по заведенному на каждый день порядку. Матросы разделились на три смены, каждая из которых упражнялась по очереди в артиллерийских стрельбах. Офицерский состав отрабатывал маневры по погружению лодки и атаке в надводном положении. В 11.00 «У-612» совершила погружение. Мы шли на глубине 25 метров со скоростью три узла. Я находился в носовом отсеке, обучая обращению с торпедами значительную часть команды, а также 12 новобранцев-подводников, которые были взяты на борт для приобретения навыков пребывания под водой.

В 11.42 лодка неожиданно получила сильный удар в корму. Она резко пошла вверх, а затем качнулась вправо. Интуиция подсказала мне, что мы столкнулись с другой подлодкой. Я немедленно командовал:

— Надеть спасательные пояса! Всем в помещение центрального поста! — И побежал на корму.

В дизельном отсеке меня остановила мощная струя воды, бьющая из пробоины. Я заметил, что в результате аварии несколько человек оказались изолированными в торпедном отсеке, и крикнул им:

— Убирайтесь отсюда поскорее, если хотите жить!

Немного поколебавшись, они бросились в бурный поток. Корпус лодки быстро заполнялся водой. «У-612» устремилась вниз с сильным дифферентом на корму. Мне удалось эвакуировать людей из кормовых отсеков и наглухо задрать люк переборки. Затем я поспешил в помещение [127] центрального поста. Зигман между тем дал команду главмеху на всплытие лодки. Фридрих поддерживал компрессорные шланги, помогая сжато́му воздуху заполнять цистерны плавучести. Необходимо было удержать лодку на плаву и дать возможность команде выбраться наружу. Командир на мостике управлял движением поврежденной лодки, направляя ее к побережью. Предстояло пройти четыре бесконечные мили к югу. Я приказал раздать спасательные пояса, нашим гостям-новобранцам и поторапливал их быстрее подниматься по алюминиевому трапу в рубочный люк. На секунду я увидел круглое отверстие люка и сквозь него голубое небо. Почувствовал непреодолимую потребность броситься вверх по трапу, но долг повелевал мне идти с главмехом вниз, внутрь лодки, и, возможно, погибнуть там. Одним глазом я следил за тем, как колеблется стрелка глубиномера, другим — как люди покидают «У-612». Скоро корма лодки настолько отяжелеет, что она камнем пойдет вниз и потащит с собой всех, кто еще в ней находился. Тем не менее я сердито бормотал про себя: «Черт возьми, через минуту с небольшим мы все сможем выбраться из этой могилы». Повернувшись, я крикнул в рубку:

— Поторапливайтесь, позади вас тоже идут люди! Внезапно «У-612» скользнула вниз дифферентом на корму. С мостика прозвучал возглас:

— Лодка тонет! Какого черта вы медлите...

На трапе остались всего два механика. Фридрих перепрыгнул через клапан и нырнул в заполненное водой пространство рубки. Он быстро поднялся по трапу к рубочному люку. Я последовал за ним. Мощный поток воды тащил меня вниз. Преодолевая его, я протиснулся сквозь рубочный люк и с помощью капитана выбрался наружу. Вода смыла меня с мостика, и в это мгновение нос «У-612» погрузился глубоко в воду. Лодка стремительно пошла на дно. Быстрота ее гибели ошеломила меня.

Когда мы плыли к берегу, я обнаружил, что на мне нет спасательного пояса. Я отдал его одному из гостей. Море, [128] однако, было спокойным и теплым, только легкий бриз вызывал рябь на поверхности. Чуть дальше от меня сверкала в солнечных лучах белая флотская фуражка Зигмана. Он с комфортом плыл в своем желтом спасательном жилете в фуражке плотно надвинутой на его голову.

— Ребята, держитесь вместе, нас вот-вот спасут! — крикнул командир из воды. Затем он повернулся ко мне и спросил: — Старпом, все выбрались из лодки?

— Не осталось ни души. Я уходил последним.

Темные фигуры в желтых спасательных жилетах барахтались в воде на широком пространстве. В отдалении, к югу, за легкой дымкой я увидел едва заметную полоску побережья в устье Вислы. Ее серые волны отбрасывали нас назад в открытое море. Зная силу течения в этих местах, я понял, что мы вряд ли доплывем здесь до берега. Однако примерно через 20 минут на поверхности показался нос подлодки. Секундами позже она всплыла полностью и, набирая скорость, понеслась в нашем направлении. Нанесшая нам сокрушительный удар, она была близка к тому, чтобы совершить вторую ошибку. Я сгруппировался в воде и замахал обеими руками в отчаянной

попытке побудить командира лодки застопорить двигатели. К счастью, кто-то из экипажа понял мой сигнал. Двигатели были заглушены, и она стала медленно дрейфовать в нашу сторону. После ее полной остановки неподалеку всплыла еще одна лодка и стала осторожно к нам приближаться. Мы подплывали к двум стальным машинам и при помощи своих спасателей взбирались на палубы, отфыркиваясь, чихая и кашляя. Заботливые руки покрывали наши плечи одеялами.

Я поднялся на борт лодки, которая отправила нас на дно. Зигман принял извинения ее капитана, но пришел в бешенство, когда тот заявил, что даже не заметил, как его лодка столкнулась с подводным объектом.

Спасенные выстроились на корме для переключки. Я насчитал 37 человек, включая некоторых из наших гостей, которые показали себя с наилучшей стороны. Предположив, [129] что 22 человека находятся с Фридрихом на другой лодке, я стал сигнализировать им прожектором:

— Сообщите: сколько спаслось людей?

— На борт поднято двадцать человек, — ответил главмех.

— Включая тебя самого?

— Включая меня.

— Прошу пересчитать людей еще раз. Вас должно быть двадцать два.

— К сожалению, нас всего двадцать. Мы потеряли двух человек. Я был уверен, что на борту «У-612» никого не осталось. Зигман рассвирепел:

— Только этого нам не хватало. Послушай, старпом, разве ты не уверял меня в том, что последним покинул лодку?

— Уверял. И я, черт возьми, убежден, что все ребята выбрались из нее. Там не осталось ни души.

Я растерянно указал на место, где час назад находилась наша лодка. Однако поиски пропавших оказались безрезультатными, нашли только два плавающих спасательных жилета. Мы вернулись в порт на борту лодки, которая доставила нам столько бед. Столкновение произошло потому, что она двигалась ошибочным курсом. Ее командир не учел сильного течения в бухте, вызываемого водами Вислы, и продолжал движение в погруженном состоянии, игнорируя такие средства ориентировки, как акустические приборы и перископ. Эта ошибка стоила двух человеческих жизней и гибели дорогостоящей подлодки.

Гибель «У-612» оказала на нас удручающее воздействие. Об этом можно было судить на следующее утро, когда Зигман производил переключку во внутреннем дворе жилого комплекса, а не на борту подлодки: боеспособный экипаж потерял ее. Командир провел в своей квартире офицерское собрание, чтобы обсудить наше неопределенное будущее. Мы находились в подавленном состоянии. Нашим экипажем могли бы укомплектовать [130] новую подлодку, но это потребовало бы много времени. Тем временем другие подлодки уже ушли бы в рейды на крупные конвои противника. Наше появление на театре боевых действий оказалось бы слишком поздним. Необходимо было принять быстрое решение. Поэтому мы обсудили возможность подъема «У-612» с глубины 48 метров.

Идея спасения лодки быстро приняла конкретную форму. Зигман передал командованию конкретный план спасательных операций. Через два дня мы получили ответ: подъем разрешен. Без промедления мы приступили к действиям. Я связался с командой опытных водолазов.

Фридрих раздобыл два больших плавучих крана. Через день из бухты вышел буксир с Фридрихом, мною и водолазом на борту. Стояла великолепная погода для осуществления наших амбициозных планов. В тот же день к месту, где затонула лодка, подошли два плавучих крана. Подготовка к подъему заняла значительную часть следующего дня. Пока мы с Фридрихом занимались спасательными операциями, Зигман и Ридель отправились с командой лодки в Данциг, где подводники были размещены на борту устаревшего пассажирского лайнера, совершавшего когда-то рейсы на линии Гамбург — США.

На пятый день операции водолазу удалось наконец обвязать корпус лодки толстыми тросами. Когда краны попытались поднять ее, они чуть не опрокинулись. Тросы лопнули. Пришлось привезти новые из Данцига. На седьмой день спасательных работ водолаз снова завязал вокруг корпуса стальные петли. Одному из кранов удалось приподнять на метр нос лодки. Преодолев всасывающий эффект, второй кран оторвал от песчаного дна отяжелевшую от воды корму. Оба крана подняли якоря и медленно двинулись в сторону Данцига. Пройдя за два дня 16 миль, они вытащили «У-612» на мелководье бухты. Из воды показалась рубка лодки. Следующий день ушел на ремонт корпуса лодки. На двенадцатый день с буксира сквозь рубочный люк был опущен в лодку [131] шланг помпы, начавшей откачивать заполнявшую ее маслянистую жидкость. Уровень затопления быстро понижался, обнажая приборы и оборудование. Через три часа середина лодки была свободна от воды. Сгорая от нетерпения, я спустился вниз по алюминиевому трапу. В помещении центрального поста царило полное разорение. Все было покрыто песком, перемешавшимся с соляной, смазочным маслом и водорослями. Была затоплена также секция, в которой помещалась радиорубка, офицерская и унтер-офицерская каюты, а также комплект аккумуляторных батарей. В суматохе, последовавшей за катастрофой, мы забыли заткнуть переговорную трубу, ведущую из боевой рубки к радисту. Пока лодка покоилась на дне, вода текла сквозь переговорную трубу и полностью вывела радиорубку из строя.

После обстоятельного осмотра «У-612» на следующее утро, когда из нее полностью была откачана вода, лодку отбуксировали в сухой док. Пробоина в корпусе оказалась диаметром с ведро. Единственным помещением, которое не подверглось затоплению, был носовой торпедный отсек. Его переборки были наглухо задраены. Пропавших моряков на борту лодки мы не обнаружили. По заключению экспертной комиссии, ремонт лодки займет от 8 до 12 месяцев. Моя надежда на скорый боевой поход была поколеблена.

Два дня мы пребывали в неопределенном состоянии. Затем штаб приказал укомплектовать нашим экипажем новую подлодку «У-230», ремонт которой на верфях Киля приближался к завершению. Мы приступили к своим новым обязанностям после длительного отпуска.

Затонувшая подлодка и потеря двух человек были не единственными бедами, которые нас постигли. Во время спасательной операции обнаружилось, что наш кок, Меснер, утаил большое количество кофе, чая и масла. Допрошенный Риделем, Меснер признался, что сбыл значительную [132] часть этих продуктов на черном рынке. Подводники утверждали, что кок занимался жульничеством со времени прибытия на борт лодки. Меня поразило, однако, что никто не сообщил об этом раньше. Как бы то ни было, пришлось обсудить поведение Меснера на суде чести. Его посадили на гауптвахту.

Однако в тот же день кок скрылся. Напрасно я обыскивал его комнату. Пока я этим занимался, пришли два обозленных матроса, заявивших, что Меснер украл у одного фотоаппарат, а у другого комплект новой формы. Беглый просмотр офицерами своего багажа показал, что кок сбежал со штурманским пистолетом «люгер». Я подождал сутки перед объявлением тревоги, чтобы дать Меснеру шанс раскаяться. Однако он не вернулся, и это дало основание возбудить дело о дезертирстве. Зная, что Меснер был падок до женщин, я составил список адресов, по которым он мог скрываться. Я надеялся лично предостеречь Меснера и спасти его от военного трибунала,

приговор которого стоил бы беглецу нескольких лет пребывания за решеткой. Получив по заявке машину с шофером, я посадил на заднее сиденье двух матросов и отправился на поиски Меснера.

Первый дом находился в пригороде Данцига. Место выглядело вполне приличным. Проживавшая там девушка сообщила, что не видела кока уже несколько недель. Мы поехали к дому, расположенному по дороге в Сопот. Мать другой «невесты» Меснера открыла дверь с большими предосторожностями. Оказалось, что я взял след правильно, но опоздал: кок переночевал здесь в предыдущие сутки и уехал, как он сказал, домой. Мы направились в Готенхафен, где проживала еще одна претендентка на священный обряд бракосочетания с Меснером. Там я обнаружил девушку, но не беглеца. Последним адресом в списке числилась хижина на полуострове Хела, окруженная соснами. Это было великолепное убежище. Однако хижина оказалась пустой. Совершенно обескураженные, мы возвратились поздно ночью на лайнер. [133]

Рано утром на четвертый день дезертирства Меснера мне позвонили из полицейского участка Данцига, сообщив, что какой-то матрос совершил кражу со взломом в одном из домов предместья города. Я был убежден, что это Меснер. Теперь дело вышло из под моего контроля. Кок зашел слишком далеко. В полдень полиция Сопота сообщила, что преступник с приметам Меснера был замечен, когда убегал после кражи в продовольственном магазине. Я не ложился спать до поздней ночи, ожидая развития событий, однако больше звонков не было.

Через два дня Меснера обнаружили. Мне позвонили из военной полиции Сопота и сообщили, что кока нашли в кювете по дороге в Данциг. Он попытался с помощью «люгера» свести счеты с жизнью, но сумел только ослепить себя навсегда. Сообщили также, что если я пожелаю допросить беглеца, то найду его в муниципальной больнице.

Капитан предложил мне допросить Меснера, пока он находится в шоке. Я сразу, же отправился в Сопот. День был жарким и влажным. Когда я прибыл в курортный городок, небо заволочло штормовыми тучами. Над бухтой полыхали молнии, за которыми следовали громовые раскаты. Больничные запахи дезинфекции и эфира, бессловесные перемещения сотрудников в белых халатах, понимание без слов медсестрой цели моего прихода; молнии, гром и липкая влажность — все это производило впечатление, будто я сам нахожусь на исходе жизни. Медсестра повела меня вверх по лестнице в палату, где лежал кок. Окно в нее было открыто, и занавески раздувались ветром, как паруса. Эхо от раскатов грома отражалось от стен палаты. Меснер лежал на простыне совершенно апатичный, вытянувшийся, как мертвец. Он был в полном сознании. Невидящие глаза кока налились кровью, а веки распухли. Повязка из белого бинта на его голове прикрывала два крохотных отверстия на висках. Я почувствовал, как меня переполняет жалость к человеку, решившемуся на самоубийство, но не нашедшему в себе мужества отвечать за свои поступки. [134]

Когда я сел рядом с пациентом, ожидая его признаний, казалось, что шторм посылает громы и молнии именно в эту палату. Раскаты грома звучали с неумолимой последовательностью, как будто на суше производились атаки на конвои. Меснер долго молчал. Я видел, как его незрячие глазные яблоки вращаются под распухшими веками. Видел, как медленно вытекают из прорезей его глаз слезы. Сначала они были очень скупыми, но затем он не мог больше сдерживаться и зарыдал. Слезы превратили мужчину в мальчишку.

Грохот шторма достиг апогея, когда мальчишка, не поднимаясь с подушки, молил о прощении и звал свою маму. Я не мог помочь коку, и, начиная с этого времени, он не смог бы помочь и самому себе. Никогда больше он не увидит вспышки молнии, облака на небе, дождь, восход или заход солнца. Никогда не увидит лица матери или улыбку девушки.

Когда гроза прошла, я попросил врача пригласить стенографистку. Она присела на кровать в ногах пациента с блокнотом на коленях, взволнованная и смущенная. Меснер не мог увидеть ее — ни ее

светлых волос, ни прекрасных голубых глаз. Он охотно отвечал на мои вопросы. В конце допроса кок выпалил:

—Герр лейтенант, я не преступник, я ничего не хотел красть!

—Зачем тогда утаивал продукты и продавал их на черном рынке? Зачем ты украл у своих товарищей фотоаппарат и форму? Более того, зачем вломился в чужой дом и магазин?

—Вы не поверите, но это правда: я хотел, чтобы меня арестовали. Я считал, что это поможет мне избежать войны. Мне не нравится эта война, герр лейтенант.

—Ты говоришь ерунду, Меснер, — сказал я в изумлении. — Зачем ты убежал тогда после суда товарищей? И почему стал снова воровать?

—Мои приятели лгали, герр лейтенант. Они сами меняли фотоаппарат и форму на кофе, шоколад и сигареты, [135] а также на продукты, которые я приобрел в Данциге и Сопоте. Поверьте мне. Я поступал так только из-за недоедания.

—Пусть так, но почему ты хотел лишиться себя жизни? Я не могу понять мотивов твоего поведения, Меснер.

—Я был в отчаянии. Мне хотелось кончить жизнь самоубийством. Я совершенно потерял голову. Со мной все кончено.

—Ты прав. Теперь тебе никто не поможет. Теперь тебе лучше помолиться во искупление души.

—Герр лейтенант, я не буду молиться даже сейчас. Я не верю в Бога. Я верю в коммунизм. Мой отец был коммунистом и погиб за веру во время Спартаковской революции^[3]. Вот почему я осуждаю войну. Молиться бесполезно.

Я глядел на него с изумлением. Меня взяла оторопь от таких речей. Мне казалось, что кок спятил. Поскольку сделанных Меснером признаний было достаточно, я попросил девушку не стенографировать его последнее заявление. Отпечатанная стенограмма была отправлена на лайнер. Я не хотел, чтобы существование Меснера было более жалким, чем оно есть, но был убежден, что этот человек на самом деле сошел с ума. После допроса я закрыл окно и задернул занавески.

За этим инцидентом последовали дни бурной деятельности. Я завершил свои административные дела, а капитан отправил в отпуск команду лодки. Наши подводники должны были встретиться снова в Киле. К тому времени «У-612» уже уйдет в прошлое.

Однако перед моим отъездом случилась еще одна беда. 2 сентября пришло сообщение: поздним вечером «У-222» во время учений была протаранена в надводном положении другой лодкой. Весь экипаж, за исключением трех моряков, находившихся в момент столкновения на мостике, [136] ушел вместе с лодкой на дно Данцигской бухты. Я узнал о трагическом происшествии около полуночи и помчался на буксире, который помог нам спасти «У-612», к тому месту, где затонула подлодка. Там поверхность бухты уже ощупывали прожекторами. Оказать немедленную помощь было невозможно. «У-222» затонула на глубине 93 метров. Члены ее экипажа должны были сами позаботиться о себе, если еще остались живы. Акустики нескольких подлодок напряженно вслушивались, пытаясь определить хотя бы малейшие признаки жизни в затонувшей лодке. Все суда на поверхности близ этого места глушили свои двигатели, чтобы не нарушать полную тишину. Спасательное судно пыталось несколько часов связаться с нашими товарищами в стальной гробнице. Они так и не ответили на сигналы.

Я вернулся в Данциг, утвердившись в мысли, что мы избежали гибели в своем плавающем гробу благодаря покровительству Всевышнего.

Через четыре дня я последним из экипажа попрощался с экстравагантным Сопотом, беспечная жизнь которого создавала иллюзию вечного мира. Сел на поезд и начал продолжительное путешествие почти через полконтинента к границе Южной Германии. Ранее я получил известие о том, что в конце недели Труди выходит замуж. Я замыслил сделать родным сюрприз своим неожиданным появлением.

Днем позже я оказался в раю. За вечнозелеными соснами расстиралось озеро Констанца. В его гладкой серебристой поверхности отражались убеленные снегами вершины Альп, которые выросли, словно по волшебству, до самого лазурного южного неба. Поезд остановился в Убермингене, маленьком средневековом городке, где я провел свои юношеские годы. Было так тихо и спокойно, что я поколебался, прежде чем выйти из вагона. Казалось, что своей военной формой я растревожу царящий здесь покой. По дороге в город я узнавал сосны и ореховые деревья, которые стояли здесь веками. Я любовался [137] старинной архитектурой домов и клумбами цветов. Узнавал людей, магазины. Все оставалось таким же, каким было семь лет назад, когда я покидал город.

Мое неожиданное возвращение, да еще в звании лейтенанта, вызвало настоящий бум. Затем внимание родных и гостей сосредоточилось на невесте. Церемония бракосочетания проходила на следующий день в маленькой провинциальной церкви. Жених был в военной форме. Его служба в канцелярии одной из частей ПВО представляла собой небольшой риск. И с ним готовы были мириться отец и Труди. У него был хороший шанс пережить войну.

Скоротечная свадьба мало повлияла на образ жизни моей сестры. Через пять дней после бракосочетания ее супруг вернулся к месту службы. Родители покинули озеро Констанца, прихватив с собой Труди. Когда они уезжали, я пообещал им писать чаще, но знал (да и они тоже), что писем будет немного.

Я задержался под голубым небом в Альпах еще два дня. Воздух здесь насыщен ароматами астр, роз, сена и южных сосен. Мягкая и теплая вода так и манила к себе. Я прогуливался по берегу озера и, проходя мимо скамейки под старым орехом, вспомнил, как сидел на ней перед войной с Марианной и наблюдал полуночный фейерверк. Мне казалось, что войны не было и вовсе. И когда я стоял на каменной пристани, где когда-то после школы кормил чаек, то на короткое время вновь почувствовал себя мальчишкой.

ГЛАВА 9

В конце сентября 1942 года я прибыл на пирс Тирпица в Киле. Прошло полтора года с тех пор, как я ушел отсюда в свой первый боевой поход на борту «У-557». Кое-что здесь изменилось. Длинную пристань, у которой швартовались подлодки, прикрыли от воздушной разведки противника [138] навесом. Как сообщил мне затянутый в белый китель коридорный на лайнере, «томми» теперь летали над Кильской бухтой довольно часто. Сначала появлялся одиночный самолет-разведчик, чтобы сделать при дневном свете фотоснимки находившихся в порту судов. Затем ночью прилетали несколько бомбардировщиков, чтобы сбросить фугасные и зажигательные бомбы, которые мы прозвали «рождественскими елками». Я с удовольствием узнал, что наши зенитки заставляют летать самолеты противника на большой высоте. Их бомбежки производили лишь беспокоящий эффект. Однако возросшая активность вражеской авиации вызвала во мне немалую тревогу за «У-230». Если бы новая подлодка получила повреждение от какой-либо случайной авиабомбы, то наше отбытие на фронт отодвинулось бы еще на неопределенное время.

Один за другим подводники возвращались из отпуска. Через три дня я построил команду лодки на пирсе. Весь экипаж рвался выйти в море. Оказалось, однако, что мы еще не скоро сможем получить новую лодку. Зигман сообщил, что «У-230» будет готова к эксплуатации не раньше, чем через четыре-пять недель. Мы вынуждены были устроиться на устаревшем крейсере «Гамбург», который приспособили под казармы для «команд подлодок в ожидании». Тем не менее отрядным было то, что я снова приступил к своим ежедневным обязанностям по боевой подготовке экипажа.

В начале октября я отбыл в один из прибрежных районов Бельгии для прохождения курсов по электронике. Нашу подлодку предполагалось оснастить радиолокационным устройством, которое позволит обнаружить противника ночью и даже в густой туман. Это приспособление уже давно применялось на крупных надводных боевых кораблях и помогло уничтожить британский линейный крейсер «Худ». Теперь оно было призвано революционизировать подводную войну, позволив нам преодолевать боевое охранение конвоев и атаковать цели без [139] непосредственного их наблюдения. Я возвратился с курсов под глубоким впечатлением от больших возможностей нашего нового эффективного оружия.

В Киле я целиком погрузился в заботу об «У-230». Ее необходимо было довести до боевых кондиций. Большую часть времени у меня поглощало наблюдение за установкой на лодке оборудования, приборов, изучение наставлений по их эксплуатации, боевая подготовка команды.

24 октября мы вступили на борт «У-230», которая только что перешла из сухого дока к пирсу Тирпица. Мы выстроились в парадной форме на корме, где по приказу командующего Пятой флотилией был поднят флаг, тот самый, который развевался над злосчастной «У-612». Мы суеверно полагали, что он поможет нам продлить существование нашей новой подлодки. За церемонией подъема флага последовало довольно скромное застолье, что отражало заметное сокращение рациона питания на четвертый год войны.

«У-230» была встречена экипажем с большим воодушевлением. Она дала нам возможность восстановить свой статус военных моряков. Стремясь поскорее включиться в жизненно важные битвы в Атлантике, мы начали длительные и изнурительные тренировки, испытания, учебные переходы, военные маневры. Во время учений мы при любой возможности пользовались своими радиолокационными приборами, обнаруживая как корабли, так и плавающие буи. Однако это средство обнаружения целей оказалось не таким уж совершенным, каким оно представлялось. Поскольку его антенна жестко крепилась перед боевой рубкой, она улавливала только те цели, которые находились впереди подлодки. Когда же они уходили из обзора, то исчезали и с экрана осциллографа. Таким образом, если бы нам захотелось проследить линию горизонта по всей окружности, то нам пришлось бы сделать разворот лодки на 180 градусов — маневр, занимающий слишком много времени и совершенно невозможный в боевых условиях. [140]

В начале ноября «У-230» отправилась в восточную часть Балтийского моря на учебные артиллерийские и торпедные стрельбы. Недалеко от того места, где затонула «У-612», мы произвели пуски нескольких десятков торпед для проверки нового артиллерийского оборудования и боевой выучки. Срочные погружения при воображаемой угрозе атаки противника чередовались с учебными стрельбами из 88-миллиметровой пушки и зенитных установок. Повторялись бесконечные, утомительные пробные глубокие погружения. Главным экзаменом в этом учебном плаваньи стала для нас недельная «война» на море. Условный конвой, приблизительно из 20 транспортов и нескольких эскортов, был направлен в Северную Балтику. Ему была придана эскадрилья люфтваффе для противолодочной защиты. Морозным декабрьским днем «У-230» и другие подлодки сосредоточились в бухте Пиллау. Через проходы в ледяном покрове мы пробрались к выходу из бухты и направились на север с целью обнаружить и уничтожить конвой. Когда «У-230» вышла в открытое море, холодные волны, гонимые ветром, накрывали надстройку лодки, покрывая ее толстым слоем льда. Через 16 часов мы обнаружили в темноте конвой и сразу же атаковали его. Атаки продолжались днем и ночью. Капитан использовал различные приемы, а

я производил пуски торпед с разных углов и неоднократно поражал цели. Постоянная «угроза» нападения с воздуха требовала от наших вахтенных смен неослабного внимания из-за возможного появления самолетов условного противника. Боевые игры завершились за пять дней до Рождества. «У-230», обогнув маяк Кильской бухты и пройдя через узкий проход, проделанный ледоколом, присоединилась к другим подлодкам у пирса Тирпица. Лодка и ее экипаж показали высокие результаты и были признаны пригодными для первого боевого похода. Однако наше томительное ожидание на этом не закончилось.

За день до Рождества рано утром, когда термометр показывал 17 градусов ниже нуля, я отправил лодку в [141] сухой док. Необходимо было нарастить площадь ее мостика и второй палубы для установки еще одной зенитки. Эта и другие работы были закончены в каиун Нового года. Наш выход в боевой поход наметили на 9 января 1943 года. Однако 8 января на борту лодки обнаружили серьезную течь и выход в море отложили до следующего понедельника.

Последние две недели ожидания нас всех извели. Погода была холодной и ветреной. Она идеальным образом годилась для боевых операций, но не для того, чтобы проводить время в унылых и удручающих каютах на борту демонтированного океанского лайнера. Наша пища стала очень скудной даже на Рождество, хотя благодаря посылкам из дома это прошло мимо внимания экипажа. Мы нетерпеливо и жадно слушали передачи по радио коммюнике командования вермахта. Наше настроение не улучшали сообщения о неудаче Африканского корпуса Роммеля под Аль-Аламейном, вынужденного отступить, или о том, что русские и русская зима оказались серьезными противниками на Восточном фронте. Но временные трудности наших победоносных армий воспринимались легче, чем вести об успешных рейдах подлодок, которые обходились без нашего участия. Согласно сообщениям по итогам 1942 года, атаки немецких подлодок стоили союзникам гибели судов общим тоннажем более чем 6 миллионов регистровых брутто-тонн, включая ежемесячные потери с июля по октябрь минимум 500 тысяч регистровых брутто-тонн. Только в ноябре они потеряли суда общим тоннажем 600 тысяч регистровых брутто-тонн. Голодная смерть Великобритании, блокированной нашими подводными лодками, казалось, наступит в ближайшее время. Призрак голода и поражения шествовал по Соединенному Королевству и стучал в дверь здания на Даунинг-стрит, 10.

Феноменальный успех был достигнут нашими подлодками, несмотря на постоянное совершенствование союзниками своей основной противолодочной системы [142] обороны между Шотландией и Гренландией, а также в районе Бискайского залива. Противник взял на вооружение новый тип радара, который позволял бомбардировщикам запеленговать подлодку в подводном положении даже во время шторма. В ответ на эту угрозу наши подлодки оснащались оригинальным контрсредством «метокс», которое перехватывало радиоволны вражеского радара и предупреждало нас о грядущей атаке. Мы выигрывали время, необходимое для срочного погружения до появления самолетов врага.

Активность авиации противника резко возросла и над континентом. Регулярно подвергались беспокоящим налетам Гамбург, Дюссельдорф и другие города Германии. Мы сами были свидетелями кратковременного налета на Киль, а когда я выезжал в Берлин, то попал там под более серьезную бомбежку.

После того как 8 января в «У-230» была обнаружена течь, Зигман воспользовался случаем, чтобы в последний раз перед походом повидать в Гамбурге жену и детей. Я решил использовать последнюю отсрочку для кратковременной поездки в столицу на свидание с Марианной. Мы провели с ней субботнюю ночь. Я понял тогда, что моя связь с Марианной гораздо прочнее портовых увлечений.

Вражеские бомбардировщики появились во время нашего воскресного завтрака в кафе «Вена» на Курфюрстендамм. Когда завывли сирены воздушной тревоги, Марианна потянула меня за руку. Мы

быстро расплатились за незавершенный завтрак и побежали укрыться в соседней станции метро. Протиснувшись в глубь подземки, мы почувствовали, как первые отдаленные взрывы потрясли ее стены. Марианна вела меня сквозь толпу, заполнившую платформу. Женщины сидели на чемоданах и картонных коробках, в которых содержались их пожитки, или же сбивались в группы, держа в руках мешки и рюкзаки. Старики и старухи стояли вдоль стен или сидели на небольших складных стульчиках. Дети беззаботно играли, равнодушные к грохоту разрывавшихся бомб и глухому [143] бою зенитных установок. На что бы ни рассчитывали англичане, запугивая своим воскресным воздушным налетом случайных прохожих и гражданское население, он лишь укрепил во мне решимость поскорее встретиться с ними в открытом бою.

Налет длился чуть больше часа. Когда мы выбрались из метро на поверхность, улицы были усеяны крошечным известки, стекла, кирпичей и прочим мусором. Воздух был насыщен стойким запахом бездымного пороха и пожарищ. Голубизну неба запачкали грязно-черные и серые разводы дыма, поднимавшиеся и снижавшиеся над изувеченным городом. Неподалеку от нас зазвенели колокола пожарных машин и протяжно затрубили рожки полицейских автомобилей.

Мой поезд в Киль должен был отойти от Штеттинского вокзала в 17.30, однако в результате воздушного налета были разрушены железнодорожные пути в северном пригороде Берлина. Я в отчаянии остановился среди битой каменной лепки фасада вокзала и осколков стекла со станционной крыши. «У-230» не сможет выйти в свой боевой поход только потому, что ее первый вахтенный офицер предпочел любовь долгу. У меня оставалась возможность воспользоваться поездом на Гамбург. Эта линия осталась невредимой, по ней можно было круглым путем выбраться из западни. Мне сказали, что поезд на Гамбург отбывает в 20.00, на шесть часов позже.

Мое прощание с Марианной не сопровождалось душераздирающими сценами. Марианна была славной девушкой, она привыкла к моим коротким посещениям столицы. Мы пообещали друг другу быть осторожными и сохранить нашу любовь. Когда поезд отошел от темной станции, я вновь услышал завывание сирен воздушной тревоги.

На следующий вечер в 20.30 я наконец прибыл в Киль и через 40 минут постучался в дверь капитана. Он уже слышал о бомбежке столицы. Прежде чем я стал оправдываться за свое позднее прибытие, капитан произнес, облегченно вздохнув: [144]

— Ты мог погибнуть в Берлине. Лучше бы остался здесь. У меня отлегло от сердца. Ведь меня не стали винить за задержку выхода подлодки в море.

— Когда мы отплываем, герр капитан? — задал я вопрос.

— Осталось несколько мелочей. Понадобится еще один день или чуть больше, чтобы окончательно подготовить лодку к походу. Я хочу покинуть порт после завтрака в среду. Полагаю, к этому времени лодка и экипаж будут готовы.

В 14.00 мы отбыли из Киля. Прощальный банкет был скоротечен, а застолье — всего лишь тенью лукуллова пира, который нам устраивали по этому случаю прежде. Сильная снежная буря помешала духовому оркестру напутствовать нас музыкой на пирсе. Но экипаж это не беспокоило. Ничто не имело значения, кроме нашего отбытия. Мы были уверены, что победа будет завоевана всего через несколько месяцев и нужно лишь успеть потопить столько судов противника, сколько их выпадет на нашу долю.

«У-230» упорно боролась с зимним штормом. Мощные порывы ветра швыряли нам в лицо снег и град. Короткие, жесткие волны били в легкий корпус лодки, мороз схватывал водяные брызги на лету. Мы держали курс на север. Видимость — нулевая. Чтобы двигаться дальше в штормовом

море, мы пользовались своим радаром. Датские проливы были пустынными. Надводные корабли не осмеливались появляться здесь в зимний шторм. «У-230» прокладывала себе путь через узкие проходы между многочисленными островами, осторожно продвигаясь от одного буя к другому.

В 4.00 снег прекратился. На рассвете мы на полных оборотах направились в Норвегию. Пройдя в надводном положении пролив Скагеррак, мы обогнули норвежский берег в форме каблука и проскользнули в фиорд Хардангер, [145] окруженный могучими заснеженными горными вершинами. Весь путь через фиорд Бьерн в гавань Берген нас сопровождали величественные картины природы. В порту мы находились чуть больше одного дня, произведя мелкий ремонт, заполнив цистерны и днище корпуса лодки соляной и пополнив свои продовольственные запасы зеленью и четырьмя бочками свежих яиц. Теперь «У-230» была достаточно оснащена для похода, который вполне вероятно мог увести нас к побережью США и оттуда во Францию.

Путь нам освещало солнце, но своенравный ветер дул в фиорде со скоростью 60 миль в час. У выхода из фиорда открытое море выглядело как гигантский водяной вал. Чтобы сохранить антенну нашего радара, я укрыл ее под обшивку легкого корпуса на мостике. Один из матросов постоянно вращал антенну, представлявшую собой массивный деревянный крест с закрепленными кабелями. Мы называли эту конструкцию «бискайский крест» по имени места, где наши подлодки впервые применили ее.

Когда мы оставили за кормой фиорд Бергена, океан подверг лодку суровому испытанию. Но серьезно пострадал только «бискайский крест». Я спустил сломанную деревянную конструкцию в рубку и приказал срочно отремонтировать ее. Несколько часов мы шли без предупреждения об опасности, противник мог легко запеленговать нас, прежде чем мы узнали бы о его появлении. К счастью, видимость была великолепной и наблюдение за небом не составляло проблем.

«У-230» следовала на северо-запад в пролив между Шетландскими и Фарерскими островами. Мы полагали, что англичане ждут нашего появления там: во враждебно настроенной к нам Норвегии визит подлодки не мог остаться в секрете. Однако в первый день похода не было замечено ни единого самолета противника. Когда «У-230» вошла в опасную зону, штормящее море окутало тьма. Был восстановлен «бискайский крест», ставший мощным подспорьем для предупреждения атак с воздуха. [146]

В 2.20 оператор радара обнаружил цель. Об этом просигналил радиолокатор. Радист доложил:

— Радиолокационный контакт, громкость два, быстро усиливается.

Зигман спрыгнул с койки и бросился в помещение центрального поста. Оттуда он скомандовал на мостик:

— Убрать крест! Тревога!

Двигатели увеличили обороты. Крест упал в помещение центрального поста, на него свалились один за другим вахтенные, окончательно разрушив конструкцию. Лодка зарылась носом в воду и через 20 секунд погрузилась в нее полностью. За 30 секунд стрелка глубиномера переместилась на деление 40 метров, однако корма все еще находилась близко к поверхности. Через 50 секунд жужжание электромотора заглушили четыре мощных разрыва за кормой. «У-230» потрясли мощные толчки. Лодка погрузилась с сильным дифферентом на нос. Затем она метнулась на глубину, швырнув часть экипажа на плиты палубы и ударив тех, у кого были замедленные рефлексy, о переборки.

Фридрих прекратил погружение на глубине 125 метров. Многие члены экипажа выглядели неважно. Для них это была первая бомбардировка. Однако «У-230» выдержала первое испытание

и оставалась на ходу. В 4.30 мы всплыли. Вокруг расстилось пустынное море, миролюбиво мерцавшее при лунном свете. Наш «бискайский крест» с трудом, но починили. Один из вахтенных вращал хрупкую конструкцию, пока радист, находившийся в корпусе лодки, напряженно слушал.

В эту ночь мы еще раз совершили срочное погружение, а на следующий день пришлось опускаться в море четыре раза. Самолеты сбрасывали на нас кассеты глубинных бомб. Мы вынуждены были постоянно ожидать угрозы с воздуха и все время пристально следили за небом. В период между атаками лодка прошла пролив между двумя архипелагами, оставив опасную зону далеко позади. [147]

Бурным морем мы вышли к заданной точке в 600 милях к востоку от Ньюфаундленда. Обстановка внутри лодки осложнилась. В ногах плескалась морская вода, проникшая в корпус сквозь открытый рубочный люк. Высокая влажность приводила к порче продовольствия, вызывала дряблость кожи и размягчала навигационные карты. Невыносимый запах стоял в подлодке. Он шел от солярки, которую мы загрузили про запас в днище, и пропитал всю нашу одежду, да и пищу, которая имела теперь привкус машинного масла. Постоянная качка оказалась непосильным испытанием для тех, кто не привык к штормам Атлантики и не обладал крепким желудком. У многих подводников пропал аппетит. Оставалась лишь небольшая группа здоровых людей, способных питаться яйцами из четырех бочек, пока они не успели еще испортиться. Чтобы помочь им, я поглощал яйца целый день в разных видах: сырыми перед вахтой на мостике, в виде яичницы после вахты, вареными без скорлупы или вкрутую на завтрак и обед и всмятку, когда было желание съесть их больше нормы.

Теперь мы боролись с февральскими штормами, самыми свирепыми в зимние месяцы. Море кипело, пенилось и бурлило. Порывы сильного ветра гнали волны одну за другой через Атлантику с запада на восток. «У-230» с трудом пробивалась через мощные водовороты, преодолевая гигантские гребни волн. Одна морская лавина бросала лодку вверх, другая опускала вниз, третья накрывала ее тоннами воды. Злобные ветры, завывавшие самым высоким дискантом и рокотавшие тяжелым басом, дули над kloчочущим морем со скоростью 150 миль в час. Стоя на вахте, мы с трудом выдерживали хлесткие удары снежной крупы, града, ледяных брызг. Они били в наши резиновые водолазные костюмы, секли как бритва лицо, угрожали сорвать защитные очки. Лишь стальной пояс позволял нам удерживаться на лодке и сохранить жизнь. Внутри прыгающей стальной скорлупки сильная качка швыряла нас на палубу, вертела и крутила, как марионеток. И все же мы умудрились [148] преодолеть яростный ветер и бурное море и прибыли в заданный квадрат.

С тех пор как я в последний раз принял участие в боевых действиях, их масштабы резко возросли. Наши подлодки больше не уходили в одиночное плавание или небольшими «волчьими стаями» по 3-4 единицы. Теперь мы патрулировали Северную Атлантику бригадами по 20-40 единиц, покрывая обширные районы с математической точностью и под контролем штаба. Приблизительно 100 из 250 действующих подлодок флота сейчас крейсировали водах семи морей. В нашей большой бригаде «У-230» несла патрульную службу на крайнем севере. Дважды за 10 дней мы выходили по приказам штаба на поиск предполагаемого конвоя. Снежные завесы ограничили видимость в лучшем случае до одной мили. У нас были минимальные шансы обнаружить конвой. Тем не менее нам сопутствовала удача.

Я только что освободился от вахты и сливал литры соленой воды со своего водонепроницаемого костюма, когда капитан просунул голову в помещение центрального поста. Его румяное лицо, обрамленное снизу рыжей бородой, а также белые зубы сияли.

— Старпом, повоем немножко, — сказал он мне. — Одна из наших лодок сообщила, что обнаружила конвой. Оба двигателя — полный вперед!

Новость быстро распространилась по кораблю. Я развесил свое мокрое нижнее белье в кормовом торпедном отсеке, пробежал голым к своей койке и надел сухую смену. После этого присоединился к участникам небольшого совещания в капитанском углу. Мы склонились над размякшей картой, на которой Прагер отметил исходя из радиосообщений маршрут конвоя. И хотя погода была не очень благоприятной, мы выработали наиболее перспективный план атаки противника.

Пока грохочущие дизели ускоряли вращение валов, а лодка неслась вперед на гигантских волнах, торпедисты готовили к стрельбе аппараты, механики заправляли соляжкой [149] двигатели, а радисты дешифровывали радиограммы. Все отлично справлялись со своими обязанностями, хотя многие впервые переживали азарт охоты за конвоем. Ветер дул с кормы и припечатывал вахтенных на мостике к ограждению, как мокрые листья к стене. Могучие волны поднимали нашу лодку и несли вперед. Только к вечеру сила шторма ослабла, но, как только наступил рассвет, он возобновился с новой силой. Волны вырастали до неба. В конце дня мы приблизились к конвою и приготовились к атаке.

21.38. Первый взрыв торпеды дал нам разрядку. Теперь началось состязание за количество потопленных судов.

21.43. Еще один взрыв. Вспышка. Языки пламени демаскировали конвой. Мы скорректировали курс и рванулись вперед, на север, параллельно волнам. Видимость была близка к нулю: горящие суда противника за волнами не просматривались.

— Аппараты один-пять затопить, подготовиться к стрельбе! — скомандовал я громко, опасаясь, что мою команду могут не услышать во время шторма.

22.15. В фокусе наших биноклей впереди по левому борту показались два эсминца, маневрировавшие зигзагами. В то время как низкий силуэт «У-230» закрывался громадами волн, эскорты надменно демонстрировали свои высокие черные профили. Их беспорядочное движение заставляло нас несколько раз менять курс. Наконец, рассекая набегавшие волны и двигаясь больше в погруженном, чем надводном положении, мы повернули левым бортом, чтобы выйти за линию охранения.

70 минут наша лодка продолжала преследование конвоя, двигаясь в темноте сквозь снежный шквал. Вдруг с левого борта возникли три эскорта. Быстрым поворотом вправо «У-230» зарылась в подошву волны. Мы ушли незамеченными, оставив эсминцы в 600 метрах за кормой. Через пять минут повернули снова на север.

Затем... Прямо перед нами взметнулся огненный столб. В момент вспышки мы обнаружили конвой. Вскоре я увидел [150] в бинокль череду теней. Через несколько минут они превратились в гигантские транспорты. Два эсминца сопровождали их на правом фланге, двигаясь зигзагообразным курсом под углом 90 градусов, один эскорт шел по левому флангу. Мы пристроились в правую колонну конвоя, здесь сконцентрировались наиболее крупные суда. Прорыв в середину конвоя казался невозможным. Но не все было так безнадежно.

Шторм мешал мне прицелиться своим ПУС и метко выстрелить, поэтому я решил дать два веерных залпа.

— Герр капитан, — обратился я к командиру. — Я пускаю четыре торпеды с носовых аппаратов по левому борту.

Зигман понял. Он подкорректировал курс, и «У-230» вышла на угол атаки, обойдя с фланга колонну конвоя. После моей команды «Пли!» лодка вздрогнула четыре раза. На часах было 23.20.

Четыре торпеды ушли веером. Капитан развернул лодку, чтобы предоставить мне возможность дать еще один залп. Однако «У-230» врезалась носом в набегавшую волну, лишив меня возможности действовать дальше. Но вот вырос огненный шар. Попадание! Затем вторая вспышка! Третья! Три мощных взрыва взметнули в небо фонтан огня и искр. Затем пожар стал затухать. Транспорты медленно догорали, их подъемные стрелы торчали в ночи. Конвой подавал сигнал бедствия. Сигнальные ракеты взвивались вверх и падали, однако шторм уносил фейерверк, как клочки горящей бумаги. Парашюты осветительных факелов не раскрывались, они стремительно неслись в воду. Вскоре место сражения окутала тьма. Далеко за кормой три подбитых транспорта медленно уходили под воду.

Где-то на северо-востоке прогремел еще один взрыв. Конвой атаковали другие подлодки, раздробив силы его боевого охранения. Вверх взметнулась стена огня и воды. Пока громыхала битва, мы отстали от конвоя, чтобы зарядить торпедные аппараты. Торпедисты внизу; начали [151] тяжелую работу, помещая торпеды в аппараты при помощи тележек и цепей. Чтобы облегчить им работу, капитан повернул на восток по ветру.

Затем мы обнаружили эсминца, силуэт которого чернел среди беснующейся морской стихии. Двигаясь против течения, он зарывался носом в волны. Двигаться на восток нам было легче, чем эскорту — на запад. Громады волн били в надстройку эсминца, вызывая столь опасный крен, что корабль почти касался жерлами орудий поверхности моря. Я был убежден, что находиться на подлодке безопаснее, чем на надводном корабле, и никогда бы не сменил своей профессии подводника. Под ураганный ветер наш экипаж трудился до седьмого пота, заряжая торпедные аппараты, поддерживая работу двигателей и плавучесть лодки.

Когда торпедные аппараты были перезаряжены, мы потеряли конвой из вида. С рассветом начали снова искать его среди громад волн. «У-230» карабкалась на гребни, задерживалась наверху, срывалась вниз и зарывалась в подошвы волн. Эти часы рискованного пребывания на мостике дарили нам прекрасные мгновения. Когда лодка поднималась на гигантскую волну, мы видели с альпийской высоты глубокие ямы, оказывающиеся в 50-60 метрах ниже. Когда же лодка срывалась вниз, нам казалось, что верхушки волн смыкаются, закрывая небо. Водяные валы, вздымаясь на семидесятиметровую высоту и накрывая нас на мостике, заставляли на долгие секунды задерживать дыхание и придавливали к мостику. К 9.00 высота волн настолько выросла, что в таких условиях стало бессмысленно искать конвой. Приказ капитана на погружение был встречен командой с удовлетворением. Вскоре мы опустились на глубину 140 метров, ощущая даже там легкое покачивание от бесновавшегося на поверхности шторма.

Около полудня, когда я дремал в своей койке, прозвучал голос, как будто из потустороннего мира:

— Шум винтов по пеленгу 3-5. [152]

Акустик произнес это шепотом.

Шум, должно быть, исходил от транспортов конвоя или эсминцев. Зигман приказал стармеху поднять лодку на перископную глубину. Снова я натянул на себя водонепроницаемый костюм и застегнул его до подбородка. Как только «У-230» поднялась на глубину 60 метров, огромная волна вынесла ее из воды, как теннисный мячик. Секундами позже мы с командиром выскочили на мостик. Озираясь кругом, пока цепляли за ограждение стальные пояса, мы уставились друг на друга в изумлении. Подлодка всплыла прямо в середине конвоя!

Не более чем в 400 метрах к востоку под ураганным ветром боролся за выживание поврежденный транспорт. Несколько ближе другой транспорт, у которого был разбит мостик, беспомощно барахтался в воде. Еще шесть судов, поднявшихся на гребнях продольных горообразных волн, обнажили свои медленно поворачивавшиеся винты. Они выстроились в линию, став удобными

мишенями для наших торпед. Повсюду вокруг нас двигались транспорты, большей частью поврежденные. Гигантские волны безжалостно колотили их по корпусам и надстройкам, ломали поручни как солому, срывали со шлюпбалок спасательные шлюпки, деформировали дымовые трубы, гнули мачты и стрелы кранов, пробивали пробоины в корпусах, срывали крышки грузовых люков, разбрасывали грузы по палубам и швыряли за борт. Одна за другой волны били по рулям транспортов, деформируя их баллеры и перья. Чтобы потопить их, не требовалось никаких торпед.

Армада судов, которая тащилась по штормовому морю на восток, была не способна контролировать свой курс. Наша подлодка, находившаяся в окружении транспортов с боевым вооружением на борту и в пределах досягаемости артиллерии эсминца, сама столь неистово плясала на волнах, что могла не опасаться атаки противника. Я представил себе впечатление, которое произвело на экипажи транспортов наше появление. Их ужасала перспектива [153] безнаказанного торпедирования нами транспортов одного за другим, в то время как они были не способны защищаться или избежать гибели. Мысль об этом вызывала ликование в моей душе. Однако «У-230» также не могла атаковать конвой, поскольку торпеды, выпущенные в бушующем море, не попали бы в цель. Мы могли сделать только одно: нырнуть под воду и укрыться от шторма в безопасной глубине.

Через 20 часов радиграмма из штаба обязала все подлодки прервать атаки потрепанного конвоя и доложить о своем местонахождении. Нам сообщили также, что другие лодки потопили шесть транспортов из той же армады. Двенадцать подлодок непрерывно атаковали ее днем и ночью, пока погода не заставила прекратить операции.

«У-230» подала свой голос в эфире, сообщив: «Потоплены три транспорта тоннажем в 16 тысяч тонн. Ждем новых указаний».

Однако три наши подлодки не смогли связаться со штабом. За успех мы заплатили высокую цену — потерей «У-187», «У-609» и «У-624».

Остаток февраля мы продолжали патрулировать свой район охоты в условиях не прекращавшегося шторма. Потери союзников за этот месяц составили 60 кораблей тоннажем более чем 350 тысяч регистровых брутто-тонн, немного больше, чем в феврале прошлого года. 1943 год обещал нам более удачную охоту, чем прежде. Беспокоила только малочисленность конвоев по сравнению с ростом наших амбиций.

На смену охоте за конвоями и атаками пришла рутина. Она была способна свести с ума. Наше небольшое суденышко непрерывно качало, болтало из стороны в сторону и трясло. Дождем сыпались кухонная утварь, запчасти, инструменты и консервы. Фарфоровые чашки и блюда тряслись на плитах палубы или на днище. Моряки, загнанные скопом в переваливавшийся душный [154] стальной цилиндр, стоически переносили качку и монотонное существование. Бывало, что кто-нибудь терял выдержку, но в целом команда сохраняла высокий боевой дух. Подводники были похожи друг на друга внешне, от них одинаково несло вонью, они произносили одни и те же слова и ругательства. Мы научились держаться друг за друга в стальной скорлупе не хуже, чем в железнодорожном вагоне, и проявляли терпимость друг к другу. Не реагировали на то, кто как смеялся и сердился, разговаривал, храпел, потягивал кофе и заботился о своей бороде. Напряжение в нас накапливалось с завершением каждого монотонного дня, однако мы мгновенно получали разрядку, когда находили перспективный для атаки конвой.

Однажды сырым, туманным днем в начале марта капитан присоединился ко мне на мостике.

— Скажи мне, старпом, — начал он, — что случилось с англичанами? Неужели они больше не выходят в море?

— Кажется, у них много проблем, — ответил я, наблюдая за горизонтом в бинокль. — Может, они реорганизуют свои силы, кто знает?

— Скоро что-то должно случиться. Так долго не может продолжаться.

Зигман собирался закурить, когда тяжелая волна обрушилась на мостик, окатив его с головы до ног и смяв сигарету.

— Черт возьми! — выругался капитан. — Тот парень на небесах не дает мне даже покурить. Он покинул мостик, чтобы затянуться сигаретой в рубке. И тут зазвучал голос Риделя:

— Конвой в квадрате АК-79, курс на восток, скорость 9 узлов! Несколько минут спустя капитан вернулся на мостик, одетый в тяжелую маслянистую робу.

— Старпом, я скажу тебе, в чем дело. «Томми» в последнее время перестали посылать небольшие конвои. Англичане [155] ждут, когда в порту соберется 60--70 транспортов перед тем, как они будут проводить конвой. Тот, что заметил Рид ель, — в 120 милях к югу. Он насчитывает 65 судов. Что ж, будем их атаковать. Полный вперед, право руля. Новый курс 1-4.

В этот день, 8 марта, началась охота. Подлодка, обнаружившая конвой противника, посылала радиосигналы через определенные промежутки времени. Снежный шквал ограничивал нашу видимость до нуля и заставлял двигаться порой вслепую. Через 14 тревожных часов мы прошли более 150 миль, но все же продолжали гонку на юго-восток.

В 19.10 мы впервые заметили конвой, двигавшийся под покровом темноты. Один из моих вахтенных, Борхерт, обладавший феноменальным зрением, обнаружил эсmineц. Я рванулся к правому борту и увидел сквозь пелену снега его знакомый силуэт. Корабль противника следовал параллельным курсом. Полагаю, мы шли в таком соседстве некоторое время. Пришлось развернуться влево, показать неприятелю свою корму и удалиться. Однако нас запеленговали. Эскорт непостижимым образом развернулся, и мы оказались у него прямо по курсу. Зигман включил двигатели на полные обороты и повернул левым бортом прямо в снежную завесу. Мы отслеживали направление снежного шкала и прятались за ним от преследователя. Почувствовав запах дыма и солянки, командир приказал команде занять боевые места.

В 21.30 небо несколько очистилось. В просветах между облаками засверкали яркие звезды, а луна, вышедшая из-за снежной завесы, посеребрила морскую поверхность. Эсmineц, судя по показаниям осциллографа, принял обратный курс. Когда мы избежали опасности, я увидел, что вся восточная часть горизонта усеяна черными точками. Но в это время луна скрылась за облаками, а перед нами опустилась снежная завеса. Через две минуты, когда луна снова вышла, мы обнаружили по левому борту [156] еще один эсmineц. Пришлось развернуться правым бортом и на полном ходу врезаться в пушистую снежную пелену.

22.35. Впереди прогрехотали два взрыва. Мы поспешили к месту сражения. Через 30 минут изменили курс, чтобы обойти эсmineц по правому борту. Затем Зигман выправил курс в направлении взрывов. Однако конвой словно растворился в воздухе.

02.40. Впереди отчетливые цели — транспорты. Я стал готовиться. Две-три минуты, и «У-230» вышла на угол атаки. Неожиданно последовал маневр конвоя. Весь его строй показал нам корму. С правого борта показался сторожевик, заставив нас удалиться. После дерзкого двухмильного рывка

сквозь снег с дождем и град мы чуть не врезались в мощную корму транспорта. Дистанция 400 метров. Я прицелился и выстрелил торпедой.

Транспорт раскололся как раз перед мостиком. Конвой послал в небо сонм сигнальных ракет. Они взмывали к облакам, давали яркую вспышку и угасали в снежной лавине. Когда транспорт развалился, мы стали готовиться к новой атаке.

Однако темнота отступала, и утренний свет застал нас между конвоем и строем эсминцев. Мы бороздили бурное море, следили за перемещениями эсминцев и удалялись, маневрируя под покровом снежного шквала, вдыхая гарь из почти 60 дымящихся труб транспортов. В этот день мы семь или восемь раз пеленговали приближавшиеся эсминцы и в полдень погружались на короткое время, чтобы определить курс конвоя акустическими средствами. В 20.00 штаб потребовал от подлодок сообщить свои координаты. Подсчитав все доклады, мы узнали, что в охоте на конвой участвовала «волчья стая» из 18 подлодок.

22.15. По правому борту — низкая тень. Это — эсминец на дистанции 1400 метров. На верхушке его мачты горел красный свет. Видимо, он искал моряков, выживших после гибели транспортов. [157]

22.40. Впереди по левому борту огромная тень транспорта. Позади тень поменьше — эскорт. Когда он пересек наш курс, транспорт исчез. Мы погнались за ним, но наткнулись на другой эсминец. Зигман проворчал сердито:

— Сколько же этих жестянок в конвое?

Маневрируя, мы уклонились от встречи и ушли незамеченными.

23.10. По правому борту два силуэта — высоких и объемных. По левому — один низкий силуэт. Выведя лодку на угол атаки, Зигман прокричал сквозь завывание ветра:

— Теперь твоя очередь, старпом! Я прицелился и скомандовал:

— Аппараты один-три, пли!

Судьба транспорта была решена в 23.25. Пока торпеды мчались к цели, «У-230» двигалась прямо по курсу. Я наметил три цели и приготовился сделать быстрый залп оставшимися торпедами. Прежде чем я дернул рычаг, взорвались торпеды, ушедшие первыми. Огненный столб взметнулся с транспорта. Это был его конец, но и конец моей стрельбы. К нам поспешили два эсминца. Лодка, описав крутую дугу, помчалась подальше от опасности. Мы обогнули корму гибнувшего транспорта приблизительно на дистанции 70 метров, отгородившись им от преследовавших нас эсминцев. Но затем преграда исчезла — транспорт утонул. «У-230» двигалась по ветру, рассекая гребни волн, затем пошла зигзагообразным курсом, стремясь уйти от эсминцев. Резкий поворот направо, и через несколько минут мы укрылись за завесой града. Однако конвой потеряли. После полуночи мы не обнаружили никаких его признаков. Три часа вели поиск конвоя в северном направлении, потом повернули на восток. Несколько раз видели сторожевиков, но ни единого транспорта.

10 марта. 06.40. Капитан отпустил измученную команду на отдых и сам спустился с мостика подремать. [158] Я остался на мостике, чтобы закончить вахту. Вокруг меня поднимались и опускались грязно-зеленые волны с длинными белыми разводами пены. Они были похожи на мрамор. Оглушающий ветер гнал низко над головами вахтенных серые облака. Из них на нас сыпались снег и град.

7.10. Я начал чихать, вдохнув раздражающий запах дыма и гари.

7.13. Вырвавшись из снежной завесы, мы увидели шесть кораблей, тяжело переваливавшихся на волнах и освещенных золотистыми лучами солнца.

— Командира — на мостик, команда — по местам, — скомандовал я в рубку.

Затем раздался оглушительный грохот. Ближайшее к нам судно — транспорт водоизмещением десять тысяч тонн — взорвалось и начало разлетаться на куски. Ударная волна толкнула нас с такой силой, что легкие готовы были лопнуть. Зигман просунул голову в рубочный люк, но тотчас нырнул обратно в рубку, когда увидел, что вокруг падают стальные обломки, поднятые вверх мощным взрывом. Я вместе с вахтенными укрылся за ограждением рубки и увидел пять транспортов, барахтавшихся на волнах, а также выскочившие из-за одного транспорта два эсминца по правому борту на дистанции 1000 метров. Третий эскорт мчался к нам за кормой. Крайне встревоженный, я скомандовал:

— Очистить мостик, самый полный вперед, тревога!

У нас был лишь один выход — погрузиться на большую глубину и принять на себя возмездие за торпедную атаку другой лодки. Но присутствие поблизости гигантов, качавшихся на волнах, словно заворачивало нас. Все, кто мог, толкались в носовом торпедном отсеке. Вес торпед давал лодке небольшой дифферент на нос, между тем как угрожающий шум винтов неумолимо приближавшихся к нам эскадронов становился все громче. Страхнув с себя безрассудство, я заставил «У-230» нырнуть в глубину океана. Восемь разрывов глубинных бомб свирепо встряхнули [159] лодку и придали ускорение ее погружению. Фридриху удалось остановить падение лодки в 200 метрах от поверхности и выровнять ее. В полной тишине «У-230» описывала под водой широкую зигзагообразную дугу. Пока конвой удалялся в восточном направлении, импульсы «асдика» настойчиво и угрожающе колотили по корпусу лодки. Через 15 минут после первой бомбардировки новые кассеты из 16 глубинных бомб с адским грохотом разорвались над нашей рубкой. Под действием взрывной волны корпус закрипел, полопались деревянные переборки. Мы резко поменяли курс, чтобы нас не накрыла следующая серия. Однако противник был достаточно опытен. Раздалось еще 24 всплеска от сброшенных в воду зарядов, которые, уйдя на определенную глубину, взорвались неподалеку от кормы нашей лодки. Третья серия взрывов вновь швырнула нас на плиты палубы. Бородатые физиономии тревожно искали налитыми кровью глазами трещины в корпусе лодки. Электрик в кормовом отсеке прошептал:

— В насадке гребного винта сильная течь.

Главмех безуспешно пытался выровнять лодку. Через течь в кормовое днище попало много воды, усилив дифферент на корму. «У-230» уходила вглубь с возросшей скоростью. Мощные разрывы глубинных бомб раздавались каждые 20 минут. Девять часов спустя эскадры все еще продолжали бомбардировку. Холод проникал сквозь стальной корпус лодки. Нас прошиб озноб. Влага конденсировалась на поверхности корпуса, трубопроводов и патрубков, от капли сверху мы промокли до костей. «У-230» с дифферентом на корму под углом 30 градусов, с бездействовавшими носовыми и кормовыми горизонтальными рулями предпринимала отчаянные усилия, чтобы остановить дальнейшее падение. Она уже опустилась на глубину 245 метров. Если эскадры не уйдут, то мы, без сомнения погибнем на океанском дне, находящемся в пяти тысячах метров под нами. Однако к концу дня три эсминца развернулись и поспешили за [160] конвоем. Еще два часа мы оставались под водой на более благоприятной глубине, затем всплыли.

Я дал себе клятву найти командира подлодки, торпедная атака которой навела на нас эсминцы. Через несколько недель я выяснил, что это была «У-221» с капитаном Троером, потопившим транспорт с боеприпасами. Однако мне так и не удалось рассказать ему о том, какие неприятности навлек на нас его успех. «У-221» не вернулась из очередного боевого похода.

Мы проветрили отсеки, устранили течь, выкачали воду из днища, перезарядили аккумуляторные батареи. Затем радировали в штаб о своих успешных атаках на конвой, чего не смогли сделать раньше, и на полных оборотах устремились в ночную тьму. Рано утром Ридель расшифровал важную радиограмму от Льва. В ней сообщалось, что за трое суток охоты наша «волчья стая» потопила шесть транспортов противника тоннажем 50 тысяч тонн. Что более важно, нам было приказано прекратить охоту на конвой СЦ-121 и перейти в другую «стаю», созданную для атак на конвой, ожидавшийся из Галифакса. Из ряда принятых радиограмм напрашивался вывод: штаб что-то затевает. В зону площадью 80 тысяч квадратных миль, через которую проходили основные судоходные линии Северной Атлантики, было направлено минимум 40 лодок.

«У-230», прибыв в заданный квадрат, три дня крейсировала в условиях жестокого шторма. 16 марта одна из наших подлодок обнаружила конвой СЦ-122 и радировала об этом. 40 подлодок, патрулировавших зону, получили из штаба срочный приказ: «Всем подлодкам следовать на перехват конвоя в сетке квадрата ВД-14. В конвое свыше 60 транспортов. Курс северо-восток. Скорость 9 узлов».

Мы прикинули, что сможем настигнуть конвой через 12-14 часов, и стремительно понеслись к новым целям. Несмотря на изнурительную борьбу в течение семи недель со штормом и неприятелем, боевой дух команды [161] оставался на высоте. Где-то на востоке, уже погрузившемся в ночную тьму, двигался конвой с офицерами и командами настороже. Ведь их постоянно подстерегала угроза быть обнаруженными, атакованными, покалеченными и убитыми. Она возрастала с каждой пройденной конвоем милей, а в центре Атлантики вообще была смертельно опасной. Роковой момент наступил на следующую ночь.

Через два часа после захода солнца за быстро несущимися по небу облаками показалась луна. Ее бледно-желтый свет не был нашим союзником. Он лишил нас возможности атаковать с близкой дистанции. С наступлением ночи сила ветра несколько ослабла.

Бохерт, матрос с острым зрением, увидел тень первым и доложил:

—Эсминец курсом на север, дистанция 4000 метров.

—Следи за ним, сынок. Скажешь, когда он изменит курс, — тихо отреагировал Зигман, не покидая своего угла.

У нас не было средств, чтобы выяснить, запеленгованы мы или нет. «Бискайским крестом» мы уже давно не пользовались. От него не было никакой пользы во время атаки или патрулирования в центре Атлантики, где угрозы воздушного нападения не существовало. Вскоре едва различимый силуэт эминца пропал из виду. Часы показывали 21.30. Следующие два часа мы бороздили море под завывание ветра и снежные шквалы. Лодка разбивала волны на брызги и пену, оставляя за полупогруженной в воду рубкой бурлящий водоворот. Это могло демаскировать нас в непосредственной близости от противника.

22.40. Бохерт опять обнаружил конвой:

—Тень с левого борта. Дистанция 6500 метров. Там целое стадо!

Крохотные тени, величиной с клопа, двигались вдоль слабо различимого при лунном свете горизонта. Периодически этот строй призраков закрывали высокие продольные волны. Мы подошли к конвою с юго-запада, [162] стремясь выйти со стороны его правой колонны. Вскоре приблизились с южной стороны к этой колонне на дистанцию четыре тысячи метров и пошли параллельным курсом по ветру. Теперь предстояло определить перспективные цели.

23.30. Из темноты выскочил первый эсминец из боевого охранения конвоя. Несколько минут он шел на большой скорости между нами и конвоем, затем развернулся на 120 градусов, пристроился к нам в кильватер и, снова изменив курс, быстро приблизился к колонне медленно передвигавшихся транспортов. Следуя параллельным курсом с южной стороны конвоя, «У-230» зашла слишком далеко вперед, чтобы выйти на угол атаки. Но, как только мы пытались изменить курс, лодка попадала в сильную качку. Предательски белый след пены за рубкой становился шире и отсвечивал под луной, как мощный фонарь. Тотчас из темной завесы выделилась тень, приобретшая ясные очертания эсминца. Причем он был не один. За ним следовал другой эскорт. Лодка развернулась и поспешила укрыться среди высоких волн. Мы видели, как эскорты помчались на юг, минуту следили за ними, а затем снова изменили курс и продолжили охоту за конвоем.

Хотя «У-230» мешали мощные удары волн, она упорно стремилась выйти на атакующую позицию. Вдали по левому борту вели поиск три сторожевика, за кормой рыскали два эсминца. Впереди нас шел на всех парах крупнейший из всех конвоев, когда-либо пересекавших Атлантику. Через линзы ПУС я видел, как проползает тень за тенью. Мачты торчали, как колья массивного забора.

— Эсминцы за кормой, быстро приближаются, — предупредил один из вахтенных.

Я увидел мчавшихся к нам на большой скорости монстров даже без бинокля. Ключья белой пены отлетали от их форштевней и мостиков. Однако «У-230» не предпринимала попыток уйти от эсминцев. Сначала мы должны были атаковать конвой. [163]

— Старпом, целься! — крикнул Зигман, перекрывая грохот шторма.

— Аппараты от первого до пятого — товсь! — скомандовал я в рубочный люк.

— Готов, готов, — слышалось оттуда.

— Что эти парни делают за кормой? — снова раздался голос капитана. Прежде чем вахтенный смог ответить, я пнул его под ребро, чтобы он не раскрывал рта, и доложил:

— Двигутся на безопасной дистанции.

Я лукавил. Эскорты приближались, но у меня уже были намечены перспективные цели. В сетке ПУС я видел, как транспорты передвигаются один за другим, и выбирал наиболее крупные из них.

— Время, старпом, — пли! — крикнул капитан.

Я пять раз дернул за рычаг. Зигман сразу же развернул лодку в направлении хвостовых транспортов конвоя, чтобы уйти от эсминцев. Мы устремились прямо в набегавшие океанские волны, эскорты не могли повторить наш маневр. Затем услышали грохот трех тяжелых взрывов. Ослепительные сполохи огня высветили бесчисленное множество транспортов, эсминцев и сторожевиков. Три транспорта выбыли из колонны, обратившись в горящие факелы. Конвой резко свернул влево, посылая ракетами сигналы бедствия. «У-230» направила свой острый форштевень на запад и поспешила укрыться за огромными валами черных волн, гонимых зимним штормом. Суматоха, возбуждение и сполохи пламени улеглись. Наступила тишина. Два подбитых транспорта остались тонуть в бурном море. Третий дрейфовал вне пределов нашей видимости, мы так и не узнали, как он утонул. Конвой скрылся за бушующими волнами океана.

«У-230», израсходовавшая все торпеды, покидала поле битвы. Среди ночи мы наблюдали новые вспышки огня и слышали грохот разрывов торпед. Когда взошло утреннее солнце, под лучами которого на ясном голубом небе неслись розовые и золотистые облака испарившегося тумана,

[164] когда растаяли сугробы в штормовом море, союзники потеряли 14 транспортов тоннажем в 90 тысяч тонн. Еще шесть транспортов тащились по волнам поврежденными.

Из-за острой нехватки солянки и продовольствия «У-230» взяла курс на базу. Мы передали в штаб итоговую радиограмму: «Потоплено семь транспортов тоннажем 35 тысяч тонн. Еще два повреждены. Идем на базу».

Когда мы следовали на юг, рассекая волны, охота на конвой СЦ-122 продолжалась с нарастающей силой. Х концу 17 марта еще восемь транспортов отправились на дно. Когда спустилась ночь на 18 марта, грохот от разрывов глубинных бомб и торпед возобновился, продолжалась отчаянная борьба конвоя за выживание. На следующий день наши подлодки все еще охотились на противника, атакуя изрядно сократившуюся армаду его судов. Затем они обнаружили другой конвой, следовавший за СЦ-122. Они пробились на фланги конвоя НХ-229 сквозь боевое охранение эскортов, снежную бурю и громады волн. Разгорелось новое сражение. Вскоре два потрепанных конвоя были втянуты в гигантскую битву, в которой 130 транспортов, более 30 эсминцев и сторожевиков противостояли 38 подлодкам. Бой продолжался еще две ночи и три дня. На великих судоходных путях грохотали разрывы торпед, поражающих надводные корабли, и глубинных бомб, раскалывавших корпус подлодок.

Эти адские сражения заканчивались только тогда, когда подлодки исчерпывали запасы горючего и торпед, зимние штормы закрывали конвои завесами снега и тумана, а остатки конвоев входили в зону контроля своей авиации. Эти сражения усеяли дно Атлантики обломками кораблей союзников. О масштабах нашей победы свидетельствует лаконичное сообщение штаба подводных сил: «В целом было потоплено 32 транспорта тоннажем 186 тысяч тонн и один эсминец. Девять других транспортов получили повреждения. Это самый крупный [165] успех, когда-либо достигнутый нами в битвах против конвоев. Его значение тем более велико, что из всех подлодок, принимавших участие в операции, почти половина отличились тем, что поразила по крайней мере одно судно противника».

В то время как в ходе величайшего в истории морского сражения было потоплено 32 британских, американских, голландских, норвежских, греческих и канадских корабля, мы потеряли единственную подлодку. «У-384» стала жертвой бомбардировки самолетов британской береговой авиации в последний день гигантской битвы.

Через четыре дня «У-230» подошла к западным границам Бискайского залива. Наша поржавевшая побитая посуда делала 14 узлов. Зигман повел ее в Брест, порт, где я оставил свою Ивонну. Я был переполнен радостью от перспективы встречи с ней, и особенно от наших побед. Казалось, что в этом мире все будет в порядке.

ЧАСТЬ II.

НАД НАМИ — АД

ГЛАВА 10

Наш переход по пути в Брест через Бискайский залив стал невольно предвестником будущих несчастий. 25 марта, пятый день после грандиозной битвы за конвои, прошел без приключений. В сгущавшихся сумерках позднего вечера мы осторожно двигались в восточном направлении, предварительно заполнив цистерны балласта, надраив палубу и настроив радар «метокс» на обнаружение угрозы нападения с воздуха. В эту ночь радар трижды просигналил об опасности и мы производили срочное погружение. Самолет противника сбрасывал глубинные бомбы нам вслед.

Утром в 10.12 глазастый Борхерт протянул вверх руки и крикнул:

— Самолет!

Увидев крохотный черный мотылек, пикирующий на нас из-за тучи, я швырнул «бискайский крест» в рубку. Все находившиеся на мостике бросились вслед за ним вниз. Когда палуба уже ушла под воду, я снова взглянул на самолет и понял, что мы располагаем не более чем тридцатью секундами до очередной бомбардировки. Затем я нырнул в рубочный люк и захлопнул за собой крышку в тот самый миг, когда гигантская волна накрыла нас. «У-230» скрылась под водой через 18 секунд, сохранив в запасе минимум 10 секунд для спасения от

бомбежки. Когда лодка нырнула в глубину с дифферентом 50 градусов, пилот самолета взял за ориентир для бомбометания пенистый след на месте нашего погружения. Четыре бомбы взорвались рядом с кормовыми цистернами балласта по правому борту. Взрывы приподняли корму лодки над поверхностью залива, создав у пилота впечатление, что ему удалось нанести нам роковой удар.

Находясь под водой, мы удивлялись тому, что наш радар не подавал никаких сигналов опасности. Мы провели в погруженном положении более получаса. Затем всплыли, но только на очень короткий промежуток времени.

12.25. Срочное погружение при появлении двухмоторного самолета. Никаких признаков использования пилотом радиолокатора.

12.50. «У-230» всплыла.

13.32. Тревога. Самолет. Никакого радиолокационного поиска. Четыре бомбы взорвались недалеко от лодки. Заклинило кормовые горизонтальные рули.

14.05. Всплыли на большой скорости.

14.22. Тревога. Четырехмоторный «сандерлэнд». Резкие перекладки рулей. Разорвались еще четыре бомбы.

Стало очевидно, что англичане усилили патрулирование авиацией Бискайского залива. Зигман решил следовать днем в погруженном положении и всплывать на поверхность только ночью, когда «томми» для обнаружения нас будут вынуждены использовать радары. Однако эта ночь мало чем отличалась от дня. Мы трижды производили срочное погружение, уклонившись на грани гибели от двенадцати бомб. Весь следующий день мы оставались под водой, двигаясь со скоростью три узла, и настороженно вслушивались в шум пропеллеров самолетов британской эскадрильи, направленной в район, который примыкал к нашим базам на побережье Франции. Мы постоянно слышали отдаленные разрывы глубинных бомб. Поразительно, сколь оживилось судоходство в Бискайском заливе.

После рассвета на следующий день мы были вынуждены шесть раз производить срочное погружение, за которым следовал неизбежный сброс кассеты из четырех бомб. Однако каждый раз нам удавалось избежать поражения смертоносным зарядом и всплывать на поверхность. Следующий день мы двигались под водой на глубине 60 метров, не избежав, однако, спорадических и необъяснимых бомбардировок. В сумерках мы всплыли и около полуночи вошли в зону промысла сардин большой флотилии французских траулеров. Их присутствие спасало нас от дальнейших бомбардировок. Когда мы слышали ненароком рев авиационных двигателей, то прижимались к рыболовным судам, пугая своим маневром французских рыбаков. Вскоре после полудня мы вышли на место встречи с нашим эскортом, однако море в этом месте было совершенно пусто. Все складывалось не так, как нам хотелось. Мы не возлагали больших надежд на скорое прибытие в порт базирования, но даже малые надежды на это показались неосуществимыми, когда стало известно из перехваченной радиограммы, что «У-655» была потоплена бомбардировкой с воздуха за час до встречи с эскортом.

Совершив очередное погружение, мы стали ждать. Через шесть часов, перед полуднем, судно береговой охраны наконец прибыло. Зигман подождал до тех пор, пока корабль не приблизился настолько, что в окулярах перископа можно было увидеть его капитана. Затем мы всплыли. Из корпуса лодки выбрались наружу изнуренные подводники, жадно вдыхая свежий воздух. Одни принялись заряжать зенитки и пушку, другие, сделав первые неуверенные шаги, падали на палубу. Едва различимая фиолетовая полоса по правому борту свидетельствовала о нашем приближении к берегу. Вскоре при ярком солнечном свете стали отчетливо видны участки зеленых насаждений, белые стены и красные крыши домов. «У-230» без единого выстрела вошла в порт.

Командир, напоминавший своей длинной рыжей бородой викинга, с удовольствием курил сигару. Команда собралась на кормовой палубе, покуривая и перебрасываясь шутками. Лица людей выглядели пожелтевшими. Когда я вел лодку к бетонному причалу, переполненному встречающими, внутренняя бухта взорвалась бурей аплодисментов. Заиграл духовой оркестр. Наши подводники, впервые участвовавшие в боевом походе, были ошеломлены столь восторженным приемом. Даже мы, небольшая группа ветеранов, находили его после восьми недель противоборства со штормом, морскими волнами и противником весьма трогательным.

Прямо перед нами у кромки моря высились гигантские бетонные сооружения — непробиваемые авиабомбами навесы, которые укрывали более 40 подлодок. «У-230» осторожно подошла к одному из причалов.

— Средний назад. Застопорить двигатели. Закрепить концы.

Публика на берегу затихла. Команда лодки выстроилась на палубе. Я доложил о построении капитану, а Зигман отдал рапорт командующему Девятой флотилией подводных лодок. После того как мы, исхудавшие бородатые герои, пройдя по сходням, осторожно ступили на твердую землю, нас засыпали цветами и зацеловали всегда находчивые девушки из административных органов базы.

Пошатываясь с не привычки на твердой земле, мы перенесли свои пожитки в одно из многоэтажных зданий, которое принадлежало флотилии. Я обратил внимание на то, что наш огороженный комплекс зданий содержался в хорошем состоянии и бдительно охранялся. Некоторые постройки были закрыты маскировочной сеткой, чтобы ввести в заблуждение пилотов бомбардировочной авиации неприятеля. Этот военный городок должен был стать моим домом во время наших стоянок в порту.

Перед тем как побриться, нам пришлось принять участие в приемах и торжествах, которые окончились далеко за полночь. Гордые боевыми успехами и жадные до удовольствий, мы проявляли сверхусердие во всем. Объедались обильной пищей Бретани, пили много французского вина, чересчур громко пели, шутили и смеялись. Никто не упрекал нас за излишества. Было приятно сознавать, что окружающие понимают наше состояние после пережитых испытаний.

Утром в 8.00 я построил экипаж лодки на асфальтированной площадке. На переключку явилось лишь несколько человек. Остальные были недееспособны. Несколько часов я занимался приведением их в чувство, особенно Риделя и Фридриха, а также подготовкой документов для доклада командира в штабе. Только проведя в заботах на берегу 16 часов, я смог подумать о себе. Принял продолжительную горячую ванну, тщательно выбрил девятидневную черную бороду, надел свежую форму и подстригся в парикмахерской. Затем в обновленном состоянии я отсортировал почту и принялся читать адресованные мне письма. Первыми вскрыл розовые конверты от Марианны. Судя по одному из ее писем, в Берлине было неспокойно.

«На прошлой неделе снова были воздушные налеты англичан, — писала Марианна, — четыре раза ночью и два раза каждый день. Они ужасны. Как ты знаешь, я работаю в центре Берлина и на прошлой неделе провела много времени в бомбоубежище в подвале под зданием, где расположен наш офис. Пока я там пряталась, бомба угодила в здание напротив и полностью его разрушила. Никто не спасся. Все были похоронены заживо в подвале — какой смысл прятаться в таких убежищах? По дороге домой я видела пожары, разрушения и погибших людей. Все время плакала. В этот день под обломками погибла моя лучшая подруга. Не могу понять, почему мы не можем отогнать «томми». Ведь это столица страны, она должна быть лучше защищена. Трудно сказать, до чего мы дойдем. Геринг обещал, что ни один вражеский самолет не пролетит над Германией. Куда он делся со своим обещанием? О нем ничего не слышно в последнее время.

Вчера я слышала новости об успехах наших подводных лодок в Атлантике и думала о тебе. Родной мой, я молюсь, чтобы ты всегда возвращался живым из своих походов и находил мои письма. Я постоянно думаю о тебе и хочу быть с тобой. Пожалуйста, береги себя. Когда кончится война, вернется все то, что было на озере Констанца под ореховым деревом в длинные теплые летние ночи 1939 года...»

Я был встревожен. Думал о том, чтобы уговорить Марианну оставить столицу и поселиться, хотя бы на некоторое время, в провинции. Мать писала: «Воздушные налеты были в районе Франкфурта. Соседи помогали друг другу в тушении на крышах зажигательных бомб, иногда сбрасываемых британскими пилотами. Отец много работает, а Труд, теперь уже семь месяцев «невеста войны», помогает отцу в качестве секретаря его офиса». Новости из дома порадовали меня. В своих письмах матери и Марианне я убеждал их, что скоро все изменится к лучшему.

Я твердо верил в это, несмотря на явное ухудшение ситуации. Воздушные рейды противника на немецкие города неуклонно возрастали по числу и масштабам, переходя грань простого запугивания. Газеты и радио сообщали о разрушениях и человеческих жертвах в результате налетов уклончиво, но я чувствовал, что нас настигает суровое возмездие.

Этот вывод подкреплялся горькими фактами. С большой неохотой я был вынужден согласиться с доводом, что за время нашего пребывания в море на Восточном фронте произошел

неблагоприятный для нас поворот. Очевидно, в результате зимнего наступления Советов мы потерпели поражение в Сталинграде, где была разбита наша 6-я армия. Вести с североафриканского театра войны были также неутешительны. Англичане неумолимо наступали в пустыне с большим или меньшим успехом. Тем не менее мне казалось, что эти неудачи носили местный характер и не влияли на общий исход войны.

Фактически Германия добивалась существенных успехов только в морских сражениях. Битва за Атлантику развивалась благоприятно для нас. Наши подлодки, сведенные теперь в большие «волчьи стаи», потопили невероятное число кораблей союзников на фронте от Полярного круга до Карибского моря. Март 1943 года стал для нас самым успешным месяцем в истории подводной войны. Наши подлодки отправили на дно суда союзников общим тоннажем в миллион тонн. Сейчас около 250 подлодок совершали боевое патрулирование в различных морях, проводили учебные переходы в Балтийском море, переоснащались в портах, были близки к выходу из сухих доков после ремонта. Наша программа строительства подлодок стала приоритетом военного производства.

Правда, даже в морских сражениях наши успехи достигались нелегкой ценой. С увеличением размеров конвоев резко улучшилась координация в мерах по их защите между боевыми подразделениями ВМС Великобритании и США. Суда сопровождения нового типа, быстрые и высокоманевренные сторожевые корабли — корветы -- представляли серьезную опасность для подлодок, атакующих конвои. Но самую большую угрозу представляла авиация противника. Все больше и больше самолетов появлялись в самых отдаленных районах моря. Они с возрастающей точностью бомбили наши подлодки на подходах к своим базам или на выходе из них. Угроза с воздуха создала для нас новую проблему в подводной войне, трудно было угнаться за быстро меняющейся обстановкой.

Как мне представлялось, исход войны теперь зависел от операций подводного флота в Атлантике. Было очевидно, что союзники оправились от наших ударов и их боеспособность поддерживалась поставками продовольствия и оборудования через Атлантику. Нашим подлодкам необходимо было помешать конвоям, следующим в порты Великобритании, а также в Мурманск и Архангельск. Мы должны были уничтожить противника на море прежде, чем он смог бы накопить силы для вторжения в Европу. И мы выполним эту задачу!

При помощи всей команды «У-230» была быстро демонтирована для последующих ремонтных работ и в конце второго дня нашего пребывания в порту перешла в ведение морских инженеров на верфях. Заботы о лодке были лишь частью моего беспокойного образа жизни в первые несколько дней. Я продолжал чертить карты и готовить доклады ко встречам Зигмана с адмиралом Деницем. Командиру нужно было ездить для докладов в Париж, где Дениц разместился со своим штабом в январе после назначения командующим ВМС. Кроме того, я оформлял документы для трети команды, отправлявшейся в отпуск.

Несмотря на большую нагрузку, я находил время думать об Ивонне и вечером нанес ей неожиданный визит. Я пришел в магазин, где она работала, с букетом цветов. Однако Ивонны на месте не оказалось. Я не хотел посвящать владельца магазина в наши личные дела и, полагая, что девушка сменила место работы, стал искать ее в других книжных магазинах города. Но ни в одном не нашел. Наконец, я отправился к ее дому, где мы провели вместе немало ночей. Ивонны там не было, никто даже не признался в том, что знает ее. На обратном пути в город я ударил букетом о каменную стену, уверенный в том, что никогда больше не увижу девушку. Затем, повинаясь внезапному импульсу, вернулся в книжный магазин и спросил у его владельца по-французски:

— Пардон, месье, где я могу найти Ивонну?

—Ивонну? Ах, Ивонну, — произнес он, пристально глядя на меня поверх своих очков. Затем сообщил то, что я уже знал: — Ее здесь нет.

Я повторил свой вопрос.

—Молодой человек, я знаю только то, что она уехала восемь или девять месяцев назад. Как она сама сказала, с тетей в Тулузу. Но, — он кинул на меня многозначительный взгляд, — она была вынуждена покинуть город. Понимаете, ее преследовали за определенные связи. Такие вещи нельзя сохранить в тайне.

В глазах старика не было неприязни. Одна только печаль.

Больше об Ивонне я ничего не слышал.

Через два дня командующий флотилией устроил торжество по случаю нашего возвращения из успешного боевого похода. За завтраком в офицерской столовой он сообщил о запланированном мероприятии и пригласил всех принять в нем участие. Чествование должно было состояться в переданном флотилии курортном местечке Шато-Нёф. Командующий добавил с улыбкой:

— Я обеспечил место для торжества, еду, напитки, оркестр для танцев. Ваша забота, господа, — обеспечить себе партнерш на прием.

Я убедился, что найти партнерш — это нелегкая задача в городе, полном «постояльцев» — офицеров, никогда не выходивших в море. Когда прибыл автобус, чтобы отвезти нас на торжество, «постояльцы» заполнили его в компании с хорошенькими медсестрами и секретаршами из административных учреждений. Мы, одинокие герои морского похода, были вынуждены сосредоточиться в поездке на созерцании цветущих весенних пейзажей Бретани.

После захода солнца мы прибыли в «шато» — замок XVII века, приютившийся среди покатых холмов. Любоваться прекрасной архитектурой и роскошной обстановкой замка не было времени. Дворцовый зал быстро заполнялся гостями-, и вскоре я пожимал руки старым друзьям и сокурсникам. Обнял своего приятеля по училищу Фреда Шрайбера. Торжество открылось бравурным маршем, за ним последовали французские, немецкие и английские мелодии. Подавались французские блюда и напитки отличного качества. Трапеза началась рано и закончилась поздно. Танцы прекратились далеко за полночь, когда счастливые пары скрылись одна за другой наверху в комнатах с бархатной драпировкой и постелями, покрытыми шелковыми простынями. Попойка, по которой большинство из нас сильно соскучилось, продолжалась до тех пор, пока вино и усталость не свалили нас с ног, исключая, конечно, немногих, самых стойких. Я уложил Риделя и Шрайбера на аристократическую постель. Затем устроился сам в мягком кресле.

После грандиозного приема в его честь Зигман, верный семьянин, отправился домой в Гамбург. По пути он должен был явиться с докладом в Париже к адмиралу. Офицеры, мои приятели, последовали примеру капитана и отбыли домой, чтобы провести две недели среди родных. Я с частью команды остался в Бресте, не обремененный большими обязанностями. В эти безмятежные апрельские дни меня влекло на загородные прогулки. С удовольствием навещал замок, плескался в его просторных глубоких ваннах, знакомился с богатой коллекцией старинных книг, ходил охотиться на фазанов с фермерами, проживавшими по соседству. Я наблюдал, как распускаются почки деревьев и кустов под дуновением теплых морских бризов. Повсюду ощущался приход весны.

Однажды тихим вечером новые друзья, с которыми я общался на базе, познакомили меня с пикантными особенностями жизни в порту. В этот вечер мы потягивали в баре флотилии коктейль, играли в карты, шутили и рассказывали морские анекдоты. Вдруг Фостера осенило:

—Послушайте, друзья! Как насчет небольшой вечеринки в городе? Ночь только началась, давайте закончим ее в доме мадам. Поехали в К. Б. все вместе.

Его предложение было принято на ура. Оно адресовалось в первую очередь мне, как новичку в офицерских компаниях Бреста. Я поинтересовался у Шрайбера:

—Фред, а что означает эта аббревиатура К. Б.? Шрайбер глотнул джина и, широко улыбнувшись, сказал:

—К. означает казино, Б. — бар. Казино-бар — место, где можно забыть свои печали, выпить хорошего французского вина и насладиться прелестями дам. Все это в абсолютно интимной обстановке.

—Так это что, обыкновенный публичный дом?

—Называй как хочешь, но советую его посетить.

Мы прошли через затемненный город и остановились у неприметной двери с буквами «К. Б.», освещенными тусклым светом лампочки. Юный лейтенант позвонил особым способом, давая понять, что у двери стоим именно мы. Дверь, звякнув щеколдой, приоткрыла старуха. Она узнала некоторых из моих друзей. Когда дверь распахнулась, я услышал женский смех и льющиеся из фонографа слова французской песенки: «Я бегаю день и ночь». Тусклые красные фонари создавали в помещении соответствующую атмосферу. Когда мы гурьбой ввалились в бар, с обеих сторон от входа послышались приветливые возгласы. Мои друзья бурно откликались по-французски:

—Привет, Сюзан, Жанин, добрый вечер, Полин, Симона. О, добрый вечер, мадам.

Дюжина оживленных, хорошеньких девиц приветствовала нас с преувеличенным энтузиазмом. Мадам оказалась хрупкой тридцатилетней женщиной с густой копной черных волос. Фред, заметив, что я смотрю на нее, сказал:

—К мадам не прикасайся. Это против правил. Еще никому не удавалось завоевать ее сердце. Тебе лучше обратить внимание на девочек.

Обитательницы дома, все в возрасте от 20 до 30 лет, к сожалению, уступали нам по численности с учетом прибытия офицеров Первой флотилии. Когда спало общее оживление, всех вновь прибывших представили хозяйке дома и обменялись с ней, согласно заведенному обычаю, поцелуем, исполненным достоинства.

Затем началось настоящее веселье. В бокалах искрилось шампанское, а девицы млели в наших объятиях. Мы танцевали под тихую музыку магнитофона, потягивали шипучее вино и пробовали сладость поцелуев алых губ с таким воодушевлением, словно никогда раньше этого не приходилось делать и никогда более не придется.

По мере продолжения вечеринки наши песни становились задушевнее, смех — заразительнее, а девицы — соблазнительнее. Мы потребляли шампанское во все возрастающем количестве, и скоро наша сдержанность улетучилась, как и кружева девиц. Больше всего я танцевал с Жанин, которая пленила меня своей пылкостью. Я ждал, когда наступит удобный момент, чтобы увести ее с вечеринки.

Среди услуг этого заведения, оказывается, была еще одна. Главный механик одной из подлодки Балард попросил:

— Мадам, покажите нам, пожалуйста, один из ваших замечательных фильмов.

Его просьба была встречена с ликованием.

— Но, господа, — запротестовала мадам, — не слишком ли поздний час для показа фильма? Девушки еще должны обслужить...

— Ничего, дорогая, — успокоил ее Балард, — ночь еще только начинается. Мы многое подзабыли в искусстве любви, пока болтались в море. Сначала освежите нашу память.

Поддавшись уговорам, мадам уступила со вздохом:

— Как всякая мать, я понимаю ваши чувства.

Я обнял Жанин за талию, схватил бутылку шампанского и последовал за всеми вверх по лестнице. Потушили свет, зажужжал проектор, и началась демонстрация порнофильма. Час просмотра ленты был действительно познавательным. Она наглядно показала нам, что любовь без искусства — все равно что гоночный автомобиль без водителя. После фильма я вышел полный новых идей. Жанин первой извлекла выгоду из этого урока.

Наступило утро, когда я заплатил консьержке и вышел навстречу свежему морскому бризу.

На базе ВМС все шло своим чередом. Я занимался канцелярской работой, навещал сухой док, чтобы убедиться в соответствии графику ремонтных работ. Я встречался со своими друзьями с раннего периода войны и навестил бывших сокурсников в учебном корпусе Первой флотилии, где обучался в декабре 1941 года. Я постоянно слышал об асах подводной войны, которые возвращались из боевых походов. В год больших успехов наших подводников не обошлось и без больших потерь. Рост масштабов подводной войны привел к гибели многих моих друзей, в том числе новобранцев, которые, не успев покрыть себя громкой славой, нашли себе могилу на дне моря.

Недели праздной жизни в порту проходили как апрельские дожди. Наши радости и забавы оказались лишь слабой компенсацией того, что мы испытали на войне. Мы прожигали жизнь, как только могли. Я зачастил в места, где удовлетворялись вкусы гурманов Бретани, в местном немецком ресторане «Повидайтесь с комендантом» пробовал незабываемые блюда из омаров, проводил вечера отдыха у камелька в нашем загородном замке. Затем следовали ночные утехы с Жанин в казино-баре. Это были ночи, когда бьющая через край энергия молодости укрощалась жрицами любви мадам, ночи, когда мы забывали о войне и долге.

Во время молчаливого уединения в своей комнате я много размышлял и приходил к выводу, что война в Атлантике далеко не закончена. В памяти оживали картины хаоса и разрушений, которые вызывали наши атаки на конвои. Грохот от разрывов торпед, глубинных бомб и авиабомб оглушал меня. Это были часы, которые заставляли меня задумываться над тем, почему война сулит нам поражение за поражением. Линия фронта все ближе подходила к побережью. Она находилась сейчас только в двух часах перехода от порта, там, на западе, где сходятся небо с морем. Там проходила тонкая грань между войной и миром.

В середине апреля вернулся из отпуска главмех. Увидев Фридриха, все еще не сбившего бороду, в офицерской столовой, я подошел поприветствовать его:

— Здорово, старина! Как приняли героя дома?

— Под барабанный бой и медные трубы. Заметил, я сохранил бороду? Детишкам она понравилась, поэтому решил отпускать ее и дальше.

Он рассказал, что провел большую часть отпуска в разъездах и свиданиях с родственниками, поэтому рад вернуться на базу. Я вкратце и по существу рассказал ему о состоянии нашей подлодки и сопутствующих обстоятельствах. В более общих выражениях описал наши похождения. Однако, когда вернулся вечерним экспрессом из Парижа Ридель, тоже холостяк, я не постеснялся рассказать ему подробности о нашей легкой жизни и изощренных любовных утех.

Вскоре вернулись все отпускники, проехав из дому на базу ВМС пол-Европы. Командир прибыл в хорошем расположении духа. Морщины, нажитые им после первого боевого похода, разгладились. Исчезла ярко-рыжая борода викинга. За тремя неделями отдыха последовали несколько дней интенсивной деятельности. Ремонт лодки завершился по графику. Через четыре дня должно было быть смонтировано снятое оборудование.

Моя последняя ночь в порту была спокойной. Меня тревожили лишь мысли о судьбе будущего похода, и я старался отвлечься от них, принимаясь писать письма. Я попросил Марианну беречь себя и предупредил родителей, что долгое время не смогу посылать им вестей о себе. Около полуночи я закончил упаковывать вещи. Новый приказ обязывал нас вместе с описью содержимого багажа писать завещание. Мне особенно нечего было кому-то либо оставлять. Но когда я подписал свое завещание, у меня возникло такое чувство, будто бы я подписывал себе смертный приговор. Интересно, смогу ли я снова держать в руках этот конверт, или кто-то другой вскроет его, чтобы исполнить мою последнюю волю?

ГЛАВА 11

24 апреля 1943 года «У-230» покачивалась на волнах в тени своего бетонного укрытия. Швартовы были сняты с кнехтов. Команда лодки выстроилась на корме, лицом к провожающим на пирсе. Подводники украсили себя цветами, прикрепленными либо к флотским фуражкам, либо к петлям своих оливковых форменок. Под ними взбивали маслянистую воду гребные винты, работавшие на реверсивном ходу. «У-230» плавно отчалила от бетонной стены и вышла кормой вперед из сумрака укрытия под ярко сиявшее солнце. Вторая подлодка, «У-456», отделилась от другого причала и пошла в кильватере нашей. На ее мостике я увидел Форстера, соучастника вечеринок у мадам. Мы поприветствовали друг друга взмахами рук. Затем наша лодка набрала ход, и берег со стоявшими на нем друзьями остался позади. Как только мы прошли центр бухты, на лодке установился военный порядок: в действиях, словах и мыслях. Мы вели себя так, словно никогда не заходили в порт, не брали отпуска, не развлекались в казино-баре, не лежали в объятиях женщин.

«У-230» двигалась при высокой облачности по гладкой поверхности залива со скоростью 17 узлов. «У-456» шла параллельным курсом в 500 метрах по правому борту. Эскорт скрылся за горизонтом. Серое небо слилось с зеленым морем. Мы двигались дальше, внимательно следя за показаниями радара. Наша лодка была оснащена новой радиолокационной антенной, усовершенствованным вариантом «бискайского креста». Громоздкий крест во время погружения должен был убираться внутрь лодки, новая же компактная антенна была приварена к ограждению мостика и не деформировалась при уходе под воду. С тех пор как мы вышли из порта, радар улавливал лишь слабые импульсы. Когда они стали сильнее, «У-230» совершила режимное погружение. Несколькими секундами позже за ней последовала и «У-456». С этого момента мы больше не поддерживали связь с соседней лодкой, которая пошла по своему маршруту в заданный квадрат.

Ночью мы всплыли, чтобы попытать счастья в безопасном плавании, и ускорили ход. «У-230» рванулась вперед, проветривая прочный корпус свежим воздухом и подзаряжая аккумуляторные батареи двумя работавшими дизелями. На расстоянии грань между бесконечностью ночного неба и протяженностью темного моря исчезала, создавая иллюзию движения во Вселенной. Наша

одинокая черная лодка продвигалась полным ходом между небом и морем, оставляя большие светящиеся водовороты — прекрасный ориентир для бдительного пилота. Пока дизели размеренно стучали, я прикидывал, сколько мы еще сможем двигаться, в надводном положении. Прошло 17 минут. Затем прозвучал резкий сигнал радара — нас запеленговали. Подлодка ушла под воду.

Наши ночи превратились в дни, а дни — в ночи. Мы часами находились внутри темного корпуса лодки, освещавшегося тусклым светом нескольких ламп. Ночи, проведенные на мостике, были черны, как смола. Мы продвигались, прислушиваясь к шуму моторов неприятельских самолетов и всматриваясь в черные морские волны, всегда готовые увернуться от плавающих мин, которые сбрасывались пилотами противника с пугающей частотой. Днем мы двигались на глубине 40 метров, прислушиваясь к отдаленному шуму самолетов противника, толчкам «асдика» и взрывам глубинных бомб.

После того как на смену апрелю пришел май, мы достигли «черной ямы» — зоны, куда до сих пор не проникал ни один неприятельский самолет. Импульсы радара постепенно затихли, и мы осмелились снова всплыть на поверхность моря, к солнечным лучам. После шестисуточной игры с противником в кошки-мышки, после уклонения от дьявольской изобретательности англичан, которая попеременно приводила нас в шоковое состояние, отчаяние, страх и гнев, солнце показалось мне гарантом безопасности. Яркий свет позволял расширить сектор наблюдения. Я надеялся, полагаясь на свое зрение и «метокс», что мы сможем обнаружить вражеские самолеты на безопасном расстоянии.

Пройдя 15-й градус западной долготы, мы сообщили в штаб, что совершили безопасный переход через Бискайский залив. Через четыре часа база подтвердила прием нашей радиограммы. В свою очередь Ридель принял и расшифровал новые распоряжения штаба: «Двигайтесь в сетку квадрата ВД-95. Ожидается конвой, следующий на восток».

Эта оперативная зона располагалась намного южнее района северных штормов, где мы ходили зимой. Я полагал, что здесь будут более благоприятные условия для торпедных атак и охоты за конвоями. Нервное напряжение, которое мы испытали при переходе через Бискайский залив, получило разрядку. Вскоре наступили прекрасные весенние дни, не омрачаемые появлениями самолетов противника.

2 мая. Погода превосходная, в спокойном море солнечные блики. В 14.08 Ридель засек за южным горизонтом быстро двигавшуюся одиночную цель. На полных оборотах мы поспешили в направлении, пересекающемся со средним курсом судна. После трехчасовой гонки, в результате которой транспорт появился на горизонте, мы не спеша ушли под воду, располагая избытком времени до того момента, когда появится судно. Часом позже наши надежды на первую торпедную атаку не оправдались. Судно было опознано как шведский транспорт, идущий по «филадельфийскому маршруту», безопасность которого для «нейтралов» гарантировала Германия.

После того как шведу было позволено уйти, мы приняли радиограмму от одной из наших лодок: «Конвой АЮ-87. Курс северо-восток. Потопили два транспорта тоннажем 13 тысяч тонн. Продолжаем преследование. «У-192». Сетка квадрата АЮ-87 находилась между Ньюфаундлендом и Гренландией — вне пределов отведенного нам района. Мы оставили конвой «волкам», патрулировавшим этот квадрат.

5 мая «У-230» бороздила море в заданном квадрате. Утром мы приняли радиограмму, подтверждающую наши худшие опасения. Ридель вручил мне дешифрованный текст радиограммы в полном молчании. «Эсминец. Атака. Тонем. «У-638». Это сообщение было последним признаком жизни «У-638». Больше о подлодке мы ничего не услышали.

Через два часа была спешно дешифрована новая радиограмма. «Атакованы эсминцами. Глубинные бомбы. Покидаем лодку. «У-531». Этот второй сигнал бедствия привел нас к тревожному заключению, что битва за конвои сопровождалась необычайно эффективными контрмерами по их защите со стороны противника.

6 мая. Было еще темно, когда с места сражения была послана новая радиограмма: «Атакованы сторожевиком. Тонем. «У-438». Это третье извещение о смерти привело нас в ярость и недоумение. Чем вызван этот поток радиограмм, извещавших нас только о гибели подлодок?

Но вот еще одна радиограмма: «Атака с воздуха. Глубинные бомбы. Протаранены эсминцем. Тонем. «У-125».

Четвертая потеря! Наш гнев перешел в шок.

7 мая. «У-230», крайне осторожно крейсировавшая под звездным небом, перехватила последнюю в этот день радиограмму: «Атака с воздуха. Тонем. 47 С. 05 В. «У-663». Я нашел место гибели подлодки на нашей размякшей навигационной карте и отметил его черным крестом в центре Бискайского залива. Пятая подлодка, отправленная на дно за три дня! Но через семь часов я был вынужден увеличить цифру потерь, когда в ответ на запросы штаба сообщить свои координаты «У-192» и «У-531» не откликнулись. Они встретили свою гибель, атакуя тот самый конвой к юго-востоку от Гренландии.

10 мая. Солнечный день. Мы прибыли в заданный квадрат, занимавший небольшой район в центре Атлантики. Предполагалось, что здесь перехватим конвой, о котором ранее сообщалось. Вместе с нами в засаде находилось шесть подлодок. Гораздо больше их было в пространстве между нашим квадратом и Британскими островами. «У-456», наша напарница при выходе из Бреста, скрылась где-то в неизвестном направлении. Число участников засады определилось.

11 мая. Еще один некролог из Бискайского залива: «Атакованы с воздуха. Тонем. «У-528». Мы рассвирепели и теперь рвались отомстить за наших товарищей в стократном размере.

Часом позже мы получили в знак утешения оперативные указания из штаба: «Всем подлодкам в сетке квадрата ВД идти на перехват конвоя, движущегося в восточном направлении в БД-91. Атакуйте конвой по собственному усмотрению». «У-230» немедленно двинулась на полных оборотах новым курсом. Форштевень лодки рассекал поверхность моря, оставляя по краям искрящиеся фонтанчики. Готовясь к бою, я приказал тщательно осмотреть все торпеды.

12 мая. В 04.00, когда я поднялся на вахту, весь экипаж был охвачен волнением. В 05.40 на рассвете Прагер послал несколько сигнальных ракет, чтобы сообщить о нашей позиции другим подлодкам. В 06.20 он сообщил снизу, что мы вышли на расчетный средний курс конвоя. Я убавил скорость лодки и развернул ее в западном направлении в сторону конвоя, осторожно продвигавшегося вперед. Перед восходом солнца восточный горизонт приобрел кроваво-красный цвет. Оставалась лишь темная линия на западе.

06.15. Солнце выскочило из океана огромным огненным шаром. В этот впечатляющий момент я увидел темное пятно в юго-западном направлении — конвой! Я вызвал Зигмана на мостик и сказал:

— Мой подарок вам, герр капитан!

— Спасибо, старпом, наконец-то обнадеживающая весть.

Мы наблюдали, как темное пятно растет в объеме. Вскоре командир развернул лодку кормой к черно-серым фонтанам дыма. На горизонте в западном направлении отчетливо выросли три верхушки мачт. Показавшись полностью из-за горизонта, три корабля оказались эскортами — тральщиками, идущими перед конвоем. Следуя зигзагообразным курсом, они приблизились к нам, подпрыгивая, как марионетки на пустой сцене. Мы медленно отошли на восток, соблюдая безопасную дистанцию и стараясь определить курс конвоя.

06.38. Верхушки мачт усеяли значительную часть горизонта. За ними показались дымящие трубы. Это были транспорты, за которыми мы охотились прежде всего. Могучий строй мачт и труб вырос из моря все выше. Мы заняли отличную позицию для атаки почти в голове колонны. В течение часа, прикинул я, у нас будет возможность поразить немало целей,

06.55. Команда Зигмана:

— Очистить мостик. Погружение.

Я находился в рубке, когда прозвучал сигнал тревоги. Через пять минут лодка нырнула под воду. Командир, сидя за перископом, информировал команду по системе внутренней связи:

— Мы вышли на чрезвычайно многочисленный конвой, может быть, в нем более 100 транспортов. Атаковать будем в погруженном положении. Не нужно напоминать вам, что это не воскресная прогулка. Надеюсь, вы сделаете все возможное для успеха операции.

Затем он выключил мотор перископа.

07.05. Пока мы не видим конвоя. Зигман приказал приготовить торпедные аппараты к стрельбе.

07.10. Я доложил о боеготовности лодки под тяжелый, уходящий в глубину океана грохот двигавшегося конвоя.

07.16. Акустик сообщил нам новость, расстроившую наши планы атаковать конвой в погруженном положении:

— Конвой, очевидно, изменил курс. Полоса частот переместилась на 3-1.

Командир, явно раздосадованный сообщением, выдвинул перископ вверх, чтобы поймать в поле зрения проходивший конвой. По корпусу лодки ударяли звуковые волны, исходившие от вращавшихся винтов эскротов и транспортов. Словно грохотало бесчисленное множество туземных барабанов.

— Чертов конвой, — выругался Зигман. — Идет зигзагами на северо-восток. По его правому флангу минимум десяток сторожевиков.

Конвой двигался со скоростью 11 узлов. «У-230» следовала параллельным курсом, оставаясь невидимой для его внешнего охранения и не желая атаковать на виду у эсминцев. Ритмичный грохот сотни гребных винтов проникал сквозь прочную стальную оболочку нашей лодки, перемещаясь внутри нее. Командир освободил свое место у перископа, прорычав:

— Взгляни, старпом. Если бы наша лодка шла побыстрее, я бы разделался с этим конвоем без труда.

Я занял место капитана. В семи милях по левому борту раскрылась впечатляющая панорама. Во всю ширину горизонта двигался лес мачт и труб транспортов. Минимум десяток эсминцев

элегантно бороздили зеленые волны моря. Не менее двух десятков сторожевиков вертелись вокруг головной и хвостовой частей конвоя. Под впечатлением увиденного я сказал капитану:

— Вот это мощь! Кажется, самый большой из всех конвоев!

— Возможно, ты прав. Но раз мы находимся так близко к этой армаде, наши торпеды не могут промахнуться.

Прежде чем рискнуть со всплытием для выхода на угол атаки, необходимо было отойти на безопасную дистанцию от конвоя. Верещание гребных винтов, тяжелое уханье поршней, завывание турбин и пощелкивание импульсов «асдика» сопровождали наши скрытные маневры. Почти два часа мы уходили по диагонали от стальных гигантов.

09.15. «У-230» всплыла. Взобравшись на мостик, когда лодка еще не полностью вышла из воды, я торопливо огляделся. Далеко на северо-востоке, вдоль четкой линии горизонта, разделявшей океан и небо, двигались мачты и дымовые трубы. «У-230» пошла параллельным курсом, рассчитывая опередить конвой до наступления сумерек. Ридель передал по радио в штаб и другим подлодкам сообщение: «Конвой в квадрате БД-92. Курс северо-восток. Скорость II узлов. Сильное боевое охранение. Всплыли для выхода на угол атаки. «У-230».

09.55. Испуганный возглас за моей спиной:

— Самолет!

Я увидел, как двухмоторная летающая машина пикирует на нас со стороны солнца. Мы были захвачены врасплох.

— Тревога!

Нас как ветром сдуло в рубку. Лодка мгновенно скрылась под водой. В этот миг максимальной опасности и минимальной возможности ее избежать нас могло выручить лишь чудо, случайность, везение, которое до сих пор спасало экипаж лодки от гибели.

Четыре всплеска сброшенных бомб и мощные взрывы встряхнули тонны воды над нами и вокруг нас. Лодка вздрогнула и стала опускаться с дифферентом 60 градусов. Пока продолжалось падение, неистово плескалась вода, лязгала сталь, скрипели шпангоуты, подтравливали клапаны, прыгали плиты палубы. При свете мигающих ламп я видел изумление в округлившихся глазах людей. И у них были основания удивляться: внезапная атака казалась мистикой. Откуда прилетел этот самолет? Его радиус действия не позволял покрыть расстояние между ближайшей точкой на суше и серединой Атлантики. Напрашивался неизбежный вывод: конвой имел собственную авиацию. Как бы трудно ни было в это поверить, но факт оставался фактом. В составе конвоя шел авианосец, на который садились неприятельские самолеты после облета прилежавших к маршруту движения транспортов районов моря. Идея авиационной поддержки конвоев выбивала основу из-под нашей концепции ведения подводной войны. Теперь мы не могли рассчитывать на внезапность атаки и возможность скрытно уйти от преследования.

10.35. «У-230» всплыла на перископную глубину. Внимательный обзор неба через резервный перископ не обнаружил самолета противника. Мы быстро поднялись на поверхность.

Охота возобновилась. Мы упрямо двигались вперед, несмотря на нервное напряжение. Двигатели работали на полных оборотах. Я сосредоточился на наблюдении за небом, лишь эпизодически поглядывая на густой лес мачт и труб на горизонте. Белые громады облаков плыли по небу на

средней высоте, гонимые резким западным ветром. Он обрушивал волны на палубу и в определенные промежутки времени швырял на мостик клочья морской пены.

11.00. Я обнаружил блеск металла в просвете между облаками. Это был небольшой самолет, приготовившийся спикировать на нас.

—Тревога!

Четыре бомбы, разорвавшиеся через 50 секунд неподалеку, убедили нас в том, что самолет вел опытный пилот. Ударные волны сотрясли лодку. Фридрих остановил ее падение на глубине 180 метров, затем выправил киль посудины и поднял на перископную глубину.

11.25. «У-230» всплыла. Мы рванулись вперед и помчались за конвоем с мрачной решимостью. Повинуясь охотничьему инстинкту, продолжали преследование, несмотря на постоянную угрозу с воздуха. Нас не могли остановить постоянные бомбардировки. Мы неслись на предельной скорости, вопреки страху и рассудку — вперед, только вперед, к головной части конвоя.

11.42.

—Тревога — самолет!

«У-230» ушла под воду. Четыре взрыва попробовали ее на прочность, но лодка выдержала и это суровое испытание. Пока мы ждали, когда самолет улетит, наши сердца бешено колотились.

12.04. Мы всплыли в обстановке усилившегося волнения моря и двинулись вперед, несмотря на качку. Конвой переместился на северо-запад от нас. Несмотря на постоянные атаки с воздуха, мы не отставали от него. Я заметил два эскорта на горизонте, но основная опасность нас подстерегала сверху. Облака опустились ниже и сомкнулись, закрывая последние просветы голубого неба.

12.08. Снизу на мостик поступило сообщение для капитана: «Только что получена радиограмма: «Атакваны самолетом. Тонем. «У-89». Известие вновь повергло нас в шок. С ужасом я попытался представить себе, что случится с нами, когда взрывы расколют корпус лодки.

12.17.

—Тревога — самолет за кормой!

«У-230» еще раз ушла под воду и стала быстро набирать глубину. Прикусив губу, я ждал бомбардировки. Через 45 секунд четыре взрыва основательно встряхнули лодку. Каждая секунда задержки с погружением во время атаки самолета приближала нас к конвою, но если бы мы опоздали хоть на секунду с уходом под воду, то воздушная бомбардировка положила бы конец нашей охоте, да и жизни тоже.

12.30. Мы снова всплыли. На этот раз на мостик вышли только трое: капитан, старший матрос и я. Мы упорно мчались вперед, хотя мысль о возможной гибели и угнетала нас в течение часа.

13.15. Двухмоторный самолет неожиданно вывалился из низкого облака за кормой всего лишь в 800 метрах. Погружаться было поздно. После секундного оцепенения Зигман скомандовал:

—Право руля!

Я отпрянул к задней части мостика, чтобы открыть по самолету огонь из зенитки. Матрос взялся за вторую зенитку. По мере приближения самолет быстро увеличился в размерах. Во время поворота

лодки левым бортом он спикировал на нас, обстреляв из пулемета открытую заднюю часть мостика. Ни матрос, ни я не смогли произвести ни одного выстрела. Наши зенитки заклинило. Самолет сбросил четыре бомбы. Мне показалось, что они падают прямо на меня. Затем пилот с ревом пронесся над мостиком так низко, что я почувствовал кожей лица тепло от выхлопной трубы летающей машины. Четыре бомбы поочередно взорвались вдоль правого борта. Огромные фонтаны воды обрушились на меня и матроса, стоявших у зениток. «У-230», оставаясь на плаву, продолжала двигаться вперед, рассекая волны. Самолет, израсходовав свой боекомплект, развернулся и улетел в сторону конвоя.

13.23. Радист ознакомил капитана со срочной радиограммой: «Атакованы самолетом. Погрузиться под воду не можем. Тонем. 45 С. 25 В. Окажите помощь. «У-456».

— Прагер, уточни координаты, — откликнулся капитан. — Может, спасем команду «У-456».

Желание капитана спасти товарищей было похоже на самоубийство. Мы сами оказались близки к гибели. Но главное — оказать помощь. Попади мы в положение «У-456», ожидали бы того же. Секундами позже Прагер доложил:

— «У-456» всего в 12 милях от нас, пеленг 15 градусов по правому борту.

Командир немедленно изменил курс.

13.50. Мы обнаружили самолет, круживший в четырех милях впереди. Затем я увидел в бинокль нос «У-456», торчавший над поверхностью моря. Члены экипажа лодки пытались удержаться на скользкой палубе, ухватившись за стальной трос, который тянулся от носа к мостику. Многие стояли в воде по щиколотку. Самолет продолжал кружиться над тонущей лодкой. Было бы безрассудством с нашей стороны приближаться к «У-456» в такой обстановке. Попыткам спасти лодку помешала и другая опасность: из-за горизонта за нашей кормой появился сторожевик. Очевидно, его вызвал самолет. Теперь мы сами могли погибнуть. «У-230» повернула в сторону от самолета, эскорта и «У-456». Мы поспешили за конвоем.

14.22.

— За кормой — самолет!

Снова мы опоздали с погружением. Одномоторный самолет летел на низкой высоте по прямой линии нам в кильватер. Я нажал на спусковой крючок зенитки: ее снова заклинило. Я пнул ногой магазинную коробку, устраняя помеху. Затем выстрелил по приближавшейся цели. То же сделал матрос. Лодка развернулась правым бортом, избежав попадания авиабомб. Пилот, форсируя работу мотора, сделал круг и стал пикировать на нас спереди. Он летел очень низко, когда мотор самолета затарахтел и остановился. Машина рухнула одним крылом в высокую волну, другое крыло в это время ударилось о наш легкий корпус. Пилот выбросился из своей кабины, делая рукой знак, что нуждается в помощи. Я увидел затем, как его разорвало на куски теми же четырьмя бомбами, которые предназначались для нас. Четыре мощных толчка с правого борта потрясли лодку. Однако нам и сейчас удалось благополучно покинуть место трагедии.

Гибель самолета, должно быть, нарушила график вылетов авиации противника. Проходили минута за минутой без атак с воздуха. Полным ходом «У-230» устремилась навстречу конвою. Примерно через час мы вышли на угол пересечения с его курсом.

15.45. Сообщение из радиорубки убавило наше ликование по поводу безопасного неба. «Атакованы глубинными бомбами трех эсминцев. Тонем. «У-186». Эта была одиннадцатая потеря с начала нашего похода. Кажется, масштабы морской катастрофы росли. Тем не менее мы не располагали

временем горевать о смерти боевых товарищей, которую тысячу раз видел в своем воображении каждый подводник.

16.00. «У-230» сблизилась с конвоем. Я видел, как четыре колонны транспортов ползут в одном направлении в юго-западной части горизонта. Мы должны были нарушить их ход, пробить бреши в этих стальных машинах.

16.03.

— Самолет по курсу 3-2.

Мы быстро ушли под воду. Почти одновременно прогремели четыре взрыва, подтолкнув лодку дальше вниз и заставив вертикальные и горизонтальные рули замереть, когда от них требовалась работа. Через несколько минут поблизости раздались еще несколько взрывов. Однако, бросая вызов нашим преследователям, Зигман приказал поднять лодку на перископную глубину. Он выдвинул перископ, но тотчас опустил его вниз, выругавшись:

— Черт возьми! Этот парень сбросил дымовую бомбу и окрасил воду желтым цветом.

Несмотря на то что место нашего погружения было помечено краской, капитан приказал атаковать конвой прежде, чем эскорты смогли бы сбросить глубинные бомбы. Удары импульсов «асдика», глухие разрывы глубинных бомб неподалеку и грохот сотен судовых двигателей конвоя создавали мрачный фон для нашей атаки.

16.38. Перископ поднят. Прозвучала команда:

— Торпедные аппараты от первого до пятого к стрельбе — товсь!

— Аппараты с первого по пятый к стрельбе готовы, — быстро ответил я и замер в ожидании.

Зигман развернул перископ, чтоб увидеть происходящее на противоположной стороне, и неожиданно закричал:

— Срочное погружение! Главмех, ради Бога, спрячь ее поскорей — эсmineц готов протаранить нас! Вниз — на 200 метров!

Я был почти уверен, что эсmineц вот-вот* врежется в нашу рубку. Как только лодка скрылась под водой, в ее стальной корпус ударили звуковые волны от грозного грохота двигателей и гребных винтов эсминца. Грохот усиливался так быстро и был таким оглушающим, что мы замерли на месте. «У-230» продолжала погружаться. Но она опускалась слишком медленно, чтобы мы могли избежать опасных последствий взрывов глубинных бомб.

Страшный взрыв разметал морскую воду. Серия из . шести зарядов вздыбила лодку, вышвырнула ее из воды и опустила на поверхность моря на милость четырех британских эсминцев. Винты «У-230» вращались на предельной скорости. На секунду все смолкло. Англичане застыли в изумлении. Казалось, прошла вечность до того времени, когда нос лодки погрузился в воду и она стала уходить все глубже и глубже ко дну океана.

Новая серия глубинных бомб подняла корму. «У-230», потеряв управление, вращаясь, падала на дно. С дифферентом в 60 градусов лодка ушла на глубину 250 метров, прежде чем Фридриху удалось остановить падение. Двигаясь под водой на глубине 230 метров, мы полагали, что находимся как раз под зоной бомбометания противника, и поспешили выйти из этой зоны. Который раз мы были обречены на прозябание в условиях максимально возможного погружения.

16.57. Отчетливо слышимые всплески на поверхности океана известили нас о сбросе новой серии глубинных бомб. Двадцать четыре боезаряда разорвались один за другим через короткие промежутки времени. Глухой рокот накрыл нашу лодку. Взрывная волна вновь резко подтолкнула ее ко дну океана, пока бесконечное эхо взрывов прокатывалось сквозь толщи воды.

17.16. Новый сброс боезарядов оглушил нас и заставил замереть. Под действием взрывной волны лодка дала сильный крен. Стальной корпус скрежетал и скрипел, клапаны раскрылись, прокладки баллера руля дали течь, и вскоре днище кормы заполнилось водой. Помпы без устали откачивали воду, ослабили прокладки перископа, и вода проникла в цилиндры. Повсюду текла вода. Под ее весом лодка уходила в глубину. Тем временем конвой тащился прямо над ней.

17.40. Грохот достиг предела. Неожиданный всплеск предупредил нас, что мы имеем возможность 10-15 секунд перевести дыхание перед очередной серией взрывов. Они чуть было не достали нас. Пока эхо взрывов распространялось в океанских глубинах, основная часть конвоя не спеша миновала место истязания нашей лодки. Я представил себе, как транспорты обходят группу эскортов, пытавшихся уничтожить нас. Возможно, нам следовало бы пойти на риск более глубокого погружения. Я не знал, где находился его предел, на уровне которого стальной корпус мог лопнуть под давлением водной массы. Да и никто этого не знал. Те, кто проектировали лодку, старались не говорить об этом. Несколько часов мы терпели экзекуцию и постепенно уходили в глубину. Взрывы серии из 24 боезарядов сотрясали нашу лодку каждые 20 минут. Однажды нам показалось, что истязание кончилось. Это случилось в то время, когда эскорты повернули, чтобы занять свои места в боевом охранении конвоя. Но наша надежда на спасение жила недолго. Охотники только уступили право добить нас другой группе эскортов, следовавшей в хвосте армады транспортов.

20.00. Новая бомбардировка «У-230», за ней вторая, третья... Мы беспомощно висели на глубине 265 метров. Наши нервы были натянуты как струна, кожа и мышцы потеряли чувствительность от холода, нервного напряжения и страха. Отупляющая агония ожидания лишила нас чувства времени и аппетита. Днище лодки было заполнено водой, соляжкой и мочой. Наши умывальники были наглухо закрыты. Воспользоваться ими означало бы мгновенную гибель, поскольку колоссальное внешнее давление не дало бы регулировать сток воды. Были розданы консервы, чтобы команда подкрепила свои силы. К запаху отходов, пота и соляжки добавилась вонь от разлагавшегося электролита. На холодной поверхности стального корпуса сконденсировались от повышенной влажности капли воды, которые срывались в днище, струились по трубопроводам, пропитывали влагой одежду. В полночь капитан понял, что англичане не прекратят свои бомбардировки, и приказал раздать изолирующие противогазы, чтобы облегчить дыхание людей. Вскоре каждый подводник повесил на груди большую металлическую коробку с резиновым шлангом, идущим ко рту, а также зажим для носа. И все же мы надеялись на лучшее.

13 мая. К 01.00 на нас было сброшено свыше 200 глубинных бомб. Несколько раз мы прибегали к уловкам, чтобы избежать бомбардировок. Через бортовой клапан легкого корпуса периодически выпускали массу воздушных пузырьков. Скопления пузырьков, уносимые течением, отражали импульсы «асдика» как большую компактную массу. Однако охотники попались на уловку только дважды, и оба раза они оставляли минимум один эскорт прямо над нами. Потерпев неудачу, мы бросили игру и сосредоточились на экономии своих сил, сжатого воздуха и сокращавшихся запасов кислорода.

04.00. Лодка погрузилась на 275 метров. Уже 12 часов мы подвергались бомбардировкам без всякой надежды на спасение. 13 мая было моим днем рождения, и я спрашивал себя, не будет ли этот день для меня последним. Сколько можно рассчитывать на удачу?

08.00. Бомбардировки не ослабевали. Уровень воды в днище поднялся выше плит. Вода плескалась в моих ногах. На такой глубине помпы, откачивавшие воду с днища, оказались

бесполезными. После каждого взрыва главмех закачивал в цистерны некоторое количество сжатого воздуха, чтобы гарантировать сохранение плавучести.

12.00. Дифферент погружавшейся лодки резко увеличился. Наши запасы сжатого воздуха угрожающе сократились, лодка же опустилась еще ниже.

20.00. Духота усиливалась, тем более что мы дышали через изолирующие противогазы. Казалось, сам дьявол стучал в стальной корпус лодки, который скрипел и скрежетал под невероятным давлением.

22.00. С наступлением сумерек бомбардировки усилились. Яростные атаки, временной промежутки между которыми сокращались, показывали, что противник теряет терпение.

14 мая. В полночь мы подошли к пределу выживаемости лодки и экипажа. Мы достигли глубины 280 метров и продолжали погружаться. Я стал пробираться через центральный проход, толкая и раскачивая людей, заставляя их бодрствовать. Тот, кто заснул, мог никогда больше не проснуться.

03.00. Грохот бомбардировки продолжался, однако, без результатов. Нам больше угрожало давление воды, нежели глубинные бомбы. Когда раскаты последнего взрыва угасли, раздался шум винтов удалявшихся эскадронов. Долгое время мы прислушивались к нему, не способные поверить, что «томми» прекратили охоту.

04.30. Больше часа мы сохраняли молчание. В удачу не верилось. Нужно было подстраховаться. Мы включили опреснитель, который поднялся на работавших моторчиках над уровнем моря. Сверху никакой реакции. Используя остаток запасов сжатого воздуха и энергии аккумуляторных батарей, стармеху удавалось поднимать лодку метр за метром. Затем, не способный контролировать подъем лодки, Фридрих пустил ее в свободное плавание, причитая:

— Лодка быстро всплывает... 50 метров... лодка на поверхности!

«У-230» пробилась к свежему воздуху и жизни. Мы бросились на ходовой мостик. Нас окружила невыразимая красота ночи, неба и океана. На ночном небе ярко сверкали звезды. Дул легкий ветерок. Ощущение возрождения было полным. Еще минуту назад мы не могли поверить, что останемся в живых. Ведь смерть держала нас в своих железных объятиях 35 ужасных часов.

Свежий, богатый кислородом воздух подействовал на меня роковым образом. Почти потеряв сознание, я встал на колени и уткнулся в ограждение ходового мостика. Я долго оставался в таком состоянии, пока силы не вернулись ко мне. Командир восстановился быстро, и мы поздравили друг друга с чудесным избавлением.

Затем Зигман скомандовал:

— Средний вперед! Курс 1-80. Провентилировать лодку. Команда — по местам.

Он решил еще раз попытать судьбу.

Двигатели лодки вновь заработали. Поскольку конвой давно ушел вперед, мы направились к месту, откуда начали его преследование. Поршни дизелей ободрающе стучали, заряжая наши разрядившиеся батареи и продвигая лодку к новому восходу солнца. Вода из днища была откачана, спертый воздух выветрен, а собранные отходы выброшены за борт. Когда тьма рассеялась и наступил день, «У-230» снова была готова к бою.

Все еще не оправившись от ужасных бомбардировок и прозябания в холодных глубинах океана, мы подвели итоги боя. Три подлодки из нашей группы были потоплены. Более 100 кораблей союзников прошли мимо нас, и мы не смогли уничтожить ни одного. Теперь следовало ожидать, что около 700 тысяч тонн боеприпасов благополучно будут доставлены на Британские острова. Это было ужасно.

День обещал удачу. Тучная фигура Прагера поднялась перед восходом солнца на ходовой мостик и выстрелила из ракетницы несколько сигнальных ракет. Я закурил сигарету и наблюдал за поднимавшимся светилом. Небо меняло окраску от темно-синей к фиолетовой, затем от багровой к кроваво-красной. Я вспомнил старинную поговорку: «Красное небо утром раннюю смерть предвещает». Интересно, что день грядущий нам готовит?

07.10.

— Впереди — дымы! — доложил старший матрос.

Все бинокли устремились к темному пятну на линии горизонта с юго-западной стороны. Сомнений не было, это был второй конвой. В это мгновение мне показалось, что эскорты первого конвоя преднамеренно оставили нас, зная, что рано или поздно нами занялись бы эсминцы, следовавшие в боевом охранении второго конвоя.

07.20. «У-230» ушла под воду. Команда, не спавшая по крайней мере 70 часов, устало разошлась по своим местам. От пережитого лица побледнели, щеки впали, глаза налились кровью. Блуждающие взгляды свидетельствовали о понимании того, что условия похода кардинально изменились. В этих условиях подводники рисковали оказаться на дне океана без надежды вернуться в порт базирования. Я прошелся по отсекам, чтобы ободрить ребят, похлопать их по плечам, пошутить, обнадежить. 07.45. В переговорной трубе прозвучал голос:

— Акустик докладывает капитану. С правого борта блуждающий шум винта. Противник движется, должно быть, на восток, не на север.

Командир пробормотал ругательство, повертел перископом, ничего не обнаружил и приказал всплывать. Меня осенило, что нынешняя ситуация явно копирует ту, что мы пережили три дня назад.

07.50. Мы с Зигманом поднялись на ходовой мостик и, убедившись в отсутствии угрозы с воздуха, стали следить за конвоем. Очевидно, что колонны транспортов шли зигзагообразным курсом, удаляясь от нас точно так же, как это делал предыдущий конвой. То, что казалось легкой добычей, неожиданно ускользало из рук. Без промедления мы начали охоту.

08.00.

— Самолет с солнечной стороны!

Быстрое погружение сделало нас недосягаемыми для авиабомб. Главмех немедленно поднял лодку, и мы пошли дальше на перископной глубине. Самолет улетел. Через несколько секунд Зигман сложил рукоятки перископа, подождал, пока он соскользнет вниз, и сердито пробурчал:

— Черт бы их побрал, этих птичек. Самолет сбросил дымовую бомбу. Давайте поскорее сматываться отсюда. Главмех, срочное всплытие.

08.32. «У-230» поспешила на восток, подальше от густого черного дыма, обозначавшего наше местонахождение. Справа за кормой скопление транспортов обнажило свои мачты и дымовые трубы. Сторожевики и эсминцы шли зигзагами, строго координируя свои маневры.

08.55. Атака двухмоторного самолета с кормы. В несколько секунд «У-230» ушла под воду. Четыре взрыва разметали морские волны.

09.15. Всплыли и последовали дальше прямо по курсу. Зигману вручили на мостике печальную радиограмму: «Атакваны самолетом. Тонем. «У-657». Снова каждый подводник задумывался над тем, сколько пройдет времени перед тем, как нас тоже отправят к Создателю.

10.05.

—Тревога!

Как по волшебству возник самолет. «У-230» быстро нырнула под воду. Когда утих грохот взрывов, лодка двинулась дальше.

Мы несколько раз всплывали и погружались, увертываясь от авиабомб. Лодка дрожала, тряслась и вибрировала под жестокими бомбежками. В результате беспощадных атак она потихоньку разрушалась. Ломались заклепки, трескались болты и гайки, корежился стальной корпус, гнулись шпангоуты. И все-таки оставалась управляемой. Командир твердо выводил ее на угол атаки.

На закате упорство Зигмана в преследовании конвоя, кажется, было вознаграждено. Прячась от эскаров за горизонтом, мы на несколько миль опередили конвой. Но затем летающий дьявол вновь заставил нас нырнуть под воду. Пока конвой с шумом и грохотом продвигался вперед, команда лодки быстро заняла свои места и застыла в ожидании. С непоколебимой решимостью я привел торпеды в боевую готовность.

Однако мои надежды на скорую атаку рухнули. Среди грохота приближавшегося конвоя трем эскарам удалось каким-то образом засечь место нашего погружения. Встревоженный Зигман скомандовал:

—Внимание! Погружение на 200 метров. Приготовьтесь к бомбардировке!

Через несколько секунд охотники сбросили на нас свой смертоносный груз. Солидная порция боезарядов произвела взрыв такой огромной мощи, который превзошел все, что мы испытали прежде. За бешеной тряской лодки последовала полная тьма. Я был отброшен к стальным тросам перископа. Направив луч своего фонарика на глубиномер, я с ужасом обнаружил, что его стрелка резко качнулась вниз. Я увидел, как два матроса, ответственные за горизонтальные рули, в панике повисли на рулевых колесах, услышал отчаянные команды командира и шокирующий плеск воды. Так поднялась занавесь над другим долгим актом трагедии, повторившим сцены истязаний, которым мы только что подвергались. Наверху, где были охотники, спустились сумерки, ветер утих, и поверхность океана успокоилась. В результате бомбардировки усилились. Разрывы мощных боезарядов заставляли грохотать океан. Мы тряслись от холода и потели от страха. Нас бросало в жар по мере приближения гибели. Ночью ядовитые испарения аккумуляторных батарей заполнили корпус лодки. Полуотравленные, мы пребывали в каком-то полубессознательном состоянии. А когда поднялось солнце, наши преследователи возобновили свои бомбардировки, сбросив более 300 боезарядов. Однако они не добились своего. «У-230» осталась на плаву на глубине почти 280 метров.

В полдень мы обнаружили, что лодка полностью утратила способность к дрейфу и у нас не осталось кислорода. Теперь предстояло выбирать между самоубийством и капитуляцией. В

отчаянной попытке отдалить хоть на час смерть или плен Фридрих закачал немного сжатого воздуха в срединную цистерну балласта. Шипение воздуха привлекло внимание охотников. Еще один взрыв невероятной силы потащил лодку вверх. Как только иссяк сжатый воздух в цистернах балласта, она стремительно начала подниматься. Но затем взорвался еще один комплект боезарядов, сильно ударив взрывной волной в правый борт лодки и послав ее снова на дно. Мы ползали по центральному проходу, чтобы равномерно распределить свой вес, хотя и были уверены в неминуемом конце. Затем «У-230» плавно выровнялась на отметке глубиномера 300 метров и стала вибрировать в предсмертных конвульсиях. Люди захватили ртами резиновые шланги, втягивая горячий воздух из фильтров емкости с поташем и беспрерывно откашливаясь. Через восемь минут комплект из шести боезарядов взорвался за кормой. Затем все затихло более чем на час. Сверху не поступало ни импульса «асдика», ни телеметрического сигнала, никакого звука.

Перейдя порог выживаемости, мы попытались спровоцировать «томми» на обнаружение своего присутствия ударами кувалды по корпусу лодки. Однако реакции сверху не последовало. «У-230» начала медленный подъем.

19.55. Наконец распахнулась крышка рубочного люка. Нас с Зигманом буквально вынесло на ходовой мостик огромным избыточным давлением, образовавшимся в корпусе. В глаза ударили солнечные лучи. Изобилие свежего воздуха и ни одного признака присутствия противника в пределах видимости. После внимательного обзора неба и моря мы занялись оценкой повреждений, полученных лодкой в результате бомбардировок. Кормовая топливная цистерна разбита. Из нее вытекала солярка, оставляя предательский маслянистый шлейф в кильватере. Для противника большое маслянистое пятно было бесспорным свидетельством прямого попадания в лодку. Вот почему англичане оставили нас.

Тем не менее лодка получила большие повреждения. Две цистерны были разорваны, баллер руля правого борта погнулся, лопнул фундамент под дизелем, не говоря уже о бесчисленных более мелких повреждениях. Потеряна большая часть солярки. Продолжение похода было невозможно: даже возвращение на базу стало проблематичным.

В 21.05 Ридель передал в штаб радиogramму, информируя его о нашем состоянии и мощной противолодочной обороне противника в центре Атлантики. Он сообщил также, что мимо нас прошли два конвоя, не позволив нам выпустить хотя бы одну торпеду. Однако упущенные нами шансы увеличить счет потопленных судов противника не шли ни в какое сравнение с нашим неожиданным спасением. Только особая благосклонность Провидения позволила нам остаться в живых в то время, как многие другие лодки погибли на дне моря.

Вечером 15 мая на исходе четырехдневного сражения были подтверждены гибель «У-456», а также двух других лодок. «У-266» и «У-753» никогда больше не откликнулись на запрос штаба об их координатах. Итогом битвы была потеря шести лодок. Седьмая получила такие повреждения, которые сделали ее небоеспособной. Эта была катастрофа, вторая в мае 1943 года.

«У-230» тащилась на восток через необъятные пространства Атлантики. К счастью, два дня подряд не попало ни одного самолета. Однако тишина была омрачена рядом трагических радиogramм с других подлодок. Их расшифровка стала частью нашей ежедневной работы. Кипа радиogramм росла на столике капитана.

«Атакованы самолетом. Тонем. «У-463».

«Преследование конвоя прекратили. Атакованы самолетом. «У-640».

«Атакованы эсминцем. Тонем. «У-128».

«Эсминцы. Самолет. Погружение невозможно. «У-528».

«Атакованы самолетом. Тонем. «У-646».

Эти лодки пропали навсегда. Мысли о неизбежности нашей собственной гибели сверлили нас тем более настойчиво, чем больше мы перехватывали радиogramм бедствия. Оставались часы, в лучшем случае дни до того, как нас настигнет противник и отправит в стальной гробу на вечное успокоение.

18 мая. На рассвете мы получили распоряжение произвести заправку топлива с подлодки «У-634» в сетке квадрата БЕ-81.

19 мая. Англичанам удалось два прямых попадания. «У-954» и «У-273» были потоплены почти одновременно. Текст радиogramм, отправленный обеими подлодками, был одинаков. Только места их гибели разные.

21 мая. «У-230» в течение нескольких часов патрулировала в условленном месте встречи. В 13.15, когда мы уже начали сомневаться в существовании «У-634», глазастый Борхерт заметил лодку. Через 40 минут мы встали рядом с ее бортом. Я выяснил, что командиром «У-634» был Далхаус, мой старый приятель по совместной службе в Голландии, где мы тралили мины. Мы перекинули с лодки на лодку резиновые шланги, дрейфуя одновременно по ветру. При помощи помп в наши цистерны было перекачено 15 тонн солярки. Заправка заняла почти два часа в беспомощном нервном ожидании воздушного налета. Но самолеты не появились. С большим облегчением мы отошли от «У-634». Обе лодки взяли курс на Брест.

23 мая. «У-230» пересекла 15-ю западную долготу на подступах к Бискайскому заливу — чистилищу для наших подлодок. Мы перехватили новые радиogramмы бедствия. Радиogramма с «У-91» информировала, что они видели, как была атакована и потоплена ударами с воздуха «У-752». Никто из ее экипажа не спасся. В 10.40 мы совершили срочное погружение перед атакой британского самолета «сандерлэнд». Не было запеленговано никаких радиолокационных импульсов. Очевидно, пилот полагался на собственное зрение. Эта атака стала началом шестидневного кошмара.

Под покровом темноты максимальная скорость хода «У-230» достигала всего лишь 12 узлов. Мы семь раз совершали срочные погружения, подверглись 28 атакам авиабомбами и комплектами боезарядов. К рассвету команда лодки была ошеломлена, оглушена и истощена. Мы скрылись под водой на весь день.

24 мая. Очевидно, англичане знали о том, что две подлодки следуют в порт. Их самолеты, включая базировавшиеся на суше четырехмоторные бомбардировщики, казалось, охотились именно за нами. В эту ночь мы девять раз уходили под воду и пережили в целом 36 бомбардировок с воздуха.

25 мая. Через три часа после рассвета мы вошли в смертельно опасную зону воздушного патрулирования противника. Двигаясь водой при абсолютном молчании, мы сумели ускользнуть от него сквозь дождь бесконечных, беспощадных и хищных импульсов «асдика». За час до полуночи лодка всплыла, но была обнаружена подстерегавшим нас самолетом. Во время первой же атаки четыре комплекта боезарядов сильно встряхнули нашу посудину. Неожиданно произошла вспышка в задней части центрального поста. Веер искр посыпался в тесном пространстве, нас окутали клубы ядовитого дыма. Лодка горела. Казалось, ее невозможно было заставить всплыть и мы обречены на гибель. Наглухо задраили круглые люки двух переборок. Несколько человек с огнетушителями принялись гасить огонь. «У-230» выбросило на поверхность там, где только секунды назад самолет сбросил нам свою дьявольскую визитную карточку. Клубы густого дыма душили нас. Огонь прыгал от стенки к стенке. Я прижал ко рту свой платок и вслед за

капитаном прошел в рубку. Лодка выровнялась. Мы поспешили на мостик. Кто-то выбросил на палубу боекомплект для нашей пушки. Заработал дизель с левого борта. Пламя вырвалось из рубочного люка. Мы двигались в ночи, как горящий факел. Наконец команде удалось погасить пожар внутри корпуса.

В эту ночь мы подверглись атакам с воздуха еще семь раз. На нас было сброшено 28 авиабомб.

26 мая. Четвертый день нашей борьбы за возвращение в порт и, следовательно, спасение. Мы двигались на глубине 40 метров, прислушиваясь к разрывам глубинных бомб, раздававшимся на расстоянии многих миль к западу. Это продолжалось весь день. В 22.30 мы всплыли. Ночь была очень темной. Больше часа радар не улавливал никаких сигналов. Затем мы увидели, как в небе повисло большое светлое пятно. Оно росло с безумной скоростью, осветив мостик слепящим дневным светом. Четырехмоторный «либерейтор» с ревом приближался к нам, стреляя из пулеметов. Подлодка рванулась навстречу быстро приближавшемуся свету. Летающий гигант с ревом пронесся над мостиком и скрылся в ночной тьме, осыпав мостик искрами и дыхнув на нас волной горячего воздуха. Взорвались четыре бомбы, распространяя глухой рокот. После каждого взрыва меня подбрасывало вверх.

Через несколько минут снизу сообщили:

— Лодка управляема, готова к погружению.

Когда «У-230» погрузилась на безопасную глубину, Зигман вломился в радиорубку к радисту, который не смог предупредить нас о показаниях радара.

— Кёстнер, в чем дело, черт побери? Спишь, что ли? Ты чуть не погубил нас!

— Герр капитан, на радаре не было показаний, — возразил радист. — А наш радиолокатор в порядке.

— Не рассказывай мне сказки, Кёстнер, — возмутился Зигман. — В твоих руках — судьба команды. Если ты еще раз ошибешься, нам несдобровать.

27 мая. Мы всплыли, истощив запасы электроэнергии и кислорода. Нервное напряжение достигло высшей точки. По телу прошла дрожь, во рту пересохло. Мне казалось, мы не переживем очередную атаку, если она последует в ближайшую минуту. Однако продолжительное время нас сопровождали только рокот дизеля и шум вентиляционной установки.

Щадящий период времени длился всего лишь час. Внезапно свет прожектора осветил мостик. Его луч светил со стороны кормы справа. Снова гигантский «либерейтор» снижался, чтобы обстрелять лодку. Его пули прошли в сантиметрах над нашими головами. Затем самолет умчался в ночь, выключив прожекторы. Четыре разрыва бомб подняли в воздух фонтаны воды. Лодку сильно тряхнуло, но обошлось без повреждений. Мы немедленно ушли под воду.

Когда я провожал командира в каюту, он растегнул свой покрытый солью кожаный китель и, подняв голову вверх, сказал:

— Я допускаю, старпом, что наш радар не уловил никаких импульсов. Кажется, наш «метокс» в полном порядке. Англичане, должно быть, применили новый тип радара. Это единственное объяснение произошедшему.

Мы были шокированы. Сначала авианосец в конвое. Теперь новая электронная диковинка, позволявшая англичанам обнаруживать нас, не раскрывая себя. Больше не было смысла

подлодкам двигаться днем под водой, а ночью — в надводном положении. Нам придется изменить свою тактику и двигаться в надводном положении днем, когда противник виден невооруженным глазом. Уничтожать его при дневном свете лучше, чем быть разнесенным на куски ночью.

В 07.20 мы всплыли, но вовсе не были уверены, что наши надежды на последний 170-мильный переход в порт осуществимы. Было обнаружено четыре «сандерлэнда» и пять «либерейторов». Девять раз мы погружались в воду и девять раз всплывали, продолжая движение вперед. В полдень мы достигли континентального шельфа. Ночью сообщили в штаб, что прибудем на место встречи с тральщиком сопровождения на следующее утро в 08.00. Потом ушли под воду с мыслями о том, что в этой новой войне на море у нас больше нет шансов на успех.

ГЛАВА 12

28 мая в 12.40 «У-230» вошла во внутреннюю бухту Бреста. Встречавшим на пирсе она дала наглядное представление о том, через какие испытания нам пришлось пройти. Корма лодки была большей частью затоплена. Надстройка имела значительные повреждения. Нас не встречал военный оркестр, играя бравурные марши.

Только девушки с букетами цветов напоминали о героическом походе. Командующий Девятой флотилией и его свита были шокированы. Нас без церемоний поспешно направили в военный городок и привели в зал приемов, где сухопутные хозяева хорошо постарались, чтобы возвращение на базу радовало нас.

После приема я вернулся в свою комнату, ту самую, которую я покинул пять недель назад. Мои вещи уже были доставлены из хранилища. Когда я вскрыл конверт со своим завещанием, вынутый из саквояжа, то почувствовал, как меня переполняет радость: я выжил. В своей почте я обнаружил только два письма от Марианны. Они навяли на меня множество незнакомых доселе мыслей. От них меня отвлек небольшой пакет из дома. Мама прислала домашний торт ко дню рождения. Он дожидался меня четыре недели, затвердел и крошился. Но мне хотелось уважить материнскую веру в долгожительство сына. Я съел кусочек торта.

Двухдневные напряженные будни в порту — демонтаж оборудования лодки и перемещение ее в сухой док — не дали мне поразмышлять о причинах неудачи нашего похода. Но задуматься пришлось уже на следующее утро. Я случайно находился на пирсе, когда в бухту наконец вернулась «У-634» через три дня после нас. На этот раз я присовокупил к благодарности за помощь Дальхаусу крепкое рукопожатие.

Тем не менее в конце концов удалось подавить болезненные мысли и чувства. Я постарался забыть о том, что смерть постоянно сопровождала меня в мае. С неумной энергией молодости я окунулся в бурную и переменчивую жизнь в порту. Я присоединился в казино-баре к своим друзьям, которым посчастливилось вернуться из похода. Мы отмечали дни рождения, танцевали со всеми красотками мадам. Она обновила свой контингент несколькими экзотическими цветками разного цвета — от белого до желтого и шоколадного. Жанин была обворожительна, как всегда. То, что она дарила любовь другим в мое отсутствие, не имело значения. Ведь это могли быть последние часы любви и жизни моих товарищей.

Фактически подводная война превращалась для нас в бесконечную похоронную процессию. Союзники нанесли нам на море контрудар беспрецедентной силы. Англичане и американцы копили свои силы медленно, но неуклонно. Они увеличили флот быстроходных сторожевых кораблей, построили несколько авианосцев среднего водоизмещения, а ряд транспортов превратили в миниатюрные авианосцы. Они создали эскадрильи морской авиации, а также приспособили для борьбы с нашим надводным и подводным флотом армады стратегических бомбардировщиков, базировавшихся на суше. И неожиданно нанесли по нам удары с

поражительной точностью. Тридцать восемь — такова была цифра наших потопленных подлодок в роковой май 1943 года. Вместе с ними погибли многие мои боевые друзья и товарищи по учебе. Пока наш главный штаб не примет эффективные контрмеры, все наши хваленые новые подлодки будут лишь увеличивать число стальных гробов.

Предполагалось, что ремонт «У-230» займет минимум четыре недели. Поскольку мне предоставили продолжительный отпуск, я решил съездить в Париж, навестить родных и провести недельку с Марианной на солнечном пляже Ванзее в Берлине. Да, отпуск был продолжителен, но я отлично создавал, что срок моей жизни ограничен.

В начале июня вечером я отбыл экспрессом в Париж, передав дела Риделю. Пока поезд мчался по сельской местности, я пытался вообразить, что слышу знакомый шум дизелей, грохот разрывов глубинных боезарядов, авиабомб и торпед, треск раскалывавшихся кораблей и рокот океана. Однако до моего слуха доносились только забытые звуки стука колес, катившихся по рельсам. На парижский вокзал Монпарнас я прибыл ранним, еще свежим утром. Такси доставило меня в отель близ Вандомской площади, который предназначался для проживания морских офицеров. Я решил воздерживаться от амурных связей во время короткого пребывания в городе, но обилие агрессивных девиц вскоре подвергло мою решимость серьезному испытанию. Я поспешил в прохладные залы Лувра и провел большую часть дня в прогулках по галерее Аполлона, Великой галерее и залу Кариатид, где, судя по легенде, было повешено немало гугенотов. Вечером я сходил в изысканный ресторан близ Оперы и поужинал в торжественном уединении. Затем прошелся вдоль бульвара Капуцинов, отклонив несколько предложений платной любви, и вернулся в уютный номер отеля.

На следующий день у меня оставалось до отъезда много свободного времени. Утром я гулял по Плас Пигаль, плотно позавтракал в маленьком кафе на Монмартре, поднимался по длинной лестнице к Сакре-Кёр. Я провел полдень и вечер на левобережье, праздно бродя по улицам и соря деньгами в кафе. Париж, прекрасный Париж, как мне не хотелось покидать его! Однако в 22.00 я сел в поезд, уходивший в Германию.

Утреннее солнце поднялось уже высоко, когда мой экспресс прибыл на вокзал Франкфурта. Я сразу обратил внимание на то, что огромный стеклянный купол над железнодорожными путями сильно поврежден бомбардировками противника. Стекла выбиты, остался только голый стальной каркас. Это зрелище стало печальной прелюдией к моему возвращению домой.

Как всегда, я вернулся к родным без уведомления. Когда на мой звонок мать открыла дверь, то посмотрела на меня как на незнакомца. Подождав секунду, я сказал:

— Здравствуй, мама! Может, ты меняпустишь? Как хорошо снова быть дома.

Я заметил, что мать время от времени пробирает нервная дрожь, что она сильно похудела. Мне показалось, что ее гложет печаль. Но я не стал расспрашивать ее, решив сказать что-нибудь приятное.

— Я так рад снова отдохнуть за своим столом.

Естественно, она справилась, голоден ли я, утверждала, что выгляжу сильно осунувшимся, и беспокоилась о моем здоровье.

— Скажи, у тебя достаточно теплого нижнего белья? Может, ты не знаешь, но мы отдали всю лишнюю одежду нашим солдатам, воюющим в России. Твои ботинки, лыжный костюм вместе с лыжами. Расскажи, как идет война в Атлантике? Теперь мы слышим не так много о наших подлодках.

Я сказал, что она скоро снова услышит о наших успехах. И, решив, что не буду обсуждать с ней военные действия, переменял тему разговора:

— Как поживаете? Что с Труды? Виделась ли она со своим супругом в последнее время?

— С Труды все в порядке, — отвечала мать. — Ганс был здесь на Пасху. Его родители тоже приходили в гости. Их сильно бомбили в Дюссельдорфе, и они уехали в Шварцвальд, пока обстановка не улучшится. Нас тоже недавно бомбили, но не так ужасно, как в других местах.

— Как папа? — спросил я.

Мать разрыдалась. С заплаканным лицом она сообщила, что отца три месяца назад арестовало гестапо. Он все еще находился в заключении в городской тюрьме в Хам-мел ьгас се.

— Я не сообщала тебе об этом в своих письмах, — сказала она всхлипывая. — Не хотела; чтобы ты знал.

Разрываясь между удивлением и яростью, я добился от нее сбивчивого рассказа о том, что произошло. Отец поддерживал более чем дружеские и случайные отношения с молодой женщиной. Она служила в его фирме продолжительное время. Однажды отец потребовал от матери развода, желая жениться на этой женщине. Но его арестовали не поэтому. Причина была другая. Женщина, которую он любил, оказалась еврейкой. Согласно официальной идеологии, такая связь считалась преступлением. А отец вдобавок укрывал ее от полиции. К несчастью, кто-то донес властям, что женщина — еврейка. Гестапо схватило и женщину, и отца. Ее бросили в концлагерь, отца — в тюрьму.

Арест отца привел меня в бешенство. Несправедливость по отношению к нему была проявлена властями впервые. Зимой 1936 года деятельность финансовой компании отца и 36 других аналогичных фирм была прекращена. Просто потому, что они не отвечали политическим установкам руководителей Третьего рейха. Отца без объяснения или предупреждения лишили дела всей жизни. Он был вынужден начать бизнес заново в возрасте 46 лет. Только благодаря талантам и упорной работе ему удалось организовать новое дело и обеспечить семью.

Нелепая идеология властей не раз выходила за пределы разумного. Я лично был свидетелем «хрустальной ночи» во Франкфурте в 1938 году, когда разъяренные толпы носились по улицам, круша витрины и грабя еврейские магазины в присутствии безразличных к происходившему полицейских. Налетчики швыряли из окон еврейских квартир мебель, сбрасывали с балконов пианино, фарфоровую посуду, книги, настольные лампы, кухонную утварь. Когда заканчивалось разграбление всего наиболее ценного, остальные вещи складывались в кучу и поджигались. Помню, как отец вел меня между пожарищами на выручку друга-еврея. Мы пришли к нему в квартиру, когда она уже была разворована, а ее жильцы изгнаны. Я видел тогда на лице отца гнев и слезы.

Мы с отцом восприняли «хрустальную ночь» как событие постыдное и трагическое. Но осознали бессмысленность бунта в безнадежных обстоятельствах. Я понимал, что в стране, которая была дорога мне, что-то неладно. Но мне пришлось уйти на войну в 19 лет. У меня не было ни времени, ни интереса разбираться в политике режима. Теперь, однако, эта политика непосредственно задевала меня и будила во мне мятежные чувства. Я решил, что должен разобраться с делом отца, даже если это повредит моей военной карьере.

Я немедленно отправился в отделение гестапо на Линденштрассе, находившееся недалеко от нашего дома. Морская форма и награды позволили мне пройти мимо охраны без лишних

вопросов. Когда я вошел в просторный зал, секретарша за столом у входа поинтересовалась, чем могла быть полезной.

— Скажите, как мне увидеть оберштурмбанфюрера фон Молитора? — ответил я вопросом на вопрос, затем с улыбкой вручил секретарше свою визитную карточку и добавил: — Это будет сюрпризом для герра фон Молитора.

Я полагал, что ему редко приходилось видеть офицеров-подводников, да еще таких, чьи отцы сидят за решеткой.

Мне пришлось ждать встречи с оберштурмбанфюрером довольно долго. Времени было достаточно, чтобы обдумать план беседы. Затем секретарша провела меня в отлично меблированный кабинет и представила шефу СС в городе. Итак, передо мной был могущественный человек, которому стоило пошевелить пальцем, чтобы решить чью-либо судьбу. Этот офицер средних лет в серой полевой форме СС больше напоминал вальяжного бизнесмена, чем хладнокровного карателя.

Приветствие фон Молитора было столь же необычным, сколь его внешний вид.

— Приятно увидеть для разнообразия флотского офицера, — сказал он. — Я знаю, что вы служите в подводном флоте. Весьма интересная и увлекательная служба, не правда ли? Что я могу для вас сделать, лейтенант?

Я ответил ему ледяным тоном:

— Герр оберштурмбанфюрер, в вашей тюрьме содержится мой отец. Без всяких оснований. Я требую его немедленного освобождения.

Дружелюбную улыбку на его полном лице сменило выражение беспокойства. Он бросил взгляд на мою визитную карточку, снова прочел мое имя и затем произнес запинаясь:

— Мне не сообщали об аресте отца отличившегося моряка. К сожалению, лейтенант, должно быть, произошла ошибка. Я немедленно разберусь в этом деле.

Он что-то написал на листе бумаги и нажал кнопку вызова. Из другой двери вошел еще один секретарь и взял у шефа листок.

— Понимаете, лейтенант, меня не информируют по каждому конкретному случаю ареста. Но полагаю, вы пришли к нам только по делу своего отца?

— Разумеется. И я считаю причину его ареста...

Прежде чем я мог совершить большой промах, высказавшись резко, снова вошла секретарша и вручила фон Молитору другой лист бумаги.

Некоторое время он внимательно изучал его, затем сказал примирительным тоном:

— Лейтенант, теперь я в курсе дела. Вечером отец будет с вами. Уверен, что три месяца в заключении послужат ему уроком. Сожалею, что все так произошло. Но ваш отец не должен винить никого, кроме себя самого. Рад, что смог оказать вам услугу. Надеюсь, что ваш отпуск ничто больше не омрачит. Прощайте. Хайль Гитлер!

Быстро поднявшись, я коротко поблагодарил его. Конечно, никакой услуги шеф СС мне не оказывал, вряд ли он смог бы проигнорировать мое требование освободить отца. Я попрощался с фон Молитором традиционным военным приветствием и, когда вышел на улицу, вспомнил об искусительнице отца, тоже попавшей в заключение. Я сожалел, что не мог ей помочь. Только после войны, я узнал, что ей как-то удалось выжить.

Затем я пошел в офис отца, чтобы увидеть сестренку Труды впервые после свадьбы. Когда я сообщил ей, что отец будет к ужину дома, Труды расплакалась. Сквозь слезы она сказала:

— Мы просили освободить отца, но в гестапо отказывались даже выслушать нашу просьбу. Не представляешь, как я рада твоему возвращению домой. Мать в отчаянии из-за брачных планов отца. Обстановка невыносима. Пока он сидел в тюрьме Хаммельгассе, мне пришлось вести его дела самой.

Я похвалил Труды и сказал, что горжусь ею. Затем я предложил закрыть офис до следующего дня. В этот день мы организуем семейный праздник. Сестра отдала соответствующие распоряжения женщине-менеджеру, и вскоре мы вместе вернулись домой.

Мать очень беспокоилась и нервничала, но была готова простить отца, если он ее не Просит. Последний вариант стал менее вероятным после того, как отец потерял возможность видаться с объектом своих вожделений.

Приближалось время ужина, когда поворотом ключа была отперта входная дверь, и отец, не ведая о моем присутствии, вошел в вестибюль. Как только он увидел меня, то сразу же понял, кто способствовал его освобождению из тюрьмы. Молча мы обменялись рукопожатиями. Лицо отца обросло недельной щетиной. В гестапо ему даже не дали побриться.

Ужин проходил в натянутой атмосфере. Нам было трудно найти общую тему разговора. Я вкратце рассказал о положении на фронте в Атлантике, утаив правду. Колоссальные трудности наших армий на русском фронте и полное поражение Роммеля в Северной Африке, кажется, беспокоили отца больше, чем неприятности с гестапо. Он рассказывал мне об участвовавших воздушных налетах на Франкфурт и перемещении своих деловых учреждений за город. Мы обсудили много тем, кроме одной. Отец так и не упомянул о своем романе и не поднимал вопроса о возможности развода с матерью. С моей точки зрения, самым важным было то, что он вернулся домой. Что же касается сохранения брака, то эту проблему отец и мать должны были решить между собой сами.

Через сутки я прибыл в Берлин. Выйдя из вокзала, остановился пораженный масштабами разрушений. Повсюду валялись битое стекло, куски штукатурки, рваный камень и кирпич. Впервые меня не встретила на вокзале Марианна.

С намерением зайти к Марианне в офис я сел в трамвай, шедший к центру столицы. Поездка удручала. Массированные бомбардировки почти сровняли с землей значительную часть города, оставив строительный мусор, пыль и миллионы человеческих трагедий. Я чувствовал себя так, будто подо мной проваливается почва, будто я беженец, сошедший с очередного поезда. В конце концов я добрался до места, где работала Марианна, то есть туда, где раньше стояло семиэтажное здание. Но там стояло лишь несколько разрушенных стен. Возвышалась груда битого кирпича в два этажа.

Я покинул развалины и стал искать ближайшую станцию метро. Затем отправился на электричке в пригород, где проживала с родителями Марианна. Выйдя из метро, я повсюду видел сожженные дотла дома и разрушенные здания. Казалось, смерть и разрушения шли за мной по пятам. Приблизившись к дому Марианны, я приготовился пережить трагедию, о которой подозревал. Передо мной там, где когда-то был дом, возвышалась груда пепла. Его дымовая труба торчала, как

предостерегающий перст. Вокруг нее были разбросаны битый кирпич и каменные блоки, почерневшие от сажи. Стальные балки погнулись при пожаре. Повсюду лежали разного рода обломки. В них застряла деревянная досочка с надписью красной краской: «Вся семья Гарденбергов погибла».

Перед тем как уйти, я перечитал надпись два или три раза. Я утратил способность соображать. Что-то першило в горле. Мое сердце окаменело. В то мгновение умерли все мои чувства и мысли — они сгорели, как дома вокруг. Я стал совершенно бесчувственным ко всему.

Очередной поезд доставил меня домой, во Франкфурт. Я провел в городе четыре бесцельных дня, скорбя о Марианне. Одну из ночей пришлось провести в погребе нашего жилого здания, прислушиваясь к вою сирен и глухим разрывам зенитных снарядов. Пока меня встряхивали взрывы авиабомб, я рассматривал окаменевшие лица окружавших меня людей, привыкших к воздушным налетам. Когда все закончилось, улица снаружи наполнилась едким запахом пороха, стонами пострадавших и звоном пожарных колоколов. Таковы были последствия войны: Марианна стала жертвой воздушного налета, а моя семья привыкала спасаться от бомбежек под землей. После этой ночи я больше не видел смысла оставаться дома. Я должен был вернуться на свою подлодку и сражаться до победы ради тех, кто дома влачил жалкое существование в вечном страхе перед смертью.

Проведя ночь в темном поезде, я прибыл в Париж. Город дышал миром. Жаркое июньское солнце золотило деревья и крыши домов. Жара напомнила мне о неудобстве морской формы и заставила подумать о преимуществах штатской одежды. Нелегко было для меня смешаться с пестрой парижской публикой, которая, так или иначе, старалась не замечать войну. Я обратил внимание на то, что большинство элегантно одетых парижан игнорировало людей в военной форме. Я понял, какая пропасть разделяла меня с ними, наслаждавшимися всеми благами жизни, как далеки были мы, военные, не имевшие иного выбора, кроме как идти в бой и умирать, от людей, живущих мирными интересами.

Поздно вечером я вернулся в военный городок Брест и обнаружил в баре флотилии весьма оживленного Риделя и других своих товарищей. Я присоединился к пирушке. Бар содрогался от нашего буйного веселья и непристойных морских песенок. Мы нуждались в этом буйстве, чтобы забыть о том, что скоро многих из нас недосчитаются и у нас осталось слишком мало времени для веселья. Я лично нуждался в отключке, чтобы забыть о двойном потрясении: гибели Марианны и аресте гестаповцами отца. Друзья, крепкие напитки и разбитная жизнь уводили в сладкое забытие. Но я должен был исполнять свой долг.

Мне было нетрудно приспособиться к знакомым военно-морским будням. Ежедневно я навещал судоверфи, строго следил за дисциплиной в команде подлодки. Только один матрос доставлял мне хлопоты. Он повадился бегать по ночам веселиться в город, преодолевая ограждение военного городка. К несчастью, он часто ввязывался в кулачные бои из-за женщин, и я решил отправить его на восемь дней на гауптвахту. В иных отношениях он был отличным парнем и показал себя надежным подводником, когда наша лодка покинула порт.

В мое кратковременное отсутствие штаб флотилии сделал замечательное приобретение. Обнаружилось, что флотилия играет важную роль в составе германского флота и ей необходимо иметь своего фотографа для ознакомления потомства с интересными событиями в жизни соединения. Фотографом оказалась привлекательная молодая женщина. Случайная утренняя встреча с этой женщиной побудила меня пригласить ее посидеть в баре. Когда мы там расположились, я заметил:

— У вас очень знакомый южный акцент.

— А ваше произношение тоже несколько отличается от берлинского, — парировала она мое замечание с улыбкой.

— Согласен. Я вырос на озере Констанца. На северном побережье.

— Какое совпадение! — воскликнула она. — Я жила напротив, за озером, в Констанце. Меня зовут Вероника, многие именуют просто Верой.

Я пригласил Веру поужинать, и она согласилась без раздумий. После дневной работы я выкупался в бассейне, который был также новым приобретением флотилии. Затем настало время встречи. Я постучал в дверь домика, который заняла Вера после назначения.

Вдвоем мы покинули военный городок и побрели по **узким** улицам Бреста под солнцем, склонявшимся к закату. Мы заказали на ужин жареных моллюсков, креветок в винном соусе, огромного омара и бутылку «Божоле». Затем пошли в маленькое уединенное кафе и танцевали под музыку пианиста, исполнявшего все наши заявки. После этого вернулись в военный городок. Как-то необычно было войти в это огороженное для военных моряков и тщательно охраняемое место с женщиной.

С этой ночи я постоянно встречался с Верой после работы. Однажды в субботу я вспомнил о своем намерении обзавестись цивильным костюмом и попросил Веру помочь мне в поисках материала и портного. Несмотря на дефицит товаров в военное время, портной предложил нам поразительное разнообразие тканей, причем без карточек. Я выбрал шотландку. Портной снял с меня мерку, назначил цену и срок изготовления костюма. Я не испытывал ни малейшего беспокойства по поводу того, что, может быть, мне вообще не представится случай надеть костюм. С этим приобретением я как бы подбадривал самого себя, старался быть оптимистичнее.

В оставшиеся дни нашего пребывания в порту было немало поводов для пессимизма. Когда не возвращался из похода боевой товарищ, когда открылась правда о наших потерях в мае, когда вползала во внутреннюю гавань побитая подлодка, когда сообщения о растущих потерях становились главной темой разговоров в офицерской столовой. И в моей памяти вновь всплывали ужасные картины нашего подводного ада. Росло предчувствие несчастья. Хуже всего было то, что наши ребята не могли дорого отдать свои жизни. Несмотря на большие потери, мы в апреле потопили только треть судов союзников, отправленных на дно в марте. В катастрофическом для нас мае было потоплено всего 50 судов противника, тоннажем в 265 тысяч тонн. К середине июня подводная война фактически не принесла результатов. За две недели было потеряно еще 16 подлодок. Адмирал Дениц приказал временно прекратить атаки на судоходных линиях в Северной Атлантике. Выжившим подлодкам были изменены районы патрулирования, но они не были отозваны с фронта. Напротив, чтобы компенсировать наши ошеломляющие потери, предпринимали гигантские усилия для быстрого ремонта подлодок, находившихся в сухих доках, и завершения строительства новых подводных судов на судоверфях. Замысел состоял в том, чтобы включить в боевые действия несовершенные и устаревшие типы лодок. Это должно было показать союзникам, что им не удалось переломить нам хребет. В своей речи в Лориане Дениц уверял нас, что неудачи носят временный характер и неблагоприятная тенденция будет обращена вспять нашими контрмерами. Но пока мы все равно должны выходить в море. По словам адмирала, наши усилия связывают военно-морские силы союзников в Атлантике и отвлекают их бомбардировщики от воздушных налетов на немецкие города.

В конце июня я вывел «У-230» из сухого дока и привел ее к пирсу, где необходимо было завершить переоснащение. С этого времени все наши загулы в порту прекратились. Теперь главное — подлодка, война и подготовка к неизбежному столкновению с врагом. Такова была реальность. Остальное — пустые желания и мечты.

29 июня в полдень, после того как командир вернулся с совещания высокопоставленных офицеров-подводников Западного фронта, он попросил меня зайти к нему в комнату.

— Захвати с собой Фридриха и Риделя, — добавил он. — У меня интересные новости. Через 20 минут мы были у Зигмана.

— Садитесь, господа, — обратился он к нам. — Мое сообщение займет некоторое время. И то, что вы услышите, не следует разглашать. Штаб доверил нам особое задание. Главной целью предстоящего похода будет постановка мин у побережья Соединенных Штатов. Мы возьмем на борт 24 магнитные мины последней конструкции и установим их в Чесапикском заливе, точнее, перед базой ВМС США в Норфолке. Не нужно говорить вам об опасностях этого предприятия. Я требую, чтобы суть задания оставалась в тайне, пока мы не вышли в море. Не хотелось бы по прибытии в США обнаружить, что нас там уже поджидают. И еще одно. Чесапикский залив слишком мелководен, чтобы позволить нашей лодке погружаться. Мы будем осуществлять минирование в надводном положении. Старпом, попрошу тебя обеспечить все необходимые навигационные карты этого района и держать их за семью замками.

Мы трое внимательно выслушали капитана и порадовались тому, что предстоящий поход будет необычным. Заботясь о безопасности лодки, я спросил у командира:

— Если мы примем на борт 24 мины, то сможем взять с собой не больше двух торпед.

— Верно, старпом, только две. Остальное пространство лодки будет заполнено минами, за погрузку которых ты отвечаешь.

В разговор вступил Фридрих:

— Сколько мы возьмем с собой солянки?

— Обычную норму. Все продумано. Дозаправка лодки будет осуществляться одной из подлодок-танкеров в районе Вест-Индии, зоне наших будущих операций. Там нас снабдят пищей, горючим и торпедами. Ридель, позаботься об экипировке команды тропической формой и о соответствующей диете. Господа, — закончил капитан, — полагаю, мы будем находиться в море весь остаток лета.

1 июля мы погрузили на борт лодки мины. Необычный груз немедленно побудил команду строить догадки. Часть людей была уверена, что мы идем минировать британский порт. Другие полагали, что это будет Гибралтарская бухта. Самые догадливые утверждали, что мы отправимся к важному порту на побережье Западной Африки — Фритауну. Горячие пересуды вызвали у меня улыбку. Приятно было видеть, что команда стремится, как и прежде, выйти в море.

Но чем ближе становилась дата выхода в море, тем больше я сомневался в переломе ситуации в Атлантике к лучшему. Ни одна из ожидавшихся технических новинок не поступила на вооружение «У-230». Утверждалось, что наш радар «метокс» был последним достижением в сфере радиолокации. Была обещана установка на лодке дополнительных стволов зенитной артиллерии, однако они не поступили в порт в достаточном количестве. Ходили слухи о таком новшестве, как резиновое покрытие прочного и легкого корпусов лодки для ее защиты от импульсов «асдика». Оказалось, что это пустые разговоры. Единственным улучшением было покрытие ограждения ходового мостика бронированными плитами. Одновременно демонтировали устаревшую радиолокационную антенну и 88-миллиметровую пушку на передней палубе, Все было против нас. Англичане использовали авиацию в таких больших масштабах, что подлодки едва ли смогли бы пересечь Бискайский залив незамеченными. За шесть недель союзники уменьшили число наших боевых подлодок на 40 процентов. Оставшиеся же должны были преодолевать при выходе и возвращении в порт базирования мощную противолодочную оборону.

Несмотря на моральную и физическую усталость, мы еще верили в благоприятный поворот событий в том случае, если продержимся какое-то время. Должны были продержаться.

За два дня до ухода в море я снова навесил своего портного. Он не успел закончить мой костюм к обещанному сроку. Я договорился с ним, что мой заказ будет выполнен через две недели, и поощрил его активность оплатой половины стоимости работы. Мне не хотелось быть должником портного в случае моей гибели в походе.

ГЛАВА 13

Понедельник, 5 июля. Уход «У-230» в море запланирован на вечер. В это день на лодку был приписан еще один пассажир. Штаб, учитывая продолжительность нашего похода и возможные ранения наших зенитчиков и вахтенных, пополнил личный состав «У-230» врачом. Он прибыл на пирс нагруженный несколькими чемоданами, как будто мы собирались на увеселительную прогулку.

— Здравствуйте, герр лейтенант, — обратился он ко мне. — Меня зовут доктор Рехе. Я буду заботиться о здоровье ваших людей. Но должен признаться, что я никогда не плавал на кораблях, тем более на подводных лодках. Не будете ли вы так любезны показать мне мою каюту?

Наши ребята слушали его ухмыляясь и отпуская порой насмешливые реплики. Я пожал худощавую руку врача и объяснил извиняющимся тоном:

— Доктор, на подлодке нет каюты в подлинном смысле этого слова. У нас также нет помещения для хранения всего вашего багажа. Пожалуйста, возьмите с собой только то, в чем действительно нуждаетесь. Это примерно четверть того, что с вами. Потом мы пройдем внутрь лодки.

После того как доктор значительно уменьшил свой багаж, я нашел ему место в помещении для унтер-офицеров, где он занял койку над койкой штурмана,

На закате мы присутствовали на прощальном приеме в военном городке, затем небольшими молчаливыми группами пошли на подлодку. Никто, начиная от капитана и кончая рядовым матросом, не делился своими мыслями о предстоящей встрече со смертельным врагом. Всем было хорошо известно, несмотря на попытки командования скрыть правду, что противнику удавалось потопить три из пяти подлодок, пересекавших Бискайский залив. Только 24 июня «томми» отправили на дно четыре наши подлодки в течение 16 часов.

Когда «У-230» отчалила от пирса, была совершенно безлунная ночь. Не было ни музыки оркестра, ни шумного застолья, ни толпы провожающих на пирсе. Мы вышли в море тайком, чтобы о начале нашего похода не узнали французские партизаны или британские шпионы. В эти дни британская разведка следила за нами повсюду — в военном городке, в сухом доке, в ресторанах и даже в публичных домах.

На краешке побережья Бретани, где из моря выступают голые скалы, нас встретил сторожевой корабль и повел на юг вдоль берега к месту встречи с другими подлодками из Лориана. Ночь прошла без происшествий, и на рассвете мы присоединились к «У-506» и «У-533». Нам было приказано втроем пересечь Бискайский залив, отбивая совместным огнем авианалеты англичан.

Вокруг места встречи подлодок кружили четыре эскорта в полной боевой готовности. Три командира подлодок переговаривались по мегафонам, обсуждая план взаимодействия во время перехода через залив. Они договорились двигаться днем в надводном положении со скоростью 18 узлов, ночью же идти под водой, поддерживая тесный контакт, и снова по команде всплывать на рассвете. Если самолет удавалось обнаружить на безопасной дистанции, капитан «У-533» должен

был подать другим лодкам желтым флагом сигнал к погружению под воду. Если же он подавал сигнал красным флагом, то это означало, что самолет противника приблизился настолько, что безопасный уход под воду невозможен. Тогда три лодки должны были отогнать самолет совместным огнем.

Этот «мудрый» план, разработанный в кабинетах офицерами штаба, был порочен по сути и совершенно невыполним. Однако за неимением лучшего капитаны решили его придерживаться.

В 08.10 три подлодки взяли курс на запад в попытке прорваться сквозь плотную противолодочную оборону противника. Как только мы двинулись в этом направлении, эскорты повернули на восток, возвращаясь в порт. Стоял жаркий влажный день — отличное время, чтобы поваляться на пляже. На небе — высокая облачность, дымка тумана стелилась пониже. «Метокс» ничего не показывал. Три напряженных часа мы прошли без происшествий.

11.35. «У-533» просигналила желтым флагом. Тотчас мы запеленговали самолет на дистанции 10 тысяч метров по правому борту. Через 30 минут «У-506» при помощи своего нового акустического прибора дала сигнал к всплытию. Три лодки одновременно вынырнули на поверхность моря, как хорошо адресированные тюлени. Полным ходом они продолжили движение на запад, оставляя за собой длинные пенистые следы.

13.10. Из-за облачного покрова выскочил «либерейтор» на дистанции три тысячи метров. Погружаться поздно. Сразу же показался красный флаг, и зенитные расчеты трех лодок заняли свои места на палубе. Огромная черная птица снизилась для атаки. Но прежде чем войти в зону досягаемости нашего огня, самолет сделал вираж и стал кружить над нами в высоте.

13.18. В небе появился другой «либерейтор», повторив маневр своего предшественника. Оба самолета кружили над нами на почтительном расстоянии. Я приказал доставить на мостик и в боевую рубку больше боеприпасов. В такой ситуации не могло быть и речи о погружении. Застигнутые врасплох самолетами противника, три подлодки гасили желание «томми» атаковать одиночными залпами. Рокот работавших дизелей подлодок, распространявшийся снизу, дополнялся ревом авиационных двигателей сверху.

13.25. Из облаков вынырнул «сандерлэнд» и присоединился к двум кружившим над нами «либерейторам». Его появление снизило до минимума наши шансы на благоприятный исход развития событий.

13.32. С появлением третьего «либерейтора» образовалась четверка самолетов. Наши шансы упали до нуля. Казалось, что поход, продлившийся всего несколько часов, подошел к преждевременному завершению. Мы ожидали атаки с воздуха, сохраняя в душе всего лишь крупицу той решимости, с которой вышли в поход.

13.40. «Либерейтор» ринулся в атаку. Зенитки трех подлодок ударили одновременно по пилоту, который, казалось, совершал безумие, пикируя в зону сплошного огня. Однако вскоре с противоположной стороны нас атаковал другой «либерейтор», отвлекая на себя часть огня. Мы начали маневрировать зигзагами, стремясь расстроить план атакующих. Один из самолетов, обстрелявших во время пикирования из пулеметов «У-230», сбросил кассету бомб и пронесся с ревом всего лишь в трех метрах от мостика. Последовали четыре взрыва, сопровождавшиеся вздыбившимися фонтанами воды. Один из наших зенитчиков у нижнего орудия стал оседать и рухнул на палубу. Его заменил другой матрос. Через несколько секунд четыре фонтана взметнулись рядом с рубкой «У-506». В это время другой самолет пробивался сквозь нашу огневую завесу.

Мы спустили раненого зенитчика в прочный корпус и доставили на мостик новую порцию боеприпасов. Внезапно «У-506» ушла под воду. Четыре пилота «томми» решили, что наступил благоприятный момент, и начали решающую атаку. Но случилось неожиданное. «У-506» быстро вынырнула на поверхность, и ее расчеты бросились к зениткам. Подлодка резко развернулась влево, уклоняясь от бомб, сброшенных «сандерлэндом». Грохот их взрывов прозвучал среди тугих хлопков нашей зенитки, пулеметной дробы самолетов, шума дизелей и рева авиамоторов. Море пенилось от выхлопных газов и разрывов бомб. Воздух звенел от шрапнели и пуль, отскакивавших от бронированных плит ограждения мостика, «сандерлэнд», выходявший из пике, настиг зенитный огонь. Он вздрогнул и медленно упал в море. После его гибели другие самолеты удалились. Для нас наступил момент позаботиться о своей безопасности. Три подлодки с вращавшимися винтами мгновенно нырнули под воду. Мы еще не достигли безопасной глубины, когда разрывы глубинных бомб показали, что англичане не оставили нас в покое.

На этом заканчивался наш групповой переход через Бискайский залив. Вскоре связь нашей лодки с двумя другими была потеряна. Ни одна из них не вернулась в порт. «У-506» потопили через шесть дней после нашей встречи, а «У-533» погибла 12 неделями позже. Обе лодки стали жертвами воздушных налетов союзников.

Доктор Рехе, еще не оправившийся от испуга и морской болезни, принялся лечить нашего матроса, раненного в верхнюю часть правого бедра. К счастью, пуля не задела кость. Рехе с большим трудом перевязал раненого зенитчика, а когда покончил с этим, потащился к своей койке, сам крайне нуждаясь в помощи.

Сутки преследователи продолжали яростно бомбить нас. За нами охотились так, что чуть не довели нас до безумия. Десятки раз приходилось уходить под воду, когда нам вослед гремели взрывы. И все-таки день за днем целую неделю нам удавалось уходить от преследователей. Когда «У-230» достигла относительно безопасных пространств средней Атлантики, мы вынырнули из океанских глубин, удивляясь своему спасению. Как и прежде, другие подлодки оказались менее счастливыми. За этот же период «У-514» и «У-232» были расколоты 8 июня на части, днем позже потопили «У-435». 12 июля противник уничтожил «У-506» и «У-409», а на следующий день британские самолеты разбомбили «У-607». Все эти подлодки были потеряны в Бискайском заливе, в опасной близости от маршрута нашего движения.

Пройдя акваторию залива за пределы досягаемости базировавшихся на суше бомбардировщиков, мы погружались под воду два-три раза в день, двигаясь большую часть времени в надводном положении. Подлодка была очищена от заплесневевших и подгнивших продуктов, днище выскоблено, и отходы выброшены за борт. Этим мы не могли заниматься в заливе. Были также подготовлены мины для постановки и торпеды для возможных атак. Теперь мы проводили на вахте замечательные деньки и под ярким солнцем загорели до черноты. У команды постепенно восстанавливался аппетит, некоторые мотористы поднимались в рубку попытаться трубкой или выкурить сигареты. Единственным из нас, кто не показывался на солнце и даже не вставал со своей койки, был доктор. Рехе лежал на матрасе, мучаясь от морской болезни. Желтый и худой, он неподвижно лежал на узкой койке, ничего не принимая и не требуя. Однако, когда мы совершили регулярное погружение, двигаясь без качки на глубине 60 метров, доктор поднялся со своей кожаной постели, напомнив о своем присутствии на борту подлодки.

«У-230» упорно двигалась к пели. Почти каждый день мы сокращали расстояние до Чесапикского залива приблизительно на 160 миль. Все зависело от степени интенсивности воздушных налетов. Поток радиogramм с подлодок, оказавшихся в беде, не прекращался. Примерно в это время «У-509» сообщила, что получила сильные повреждения во время отражения атаки с воздуха и остро нуждается в запчастях. Больше она ни о чем не сообщала. Радист занимался не только дешифровкой радиogramм бедствия, но также принимал ежедневно коммюнике верховного командования вермахта. Мы были шокированы новостями о быстрой высадке союзников на

Сицилии и удручены продолжавшимся отступлением наших войск на Восточном фронте. Мир полыхал в огне, его пламя сильнее всего охватило Германию, где мы его меньше всего ожидали. Наши ВВС, доведенные Герингом до упадка, понесшие большие потери от союзников, не могли помешать самолетам противника разрушать до основания немецкие города. Внезапно мне пришла в голову мысль, что возросшие потери наших подлодок поразительно схожи с поражениями люфтваффе в воздухе. Но, несмотря на бомбежки и разрушения, отступления и поражения, а также на вероятную угрозу нашей собственной гибели, мы не теряли надежды на лучшее. Нам говорили, что война будет выиграна, и мы все еще верили в это.

Между тем наши лодки продолжали гибнуть. 20 июля вахтенный журнал одного из наших лучших друзей в Бресте закрылся навеки. Его последняя радиограмма сообщила: «Атакованы самолетом. Тонем. Нас берут в плен. «У-558».

На следующий день мы обнаружили «Каталину», двухмоторный гидросамолет. Быстро ушли под воду и оставались там в течение двух часов, выжидая момент, когда пилот прекратит преследование. Когда после полудня мы всплыли, небо обложили черные тучи. До вечера подлодка мчалась вперед на полных оборотах, воспользовавшись 'неблагоприятными для авиации условиями, которые создавал приближавшийся штормовой фронт. Наступила ночь, но вскоре стало светло как днем. Вспышки молний осветили небосвод. Десятки огненных стрел вонзались по вертикали в океан и поднимались зигзагами с его поверхности, яростно пронзая тучи. Час за часом стрелы молний носились взад и вперед, вверх и вниз, освещая небо миллионом факелов. Грохотала канонада громовых раскатов. Воздух был насыщен фосфором, от которого жгло глаза. После пяти часов пляски молний и грома пошел дождь. Его потоки хлынули в океан из туч, пронзенных стрелами молний, под аккомпанемент раскатов грома, грохотавшего между небом и морем. Когда шторм наконец прекратился, родился новый день. Он был чище и ярче прежнего. Мы достигли континентального шельфа Северной Америки.

Ожидая в прибрежной зоне США интенсивного воздушного патрулирования, мы в 09.45 погрузились под воду и пошли заданным курсом на глубине 110 метров. Оставаясь довольно долго под водой, планировали наши тактические операции на ближайшее время. Команда оставалась на местах в полном молчании. Позже она была проинформирована о цели похода. Ночью мы всплыли на поверхность. В 21.15 Прагер приготовился послать несколько сигнальных ракет, чтобы определить наши координаты. Когда он наладил свой секстант, я пошутил:

— Определяйся как следует, чтобы мы случайно не оказались в шлюзах Панамского канала.

— Что бы ты сказал, старпом, если бы я завел вас в озеро Онтарио? — ответил Прагер. Мы,

вахтенные, громко рассмеялись, сбросив нервное напряжение. Прагер добавил:

— Не смейтесь, братцы, мы идем правильным курсом.

В 01.40 мы заметили тень по правому борту. Она превратилась в торговое судно. С капитаном этого судна на мостике стоял и его ангел-хранитель. Чтобы нас не обнаружили, мы не стали его трогать. В целом ночь прошла спокойно, если не считать ложной тревоги, поднятой в то время, когда Венера засияла на небосклоне во всем своем великолепии. Небо и горизонт были пустынно. Нашему скрытному подходу не препятствовали ни самолеты, ни суда береговой охраны США. «У-230» продолжала движение со скоростью 18 узлов. Прямо перед нами был мыс Чарльз.

Ночью мы узнали ошеломляющую новость. Радио передало, что в Италии произошел государственный переворот, Муссолини арестован, а его место занял глава правительства маршал Бадольо. Если бы эту новость не сообщило германское радио, мы приняли бы ее за дезинформацию. Но и так она казалась неправдоподобной, хотя и не очень важной.

На рассвете мы нырнули под воду, чтобы не обнаруживать себя. Медленно продвигаясь на запад на глубине 40 метров, подошли на тридцатимильную дистанцию от мыса Чарльз. Поскольку о противолодочной обороне США нам ничего не было известно, экипаж лодки занял боевые посты и приготовил к стрельбе кормовой торпедный аппарат на случай внезапной атаки. Вскоре после полудня акустик доложил об усилившемся шуме винтов. Главмех поднял лодку на перископную глубину, чтобы капитан определил двигавшийся объект. К удивлению Зигмана, мы оказались прямо перед небольшим конвоем — гораздо ближе к нему, чем это явствовало из показаний приборов. Всего лишь семь транспортов охраняли четыре эсминца. Вдруг капитан крикнул:

— Лодка поднимается, держите ее под водой. Мостик уже выходит наружу. Главмех, опусти ее вниз!

Фридрих принял все меры, необходимые в аварийной обстановке. Никакого результата.

— Что, черт возьми, случилось с этим шлюпом? — возмутился Зигман. — Погружайтесь скорее.

Пока «У-230» висела, как рыба на крючке, на виду у эсминцев, уходили бесценные секунды. Затем медленно, безумно медленно лодка стала погружаться в слой морской воды высокой плотности. Как раз в тот момент, когда скрылась ее корма, кассета боезарядов разорвалась в непосредственной близости от нас. Взрывная волна толкнула «У-230» под плотный слой, а винты, вращавшиеся на максимальных оборотах, потащили лодку дальше вниз, пока она не коснулась песчаного дна. «Асдики» американских эсминцев легко прощупывали мелководье, но не могли ощупать нашу лодку. Звуковые волны гасил плотный слой морской воды над нами. Почти два часа охотники нервно осматривали глубины моря, тщетно пытаясь обнаружить цель для бомбометания. Затем они удалились, даже не сбросив на нас новую кассету глубинных бомб.

Ночью мы всплыли на поверхность. Стремительно пошли вперед. Три часа нас не покидали настороженность и волнение. И вот впереди показался порт, тусклое свечение вдоль всего горизонта — огни Норфолка. Через несколько минут Борхерт воскликнул:

— Америка прямо по курсу!

Мы прибыли в пункт назначения. Время: 23.25. Дата: 27 июля 1943 года.

Когда из воды поднялась узкая полоса побережья, из темного помещения центрального поста прозвучал голос Прагера:

— Лодка отклонилась от мыса Чарльз на восток на 4 мили. Предлагаю поменять курс на 2-3-5.

— Отлично, — согласился Зигман. — Старпом, приготовь яйца^[4] для сброса.

— Слушаюсь, герр капитан, — ответил я. — Хотите, я приготовлю их вкрутую?

Присутствовавшие на мостике громко рассмеялись. Нас радовало, что никто не преследовал лодку, подходившую к острову Рыбачий. Кто-то подражал боевому кличу краснокожих. Все воображали себя раскрашенными индейцами, атакующими врага на каноэ.

Я приказал затопить четыре носовых торпедных аппарата и держать их открытыми. «У-230» ускорила ход, миновав Рыбачий по правому борту. Наш пеленгатор прощупывал воду. Прагер определял пеленги. Присутствие лодки все еще не было обнаружено.

На полпути между мысом Чарльз на севере и мысом Генри на юге Зигман развернул лодку курсом на мелководье Чесапикского залива. Поразительно, но там не оказалось ни одного сторожевого

корабля противника, который мог бы преградить нам путь в то время, как по левому борту стали ясно различимы огни Норфолка. Американские моряки, должно быть, отмечали этой ночью какое-то торжество, им было явно не до нас. Когда мы проходили мимо базы ВМС, на ночном небе четко обозначился силуэт залитого огнями города. По мере дальнейшего продвижения в залив нас все теснее обступала суша,

В два часа ночи мы запеленговали несколько транспортных судов, направлявшихся в открытое море. Их внезапное появление сорвало наши планы постановки мин этой ночью. У нас не было времени уйти под воду. Оставалось только отступить в темноту. «У-230» сделала полный разворот, оставшийся незамеченным, и поспешила выйти из залива, перед тем как это должна была сделать группа транспортных судов. Мы увидели, как одно из них повернуло на север, три других развернулись веером на юг. Потом все они растворились в ночной мгле. Мы проследовали на восток, покрыв за два часа 30 миль. Затем «У-230» легла на дно в мелководье и стала дожидаться следующей ночи.

28 июля. В 21.45, когда погасли последние лучи солнца, мы всплыли и поспешили на полных оборотах вернуться в Чесапикский залив. Снова пересекли линию мыс Чарльз — мыс Генри. Налево находился Норфолк. Американский флот опять что-то праздновал в порту. Залив был пуст, лишь «У-230» нарушала безмятежность ночи. Около полночи Борхерт заметил тень, начавшуюся внезапно увеличиваться прямо перед нами. Мы немедленно сбавили скорость. Но тень так быстро превратилась в громаду, что Зигман был вынужден застопорить оба дизеля, избегая столкновения с кормой торгового корабля. Очевидно, он следовал в Балтимор. «Купец» двигался слишком медленно, со скоростью всего лишь восемь узлов, расстраивая наш график движения. Но поскольку мы не могли приказывать его капитану поторопиться, то вынуждены были на малой скорости следовать в кильватере судна. Несколько минут мы рассматривали в бинокли природу Америки.

29 июля. В 02.10. Зигман решил, что мы достаточно продвинулись в залив. Повернув лодку на обратный курс, он направился к мигающим огням Норфолка. Когда «У-230» приобрела достаточно устойчивый ход, я спустился в темный прочный корпус лодки, готовясь к минированию бухты. Через пять минут первая мина выскочила из торпедного аппарата с тихим всплеском. Через три минуты за ней последовала вторая, потом — третья. Первый торпедный аппарат опустел. Аппараты, освобождавшиеся от мин через одинаковые промежутки времени, вновь быстро загружались. В них осторожно погружались новые мины, после того как их снимали при помощи лебедек со своих стоек. Носовой отсек перегревался от жара тел нескольких полуобнаженных потных матросов, занятых работой. Оттуда доносился лязг лебедочных цепей. Постановка мин проходила гладко и заняла 1 час 50 минут. Когда она закончилась, я поспешил на мостик и доложил:

— Двадцать четыре яйца подброшены ко входу во двор Дяди Сэма.

— Пасха еще далеко, — ответил Зигман, — не будем дожидаться, когда яйца сварятся. Полный вперед, курс 9.

Подлодка быстро набрала скорость 19 узлов и понеслась мимо Норфолка, Рыбачьего острова к светлеющей полоске утреннего неба. Около 06.00 мы нырнули под воду и без всяких помех вышли в открытое море.

Вечером того же дня «У-230» снова поднялась на поверхность. Зигман выбрал курс на юго-запад, и лодка быстро пошла вперед, оставляя позади район скрытного минирования. На следующий день возвратился наш прежний распорядок жизни — три или четыре раза мы уходили под воду, обнаруживая приближавшийся самолет. Ликование по поводу успешного выполнения задания несколько не ослабило нашей бдительности. Поскольку «метокс» мало помогал нам в

обнаружении самолетов противника, мы больше полагались на собственное зрение как гарант нашего спасения. 30 июля мы перехватили три радиogramмы бедствия из одного и того же района в Бискайском заливе. Ридель выглядел явно шокированным, когда передавал мне тексты этих радиogramм:

«Атакованы авиабомбами. Тонем. 46 С. Ш., 10 З. Д. «У-504».

«Атакованы самолетом. Тонем. 46 С. Ш., 10 З. Д. «У-461».

«Атакованы авиабомбами. Тонем. 46 С. Ш., 10 З. Д. «У-462».

Эти лодки, по-видимому, использовали кильватерный строй, изобретенный мудрыми головами в штабе, от которого мы быстро отказались. Зная, что это большие неповоротливые подлодки-танкеры, мы легко представили себе картину неравного боя. Беззащитные перед маневрами самолетов противника, неспособные помочь друг другу, они, видимо, проиграли сражение до того, как прекратили подавать сигналы флажками, как это делали финикийцы три с половиной тысячи лет назад. Дело было не только в гибели подлодок. Их потеря серьезно подрывала наши возможности производить дозаправку в море.

Победы авиации англичан в Бискайском заливе сопровождались их сокрушительными ударами на суше. Третий раз мы слышали по коротковолновому приемнику о неоднократных бомбардировках Гамбурга британской авиацией. Судя по сообщениям, наиболее разрушительные воздушные налеты происходили в предыдущую ночь, когда половина города превратилась в пожарища. Я видел, как после этого известия лицо Зигмана стало смертельно бледным. В этот день он не прикасался к еде, уединившись в своем углу за занавеской. Все сочувствовали командиру, поскольку знали, что его семья проживала в Гамбурге — жена, дети, а также родители. Когда после бомбежки в Гамбурге потухли пожары, выяснилось, что 41 тысяча его жителей погибла и более 600 тысяч остались без крова.

1 августа. Удалившись примерно на 400 миль от побережья Чесапикского залива, мы рискнули направить в штаб радиogramму: «Спецзадание выполнено. Ждем новых указаний. Нуждаемся в топливе. 27 С. Ш., 68 З. Д. «У-230».

Через три часа после нашего радиосеанса два четырехмоторных самолета внезапно свалились на нас с неба. Мы в замешательстве произвели срочное погружение. Вокруг грохотали разрывы авиабомб. В этот день мы уходили под воду еще четыре раза. Было ясно, что радиogramма спровоцировала активизацию поисковых операций авиации США. С наступлением ночи мы получили приказ следовать на юг через Карибское море в район восточнее Подветренных островов. Там нас должна была заправить подлодка-танкер «У-459».

Через два часа Ридель дешифровал личную радиogramму из штаба: «У-230». Зигману. Семья в безопасности. Все здоровы. Вывезены за город. Денис». Эта радиogramма значила для командира и команды больше, чем награда за успешное выполнение задания.

Мы продолжали осторожно следовать на юг. Стали привычными срочные погружения и атаки самолетов. Затем 3 августа мы получили из штаба радиogramму, самую важную с начала перелома в подводной войне в пользу союзников. «Всем подлодкам, патрулирующим в море. Немедленно выключить «метокс». Противник перехватывает его сигналы. Хранить радиомолчание до дальнейших указаний».

Предупреждение штаба поступило на «У-230» вовремя. Но оно оказалось слишком запоздалым для почти сотни наших подлодок, потопленных до него. Мы вдруг осознали, что в своих попытках спастись прибегали к устройству, которое раскрывало наши координаты столь же явно, сколь

горящие лампочки высвечивают рождественскую елку. Недели и месяцы мы посылали противнику приглашения на свои собственные похороны. Новость была чудовищной. Она делала наше выживание еще более проблематичным.

С облегчением мы выключили «метокс» и продолжили движение на юг. Однако надежды на возвращение в порт стали призрачными, когда выяснилось, что подлодка-танкер не отвечала на вызовы штаба.

В эти дни в начале августа 1943 года «У-230» трижды меняла курс в попытках выйти на подлодку-заправщик. И каждый раз она не являлась на место встречи, обрекая нас на бесцельное блуждание. Каковы бы ни были причины этих мистических неявок, наше положение ухудшалось, поскольку с каждым днем запасы солярки на лодке сокращались. 9 августа наше долгое, изнурительное ожидание было прервано новой трагедией. Опять она коснулась трех наших лодок. Началось с радиограммы, перехваченной с подлодки, которая беспомощно крейсировала в 400 милях от бразильского порта Ресифи: «Атакованы самолетом. Имеем серьезные повреждения. Не можем погрузиться. «У-604». Чтобы спасти команду лодки, штаб приказал «У-172» и «У-185», находившимся недалеко от катастрофы лодки, идти на помощь. Радиомолчание вокруг инцидента длилось около 30 часов. Затем 11 августа Атлантику пересекла радиограмма: «Атакованы самолетом. Имеем повреждения. «У-172». И всего лишь через несколько минут — другая радиограмма: «Атакованы «либерейтором». Тонем. «У-604». Третью радиограмму мы перехватили примерно через час: «Спасли экипаж «У-604». Сбили самолет. Имеем повреждения. «У-185».

Из последующих радиограмм выяснилось, что «У-172» тоже приняла на борт часть экипажа «У-604». «У-185» помогла ей произвести поспешный ремонт. Затем обе лодки начали переход в порт базирования протяженностью в три тысячи миль. «У-185» не вернулась. 24 августа она была потоплена атакой с воздуха.

К 13 августа на «У-230» осталось всего лишь две тонны солярки. Мы находились в 300 милях к востоку от Барбадоса. В полдень получили по радио координаты места и время встречи с новой лодкой-заправщиком «У-117» в сетке квадрата ДР-64. Встреча должна была произойти 17 августа. Чтобы не выдавать себя, мы двигались днем в погруженном положении на малом ходу в целях экономии энергии аккумуляторных батарей. Ночью следовали в надводном положении с умеренной скоростью, расставаясь с каждым литром солярки, словно с собственной кровью. Тем не менее мы прибыли в заданный район точно в назначенное время. Лодка медленно крейсировала там, пока не израсходовала всю солярку. Затем, беспомощно дрейфуя, мы заметили черное пятнышко в нескольких милях от себя. Оно осторожно продвигалось по направлению к нам. Но вместо встречи с заправщиком мы поздоровались с нашим старым другом Дальхаусом с «У-634», лодкой, которая в этот день тоже должна была заправиться от «У-117».

Заправщик так и не прибыл. Почти через два дня напряженного ожидания Дальхаус и Зигман договорились, что «У-634», сохранившая еще 15 тонн солярки, пройдет 150 миль в западном направлении и затем сообщит в штаб о нашем положении. Таким образом, мы останемся в безопасности, даже если союзники перехватят радиограмму и сконцентрируют силы в месте ее передачи.

«У-634» ушла. Несколько часов мы оставались на прежнем месте, ныряя под воду при приближении противника. Через десять часов ожидания мы перехватили радиограмму Дальхауса в штаб. Затем стали ждать ответа из штаба с еще большим нетерпением. Он пришел 20 августа, породив новые надежды: «У-634». Поделиться соляrkой с «У-230». Обоим подлодкам двигаться в квадрат ДФ-91, 27 августа заправиться от «У-847». Возвращаться на базу по кратчайшему маршруту».

Через 46 часов отсутствия Дальхаус наконец вернулся. Чтобы избежать риска заправки днем, обе лодки нырнули под воду и стали дожидаться заката солнца. В сумерках мы всплыли и получили свою часть солянки с «У-634». Обговорили также планы встречи с лодкой Дальхауса и заправщиком через пять дней. Затем обе лодки расстались,

Тихой спокойной ночью мы взяли курс на восток, Днем двигались в погруженном положении, пока не добрались до середины Атлантики. Здесь преследование с воздуха прекратилось. Ночью 27 августа мы прибыли к месту встречи с заправщиком и стали высматривать знакомые силуэты. Уже утром заметили три рубки на спокойной поверхности моря. Когда все лодки собрались в одном месте, из-под воды появилась надстройка большой лодки-заправщика «У-847». С ее появлением нас стало пятеро. Мы поприветствовали «У-634» и «У-415», поздравили «У-172», спасшую половину экипажа «У-604».

Встреча 5 подлодок тайла большие опасности. Нам оставалось надеяться, что противнику не удалось о ней узнать. «У-634» и «У-415» не стали терять времени. Они пристали к бортам заправщика и стали выкачивать из него солянку. Через несколько часов Дальхаус передал топливные шланги нам и «У-230» приняла 15 тонн драгоценного топлива. Вскоре «У-415» закончила заправку и уступила свое место «У-172». Когда «У-415» отходила, мы пожелали ей безопасного возвращения в Брест. Я бы добавил к этому слова молитвы, если бы был пророком, потому что через семь месяцев стал капитаном «У-415».

Поскольку во время заправки горючим мы были совершенно беспомощны, артиллерийские расчеты заняли свои места у пушек. В случае появления самолетов противника мы были готовы мгновенно освободиться от топливных шлангов и открыть огонь. Не так вела себя команда заправщика. Члены ее экипажа стояли по краям ограждения обширного мостика, подобно праздным уличным зевакам, В негодовании я прокричал старпому «У-847» по мегафону:

— Почему так ведут себя ваши ребята, неужели вы не боитесь самолетов?

— С самой Гренландии не встречали ни одного, — ответил он мне.

— Вам лучше пересмотреть свое отношение. Куда вы направляетесь отсюда?

— В Японию, — сказал он небрежно. — Однако после того как мы передадим 50 тонн солянки, полагаю, доберемся только до Сурабайи.

Покачив головой, я пожелал ему удачи. Вскоре после этого мы отсоединили свои шланги и покинули небезопасное место встречи. Совершив короткое регулярное погружение, вынырнули на поверхность и осторожно последовали в кильватере наших предшественников прямым курсом в порт. Через два часа лодка-заправщик прервала радиомолчание и сообщила в штаб, что она заправила все четыре лодки. Этим «У-847» не только поставила под угрозу заправленные лодки, но и решила свою участь. В течение нескольких минут британская служба радиоперехвата запеленговала позицию заправщика, и через три часа он был атакован американским самолетом и отправлен на дно, став стальной гробницей для всей команды. После полудня я слышал за кормой раскаты от разрывов многих бомб. «У-847» погибла нелепой смертью.

Подобно трем другим подлодкам, «У-230» не располагала достаточными запасами горючего, чтобы маневрировать по собственному усмотрению. Мы были вынуждены следовать кратчайшим путем мимо Азорских островов. Огибая их в полдень 30 августа, мы перехватили радиограмму Дальхауса, шедшего первым: «Конвой курсом на север. Атакованы сторожевиком. «У-634». Через несколько минут после получения радиограммы мы услышали чудовищный грохот взрывов глубинных бомб, доносившийся с места, где предположительно находилась лодка Дальхауса.

Бомбардировки продолжались с нарастающей силой более четырех часов. После этого «У-634» больше не выходила на связь. Она была потоплена со всем экипажем.

После того как «У-230» прошла 20 градусов западной долготы, участились атаки с воздуха. Отсюда начиналась «долина смерти». Мы решили оставаться под водой всю ночь и двигаться на поверхности днем, если небо будет безоблачным. Но англичане господствовали в воздухе, и весь Бискайский залив содрогался от их бомбардировок. Мы прорывались сквозь падающие авиабомбы, пулеметные очереди и штормящее море. В день удавалось пройти несколько жалких миль. Ночи приносили облегчение, но ненадолго. Мы прорывались сквозь строй сторожевых кораблей, уклонялись от их радиолокационных импульсов, посылаемых радаром большого радиуса действия, а также от бесконечных серий глубинных боезарядов. Через семь трудных дней мы наконец увидели, как из моря поднялись скалистые берега Бретани. Это случилось 8 сентября, почти через десять недель после того, как мы покинули порт.

Мы встретили тральщик сопровождения перед входом в бухту Бреста. Это был момент, когда подводники переоделись в свежую форму и устало протискивались на палубу выкурить свои первые за несколько недель сигареты. В это же время наш доктор поднялся со своей койки и показал свое потемневшее страдальческое лицо тем, кто давно забыл о его существовании. Зигман вставил большую сигару в рот, заросший ярко-рыжей бородой викинга, и пыхтел ею с довольным видом. Совершив поход под магическим зонтиком безопасности, мы снова сорвали самые изощренные попытки врага уложить нас на дно океана рядом с погибшими товарищами.

Как только «У-230» встала на одной из стоянок бетонного укрытия, на мостик взобрался Фридрих в соломенной шляпе и с черной бородой, обрамлявшей его бледное лицо. В руке он держал фарфоровую чашку.

Главмех отдал честь и передал чашку Зигману.

— Хочу удивить вас, герр капитан, — сказал он. — Вот все, что удалось выцедить из наших цистерн. Несколько капель солянки, и больше ничего.

Зигман улыбнулся:

— Видишь ли, главмех, это показатель того, как я эффективно управлял лодкой. Тебе следует отдать мне должное, Я всегда оставляю горячее про запас.

ГЛАВА 14

Прием экипажа нашей лодки в Бресте отражал напряженное положение дел и был омрачен общей удрученностью в связи с бесконечной вереницей потерь. На пирсе большого бетонного укрытия стояли несколько человек в морской форме и две девушки, выкроившие время встретить нас с букетами цветов. Традиционное застолье в военном городке было хорошо организовано, но общее настроение не шло ни в какое сравнение с веселой праздничной атмосферой прежних встреч. Вскоре я ушел в свою комнату и обнаружил там личные вещи, аккуратно сложенные на полу. В саквояже из свиной кожи я нашел свое завещание и разорвал его на клочки. Так закончился мой самый продолжительный поход.

Затем пришло время для ритуала перевоплощения: под горячим душем я заново родился и, когда подстригся и побрился, достиг своего возраста. После этого собрался навестить Веру, планы проведения времени с которой после похода были продуманы мною еще в море. Я пытался припомнить, как завязывается мой галстук, когда в комнату вошел неверной походкой с полупустой бутылкой шампанского Фред Шрайбер, мой сообщник по многим приключениям на суше.

— Так-так, — начал он развязно, — кто-то, кажется, готовится отметить свое возвращение. Ты долго был в море? Говоришь, десять недель? Позволь, я заключу с тобой пари.

— Валяй, Фред, что у тебя на уме?

— Бьюсь об заклад, что она ушла с другим парнем в морской форме. Ты не можешь оставить девчонку на десять недель и рассчитывать, что она будет тебя ждать. Вот так. Давай выпьем, дабы пережить горечь женской неверности.

Я с трудом удержался от того, чтобы не возразить ему. Ведь моя девушка ждала меня здесь, в военном городке.

Между тем Фред продолжал:

— Почему бы тебе не провести этот вечер с нами? Мы намерены организовать большую пирушку в ателье фотографа. Будут девочки, шампанское, оркестр и многое другое. Девушка Берка празднует свой день рождения, приглашает всех к себе.

То ли я услышал?

— Фред, а что за девушка организует вечеринку?

— О-ла-ла, у тебя нет никаких шансов. Это Вера, фотограф. Они с Берком неразлучны.

Это был крах моих лучших ожиданий. Я наполнил свой стакан шампанским Фреда и залил вином горечь утраты. Фреду сказал, что уже договорился о другом свидании. Когда он вышел, я закурил сигарету и попытался развеять невеселое настроение. В конце концов, я не мог ничего требовать от Веры. За хорошенькой девушкой в порту ухаживали многие из тех мужчин, которым посчастливилось оставаться на берегу. Видимо, Вера и не ждала моего возвращения. Продолжительность жизни подводника, участвовавшего в боевых операциях, исчислялась шестью-семью месяцами, не больше.

Вместо посещения Веры мы с Риделем и Фридрихом отпраздновали возвращение в ресторане «Повидайся с комендантом», который мог предложить голодному моряку все, что он хочет.

Предполагалось, что во время ремонта наша подлодка будет модернизирована. На «У-230» должны были установить две двуствольные и одну четырехствольную зенитки, что давно ожидалось. Огневая мощь восьми стволов, несомненно, заставила бы пилота неприятельского самолета дважды подумать, прежде чем приблизиться к подлодке для бомбардировки. Должны были также установить новый радиолокационный приемник, именовавшийся «буг», вместо устаревшего «метокса». Мне сказали, что «буг» сможет пеленговать радиоволны в сантиметровом диапазоне. Если так, то он мог бы заблаговременно предупредить нас о готовившихся атаках, особенно ночью. Ведь наш отказ от «метокса» заставлял противника совершенствовать средства обнаружения подлодок. Кроме того, нами были взяты на вооружение торпеды новой конструкции. Эти и другие виды нового оружия обещали нам возвращение благоприятных тенденций в подводной войне.

Однако время уже было упущено. В июле мы потеряли 37 подлодок. Десять из 17, пытавшихся пересечь Бискайский залив во вторую половину этого месяца, больше не вернулись на базу. В августе было уничтожено еще 16 подлодок. За четыре месяца союзники потопили более 100 подлодок — почти 60 процентов всего оперативного подводного флота. Как следствие, наша способность уничтожать корабли противника снизилась от рекордного тоннажа в миллион регистровых брутто-тонн в марте до 96 тысяч тонн в августе. Многие мои друзья и знакомые

исчезли навсегда. В офицерской столовой пустовали места. Ни прежнего смеха, ни веселья. Мы, кого пока пощадила судьба, имели достаточно оснований предполагать, что скоро сами исчезнем в глубинах океана.

Портовые будни быстро вытеснили уныние и стресс. Команда отдавалась делам, связанным с подлодкой, и любовным утехам с одинаковым рвением. Капитан отбыл для доклада Деницу и прохождения курсов повышения квалификации с тем, чтобы получить информацию о военной ситуации. Нашего доктора списали с подлодки и отправили в австрийские Альпы восстанавливать силы после чуть ли не рокового для него похода. Штаб оставил наконец идею укомплектования подлодок врачами. Большинство врачей, которые оказались пригодны для работы в подводном флоте, погибли вместе с подлодками, а в медицинской помощи теперь нуждались повсюду.

Из предстоящего оснащения подлодки торпедами новой конструкции следовало, что я должен был пройти краткий курс обучения новой технике в Готенхафене на Балтике. Неожданное распоряжение обрадовало меня. Но перед отъездом я нашел время зайти к своему портному. При виде меня он удивился, поскольку наши проблемы не были секретом для французов. Костюм висел на вешалке. Он был сшит идеально. Чтобы пополнить свой гардероб, я приобрел габардиновое пальто, шелковые сорочки и модные спортивные ботинки. Шел четвертый год войны, но французы тем не менее ухитрились доставать любые товары за сходную цену. Я мог позволить себе заплатить: в море ведь не было ни девиц, ни баров, ни пирушек.

Через пять дней после возвращения «У-230» из похода я ехал в поезде ,в Париж. В моем саквояже из свиной кожи лежал аккуратно сложенный гражданский костюм. По прибытии я остановился в знакомом отеле близ Ван-домской площади и переделся в гражданское. Впервые за четыре года я на время расстался с формой военного моряка.

Теперь Париж лежал у моих ног. Город пульсировал именно той жизнью, какой я ее себе представлял. Мое желание погрузиться в мирную среду нарастало с каждым днем продолжения войны. Я хотел быть среди тех счастливых, которых не волновали грядущие дни, заполненные грохотом работавших дизелей, разрывов глубинных бомб, а также гибелью в стальных гробах. Я хотел забыть о том, что являюсь мелким винтиком в военной машине, несущей повсюду несчастья. Я хотел пожить снова не как солдат, а как беззаботный горожанин, почувствовать вкус жизни, свободной от гнетущего долга, — хотя бы на один день. Мне казалось, что я смогу удовлетворить свои чаяния свободной и беззаботной жизни только в одном месте — в Париже.

Париж меня не разочаровал. Он очаровывал, как всегда. Я чувствовал ритм жизни города так же, как и представители разных народов. Свободный от ограничений, которые накладывает военная форма, я с удовольствием бродил по парижским улицам и широким проспектам. Я понял, что моя маскировка под штатского удалась, когда ловил на себе взгляды парижских красоток, которые не снизошли бы до того, чтобы взглянуть на мужчину в форме. На 12 полных часов я совершенно забыл о войне.

Во Франкфурт я прибыл в военной форме и провел свое время с родителями и сестрой. В отношениях между отцом и матерью не осталось и тени напряжения, вызванного его романом и последовавшими неприятностями с гестапо. Но не все было благополучно во Франкфурте. Разрушения в городе приобрели чудовищные масштабы по сравнению с теми, что я наблюдал во время своего предыдущего посещения дома в июне. Огромные районы города были изуродованы так же, как и в Берлине. Во время последнего воздушного налета завод отца получил повреждения, которые были устранены на скорую руку. Мне сказали, что на чердаке отцовского склада только за две ночи было потушено шесть пожаров, небольшой случился и у нас в доме. Все эти вести действовали угнетающе, и я чувствовал смутную вину за нашу неспособность прервать поставки в Великобританию американских самолетов, обрушивавших теперь бомбы на немецкие города.

Я порадовался тайком тому, что командировка позволяла мне провести дома лишь несколько часов. Той же ночью отбыл из Франкфурта в затемненном вагоне поезда. Несколько раз поезд останавливался в лесу и открытом поле, вынуждая меня слушать глухой протяжный гул сотен бомбардировщиков союзников, пересекавших ночное небо Германии. Поездка в Берлин стала теперь долгой и изнурительной. В столицу я прибыл с опозданием на восемь часов. Проехал поперек город на метро, вспоминая счастливые дни встреч с Марианной. После ее гибели Берлин потерял для меня привлекательность. Я уехал из города по знакомому мне маршруту к побережью Балтики, но опять же с опозданием.

В железнодорожном вагоне ехал две тоскливые ночи. Вагон освещался только вспышками спичек и раскаленными кончиками сигарет и сигар с ужасным запахом. В переполненных купе царили дым и смрад. Повсюду велись разговоры о войне, заставлявшие прислушиваться не участвовавших в ней военных и штатских. Меня очень интересовало моральное состояние гражданского населения и военных, особенно солдат, вернувшихся с Восточного фронта. Они рассказывали о происходивших там событиях, не теряя веры в победу. Это укрепило меня во мнении, что мы, сражавшиеся в Атлантике, могли рассчитывать на стойкость наших войск в России. Высадка союзников в Южной Италии, ожидавшаяся после краха нашего фронта в Киренаике и Северной Африке, кажется, несколько не поколебала общую уверенность в победе.

Поезд втянулся в здание вокзала в Данциге с опозданием на десять часов. Я пересел на другой и днем позже намеченного прибыл в военный городок базы ВМС в Го-тенхафене. Подводники, собравшиеся там для изучения влияния нового радара, взятого на вооружение, проявляли нетерпение. На вечер был намечен показ на практике действия новых видов оружия.

Бухта погрузилась в темноту теплой ночи. Я сел на пассажирский катер, который в лучшие свои дни перед войной перевозил пассажиров между портами Германии и Швеции. Когда катер добрался до середины бухты, офицер, заведовавший арсеналом торпед, обратился к гостям со следующими словами:

— Господа, мы намерены продемонстрировать вам действие двух новых типов торпед, которые произведут революцию в торпедной войне. Во-первых, мы покажем вам убийцу эсминцев «Т-5» и акустическую торпеду с большим потенциалом. Потом вы увидите новую торпеду «ЛУТ» многоцелевого назначения. Обе торпеды приводятся в движение аккумуляторными батареями. Для демонстрационных целей они снабжены светящимися боеголовками, чтобы проследить их движение ночью.

Наш катер резко увеличил скорость. Через несколько минут я заметил в темной воде зеленый переливчатый свет, быстро приближавшийся к нашему судну. Когда катер повернул налево, свет последовал за ним. Затем мы повернули направо, свет продолжал нас преследовать. Светящаяся торпеда подошла еще ближе. Тогда катер предпринял резкие зигзагообразные маневры, чтобы уйти от нее. Однако рыбина не отставала. Она сблизилась с нами еще больше и наконец исчезла под кормой. Это был момент, когда должен был произойти взрыв. Но учебная торпеда продолжала двигаться по заданной программе. Она обогнала свою цель, развернулась на 180 градусов, вновь атаковала катер, пройдя под его килем, сделала аккуратную петлю, повторила свои змеевидные маневры и еще раз прошла под нами, прежде чем иссяк заряд ее батарей. После этого торпеда всплыла, как мертвая рыба, поблескивая в темной воде.

Это было ошеломляющее зрелище. Теперь я осознал, что появилось оружие, которое можно противопоставить быстроходным эсминцам и сторожевикам. За этой демонстрацией последовало еще одно впечатляющее представление. По морю пошло сразу несколько светящихся торпед, выискивающих цель и совершающих круговые движения. Они прочертили на поверхности воды ряд линий, выйдя на угол атаки нашего катера. Опять последовала серия «сложных маневров, пока у торпед не разрядились батареи.

Под впечатлением увиденного я занимался на трехдневных курсах, как молодой кот, стремившийся испытать выросшие когти. Торпеда — убийца эскортных была оснащена прибором самонаведения, реагирующим на шум вращавшихся винтов, а если корабль неподвижен — то на звук работающих электромоторов. Достаточно было запустить торпеду в направлении цели. Она сама определяла свой курс и настигала цель независимо от того, к каким та прибегала маневрам, чтобы избежать поражения. Другое пополнение нашего арсенала было призвано решать иные задачи. В последнее время стало необычайно сложно и опасно приближаться к конвою на дистанцию, удобную для атаки. Новая торпеда «ЛУТ» снимала эту проблему. Пуск ее можно было произвести на значительной дистанции от конвоя. Торпеда могла двигаться к цели по заданной программе, совершая сложные маневры на поверхности моря и под водой. Несколько таких торпед, выпущенных на определенной глубине погружения, могли создать на пути движения конвоя непроходимый барьер, избавив нас от необходимости преодолевать его плотное боевое охранение.

Я покинул Готенхафен, восхищенный новыми видами оружия и рассказами о других диковинках. Мне приходилось слышать о чудо-лодках, строившихся теперь на всех свободных верфях. Они могли оставаться под водой неопределенное время и маневрировали там так же быстро, как и на поверхности. Эти новые подводные лодки были оснащены выдвижной трубообразной мачтой с поплавком-«шнёркелем», позволявшим лодке в погруженном положении вентилировать отсеки и подзаряжать аккумуляторные батареи. Это приспособление казалось мне настолько важным для обеспечения жизнеспособности и боеспособности подлодки, что я решил по возвращении в Брест выяснить, можно ли использовать его на обычных подлодках. Неограниченное пребывание под водой помогло бы разрешить все наши проблемы. Впервые за несколько месяцев я поверил в то, что мы получим оружие, способное сохранить наши жизни или хотя бы дорого их отдать. Возможно, мы еще застанем перелом в войне в свою пользу.

Когда я прибыл в Берлин, были сирены воздушной тревоги; когда уезжал, воздух был насыщен запахом жженого пороха и угарного газа от пепелищ. И вновь ночной экспресс, переполненный пассажирами, двигался в Париж при выключенном свете. Европу охватили огонь и хаос. Фронт ощущался повсюду: в крупных и малых городах, в душах запуганных пассажиров поезда.

В пяти часах езды от Парижа я заметил девушку. Она села в поезд в Шалоне-на-Марне. В темном купе я плохо видел ее лицо, зато вдыхал аромат духов, которые продавались почти во всех парфюмерных магазинах на парижском бульваре Хаусман. Сначала в порядке обычной галантности я помог ей уложить багаж. Затем, когда огни небольшой станции на несколько секунд осветили лицо девушки, обнаружил, что она довольно привлекательна. Мы завели легкомысленный разговор, за которым последовало ее не столь легкомысленное предложение показать мне Сент-Дени, северный пригород Парижа, в котором она жила.

— Париж без Сент-Дени, — утверждала она, — все равно что вино без алкоголя.

Девушку звали Маргарита. Она познакомила меня с Сент-Дени и еще со многими районами города. Мы провели вместе два чудесных дня в Париже. Я был одет в гражданский костюм, и, по словам Маргариты, ее радовал мой французский облик. Мы бродили по светлым улицам, по паркам, благоухавшим запахом осенних листьев. Затем наступила вторая — возможно, последняя в моей жизни ночь в Париже.

Мы условились о встрече, когда я приеду в Париж в следующий раз. Последовало расставание, вернувшее меня к военным будням.

Когда я прибыл в Брест, военный городок находился в смятении. По радио только что объявили о капитуляции Италии. Эта новость стала основной темой разговоров в офицерской столовой и баре. После того как англо-американские войска создали плацдарм для своей высадки в Салерно, новое

правительство маршала Бадольо приказало итальянским солдатам сложить оружие. Теперь немецкие войска должны были сражаться с противником один на один. К счастью, мы имели там сильные оборонительные позиции, позволяющие остановить наступавшего на север врага. Но стало очевидным, что стальное кольцо вокруг Европы сжималось все теснее.

День моего пребывания совпал с завершением по графику ремонта и переоборудования «У-230» в сухом доке. Я приступил к ее подготовке к неизбежному походу. Снабжение нас торпедами нового типа проходило, однако, туго. Мы получили всего лишь одну убийцу эскаров «Т-5», восемь самодвижущихся торпед «ЛУГ» и три — обычного типа. Я поинтересовался относительно возможности получения «шнёркеля», но встретил лишь удивленные физиономии. Никто на базе даже не слышал о таком приспособлении. Тем не менее грозный вид нашей лодки и установка на ней восьми зенитных стволов воодушевляли. Эти скорострельные зенитки, диковинные торпеды и радар нового типа давали нам весомый шанс вернуть времена былой славы, а также возможность вернуться в порт после похода.

ГЛАВА 15

4 октября, понедельник. «У-230» в сумерках вышла в море. Нам благоприятствовала безлунная ночь. Как только скалистое побережье растворилось в темноте, мы расстались со своим эскаром и направились курсом на юго-запад прямо в «долину смерти».

Через несколько минут наш новый радар известил о появлении противника. Вместо немедленного погружения мы продолжали двигаться полным ходом по поверхности моря, приготовив к бою свои зенитки и прибегнув к новой тактике отвлекающих маневров, которая, как нас заверили, будет весьма эффективной. Ридель, ответственный за реализацию этой тактики, наполнил воздушный шар гелием, хранившемся в емкостях, закрепленных за ограждение мостика. Затем он прикрепил к шнурку, стягивавшему шар, полоски алюминиевой фольги, а свободный конец привязал к поплавку. Все это сооружение было выброшено за борт. Поплавок держался на поверхности моря, а шар поднимался, натягивая шнурок до тех пор, пока не стал похож на рождественскую елку. Плавающий макет быстро исчез за кормой в зловещей темноте. Через пять минут Ридель повторил операцию, и второй макет закачался на волнах Бискайского залива. Эти алюминиевые деревья имели целью навести радар противника на ложные цели и дать возможность нам самим уйти от преследования, скрывшись за искусственным лесом. К сожалению, два других шара запутались в ограждении мостика, а еще три порвались во время наполнения газом. Развевавшиеся концы спутавшихся полосок фольги могли навести противника на лодку. Однако нам сопутствовала удача. Пока Ридель возился с полосками фольги и шарами, мы проскочили в пространство, занятое французскими рыболовными шхунами, что защитило нас больше, чем плавающие макеты и зенитки. В конце концов мы выбросили за борт все свои алюминиевые деревья и больше никогда ими не пользовались. Они скорее подвергали нас опасности, чем спасали.

Мы шли зигзагом среди рыбацких судов, хаотически разбросанных на обширном пространстве, большую часть ночи и продвинулись довольно далеко. Затем продолжили игру в кошки-мышки со смертью. «Буг» работал безукоризненно. Несколько раз он заблаговременно предупреждал нас о приближении противника, обеспечивая запасом времени для погружения. Каждый раз «томми» кружили над нами в недоумении.

Когда англичане поняли, что мы располагаем новым радаром, предупреждавшим нас об опасности, они изменили график своего патрулирования в районе предполагаемого курса лодки таким образом, чтобы заставить нас чаще находиться под водой. В результате к концу первой ночи похода аккумуляторные батареи разрядились на 70 процентов. Однако, располагая таким надежным электронным средством, как «буг», который позволял нам избегать встреч с

бомбардировщиками, мы отказались от летней тактики и больше не пытались двигаться в надводном положении при дневном свете.

На следующую ночь англичане мгновенно прореагировали на наше всплытие. Включая свои радары лишь эпизодически, они застигли нас врасплох своими точно рассчитанными ударами. Час за часом мы совершали попеременно погружение и всплытие, ночь за ночью уходили от хитроумных маневров и беспощадных атак противника. На седьмую ночь число атак уменьшилось, а на восьмую мы смогли выныривать, чтобы подышать свежим воздухом. «У-230» вырвалась из зоны блокады и продолжила свой путь в западном направлении среди светившихся волн. На девятую ночь мы получили приказ следовать в сетку квадрата АК-64 и занять позицию в передовом дозоре. Все входившие в него подлодки должны были находиться в погруженном положении, чтобы обнаружить приближавшийся конвой акустическими средствами. Всплытие разрешалось лишь на очень короткое время. Любой ценой необходимо было обеспечить скрытность нашего присутствия. Ибо она являлась решающим условием успеха.

15 октября в 20.35 мы перехватили своей новой антенной, способной улавливать радиоволны на глубине 30 метров, радиограмму: «Конвой, сетка квадрата АК-61, курсом на запад. Всплываю для атаки. «У-844». Один из «волков» установил контакт с конвоем. Ловушка сработала.

21.00. «У-230» всплыла как раз в то время, когда угасал последний отблеск дня, которого под водой мы не видели. Где-то за темной завесой ночи на севере двигался конвой, против которого готовилась атака «волчьей стаи». Как обычно, мы связывали с атакой большие надежды.

23.50. Борхерт обнаружил первые тени:

— Эскорт, справа по носу, 3000 метров. Сторожевик показал свой широкий борт и скрылся в темноте. Прозвучал дрожащий голос матроса:

— Сторожевик, 2000 метров, нулевой крамболь! Последовала команда Зигмана:

— Оба дизеля увеличить обороты вдвое! Главмех, жми на всю катушку!

Последнее указание относилось к Фридриху, который должен был выжать все резервы из напряженно работавших двигателей. Не было и речи об атаке сторожевика торпедой-убийцей.

По пеленгу 100 из темноты возникла еще одна тень. Сторожевик, слева по носу. Он медленно продвигался между нашей подлодкой и преследовавшим нас эсминцем. Зигман не упустил своего шанса. Он развернул «У-230» влево и удалился в северном направлении со скоростью 20 узлов. Оба эскорта были вынуждены отчаянно маневрировать, чтобы избежать столкновения. Из-за этого, однако, на некоторое время был потерян контакт с конвоем. Было уже 00.15 16 октября.

Две, три корректировки курса с учетом скорости движения конвоя, дистанции и угла атаки. Зигман вел подлодку курсом пересечения с правой колонной конвоя, полагаясь на способность вахтенного оценить обстановку за нашей кормой. Я прицелился, установил параметры целей, снова прицелился. Теперь сетка ПУС застыла в самом центре огромного транспорта. Затем затаился в ожидании. 10 секунд... 20... 30 — и вот два веерных залпа. Четыре торпеды выскочили из аппаратов. Зигман развернул лодку и повел ее параллельным конвою курсом, сбивая со следа эскорты.

Одна торпеда поразила наиболее крупную тень прямо посередине. Огромный сполох пламени взметнулся к небу. Затем — оглушающий грохот взрыва. Через несколько секунд ударная волна взьерошила наши бороды. Это был сигнал к началу сражения. Взвились звезды сигнальных ракет, осветившие армаду. Я ждал, когда транспорт развалится на части и другие торпеды поразят цели.

Но в этот момент конвой сделал поворот в соответствии с заданным курсом. Затем новая вспышка и новый грохот взрыва прозвучал в ночи. Как будто произошло извержение вулкана. Колонны транспортов расстроились. Сполохи пламени и медленно спускавшихся на парашютах осветительных бомб подкрашивали небо в красно-золотистый цвет. Такой катастрофы мы уже долго не видели. Я попросил разрешения капитана выстрелить торпедой-убийцей. Это означало сокращение оборонительного потенциала лодки, но ведь не всегда представлялась возможность так легко поражать цели.

— Хорошо, — сказал капитан, — только побыстрее!

Зигман отправил вахтенного вниз. Я отдал последнюю

перед выстрелом команду:

— Аппарат пять — товсь! Угол атаки по правому борту 90. Пли!

— Тревога!

«У-230» быстро нырнула под воду, чтобы не стать мишенью собственной самонаводящейся торпеды. Когда лодка выровнялась на глубине 120 метров, раздался еще один взрыв. Казалось, разверзся ад. Эскорты лихорадочно искали виновного в нападении на конвой, вспенивая поверхность моря бешено вращавшимися гребными винтами. Неподалеку прогрохотала сброшенная в воду серия глубинных бомб. В глубь океана устремились импульсы «асдика». Однако грохочущий шум гребных винтов и двигателей множества транспортов конвоя прикрывал наш отход и радовал слух. Когда напряженность ситуации постепенно спала, торпедисты и матросы энергично взялись за подготовку торпедных аппаратов к перезарядке.

03.10. Мы всплыли на поверхность и перезарядились. Ночная тьма была непроницаемой, волнение моря усилилось. «У-230», пустившуюся в погоню за убежавшим конвоем, сильно качало. Внезапно на дистанции трех миль по правому борту зажегся свет. Мы развернулись и медленно двинулись в этом направлении. Постепенно приблизившись, мы увидели луч прожектора, направленный на тонувшее судно. Рядом с ним находился сторожевик, принимая на борт моряков с гибнувшего транспорта. Мы тихо подкрались к месту спасательной операции и не без интереса наблюдали за ней. Беспомощный эскорт был удобной мишенью. Он находился всего лишь в 800 метрах перед нашими торпедными аппаратами, подставляя свой широкий борт смертоносному удару торпеды. Однако Зигман, подчиняясь чувству жалости и неписаному закону чести, произнес:

— Черт с ними, с этими жестянками. Поищем транспорты. Лево руля, малый вперед!

«У-230» медленно развернулась, чтобы не выдать своего присутствия. Из-за тонувшего судна показалось маленькое совершенно круглое пятнышко красного цвета. Оно быстро выросло в раскаленный красный шар. Мы поняли, что за нами следил эсминец, который сейчас охотился за лодкой, используя приборы ночного видения. Немедленно были переключены на полную мощность двигатели, и лодка рванулась вперед. Эскорт пустился в погоню, бросаясь со всего размаха на громады волн. Хотя охотник отчаянно кренился и подпрыгивал на волнах, он настойчиво сокращал разделявшее его с нами расстояние. У Зигмана, однако, было небольшое преимущество в выборе курса. Он повел лодку зигзагами, сквозь обрушивавшиеся на нее водяные валы. Время от времени капитан спрашивал, перекрывая голосом грохот шторма:

— Что там с эскортом, старпом?

— Идет с прежней скоростью! — кричал я в ответ через плечо, не желая признаться себе в том, что лишился возможности выстрелить по охотнику торпедой-убийцей.

Эскорт приближался и уже приобрел ясные очертания боевого корабля. Однако сила ветра возрастала, увеличивая волнение моря. Могучие громады волн били по эсминцу сильнее, чем по нам, замедляя его ход. Через 90 минут отчаянного маневрирования во тьме среди обезумевшего океана охотник пропал из виду.

04.45. За два часа до рассвета мы обнаружили за кормой новую тень. Быстро проследовали курсом на север и почти столкнулись с конвоем. Тени двигались прямо по курсу — три... пять... десять. Я огляделся и определил свои цели даже без бинокля. Затем все происходило очень быстро. Подготовил торпедные аппараты к стрельбе, поймал в сетку прицела транспорт «Либерти», дернул за рычаг. Направил ПУС на другую тень, снова дернул за рычаг.

Это все, что я смог сделать. Из-за транспорта выскочил сторожевик и помчался на нас. «У-230» ушла в сторону и двинулась по волнам единственным спасительным курсом. Мы почти закончили движение по дуге, когда в ночи взметнулся огненный столб. Взрывная волна и грохот взрыва обрушились на нас одновременно. Небо окрасилось в красный цвет. Вторая торпеда прошла мимо.

Началась новая гонка. Эсминец преследовал нас за кормой в отчаянной попытке протаранить лодку, если не удастся ее уничтожить другими средствами. Я пожалел о том, что слишком рано израсходовал свою самонаводящуюся торпеду. Во второй раз за ночь мы прибегали к маневрам, чтобы уйти от опасности. И сумели сделать это после часовой смертельно опасной гонки. Зигман бесстрашно повел лодку в новое сражение. Я приказал перезарядить торпедные аппараты. Битва не закончилась, но, когда восточная часть горизонта посветлела, а рассвет разъединил море и облака, мы поняли, что находимся в одиночестве.

В ранние утренние часы боевая операция приобрела драматический поворот. Наши ночные успехи встревожили англичан. Как и следовало ожидать, они направили для охоты за нами все, что могло летать, — от одномоторных самолетов до дальних бомбардировщиков. Нас ожидала массированная атака с воздуха.

08.25. Я заметил, как из облака метнулся четырехмоторный самолет, и объявил тревогу. Лодка клюнула носом и устремилась в глубину океана. Через несколько тревожных минут четыре мощных взрыва потрясли «У-230» и напомнили нам, что в боевом азарте мы забыли включить «буг». Переждав атаку самолета и произведя через 40 минут всплытие, мы снова погнались за ускользнувшими целями, внимательно отслеживая небо и горизонт.

09.15. Перехвачена радиограмма: «Атакованы эсминцем. 57 С. Ш., 24 З. Д. Тонем. «У-844». Нашим друзьям, попавшим в беду, среди шторма помочь было нельзя. Но, сообщив координаты места трагедии, «У-844» дала нам наводку на конвой.

09.23. Срочное погружение в связи с приближением «либерейтора». Прочный корпус, откликаясь на работу в форсированном режиме вертикального и горизонтальных рулей, быстро ушел под воду. Четыре боезаряда разорвались по левому борту.

09.45. Всплыли. Небо пустынно.

19.20. Тревога в связи с появлением «либерейтора». Четыре дьявольских взрыва последовали за нашим погружением в глубину моря.

10.50. Мы снова всплыли и продолжили поиск конвоя.

11.12. Перехвачен еще один сигнал бедствия от наших лодок: «Атакованы самолетом. Тонем. «У-964». Мое сочувствие экипажу погибшей лодки сменилось тревогой в связи с появлением на экране радара самолета. Мы нырнули под воду на глубину, где нас не могли достать взрывы

глубинных бомб, затем снова всплыли и опять бросились в погоню за конвоем. Эти сцены повторялись снова и снова. За тревогами неумолимо следовали взрывы глубинных бомб, сотрясавших лодку. В конце полудня поступила новая радиограмма бедствия: «Самолет. Бомбы. Тонем. «У-470».

Когда над зоной сражения опустилась ночь, мы подсчитали, что четыре потопленных прошлой ночью транспорта противника стоили нам трех наших подлодок. Это был ближний бой — око за око, зуб за зуб. Злая ирония состояла в том, что англичане потопили лодки, не нанешие им вреда. Мы же, отличившиеся в сражении, продолжили охоту за конвоем, когда шторм заставил самолеты удалиться. Почти через три часа после полуночи мы перехватили новый сигнал бедствия от одной из подлодок, атакующих фланги конвоя: «Атакваны эсминцем. Тонем. «У-631». Кошмарная ночь закончилась потерями четырех транспортов англичан и четырех наших подлодок.

17 октября на рассвете союзники возобновили свои яростные атаки с воздуха на охотников за конвоем. Сражение продолжалось от зари до сумерек исключительно в пользу англичан. Мы всплывали и двигались вперед в отчаянной попытке пройти несколько миль. Однако нас снова и снова атаковали с воздуха, загоняли в спасительную глубину. В конце второго дня гонки еще две наших подлодки были потоплены бомбардировщиками с воздуха. «У-540» и «У-841» сообщили, что были атакованы самолетами, и ушли на дно. Охота прекратилась, но мы понесли большие потери. Из всей стаи удалось спастись только нашей лодке. Таков был общий баланс жизни и смерти осенью 1943 года: только одна из семи возвращалась на базу.

Поскольку мы потеряли конвой, пока уходили от атак с воздуха, штаб приказал нам следовать в сетку квадрата ВД-62 и ожидать дальнейших указаний. Пока мы двигались в заданный район, погода значительно улучшилась. Лодка продвигалась крайне осторожно, надолго погружаясь под воду, как только появлялся дневной свет, и всплывая в полной темноте. Ранним утром 22 октября мы прибыли в заданный район. За сутки температура воздуха поднялась до 20 градусов тепла по Цельсию, ночь наступила необычайно спокойная. Тишина была обманчивой, но не для нас. Мы научились чувствовать опасность, как матерый медведь, неоднократно раненный охотничьими пулями. И знали, что секунда беспечности оборачивается смертью, что опасности и противник подстерегают нас повсюду.

Несколько дней наше терпение подвергалось жестокому испытанию. Скрываясь под покровом темноты, мы бороздили океан зигзагами, отслеживая зону, достаточно обширную, чтобы через нее смогли пройти три конвоя. Когда дневной свет загнал нас под воду, мы затаились на глубине 40 метров, ощупывая морскую гладь локатором и прослушивая ее акустическими приборами. Затем вечером 26 октября появился шанс: акустик услышал шум, который мог исходить только от конвоя. В 21.40 мы всплыли. Месяц в безоблачном небе светил слишком ярко. Было полное безветрие. Наша лодка легко передвигалась по гладкой, серебряной поверхности моря, грохоча дизелями.

Прямо по курсу перед нами на дистанции шесть тысяч метров тащился конвой. Горизонт был усеян черными точками, передвигавшимися на запад на определенном расстоянии друг от друга. С левого фланга конвой сопровождали три сторожевика, другой эскорт маячил с правого фланга и еще один — в хвосте армады. Дистанции, отделявшие эскорты друг от друга, значительно разнились. Как это ни невероятно, но мы всплыли за строем боевого охранения. Через несколько минут эскорты развернулись один за другим и, заметив нас, с вырывавшимися вместе с клубами дыма искрами помчались вперед с целью предупредить нашу атаку. Зигман гнал лодку на полных оборотах в смелой попытке выйти на край конвоя раньше, чем неистово маневрировавшие эскорты смогли бы соединить свои силы. Наши зигзаги путали преследователей, однако три неприятельские тени неуклонно приближались, отбрасывая волны от форштевня. Вскоре показалось, что мы попали в западню. Однако пока ничто не мешало лодке выйти на угол атаки. «У-230» рванулась вперед, быстро сокращая дистанцию до передвигавшихся черных монстров.

Командир крикнул:

— Старпом, даю 40 секунд на выстрел!

Я был готов уложиться в этот короткий промежуток времени. Определив расстояние до цели, прицелившись, рассчитав время хода, я пустил через короткие промежутки четыре носовые торпеды. Наша лодка резко накренилась, ложась на обратный курс. Через мгновение я дернул спусковой рычаг в пятый раз, выпуская последнюю торпеду с кормы. Эта была самая быстрая атака из тех, которые мы когда-либо совершали.

В то время как пять торпед устремились на запад, «У-230» рванулась на восток с тремя преследовавшими эскортами за кормой. При свете луны серые надстройки охотников сияли белизной. Через несколько минут частого сердцебиения у западного горизонта взметнулся ряд сполохов пламени. Два, возможно, три транспорта были поражены нашими торпедами. Часы показывали 22.25. К нашему изумлению, эскорты, находившиеся позади нас на дистанции броска камнем, неожиданно развернулись и понеслись назад к атакованному конвою.

«У-230» еще час продолжала идти на полных оборотах, затем Зигман позволил команде расслабиться. Через три часа после того, как англичане прекратили нас преследовать, Ридель сообщил в штаб об итогах наших атак: «Конвой БД-64. Курсом на запад. Три попадания. Без возможности проследить характер повреждений. Ранее потоплены четыре транспорта общим тоннажем 26 тысяч тонн. Все торпеды израсходованы. Возвращаемся на базу».

Вслед за передачей своей радиограммы мы взяли курс на Бискайский залив. Прежде чем первые лучи солнца смогли демаскировать нас, «У-230» ушла под воду.

Мы, как и прежде, двигались в надводном положении только ночью. Когда был пересечен невидимый барьер, которым оградили залив союзники, атаки с воздуха учащались с каждым часом. В постоянном напряжении мы следовали, держа свои палубы вровень с поверхностью моря; носовые и кормовые цистерны балласта были чуть затоплены водой для мгновенного погружения. Каждый час кошмарного перехода по этим опасным водам мог оказаться для нас последним.

На третью ночь после битвы с конвоем нас сотрясали взрывы от 16 сброшенных глубинных бомб. На четвертую ночь мы ныряли под воду шесть раз и уклонились от 24 довольно точно сброшенных кассет боезарядов. На пятую ночь нам были посланы вдогонку 28 бомб. На шестую лодка погружалась в глубину пять раз и уклонилась от 20 бомб. На седьмую ночь число атак с воздуха сократилось, но мы шли в район патрулирования группы охотников противника с совершенно пустыми торпедными аппаратами. Нам удалось перехитрить врага, двигаясь медленно и соблюдая молчание. Электромоторы лодки работали почти беззвучно. Затем, избавившись от опасности, лодка устремилась на восток, грохоча дизелями. К окончанию ночи мы смогли сообщить в штаб, что находимся всего в десяти часах перехода от места встречи с нашим эскортом.

5 ноября в 09.30 «У-230» совершила всплытие. Впервые за 18 дней мы увидели дневной свет. Два тральщика поджидали нас в бурном море недалеко от скалистого побережья Бретани. Один из них просигналил нам лампой: «Воздушная тревога. Расчеты — к зениткам!»

Мы немедленно отреагировали. Очевидно, поход еще не закончился. Сатанинская сила преследовала нас сверху до самого прибытия в порт.

ГЛАВА 16

Наконец «У-230» укрылась в бетонном убежище Бреста. Только там, под семиметровой толщей армированного бетона над нашими головами, мы были недосыгаемы для самолетов противника.

Как только я пересек сходни и сделал первые неуверенные шаги по твердой почве, бетонная дорожка передала ощущение безопасности от просоленных сапог до моей души и тела.

Я тяжело вздохнул. Только этим вздохом и можно было выразить мое отношение к нашим неудачам в подводной войне. Теперь все было против нас. Даже наша новая многообещающая самонаводящаяся торпеда не показала в бою тех превосходных свойств, которые она продемонстрировала в идеальных для испытаний условиях. Оставалось мало из того, чем мы могли пожертвовать. Два года назад линия фронта на западе проходила далеко в море. Минувшей весной она придвинулась на восток к континентальному шельфу. Теперь фронт проходил по самому побережью Франции. Многие подлодки, которым удавалось каким-то образом уцелеть в течение нескольких дней похода, были потоплены на глазах представителей наших береговых служб за несколько мгновений до того, как их экипажи могли вступить на бетонный пирс.

Сама бухта Бреста могла бы послужить наглядной иллюстрацией драматической разницы между прошлым и настоящим. Я заметил, что многие стоянки подлодок в бетонном бункере пустуют. Минувшей весной в каждой заводи теснились три подлодки, другие были вынуждены ожидать своей очереди снаружи у открытого причала. Я обратил внимание на то, что в сухом доке царила тишина. Не так давно в нем кипела работа. Там 24 часа в сутки ремонтировались подлодки. И если бы лодки охотились за конвоями! Нет, их осталось немного в Атлантике. Но каждая из них атаковала в одиночку просто для того, чтобы противник не сворачивал свою дорогостоящую противолодочную систему обороны. В октябре были потоплены 24 подлодки, одни из них погибли под градом авиабомб, другие — от новых, более совершенных боезарядов. Результаты нашего похода оказались на удивление большим вкладом в общий итог потерь союзников, понесенных от подлодок. Однако многие пустующие места в офицерской столовой не позволяли нам гордиться своими достижениями. Дыхание смерти ощущалось повсюду.

Мой первый завтрак в порту сопровождался не только ранними свежими овощами, но также и новыми дурными вестями. Штрахмейер, один из офицеров штаба, сообщил, что три моих сокурсника и близких друга погибли в море. Еще один нашел смерть на борту подлодки, когда взрыв разнес носовой комплект аккумуляторных батарей. Лодка вернулась в порт, но моего друга похоронили в Атлантике. Затем Штрахмейер ошарашил меня новостью о том, что Герлоф и Гебель, мои товарищи по службе на «У-557», погибли вместе со своими лодками летом. Удрученный тем, как косит коса смерти, я попрощался со Штрахмейером и вышел в соседнее помещение.

В баре собралась компания наших «бессмертных». Ночь еще только начиналась, но они уже были навеселе. Ридель щеголял усами, отращивание которых считал основной своей заботой во время наших походов. Там были фон Штротберг, Бурк и другие. Я присоединился к обществу, пил и пел вместе с ними. Мы прошлись по всему репертуару морских песен, часть которых исполнялись на мотив мелодий Линке из «Жука-светляка». Затем мы горланили припев своей версии одной популярной песни, а Бурк подыгрывал нам на фортепьяно.

...Если мы уйдем на дно океана, То все
равно доберемся до берега, К тебе,
Лили Марлен, К тебе, Лили Марлен...

Как это часто случалось, когда у нас истощались запасы шампанского, терпения или остроумия, мы решили навестить мадам и ее девиц в казино-баре. Не снимая морской формы, я втиснулся в переполненный автомобиль, который помчался по ночному городу.

В казино-баре было шумно, дымно и светло. Там уже находилось несколько приятелей из Первой флотилии. Нас встретили приветствиями и ликованием. Мадам была обворожительна, как всегда,

а ее товар обладал свойствами, которые выгодно отличали казино-бар от других заведений подобного рода. Она приветствовала меня любезно, но с оттенком упрека:

— Месье, мы так долго не видели вас. Надеюсь, мои девочки не обошлись с вами дурно.

— Нет, их вины в этом нет, дело в том, что... — Я прервал свои объяснения, вспомнив, что ее заведение может быть центром шпионажа союзников. — Меня унес отсюда отлив, мадам, — закончил я свой ответ.

Она предлагала мне сделать выбор партнерши, но у меня не было особых планов на ночь. Я сидел в баре, потягивая напитки, слушал громкую музыку по фонографу, смотрел на своих друзей. Ни девицы, ни шампанское не воодушевляли меня, хотя забвение в развлечениях было нашим главным желанием в эти мрачные дни. Я понял, что казино-бар потерял для меня свою привлекательность.

Как только часы пробили полночь, начался вой сирен воздушной тревоги. Мои друзья поспешили покинуть заведение. Бомбы их не пугали, просто им не хотелось, чтобы какая-нибудь случайность задержала их надолго. Это повредило бы их репутации. Сирены продолжали выть, когда мы шли по улицам Бреста, прислушиваясь к глухим выстрелам зениток, бьющих за городом в направлении мыса Кесан.

Не располагая временем, чтобы вернуться в военный городок, большинство моих друзей воспользовались бомбоубежищем до того, как самолеты появились в небе над Брестом. Я смотрел на разрывы в небе и видел, что основной удар союзники наносили по южной части города. В следующие несколько минут семь или восемь бомбардировщиков загорелись, выпали из боевого построения и стали падать вниз в изящном пике, оставляя за собой искристый шлейф. Значительно усовершенствованная тяжелая зенитная артиллерия вокруг Бреста создала такое захватывающее зрелище, что я забыл укрыться в убежище. Впрочем, необходимость в этом отпала. Остатки воздушной армады союзников удалились.

Под впечатлением увиденного мы не хотели отходить ко сну и присоединились в баре к группе приятелей, чтобы выпить еще шампанского. Но, как только я разместился на высокой табуретке, дверь бара распахнулась и кто-то крикнул:

— Американцы идут!

Мы повскакивали со своих табуреток, недоверчиво переглядываясь, хотя после высадки союзников в Сицилии и Италии все было возможно. Однако молодой офицер из штаба, принесший весть, поспешил добавить:

— Успокойтесь, господа. Я только имел в виду, что ведут пленных американских летчиков, чьи самолеты были только что сбиты. Большинство из них ранены. Не хотите ли взглянуть?

Ночь становилась все более интересной. Я бросился к морскому госпиталю, расположенному поблизости, чтобы посмотреть на чужеземцев из-за океана. Двор госпиталя был залит светом многочисленных ламп. Два или три раза через определенный промежуток времени в него въезжали грузовики или санитарные машины и останавливались в месте парковки. Вокруг них у входа столпились санитары, медсестры и просто зеваки. Жертв нашего зенитного огня, сильно обожженных, вносили на носилках. Доктор, с которым я был знаком, позволил мне заглянуть в приемную палату. Туда доставлялись новые пациенты, как только ранее доставленных американцев выносили для срочных операций. Один из янки, еще одетый в свою летную куртку, казалось, находился в лучшем состоянии, чем его товарищи, однако он закатывал глаза и вертел головой, будто в агонии. Когда я подошел к нему, то увидел, что у него ото лба к шее идет

безобразный, но довольно поверхностный рубец, деливший его голову на две части. Он был коротко подстрижен в стиле прусского офицера. Увидев впервые своего врага на таком близком расстоянии, я не удержался, чтобы не поговорить с ним, сказав по-английски:

— Видишь, вот что тебе досталось за бомбежку нашей базы. Больно? Он не

отвечал. Тогда я продолжил:

— Скажи, откуда у тебя такая рана?

На этот раз он слегка пошевелил головой, как бы удивляясь, что противник интересуется его состоянием. Потом ответил:

— Я получил ее, когда выбросился из кабины. Самолет был подбит и горел. Другие члены экипажа уже выбросились на парашютах. Я не мог этого сделать, так как не открывался фонарь. Я уперся в него головой и выдавливал его до тех пор, пока не разбил его. Так, должно быть, и порезался. Как добрался до земли, уже не помню.

Меня заинтересовал его американский акцент. Что до меня, то я изучал чистый английский.

— Итак, — сказал я ему, — война для тебя закончилась. Ты рад этому?

— Пусть для меня война и закончилась, но очень скоро она закончится для вас, немцев, тоже.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты же уже слышал. Мы сотрем в порошок ваши военные базы и промышленность, причем за несколько месяцев, может, чуть подольше, не имеет значения.

— Да через месяц мы отплатим вам сполна, — возмутился я. — Послушай, не знаю, что вам там говорят о нашем военном потенциале, но в одном я уверен твердо: скоро в небе не останется ни одного вашего самолета, и это будет для вас окончанием войны.

Я подразумевал, конечно, использование нашего «нового оружия», включая радиацию и атомные бомбы, над которыми работали наши специалисты. Об этом много говорили.

— Ну да, — возразил американец саркастически. — Ты забыл, что случилось с вашими подлодками. Мы расколошматили большинство из них за шесть месяцев. И со всем остальным будет так же. Вы долго не продержитесь.

Меня поразила его осведомленность, но в то же время возмутило его высокомерие.

— Ты говоришь вздор. Кто тебе сказал, что у нас нет больше подлодок?

— А разве не так?

— Совсем не так. И я живое свидетельство тому. Только что вернулся из похода и могу заверить тебя, что в море осталось еще много подлодок. Скоро там будут сотни новых, более быстрых и более мощных. Мы вышвырнем ваш флот из океана.

От сказанного мне стало легче на душе.

Но янки скептически улыбнулся и сказал:

—Хорошенько выслушай, что я тебе скажу. Ты еще вспомнишь это, и очень скоро. Что бы вы, немцы, ни делали, теперь уже слишком поздно. Время работает на нас, и только на нас.

Решив, что он типичная жертва пропаганды союзников, я похлопал американца по плечу и сказал:

—Вы увидите, что немцы не так плохи, как их изображают ваши газеты. Желаю тебе скорого выздоровления. Придет день, и ты поймешь, что я прав.

Мы улыбнулись друг другу, и я ушел. Следующей остановкой янки был операционный стол и затем длительный отдых за колючей проволокой.

Когда я вернулся в военный городок, был уже день, неподходящее время для сна. Я вынул из чемоданов форму и гражданский костюм и повесил их в шкаф. Разложив на столе книги, выбрал одну из них и попытался читать. Текст не воспринимался, в ушах звучали слова американского пилота о том, что время работает на них. Меня охватило беспокойство. Я взялся перечитывать письма, которые получил из дома. Но голос американца продолжал звучать между строк. Воздушные налеты, писали родители, резко усилились. От них погиб один из приятелей отца по бизнесу. В письмах сообщалось также, что приезжал в отпуск муж Труды. Молодожены провели две недели в Шварцвальде, где еще не было налетов по ночам. Письма открыли мне тот горький факт, что даже дома обстановка становилась все хуже. Меня продолжали преследовать слова американца.

Рано утром я вывел «У-230» в Брестскую бухту, чтобы проверить ее состояние. Главный инженер флотилии определил минимум ремонтных работ и их сроки. Обстановка требовала быстрого возвращения на фронт немногих подлодок, еще находившихся на плаву. Нашу старую рабочую лошадку нужно было за две недели почистить, заправить горючим, покрасить и привести в порядок. Это означало, что времени для отпуска ни у кого не было. Я во второй раз поинтересовался возможностью обзавестись «шнёркелем», но никто на базе не мог дать мне вразумительного ответа на мой запрос. Вместо этого нам сказали, что мы получим усовершенствованные радары, способные пеленговать длину волн в нижнем сантиметровом диапазоне. Таким образом, мы будем идти вровень с быстрым прогрессом противника в электронной войне. В жестоком противостоянии на море мы были загнаны в глухую оборону. Союзники диктовали нам условия войны и виды вооружения.

На выходные дни первой недели я бросил свои дела на подлодке и в порту, отправившись в пятницу вечером экспрессом в Париж. Ночью я переоделся в туалете поезда в гражданский костюм. Согласно предварительной договоренности, я встретил Маргариту под Эйфелевой башней. На ней было голубое шелковое платье с вышитыми цветами. Мы обнялись, и я встретился глазами с проходившими мимо немецкими солдатами, завидовавшими несдержанному французу. Париж был теплым и благоухающим. В прозрачном воздухе смешались терпкие запахи опадающих листьев и воды в Сене, а также аромат духов. Над нами сияло солнце, ласковых лучей которого я так часто был лишен в море. Это было время, когда я забыл о бомбежках и смертях, когда мне казалось, что меня минует реальная перспектива отправиться на дно океана.

Вскоре после моего возвращения в Брест я уже был переодет в морскую форму и ничто не выдавало моего короткого посещения другого мира. Командиру было неожиданно приказано явиться с докладом к вышестоящему офицеру отделения «Запад» в штабе. Мы предположили, что его визит имеет какое-то отношение к нашему предстоящему походу. После дневного отсутствия Зигман вернулся и быстро вызвал Фридриха, Ри-деля и меня к себе. Без предисловий он сказал:

—Господа, я буду краток. Нам приказано прорваться сквозь Гибралтарский пролив в Средиземное море.

Зигман сделал паузу, чтобы наблюдать нашу реакцию. Я выдавил из себя улыбку, мои партнеры сохраняли мрачное выражение лица. Всем было ясно, что любая попытка пробиться сквозь тесный пролив имела минимальные шансы на успех. Но какая разница, куда нам идти? Везде было одно и то же — отчаянные попытки нанести противнику ущерб и избежать ран или гибели от бомбежек. Как в случае с медленным самоубийством. Везде смерть была неизбежна, изменилось бы только название моря, в котором мы пойдем на дно.

Было, однако, одно утешение: если нам посчастливится пройти пролив, районом наших операций будут спокойные воды Средиземного моря. Чтобы разрядить обстановку, я сказал:

— Все это напоминает мне экзотические места, которые хотелось бы посетить. Только вот как туда добраться?

Капитан быстро подхватил мой мрачный юмор:

— Господа, если вы сохраните в тайне цель нашего похода, нам удастся понежиться в январе на пляжах Италии.

Напряженность спала, и наш разговор оживился. Но затем Зигман снова охладил нас. Он сообщил, что в начале ноября англичане перехватили и потопили в проливе две наши подлодки: «У-742» и «У-340». Другие подлодки, направленные в пролив, погибли еще раньше, чем смогли добраться до него. 24 октября у побережья Испании была потоплена «У-566», та же судьба постигла 10 ноября «У-966». Ничего не было известно о судьбе «У-134» и «У-535», которых, видимо, потопили до того, как они успели передать радиogramмы бедствия. Последние потери дали нам наглядное представление о том, что нас ожидает.

Пока мы готовились к походу, возрастала разница в потерях не в нашу пользу. К 25 ноября было уничтожено еще 15 наших подлодок. Наш внушительный подводный флот в Атлантике, которым когда-то гордились, почти перестал существовать. Все, что мы смогли противопоставить англоамериканской технике, — это уничтожение торпедами нескольких судов из малых конвоев союзников тоннажем всего лишь 67 тысяч регистровых брутто-тонн.

ГЛАВА 17

Вечером 26 ноября «У-230» вышла в последний раз из Брестской бухты. Она проследовала в кильватере эскорта мимо противолодочных заграждений и понеслась в открытое море на полных оборотах. Мы знали, что наш выход в море остался незамеченным противником, потому что всеведущая британская радиостанция «Кале», которая передавала на немецком дурные вести, не адресовала нам особых пожеланий перед уходом.

Около полуночи мы повернули на юг и проследовали в 200 метрах от французского побережья вдоль линии континентального шельфа. Обойдя «долину смерти», взяли курс на северное побережье Испании. Ночью мы были вынуждены трижды погружаться под воду, но ухитрились все-таки встретить первые лучи солнца без потерь. Перед тем как лодка ушла под воду на долгий день, Зигман оповестил команду по системе внутренней радиосвязи о нашем рискованном походе. Ее реакцией были смешанные чувства удивления и сдержанного согласия. Наш экипаж уже не раз побывал в адских условиях боя, чтобы впасть в уныние от сообщения капитана.

Но были другие предсказуемые реакции. Многие из наших подводников, оставившие на берегу возлюбленных, внезапно осознали, что никогда их больше не увидят. Их разочарование в связи с вынужденной разлукой выразилось в забавной форме. Когда во время обычного обхода лодки я заглянул в носовой торпедный отсек, то увидел матроса, сидевшего на койке, и столпившихся вокруг него приятелей. Он держал в руках женский лифчик и трусики, взятые взаймы или

украденные у своей подруги. Его приятели плотоядно улыбались и делали скабрзные замечания. Я присоединился к ним и посмеялся от души. Мужчины с таким чувством юмора становятся хорошими моряками.

Осторожно продвигаясь к испанскому побережью, мы прошли под водой после первого погружения основательно разрушенный бомбардировками Лорьян, а на следующую ночь оставили по левому борту порт Ла-Рошель. Когда мы увидели огни Сан-Себастьяна, то поднялись на поверхность, повернули на запад и пошли вдоль черного контура высоких гор на расстоянии четырех миль от побережья. Наше путешествие вдоль испанского побережья осталось незамеченным, и мы позволили себе полюбоваться алеющими на закате городами Сантандер и Хихон. На пятую ночь мы обогнули опасные утесы мыса Орте-гал и через 20 часов прошли мыс Финистерре, место, где недавно были потоплены четыре наши подлодки. На следующую ночь мы увидели мерцание отражавшихся в небе миллионов огней Лиссабона. Пока жители португальской столицы предавались ночным развлечениям или мирно спали под одеялами, мы пересекали Лиссабонскую бухту. На восьмой день похода подлодка часто поднималась на перископную глубину. Мы брали пеленги на мыс Сан-Висенти. 5 декабря незадолго до полуночи в погруженном положении приблизились к Кадисскому заливу. В это время Ридель пришел на мостик и сказал бесстрастным тоном:

— На твоём столе радиограмма. Она ещё не дешифрована. Почему бы тебе не сделать это? Может, что-нибудь важное.

Ридель подменил меня на вахте, я же спустился в тесное помещение, чтобы дешифровать радиограмму. В ней передавались поздравления Вернеру и Риделю в связи с присвоением им очередного звания обер-лейтенанта.

Вскоре мы оставили за кормой Кадис и подобрались совсем близко к британской зоне насыщенной противолодочной обороны пролива. 6 декабря через два часа после полуночи мы проникли в залив Барбате-де-Франко, где заканчивалось наше крейсирование вдоль европейского побережья. Мы ушли под воду и посадили «У-230» на песчаный грунт. Частые разрывы глубинных бомб в этот день всего лишь в нескольких милях к востоку напоминали нам, что «томми» полны решимости не пропустить через пролив неприятеля. Пока команда отдыхала или делала вид, что отдыхает, я сидел с командиром и обсуждал план прорыва. После нескольких часов взвешивания разных вариантов Зигман решил пройти угол от нашей стоянки до североафриканского порта Танжер и оттуда в самую горловину пролива, где британцы готовят ловушку непрошеным гостям.

6 декабря вечером личному составу подлодки было приказано занять свои места и оставаться там три следующих дня. В 21.00 «У-230» всплыла на гладкую поверхность моря и помчалась на полных оборотах к африканскому побережью. Над нами простиралось безоблачное черное небо, усыпанное яркими звездами. Как только мы вышли из-под защиты испанского берега, радиолокационные импульсы стали барабанить по нам с возрастающей частотой. Доверившись оператору нашего радара, мы продолжали продвигаться вперед с бьющимися от волнения сердцами.

— Впереди объект — громкость три!

Предупреждение прозвучало в ночи, как звон бьющегося стакана. Мы бросились в рубку, и лодка немедленно нырнула в глубину. После того как напряжение спало, наступила тишина. Ободренные этим, мы снова всплыли. Однако после восьмимильной гонки настойчивый импульс снова загнал нас в глубину.

В 23.00 мы всплыли и, не обнаружив в небе самолетов, двинулись вперед. Во время крейсирования зарядили батареи достаточно, чтобы электричества хватило на три дня хода под водой. Лодка

прошла значительное расстояние, извергая сверкающие фонтанчики вокруг своего корпуса и оставляя позади целую милю предательских пузырьков. Как ни удивительно, нас все же не обнаружили. Мы двигались вперед до тех пор, пока не увидели огни Танжера, затем повернули на восток и пошли к узкой горловине пролива между двумя континентами.

Вскоре мы смешались с флотилией африканских рыболовных судов, нахально лавируя между ними зигзагами. Постепенно лодка подошла ближе к проливу. Через 40 минут мы оставили позади ничего не подозревавших рыбаков и подошли к горловине на опасную дистанцию. Здесь радиолокационные импульсы били особенно громко. Не было никакой необходимости торопить нашу фантастическую удачу. Мы ушли под воду.

7 декабря в 00.45 «У-230» начала свое бесшумное движение под водой. На глубине 40 метров она шла с небольшим дифферентом, имевшим, однако, тенденцию к нарастанию. Установленная скорость лодки достигла полутора узлов. Это было достаточно только для того, чтобы лодка держалась на плаву. Однако течение на глубине погружения имело скорость три узла, что давало нам ускорение хода до четырех с половиной узлов. Ожидалось, что возле горловины пролива течение возрастет еще больше. В самой горловине оно достигало пика и составляло на выходе в Средиземное море восемь узлов.

Я устроился в помещении центрального поста в ожидании развития событий. Наш лучший акустик Кёстнер вскоре услышал слабый шум винтов и импульсы «асди-ка» прямо курсу. Возникли и другие странные шумы, которых он никогда не слышал. Оставив за себя Фридриха, я пробрался в радиорубку, чтобы разобраться в этом феномене. Я надел другую пару наушников и стал слушать. Новые шумы явно отличались от знакомых назойливых импульсов «асдика». Кёстнер предположил, что они исходят от британского радара нового типа. Это было что-то вроде посвистывания и писка резиновой детской игрушки, которую сжимают. Наконец я догадался:

— Это не новый радар, Кёстнер, это разговаривают дельфины! Прислушайся, ты сможешь даже различить их голоса.

Мы слушали как зачарованные разговор дельфинов, которые с удовольствием кувыркались в подводном течении. Одни из них развлекались поодаль от нашей лодки, другие терлись о ее корпус, но им всем, кажется, понравилась стальная рыбина, приплывшая, как им, видимо, показалось, чтобы поучаствовать в их играх. Голоса дельфинов усиливались по мере нашего приближения к горловине пролива, но так же обстояло дело и с импульсами «асдика». Когда же вдали прогрехотали первые разрывы глубинных бомб, наша шумная компания поспешила возвратиться в Атлантику.

Над нами несколько британских эсминцев старательно бороздили поверхность пролива в поисках лазутчиков. В 10.00 их активность достигла апогея. Импульсы «асдика» забарабанили по нам, словно градины, однако верхние слои воды другой термальной плотности создавали защитный покров для лодки. Не обнаружив нарушителей, эсминцы прибегали к старому трюку — они начали швырять глубинные бомбы наугад. К полудню, когда я вновь встал на вахту в помещении центрального поста, импульсы немного ослабли и удалились за корму. Очевидно, мы вырвались из блокады и прошли горловину пролива. Потихоньку напряжение спадало, а к 16.00 Зигмана прорвало.

— Главмех, — обратился он к Фридриху, — подними лодку на перископную глубину. Посмотрим, удалось ли нам выбраться. Интересно взглянуть на место, где сходятся Европа и Африка. Старпом, полюбуйся на это.

Капитан занял место у перископа. Он быстро повернул его вокруг своей оси, проверяя, есть ли в непосредственной близости опасность, затем понаблюдал некоторое время за левым горизонтом, за правым и, наконец, вновь повернул оптику налево. После этого сказал:

— Думаю, мы оставили скалу далеко за кормой. Передайте мне справочник.

Я подал ему тяжелый фолиант морского справочника по испанскому побережью. В нем был помещен снимок, изображавший вид с моря Гибралтарской скалы.

— Точно, мы ее уже прошли. Лодка двигалась значительно быстрее, чем ожидалось. Позовите Прагера. Хочу получить у него некоторые пеленги.

Вскоре штурман снабдил нас точными вычислениями. Диаграмма Прагера дала поразительные результаты. Гибралтар находился за кормой нашей лодки на дистанции семь с половиной миль. На это расстояние мы уже проникли в Средиземное море. Быстрый подсчет показал, что наша скорость в подводном положении составила в целом 14 узлов. Из них 12 с половиной приходились на скорость течения.

Зигман освободил для меня место, и я направил перископ на скалу, которая переливалась на солнце радужным цветом, устремившись из зеленого моря в лазурное небо. Сквозь низко стелившуюся дымку я насчитал минимум шесть британских боевых кораблей, стороживших вход в Средиземное море. Я направил окуляры перископа к правому борту и увидел берег Северной Африки, почти перпендикулярно возвышавшийся над поверхностью моря. На вершине скалистого утеса близ испанской Сеуты возвышался мемориал жертвам гражданской войны. Берега по обе стороны от мемориала таяли в полуденной дымке. Я так увлекся зрелищем, что, заметив самолет, успел только крикнуть:

— Срочное погружение на 60 метров, самолет!

Я втянул внутрь длинную трубу перископа и затаился в ожидании. Однако «У-230» успела уйти на необходимую глубину до бомбежки. Вместо главмеха я приготовился считать разрывы глубинных бомб. Впрочем, необходимость в этом отпала. Лодка двигалась в безопасной тишине. С каждой милей угроза для нас быть обнаруженными уменьшалась. В 22.00 впервые за 12 дней маленькая лампочка в помещении для капитана была погашена, а темно-зеленая занавеска перед его койкой задернута.

Почти через сутки, в 21.30 следующего вечера, «У-230» всплыла. На траверзе светились огни испанского порта Малага. Выбравшись из рубочного люка, я увидел, как за городскими огнями тянутся к серому небу темные горы. Ночь была настолько теплой, что я снял свою кожаную куртку. Затем заработали дизели, и «У-230» пошла вдоль темной горной гряды. Мы провентилировали корпус лодки и с гордостью передали в штаб свою первую радиограмму: «Спецзадание выполнено. Ждем новых указаний. «У-230».

Около часа мы ожидали реакции противника на свой радиосигнал, однако ее не последовало. Незадолго до заката пришел ответ из штаба: «Поздравляем с выполнением задания. Следуйте в тулонскую бухту с крайней осторожностью. Особые предосторожности на траверзе порта. Следите за подлодками противника».

Мы были готовы к немедленным боевым операциям против союзников, которые снабжали свои войска, интенсивно эксплуатируя судоходные линии между портами Северной Африки и Южной Италии. Нарушить эти коммуникации и ослабить давление англо-американских сил на наши войска в Северной Италии было нашей первой задачей. Поэтому мне показался непонятен приказ штаба о заходе в порт, если он не означал нового спецзадания.

Чтобы добраться до Лионского залива по соседству с Марселем, нам понадобились три ночи движения в надводном положении на полных оборотах и некоторое число погружений под воду в связи с угрозами с воздуха. 15 декабря в 01.00 мы сообщили южному филиалу штаба подводных сил о своем предстоящем прибытии. Днем мы ушли под воду на перископную глубину, но вскоре Зигман заметил приближение нашего эскорта.

Через час двадцать минут мы всплыли в 30 метрах от левого борта нервозно маневрировавшего тральщика. Его капитан попросил нас следовать за ним. Нам просигналили флажками с тральщика, чтобы мы проявляли максимум бдительности, поскольку две недели назад британские подлодки потопили наше судно и подлодку. Мы следовали за эскртом, повторяя его зигзаги. Экипаж подлодки выстроился на палубе в спасательных жилетах. У входа в порт нас встретил буксир, который затем перекрыл вход противолодочной сетью, протаскивая ее от одного пирса к другому.

По мере нашего движения вперед Тулон открывался во всей красе. Под ярким солнцем блестели зеленые горы, красная и зеленая черепица на крышах побеленных домов, поржавевшие надстройки нескольких поврежденных французских военных кораблей на приколе. «У-230» осторожно продвигалась по бухте мимо двух затопленных французских эсминцев и трех подлодок, стоявших у совершенно незащищенного причала. Командир, заметив небольшое скопление людей в морской форме, направил лодку к незанятому причалу пирса. «У-230» остановилась. То, что прежде казалось самоубийственным предприятием, обернулось спокойным безопасным походом. Наше невероятное везение продолжалось.

Представители Двадцать девятой флотилии подводных лодок проявили трогательную заботу о нас. Из Бреста были доставлены наш багаж и почта. Было продумано все, вплоть до пустяков, чтобы обеспечить нам уют и комфорт. Я собрался было распаковать свой багаж, когда был вызван в комнату капитана.

— Присаживайся, старпом, кури, — предложил мне Зигман. — Я получил из штаба по телетайпу приказ, который подводит черту под нашей совместной службой. Тебе приказано отправляться в Нойштадт, чтобы пройти подготовку на командира подлодки. Поздравляю тебя.

Прежде чем я смог осмыслить сообщение, Зигман поднялся, пожал мне руку и выразил сожаление, что вынужден со мной расстаться. Он пожелал мне удачи в получении более современной лодки, чем его старушка «У-230».

Все еще не придя в себя, я пробормотал слова благодарности за двадцатимесячную службу под его командованием и тоже пожелал ему удачи и новой лодки. Затем мы коротко обсудили проблемы, вытекавшие из внезапной перемены обстановки. Большая часть команды «У-230» должна была уйти в продленный отпуск, включая Фридриха и Риделя. Поскольку моя командирская подготовка не могла начаться раньше 10 января 1944 года, мне очень хотелось позаботиться о команде и провести недельки две в порту, притягивавшем своими достопримечательностями.

В свою комнату я вернулся другим человеком. Поблагодарил Всевышнего за то, что он позволил мне дожить до этого дня. Поразмышлял о том, что могло означать мое двойное продвижение по службе, и поклялся сделать все возможное для достижения победы.

18 декабря, через два дня после окончания нашего перехода из Бреста, экипаж лодки была выстроен перед командующим флотилией, который отдал должное нашим заслугам и наградил орденами и медалями. Когда он прикрепил к моему кителю второй Железный крест, я подумал о своих друзьях, лежавших в стальных гробах. К этому солнечному дню декабря 1943 года погибли почти все представители старой гвардии подводников на Атлантическом фронте. Многих новичков уничтожили в Норвежском море, прежде чем они смогли нанести врагу потери. То же

происходило и в Средиземном море. Последней по времени жертвой была «У-593» под командованием Колблинга, побывавшего в свое время «гостевым капитаном» на борту «У-557». Его успешная карьера оборвалась после того, как он торпедировал британский эскорт у побережья Северной Африки.

Его лодка попала под бомбежку глубинными бомбами эсминцев США и была отправлена на дно.

То, чего наши подлодки не добились за четыре года, — превосходства на море — союзники приобрели за семь месяцев. Их амбициозная цель -- очистить моря от наших подлодок — была почти достигнута. После жестоких ударов летом и осенью у нас осталось лишь небольшое число подлодок. К декабрю союзники уничтожили 386 наших лодок, из которых 237 были потоплены в одном лишь 1943 году.

Зигман и большинство команды «У-230» отправились в отпуск сразу же после получения наград. Я встретился с офицерами, с которыми делил образ жизни на базе и неопределенное будущее. Мои новые друзья познакомили меня с городом и втянули в свою суматошную жизнь. Мы устраивали оргии и вечеринки, которые следовали с нарастающей частотой и отличались все большим буйством. Однажды я присутствовал на вечеринке, во время которой парни и девушки купались в ванне, заполненной шампанским. В другой раз сцену устроила молоденькая итальянка, бросившаяся совершенно голой в объятия армейского лейтенанта, после того как была отвергнута своим любовником в морской форме.

Как раз тогда, когда теплый климат Лазурного берега заставил меня вообразить, будто пришла весна, наступило Рождество. Чахлые елки, привезенные с севера и украшенные игрушками и серебряным дождем, странно контрастировали с роскошными пальмами и придавали празднику неестественный вид. В течение недели после Рождества мы, несколько северян, совершили на автобусе, предоставленном флотилией, турне по южному французскому берегу. Обилие субтропических цветов, высокие кипарисы и роскошные сосны радовали глаз на маршруте между курортными городами Лавард, Сент-Тропе и Сент-Максим.

Предновогодний вечер был отмечен театрализованным представлением и шумным застольем в офицерской столовой флотилии. Всю ночь я протанцевал с молоденькими балеринами, забыв о том, что океанские глубины содрогаются от взрывов боезарядов, а наши города рушатся под бомбежками союзников.

Мое пребывание в Тулоне завершилось в тот день, когда из короткого отпуска вернулся Ридель. Ему не повезло с поездкой. Из-за массированных разрушительных налетов союзной авиации он не смог попасть сразу в свой дом в Богемии и был вынужден значительную часть отпуска провести в поездах и в Мюнхене. Я передал свои дела другу, который унаследовал мою должность старпома «У-230». На прощанье предупредил его:

— Будь зорким и чутким, старый лис.

Это был последний раз, когда я видел Риделя. Через год он погиб в последней битве близ Британских островов во время своего первого и единственного боевого похода в качестве командира «У-242».

ГЛАВА 18

Моя поездка на командирские курсы в Нойштадте началась вечером 5 января 1944 года. Один из моих новых друзей доставил меня из Тулона в Марсель на своей машине, которая мчалась с самоубийственной скоростью по дороге, петлявшей по краю скалистых гор. Я прибыл в небольшой отель «Канебье» в полночь, проспал до полудня, затем переоделся в гражданский костюм, чтобы

пойти полюбоваться Марселем — знаменитым городом на континенте. В нем все смешалось в незримой гармонии — моряки, нищие, бывшие французские солдаты, все еще одетые в старую форму, воры, проститутки, арабы, китайцы, черные и белые. Я бродил по извилистым улочкам старого города мимо пахучих пирсов, рыбацких лодок и заброшенных гниющих судов. На небольшой моторной лодке перебрался через бухту к древнему замку Иф, более известному как место заключения графа Монте-Кристо. В этот вечер я прошелся и по фешенебельному кварталу города, не устояв перед соблазном поужинать в уютном ресторане, где подавались великолепные блюда в старинном изысканном стиле.

6 января в 08.00 я поднялся по широкой лестнице вокзала Сент-Шарль и сел на поезд, шедший в Страсбург. Пока он безмятежно двигался среди цветущих холмов и долин Южной Франции, в России советские дивизии наносили удары по немецким оборонительным линиям в преддверии зимнего наступления. В Италии американцы бомбили участок нашего фронта в районе Монте-Касино, пытались прорваться к Риму. На Британских островах тысячи бомбардировщиков заводили моторы для ночного налета на континент. В 22.30 мой экспресс прибыл в Страсбург и около полуночи пересек Рейн в районе Келя.

В Мангейме мы сделали остановку — и долго стояли. Чтобы выяснить причину задержки, я вышел на холодную платформу. Мрачный дорожный рабочий сообщил, что Франкфурт сильно бомбили.

— Говорят, это была самая мощная бомбардировка. Кажется, поезду придется здесь постоять некоторое время.

У меня вдруг появилось острое желание помчаться впереди поезда. Одолеvalo беспокойство: не случилось ли чего с родными и домом? Лишь после продолжительной стоянки поезд выполз из Мангейма и грузового депо. Затем он медленно потащился к охваченному пожарами Франкфурту. Прежде чем поезд осторожно втянулся под навес главного вокзала, серое, холодное, туманное утро сменил тягостный день, за ним — ночь.

Я схватил свои чемоданы и выбежал по россыпи битого стекла сквозь дым пожарищ и облака пыли на улицу. Большая площадь перед вокзалом лежала в руинах. Полукруг окружавших площадь величественных зданий был низведен до развалин. Над городом висела сплошная завеса из черного дыма. Для борьбы с пожарами и расчистки завалов улицы заполнили пожарные машины, военные грузовики, бригады ПВО, санитарные фургоны и тысячи людей. Спотыкаясь об обломки кирпича и обходя воронки, я помчался через площадь, вышел на Майнзер-Ландштрассе, повернул налево на Савиништрассе, обежал глубокую воронку посередине улицы, обратив внимание на большое количество алюминиевой фольги, при помощи которой противник снижал эффективность радаров ПВО, и затем пронесся еще пятьдесят метров вперед.

Здесь я сделал открытие, которое несколько успокоило меня. Наш дом стоял на прежнем месте. Я открыл тяжелые железные ворота, подошел к парадному и позвонил в дверь. Никто не откликнулся. Полагая, что звонок не действует, я попытался войти в дом с черного хода. Там, где был сад, лежали большая груда битого кирпича и штукатурки, куски железного ограждения, оконных рам, стекла обогревательных батарей и труб. Торцевая стена дома была разрушена взрывом бомбы, выставив напоказ все пять этажей. Жильцы и вещи четырех из пяти этажей были уже эвакуированы, исключение составлял второй этаж, где помещалась наша квартира. Я узнал спальню своих родителей, где еще стояла мебель, неразобранные кровати, аккуратно покрытые одеялами, но со слоем пыли сверху. Рядом была комната, где швейная машинка глядела на воображаемую стену, и комната сестры с бирюзовыми обоями. В углу одного из помещений квартиры висела лоханка. Никаких признаков присутствия моих родителей и сестры не было.

На первом этаже появилась женщина и сказала:

—Это хорошо, что вы приехали. Мы здесь гадали, придет ли кто-нибудь, чтобы позаботиться о мебели. Хотя бы вы.

Я узнал в женщине супругу хозяина дома и спросил:

—Вы можете открыть нашу квартиру? У меня нет ключей.

—Я поищу. Попрошу также соседей помочь убрать вашу квартиру.

Из одной ее случайной реплики я понял, что мои родители уехали по делам. После того как женщина вручила мне ключ, я вошел в квартиру и осмотрел повреждения.

Двери подсобных помещений были сорваны с петель. В комнатах со стен попадали картины. Пол был усеян мелкими предметами, снесенными со столов. Разбилась только стеклянная и фарфоровая посуда. Однако мебель, кровати и пол покрывал толстый слой пыли. Перед уборкой квартиры я облачился в старую одежду, которую нашел в своей комнате. Затем открыл входную дверь, услышав стук. Ожидая увидеть в качестве помощников крепких мужчин, я с удивлением увидел вместо них четырех женщин среднего возраста, одетых в серую рабочую форму. Они вошли, словно в свою квартиру. Все вместе мы начали передвигать мебель, протирать ее, выносить в вестибюль и передние комнаты. Далеко за полдень женщины ушли, не ответив на выраженную мною признательность за помощь.

Переодевшись в морскую форму, я пошел в армейский информационный центр, получил талоны на питание, послал телеграмму своему новому начальству, объяснив причину моего отсутствия на месте службы. Несколько телеграмм отправил по другим адресам в расчете, что они найдут родных и вызовут их домой. Затем стал искать место, где можно было бы перекусить. Четыре ресторана, где сохранялось великолепие довоенного обслуживания, были разрушены до основания. В пятом, на Кайзерштрассе, белоснежные скатерти сменили бумажные подстилки, а элегантных официантов — мрачные матроны. Безвкусный ужин вызвал неприятные ощущения после великолепных блюд, которые мне подавали в Марселе. Злая ирония состояла в том, что французы, проигравшие войну, питались, как короли, мы же, победители, жили на картошке и эрзацах.

Разоренный город снова погрузился во тьму ночи, и его жителей вновь охватил страх перед начавшимся воздушным налетом. Я вернулся в наш разбитый дом и прислушивался к объявлениям по радио, пока налет не прекратился.

Проснулся от бьющего в лицо солнечного света и с изумлением озираясь по сторонам в своей странной и в то же время хорошо знакомой мне квартире. На стене напротив моей кровати висел рисунок обнаженной женщины, который я нарисовал, когда мне было 18 лет. Мать постоянно интересовалась, кто позировал мне в таком юном возрасте. Рядом висела репродукция картины Рембрандта «Мужчина в шлеме» и чуть подальше гипсовая маска «Незнакомки из Сены», снятая с неизвестной красавицы утопленницы, которая была обнаружена в знаменитой реке Парижа лицом вниз. На стене напротив окна я повесил мои флотские трофеи — эмблемы, флаги, ленты. На полках вдоль стен стояли книги, которые я покупал в книжных магазинах, разбросанных по всей Европе. Такова в основном была моя комната, из которой я в 1939 году ушел на войну. Мне говорили, что она будет выиграна в течение нескольких месяцев. Тем не менее четыре года войны продвинули меня к вершинам избранной военной профессии. Я вновь подавил чувство пессимизма, которое в последнее время зрело во мне сильнее и сильнее. Скоро, очень скоро мы доведем эту проклятую войну до победного конца...

В темноте повернулся ключ в замке от входной двери. Вернулись мои родные. Мать и Труды были шокированы, отец же произнес со вздохом:

— Увы, нам придется привыкать к потерям. Могло быть и хуже. Но мы снова вместе, и давайте выпьем за это.

Папа раскупорил две бутылки мозельского. Мы выпили за мое двойное повышение, за счастливый случай, спасший родителей и сестру от бомб, за нашу стойкость перед лицом воздушных налетов союзников. Вместе провели время в кабинете отца до трех часов ночи, беседуя и прислушиваясь к предупреждениям по радио об отдельных прорывах вражескими самолетами нашей системы ПВО. Затем мы рискнули отправиться спать, поскольку налетов союзников на Франкфурт не ожидалось.

На следующий день поздно вечером я сошел с приползшего как черепаха поезда в порту Нойштадт на Балтике, где были организованы командирские курсы. Я нашел свободную кровать в одном из чистых деревянных бараков и бросился на матрас, набитый соломой.

Утром в 08.00 я обнаружил, что небольшая группа будущих командиров уже занимается в стимуляторе. Он представлял собой сложное сооружение, напоминавшее помещение рубки подлодки. Оно было установлено над большим водоемом и могло передвигаться в любом направлении среди макетов транспортов, танкеров и эсминцев. Стимулятор позволял будущему командиру осваиваться с техникой и приемами торпедной атаки в погруженном положении до тех пор, пока выбранная тактика не отрабатывалась им до мельчайших деталей. Получив достаточный опыт в боевых условиях, я легко справлялся с учебными заданиями. После двухнедельной практики и скучной жизни в бараке я порадовался переезду в Данциг для занятий боевыми стрельбами.

В конце января я сел в поезд, шедший в Данциг. Платформа вокзала кишела пехотинцами разных званий и рангов. Они штурмовали вагоны поезда, который должен был отправиться в долгое путешествие на фронт в Россию. Я устроился в дымном купе с несколькими армейскими офицерами. Они пыхтели закрутками из русской махорки, низкосортного табака, который выучились курить за неимением лучшего. Я предложил им выкурить ароматические турецкие сигареты, которые еще были доступны нам, флотским офицерам. Это предложение значительно улучшило отношения между пехотой и ВМС, а также воздух в купе. Пока поезд двигался на восток, мы говорили о войне в целом и русской кампании в частности. Фронтовики были единодушны в убеждении, что им удастся сдержать неослабевавшее советское наступление на широком фронте.

— Мы отдадим им несколько квадратных метров на том или ином участке, но это будут тактические уступки, — сказал один офицер.

Другой, опытный вояка-пехотинец, заметил:

— У Советов нет нашей промышленной мощи. У них нет средств продолжать свои атаки или помешать нашему контрнаступлению.

— Их топорная техника не устоит против нашего нового оружия, — поддержал разговор третий собеседник.
— Пусть только придет лето.

Я поговорил еще с несколькими фронтовиками, и они высказали общее убеждение, что к весне новое оружие и стратегия радикально изменят несколько затруднительное положение наших войск на различных фронтах. Когда поезд подъехал к Данцигу, я пожелал им удачи в битвах на русском фронте.

В Данциге трамвай доставил меня к пирсу, где в течение нескольких лет стояли на приколе большие океанские лайнеры с линии Гамбург-Америка. Я нашел пароход, в котором разместилось среди обветшавшей роскоши командование Двадцать третьей флотилии подводных лодок.

Поселился в старой каюте, отделанной плюшем и вельветом. Хотя в ней пахло нафталином и сигарами, корабль мне сразу понравился.

Я обнаружил старшего офицера, капитана Лейта, который курировал группу будущих командиров, в баре, беседовавшим с молодыми офицерами. Лейт, бывший командир подлодки, на счету которой числились потопленные суда противника общим тоннажем более 230 тысяч тонн, по-дружески поздоровался со мной и представил своим собеседникам. Я узнал, что только двое из нас, будущих командиров, пришли с подводного флота, другие же не принимали участия ни в одном боевом походе, что отличалось от обычной практики прежних лет. Их направили с эсминцев, тральщиков, крупных боевых кораблей и штаба, чтобы пополнить численность командного состава подлодок. Новичкам предоставлялся год на усвоение уроков, которые были преподаны мне в течение трех лет боевой службы. В них отсутствовало главное из того, что можно было приобрести только в боевой обстановке: мгновенная реакция, предвосхищение очередного хода противника, знание того, когда нужно уходить под воду и когда оставаться на поверхности и атаковать, как управлять лодкой под бомбардировкой глубинными бомбами и кассетными боезарядами, как действовать в тысяче случаев чрезвычайной ситуации. У этих новичков, которым уже через несколько недель будут доверены лодки, почти не было шансов выжить, и у команд их подлодок тоже.

На заре следующего дня начались наши учебные стрельбы. Для их проведения в море вышли семь подлодок и отряд надводных судов. Наши торпеды приводились в движение сжатым воздухом, который оставлял отчетливо видимый след. Это помогало при оценке результатов стрельбы днем. Кроме того, торпеды были оснащены светящимися учебными боеголовками для оценки стрельбы ночью. Преподаватели составили для нас обширный изнуряющий график ужасно сложных занятий, который требовал быстрых и логичных решений и действий в чрезвычайной обстановке. Изнурительный режим учебы поддерживался шесть дней в неделю в течение месяца, оставляя очень мало времени на сон и отдых. По окончании трудной учебы мы собрались в офицерской столовой, одетые в морскую форму, при белых рубашках и черных галстуках, чтобы услышать оценки своего ратного труда. Я узнал, что заслужил высшую оценку. За это хотелось одного вознаграждения — получить под свое командование новую чудо-лодку.

Двумя вечерами позже я получил приказ, увенчавший мою карьеру моряка. Мы собрались на прощальную вечеринку в дымном баре лайнера. После того как старший офицер покончил с объявлением благодарностей и пожеланиями, он взялся разбирать связку телетайпных лент из штаба.

— Господа! — сказал он. — Здесь директивы относительно ваших назначений на подлодки. Я начну с единственного боевого приказа, который уполномочен сегодня передать. Он относится к счастливому обладателю выигрышного билета обер-лейтенанту Вернеру.

Я поднялся со своего места. Голос старшего офицера звучал как будто издалека, словно из-за плотной пелены тумана. Я слышал, как Лейт говорит:

— Сообщите о себе в штаб Десятой флотилии в Бресте и принимайте под свое командование с 1 апреля «У-415».

Подойдя к Лейту, я принял приказ. Он был равносителен смертному приговору, потому что многолетнее ожидание вступления в командование подлодкой сократилось до четырех месяцев, а устаревшая подлодка «У-415» слишком часто участвовала в походах. Предоставленная честь командовать такой подлодкой фактически означала смену транспортных средств для быстрой отправки на дно. Я вернулся к своему столу с телетайпной лентой в руках и застывшей улыбкой на устах, скрывавшей мое огорчение.

Словно для того, чтобы ободрить меня, штаб предоставил мне перед вступлением в командование подлодкой две недели отпуска. Март был хорошим месяцем для занятий моим любимым видом спорта — скоростным спуском на лыжах с гор. Я направился в Альпы, ожидая встретить много снега и крутые склоны. В Берлине, пересев с одного поезда на другой, я старался не глядеть на разрушения и продолжил медленное путешествие через горящие города и нетронутые деревни. На второй день поездки примерно в 14.00 я прибыл в небольшой баварский город Имменштадт. Сошел с поезда, чтобы пересест на местную старомодную железнодорожную колыхагу, следовавшую до известного горнолыжного курорта Обердорф. Едва она подошла к небольшому вокзалу и пассажиры стали освобождать ее, как я услышал, что кто-то меня окликает. Я обернулся и увидел девушку, которую когда-то любил. Я поставил на пол свой чемодан, и она без колебаний бросилась ко мне в объятия.

— Марика, какой приятный сюрприз. Что ты здесь делаешь?

— Я здесь проездом, — ответила она со слезами радости в глазах.

— Я тоже. Но куда ты едешь отсюда?

— Домой. Я гостила у родителей некоторое время.

Я спрашивал себя, почему она захотела нашей встречи. Ведь она могла не окликать меня и дать уйти точно так же, как сделала восемь лет назад. Прежде чем я нашел ответ на свой вопрос, Марика приняла решение за нас обоих:

— Давай пропустим наши поезда. Мы не должны расставаться, увидевшись друг с другом на секунду.

Мы просмотрели расписание поездов и обнаружили, что располагаем тремя часами свободного времени. Сдав багаж в камеру хранения, мы вышли на улицу, запорошенную снегом. Марика, взяв меня под руку, без умолку болтала. Это была блондинка с пышной прической, с развитыми соблазнительными формами. В двух кварталах от вокзала мы обнаружили пустующее кафе и заняли места у окна, из которого открывался вид на величественные горные вершины.

Восемь лет стерли в моей памяти детали романа нашей юности. Мы встречались в розарии маленького средневекового городка на берегу озера Констанца, где розы цветут до декабря. Впервые полюбили друг друга и не знали, что делать с новым чувством. Между нами ничего не было, кроме обещаний, поцелуев и осторожных объятий. Когда я покидал озеро, мы поклялись, что будем беречь нашу любовь и часто писать друг другу. Но через восемь месяцев переписка прекратилась. Года разлуки оказалось достаточно, чтобы она превратилась из невинной девушки в невесту. Ее признание в этом положило конец нашему роману. С тех пор я почти забыл о ее существовании, но вот она снова повстречалась на моем пути.

Марика с горечью в голосе объяснила, почему она разрушила нашу любовь. Это была классическая история. Где-то в марте 1938 года она встретила студента-юриста. Он соблазнил ее одной веселой и счастливой ночью в карнавальном сезоне. Вскоре она обнаружила, что беременна. В результате брак и рождение ребенка, которого она не хотела. Последовали унижительные годы супружеского насилия, как называла она свои брачные узы. С надеждой в сердце на новую жизнь она вновь встретила меня. Это обострило ее боль и печаль за неудачно сложившуюся жизнь.

— Пожалуйста, не покидай меня, — взмолилась она. — Не уходи именно сейчас, когда мы нашли друг друга. Давай воспользуемся этой счастливой возможностью. Проведем твой отпуск вместе.

Сначала я возражал, но трудно было не уступить перед ее пылкими признаниями и растущим желанием. Я предложил ей поехать со мной в Обердорф, где нас никто не знал и мы могли представиться как муж и жена. Я купил ей билет и получил наш багаж в камере хранения. Затем мы сели в поезд.

В отеле клерк провел нас в двухспальный номер. Когда мы закрыли дверь на ключ, закончились восемь лет нашей разлуки и война.

Во время нашего скромного по военному времени завтрака я поднял вопрос о лыжной прогулке. Марика оказалась не только любвеобильной, но также чуткой и отзывчивой женщиной. После того как я арендовал лыжный инвентарь, она проводила меня до крохотной станции, откуда ходил подъемник к вершине Небельхорна, самой высокой горе в округе. Когда подъемник повез меня по канатной дороге вверх, к крутым склонам и ущельям, я потерял Марику из вида.

После выхода из подъемника я надел лыжи и взобрался на самую вершину горы. День был поразительно ясным.

Передо мной открывалась захватывающая панорама швейцарских, австрийских и германских Альп. Горы возбудили во мне то же чувство колоссальной энергии, которое я испытывал в Атлантике во время сильного шторма. Возникло желание одолеть их так же, как преодолевались громады волн. Я бросился в стремительное скольжение вниз по крутым склонам, мимо наиболее опасных утесов, пока черед деревьев не заставила меня сбавить скорость. Лишь через несколько часов после головокружительных спусков на лыжах с горы я снова увиделся с Марикой в гостиничном номере.

Война еще не коснулась городка в горах. Мирные дни следовали один за другим. Регулярно по утрам я поднимался на Нобельхорн и скользил на лыжах по ее склонам, пока не наступало время для встречи с Марикой. По вечерам мы сидели в ресторане, танцевали или смотрели кино. Если исключить мои интенсивные спортивные упражнения, дни и ночи проходили в мире и спокойствии. И все же здесь, как и в других местах, война оставалась мрачной реальностью, достаточно было повернуть регулятор настройки приемника. День за днем и ночь за ночью радио сообщало о прорывах нашей системы ПВО бомбардировщиками союзников, предупреждая граждан рейха об ожидавшихся воздушных налетах или уже происходивших. Бесконечно повторявшиеся трагические вести омрачали атмосферу очаровательной деревушки. По мере того как неделя подходила к концу и приближалось время моего вступления в командование подлодкой, я терял спокойствие все больше и больше. Горы, снег, катание на лыжах и даже Марика постепенно теряли свою привлекательность.

За три дня до моего отъезда в утренних новостях сообщалось о том, что предыдущей ночью Франкфурт снова подвергся жестокому воздушному налету, самому разрушительному за все время войны. В отсутствие связи с Франкфуртом я не мог узнать о судьбе родных. Теперь ничто не могло удержать меня на курорте. Мы с Марикой покинули его одновременно, но расстались в Имменштадте, где ранее встретились. Ее поезд ушел на восток. Я сел в экспресс, шедший к озеру Констанца, на Шварцвальд, Франкфурт.

Мой поезд поднимался и спускался по холмам, следовал через леса и долины. В сумерках он добрался до Лин-дау, острова на озере Констанца, и через час прибыл в темноте и тумане в Уберлинген. Здесь, вдали от воющих сирен воздушной тревоги, жили мои родственники. Их волновали будничные дела. Они ничего не знали о войне на море и, вероятно, забыли о моем существовании, поскольку гром фанфар, возвещавший о наших победах, давно умолк.

Когда паровоз нашего поезда стоял под парами, я заметил при слабом свете тусклого фонаря одного пассажира, поднимавшегося в вагон. На нем был армейский мундир. Когда он проходил мимо окна моего темного купе, я узнал своего дядю. Я пригласил его к себе, слегка изменив голос:

— У окна есть свободное место, герр майор. Дядя чиркнул спичкой, поднес ее пламя к моему лицу и затем спросил:

— Как, черт возьми, ты оказался в этом уголке?

— У меня было несколько дней отпуска, — ответил я. — Теперь возвращаюсь на фронт через Франкфурт.

Последовала пауза, достаточно долгая, чтобы заподозрить неладное дома. Я быстро спросил:

— Вы что-нибудь слышали о моих родителях?

— Они живы, но не вернутся во Франкфурт. Они потеряли там все. Твои родители укрылись в привокзальном отеле в Карлсруэ. Я видел твою мать два часа назад.

Я сжал губы. К счастью, было слишком темно, чтобы дядя мог разглядеть выражение моего лица. Должно быть, его исказила гримаса горечи и печали, когда я подумал о злоключениях своих родных, о страданиях и несчастиях моей страны.

Мы помолчали. Затем дядя стал рассказывать мне о своем новом назначении коменданта лагеря военнопленных. Он поведал мне истории о войне совсем иного рода, войне, в которой безумие силы состязается с безумием бессилия. Назначение дяди на эту должность состоялось в результате длинной вереницы неудач. Он не ладил с режимом с января 1933 года. Из-за его оппозиции нацистской партии правительство запретило газету, которую он издавал. Дядя несколько лет провел во внутренней эмиграции, получая поддержку лишь от родственников. Война призвала мужчин на военную службу. Дядя, как бывший офицер кайзеровской армии, был мобилизован, повышен в звании и вскоре назначен комендантом лагеря.

За час до полуночи мы с дядей распрощались в самом темном уголке Шварцвальда, в холодном помещении вокзала, где несколько женщин добровольно готовили кофе и суп для солдат, ехавших транзитом на фронт. Я хлебал горячий бульон, пока не пришло время садиться на поезд, направлявшийся в прирейнскую равнину. Медленно, после шестичасовой утомительной езды, он прибыл на вокзал Карлсруэ. Я побежал через привокзальную площадь в отель. Коридорный повел меня в номер, где разместились родные.

— Кто там? — ответили на мой стук.

Я назвал себя.

Отец выглядел бледным и как-то быстро поседевшим. Мать и Труді заплакали при моем появлении. Чтобы порадоваться воссоединению семьи, отец предложил спуститься вниз позавтракать.

— За завтраком проще беседовать, — добавил он.

Однако и за столом разговор не клеился. Труді, все еще не пришедшая в себя, молчала. Мать, больше ее испытывавшая в жизни, вскоре успокоилась. Отец сообщил, что они пересидели воздушный налет в бомбоубежище. Им пришлось провести там несколько часов. Он сокрушался,

что оставил дома вещи, которые хотел сохранить. Я принял решение нанять грузовик и отправиться во Франкфурт, чтобы забрать оставшиеся пожитки.

Мы отправились поездом в Дармштадт, нашли шофера с грузовиком и поехали проселочной дорогой во Франкфурт. Въехали в город с юга и последовали дальше мимо многочисленных разрушенных дымившихся зданий. Пожарные все еще откапывали погибших под развалинами. Мы видели ряды покойников, аккуратно уложенных на тротуарах и прикрытых одеялами.

Грузовик проехал мост через Майну, прогромыхал среди обломков и почерневших фасадов разрушенных зданий. Мы пересекли привокзальную площадь, объезжая воронки от бомб, и въехали на разоренную Савиништрассе. Горы развалин и остатки полуразрушенных стен — вот все, что осталось от стройных и красивых рядов зданий. Грузовик остановился перед грудой битого кирпича и стекла, на месте которой когда-то был наш дом. Первый этаж примыкавшего к дому здания еще оставался целым, но был засыпан обломками верхних этажей. Бетонное основание дома держалось прочно, поэтому спасатели смогли пробить проход в наше здание и вывести моих родных и их соседей в безопасное место. Только это счастливое обстоятельство не сделало меня сиротой.

Я последовал за отцом в погреб соседнего здания. Свет его фонарика обнаружил в стене отверстие, достаточно широкое, чтобы пролезть в него. Меня не покидала тревога, что на нас вот-вот обрушится потолок.

Из погреба меня позвал глухой голос отца:

— Иди сюда, посмотри, где мы сидели.

Я пролез вперед и увидел при свете карманных фонариков застланные картоном скамейки. Их покрывал толстый слой пыли.

— Представляю, как вы себя чувствовали, сидя здесь. Поверь, я хорошо знаю, что значит находиться в подобной гробнице.

— Да, сынок, это был не пикник. Совсем как во Фландрии в 1916 году, когда меня засыпало в подземном бункере.

Мы вынесли свои пожитки наружу, и шофер торопливо погрузил их в кузов грузовика. Мать плакала. Она имела неосторожность взобраться на кучу мусора в поисках вещей и увидела лишь жалкие обломки своего прежнего мира. Отец отвел ее в сторону от руин и сказал с нотками оптимизма:

— Не горюй, мы купим новую мебель. «Томми» и янки еще поплатятся за это.

Длинная вереница армейских грузовиков и санитарных машин задержала наш отъезд из Франкфурта, теперь уже не родного, а мертвого города. Воспоминания о прежней комфортной и счастливой жизни кончились, как только мы повернули на южный автобан.

Менее чем через час грузовик свернул с автобана и направился в небольшой городок Пфлунгштадт, где отец построил свой новый завод. Мы протряслись по булыжной мостовой на молочную ферму, которую отец арендовал, чтобы наладить на ней производство продуктов по своему патенту, и сложили коробки и чемоданы в его новом офисе. Затем отец с гордостью показал нам свои новые постройки, стены которых покрывала керамическая плитка.

Медлить с моим отъездом в Брест больше было нельзя. Всей семьей мы поспешили на грузовике на вокзал в Карлсруэ. Прибыли туда в сумерках, как раз ко времени отправления моего поезда. Я впопыхах обнял своих родителей и сестру, будучи уверенным, что для них испытания закончились и они проживут до конца войны в безопасности. Когда поезд отошел от станции, я еще раз увидел на платформе родных. Они махали мне руками на прощанье. Я смотрел на них до тех пор, пока моих близких не поглотила тьма.

ЧАСТЬ III.

КАТАСТРОФА И ПОРАЖЕНИЕ

ГЛАВА 19

4 апреля 1944 года поезд доставил меня в старинный, очаровательный, отчасти разрушенный город Брест. Я ехал на старом автобусе. Он пересек разводной мост через канал, взобрался, покашливая выхлопной трубой, на возвышенность и последовал на запад до знакомой проходной на базу Первой флотилии подводных лодок. Я заметил несколько воздушных баллонов, раскачивавшихся над бухтой под дуновением легкого утреннего ветерка. Это было новое средство защиты бетонных убежищ подлодок от самолетов, выходящих на цель на бреющем полете.

Покинув автобус, я обнаружил, что все административные учреждения базы закрыты. Однако дневальный провел меня в помещение, выходящее на залив, где обычно принимали солнечные ванны. Когда я вошел в его стеклянную дверь, меня ослепил яркий солнечный свет. За белыми садовыми столиками сидела дюжина мужчин в морской форме. Не зная в лицо старшего офицера, я пробежал взглядом по рукавам присутствовавших, стараясь определить по нашивкам их звание. Один из группы офицеров спросил:

— Не вы ли новый капитан «У-415»?

— Да, я.

— Рад приветствовать вас, — сказал полный офицер с тремя золотыми полосками на рукаве и Рыцарским крестом под воротничком. — Я капитан сторожевого корабля Винтер. Познакомьтесь с моим штабом.

Он представил меня остальным офицерам и приказал дневальному принести еще один прибор. Сам Винтер не нуждался в представлении. Он был известен всем подводникам. В начале войны он добился выдающихся достижений, потопив британские корабли общим тоннажем более 150 тысяч регистровых брутто-тонн. Это был один из наших последних выживших асов.

Пока я завтракал, Винтер и другие офицеры рассказали последние новости. В сухой док поступили комплексы «шнёркель» для испытаний на трех подлодках. Но больше я ничего хорошего не услышал. Британские самолеты постоянно совершали вылеты и сбрасывали магнитные мины на фарватерах, выводивших из Брестской бухты в открытое море. Неблагоприятная для нас тенденция подводной войны сохранялась, хотя мы продолжали ждать давно обещанного нового оружия и более совершенных подлодок. Несколько наших устаревших подлодок все еще блуждали вокруг Британских островов, становясь объектами охоты с воздуха или надводных кораблей противника. Теперь самолеты с авианосцев США и эскорты патрулировали даже в середине Атлантики. А ведь эта «черная дыра» долгое время была свободна от контроля союзников. И вот результат: четверем из пяти наших подлодок не удавалось возвращаться после своих походов на базу — уровень потерь, значительно превысивший потопленные суда противника.

Когда разговор коснулся войны в целом, я обратил внимание на то, что офицеры не беспокоились о положении наших войск на линии близ Монте-Кассино или даже об исходе русской кампании, которая проходила не так, как предсказывало командование вермахта. Они говорили главным образом об угрозе высадки союзников на континенте. Никто не знал, когда или где она произойдет, но и никто, кажется, не сомневался, что это обязательно случится. Офицеры говорили также о наших недавних усилиях по дальнейшему укреплению мощной береговой обороны,

призванной отразить десанты союзников на самой кромке моря. Наши руководители неоднократно повторяли, что Атлантический вал непреодолим, и никто не подвергал сомнению их заявления. Поражение казалось невозможным, сама мысль о нем воспринималась как измена.

Винтер собрался уходить.

— Обер-лейтенант Вернер, — сказал он на прощанье, — вы увидите с командой своей подлодки в 14.00. До этого времени устраивайтесь поудобнее и подумайте о том, что вы скажете своим подводникам.

Я постарался воспользоваться советом этого располагающего к себе, симпатичного офицера. Устроился в большой угловой комнате в юго-восточном крыле жилого комплекса базы и, приняв душ, попытался продумать свое небольшое выступление. Однако ничего примечательного на ум не приходило. Тогда я сел за стол, чтобы написать проект речи. Но и этого тоже ничего не вышло, и я решил осмотреть бетонный бункер для подлодок и другие сооружения базы.

В 14.00 я встретился с капитаном Винтером и командой своей подлодки на плацу флотилии. В речи, произнесенной экспромтом, я сказал экипажу, что являюсь давним другом «У-415», видел ее во время заправки горючим в центре Атлантики в прошлом году. Сказал, что знаю об успехах команды лодки и считаю за честь быть ее командиром. Я заверил подводников, что ничего не изменится в их привычном распорядке службы на подлодке и что, пока я нахожусь на ее борту, буду стремиться к новым победам над врагом. Я пожал руку каждому подводнику и в 14.20 принял лодку под свое командование.

В 14.25 я отдал свой первый приказ старпому подготовить лодку к тридцатиминутным учебным занятиям в бухте. Я решил обучать команду исходя из собственного понимания сути подводной войны. Старпом повел экипаж к подножию холма. Я вместе с главмехом и вторым вахтенным последовал за ними, расспрашивая своих попутчиков об их службе на «У-415». Как оказалось, главмех служил на лодке со времени укомплектования ее экипажем, однако старпом и второй вахтенный имели ограниченный боевой опыт. Я понял, что мне придется выполнять на первых порах значительную долю их обязанностей.

«У-415» ожидала нас в своей заводи бункера. Я спустился через люк в рубку и сразу столкнулся с проблемой. Перископ в рубке оказался старого образца, а я привык к полностью автоматизированному прибору, оснащенный вращавшимся креслом, электротягой, различными приспособлениями и интегрированному в электронную систему. При пользовании этим доисторическим перископом было необходимо присесть на корточки, чтобы смотреть в окуляры, а перемещение ствола вверх и вниз требовало акробатического искусства. Тщательный осмотр подлодки не обнаружил других дефектов, если не считать ее возраста: это была старая рабочая лошадка. Тем не менее радар, снабженный большим числом новых приспособлений, плюс две спаренные 20-миллиметровые пушки и автоматическая 37-миллиметровая компенсировали отсутствие современного перископа.

Начиная с полудня этого и в последующие три дня я водил лодку по Брестской бухте, тренировал команду погружениями под воду и предоставил артиллерийским расчетам возможность пострелять из пушек боевыми зарядами. Я добавил к боевой учебе несколько новинок, которые считал чрезвычайно важными. Команда, имевшая хорошо развитый инстинкт самосохранения, их приняла. Я заставлял подводников напряженно работать, подводя их к пику боевой готовности и углубляя свои взаимоотношения с ними. На четвертый день я настолько убедился в готовности лодки для похода, что мог доложить об этом Винтеру. С этого момента все шло согласно распорядку дня. Обязанности, которые я выполнял годами, приняли теперь на себя мои офицеры. Я получил возможность морально и физически подготовиться к походу.

На третий день я получил свой первый оперативный приказ и вскоре после завтрака встретился с Винтером в его кабинете. Он спокойно и кратко разъяснил мне боевую задачу.

— Мы временно приостановили продолжительные походы в Атлантику и отдали предпочтение кратковременным рейдам в зоны, где сходятся маршруты конвоев. Взгляните. — Винтер развернул большую желтую морскую карту и указал на ней район, который штаб наметил для боевых операций подлодки под моим командованием. -- Как видите, ваш квадрат находится в стратегической зоне на подходах к Ла-Маншу.

Изучив карту, я увидел, что глубина океана в заданном районе не превышала 150 метров. Операции в таком мелководье имеют свои преимущества и недостатки. Я понял также, что там ведется воздушная разведка и сконцентрированы группы охотников противника. Там будет мало шансов всплывать для вентиляции отсеков лодки и подзарядки аккумуляторных батарей. В таких условиях подлодка вряд ли выживет без «шнёркеля», когда за ней станут охотиться эскадрильи самолетов и эскадры эсминцев. Здравый смысл подсказывал мне, что «У-415» была обречена, и все-таки я не мог поверить, что так долго спасался от гибели только для того, чтобы стать жертвой устаревшего оборудования.

Я принял приказ, сложил его и сунул в карман кителя. Затем отдал честь своему начальнику и вышел.

Наконец наступил час выхода в море: 21.30, 11 апреля 1944 года. Команда собралась на кормовой палубе. Нас не провожали доброжелатели на пирсе, не было ни музыки, ни цветов. В бетонном бункере глухо звучали мои команды. «У-415» медленно вышла кормой вперед на мелководье внутренней бухты, затем развернулась и последовала за нервно двигавшимся тральщиком по длинному темному проходу, ведущему в Атлантику. Я ходил и раньше этим маршрутом. Но теперь я командовал экипажем подлодки, нес ответственность за 58 человек команды, причем в то время, когда наши шансы на успех и спасение были минимальными.

В 22.45 эскорт развернулся и без предупреждения лег на обратный курс. Его капитан пожелал нам счастливой охоты. Это напутствие уже давно потеряло всякий смысл. Оно напомнило мне о том, что наш выход в море вряд ли остался в тайне, потому что в ожидании скорой высадки союзников, дающей французам надежду на освобождение, каждый рабочий сухого дока, официантка бара или девица из публичного дома стремились доложить о любом нашем действии англичанам.

С уходом эскорта мы поспешили вперед. Нужно было поскорее уйти под воду, ибо никто не хотел попасть под бомбардировку на поверхности. Но, кроме угрозы с воздуха, приходилось считаться с минными полями, установленными англичанами. Вопреки большому желанию погрузиться под воду, мы вынуждены были продолжать движение в надводном положении, пока лодка не достигнет большей глубины, где можно обходить мины и укрываться от глубинных бомб. Все это время нас непрерывно обстукивали импульсы радара.

— Новый импульс, курс 1-40, громкость усиливается! — доложил оператор радара по переговорной трубе.

— Проверить глубину эхолотом, докладывать постоянно, — скомандовал я с мостика в центральный пост.

— ...31... 32... 33... Нет, эта глубина не годилась для погружения, а тем самым и спасения от мин.

— Сигналы радара усиливаются, — настойчиво предупреждал голос в переговорной трубе.

— ...37... 38... 40 метров.

— Импульсы, громкость четыре! — прокричал голос снизу. -

— Тревога!

Я подождал еще несколько секунд, ожидая увидеть луч прожектора с атакующего самолета, затем нырнул в рубочный люк. Подлодка взревела, двигаясь по дуге и погружаясь правым бортом под воду, но на мелководье погружение происходило слишком медленно. Как только я мысленно отметил этот факт — ведь раньше мне никогда не приходилось погружаться под воду так близко к берегу, — раздались взрывы. Один, два, три, четыре. Они разрывали толщу воды и каждый раз били в корпус лодки с левого борта, отшвыривая ее дальше в сторону. Затем после мощного толчка лодка достигла дна на глубине 46 метров. Взрыва мин, которые могли быть здесь, не последовало. Вряд ли на таком расстоянии от порта они были вообще. Решил, что больше не буду следовать действовавшему приказу, запрещавшему погружаться под воду на глубине менее 80 метров.

В полночь «У-415» снова поднялась на поверхность в полном одиночестве, но и в ожидании появления британских самолетов. Я заметил время на светящемся циферблате своих часов, чтобы определить интервал между нашим погружением и всплытием. Через 30 минут, после того как мы прошли расстояние девять миль, три настойчивых импульса радиолокатора заставили нас снова уйти под воду. Подлодка опустилась на 55 метров, когда прогремели двенадцать взрывов, по четыре в каждой серии. Противник не экономил бомбы, он хотел добиться нашего уничтожения с гарантией.

Мы всплывали и погружались под воду снова и снова в бесконечной игре в кошки-мышки. К закату дня ушли под воду в восьмой раз, а число бомб, израсходованных на нас противником, достигло сорока.

«У-415» бесшумно двигалась под водой в направлении ко входу в пролив Ла-Манш. Вскоре наши акустические приборы засекли слабый шум гребных винтов и щелчков «асдика» далеко на западе. Группа охотников спешила в нашу сторону. Направление движения подлодки им указывала череда взрывов бомб, сброшенных самолетом. Я прилег на свою койку. Глаза были закрыты, но мозг напряженно работал. Шум винтов эсминцев вскоре можно было слышать и без наушников. Временами казалось, что охотники установили контакт со своей жертвой. Их радиолокационные буравчики непрерывно сверлили стальной корпус лодки. Но время шло, каждый час мы продвигались по две мили курсом северо-северо-запад и далеко за полдень оторвались от эсминцев. Стремительно приближался момент, когда мы могли всплыть. И дерзнули пренебречь воздушной разведкой врага, хотя биение наших сердец достигло предела. Однако мы получили возможность глотнуть свежего воздуха и зарядить жизненно важные для нас аккумуляторные батареи.

В 22.15 «У-415» всплыла на поверхность в безоблачной ночи. Я вдохнул легкими холодный воздух. С запада дул свежий бриз. В наши лица летели хлопья пены. То, что за этим последовало, было повторением минувшей ночи. Когда громкость импульсов «асдика» стала невыносимой и в небе должен был вот-вот показаться самолет, мы произвели срочное погружение. Подлодка прогибалась от взрывной волны, спотыкалась, кренилась, теряла управляемость, но затем выравнивалась, выпрямлялась и продолжала бесшумное движение, пока мы не всплывали вновь на поверхность, где еще не рассеялись трассирующие следы самолетов и выхлопные газы кораблей противника. Мы играли в эту смертельно опасную игру всю ночь, пока полностью не зарядили батареи. С наступлением дня погружение избавило нас от изматывавшего нервы риска.

Пять дней и ночей «У-415» прорывалась сквозь разрывы бомб, на шестой мы прибыли в заданный район и вновь подверглись бомбардировке.

На третий день патрулирования в сетке квадрата БФ-15 акустик доложил почти шепотом:

—Шумовая полоса прямо по левому борту.

Это было как раз то, что я хотел услышать, — глухое ритмичное биение поршневых двигателей транспортов. Часы показывали 09.15.

Судя по шуму, конвой находился на значительном удалении. Я начал свою первую атаку с команды:

—Средний вперед. Погружение на перископную глубину. Все по местам. Приготовить торпедные аппараты к бою.

Мгновенно матросы, машинисты и механики бросились на свои места в одном нижнем белье, в носках и тапочках. Я заскочил в радиорубку и надел наушники — симфония механических звуков, исходящих от гребных винтов, турбин, дизелей и поршневых двигателей, радовал слух. Меня переполняло желание остановить вращение этих чертовых винтов. Я бросил слушать нараставший шум и метнулся в рубку. Команда ждала моих приказаний.

—Перископ вверх — стоп, достаточно!

Я встал на колени перед устаревшим незнакомым прибором и прильнул к окулярам. Перед глазами расстиралось только светло-зеленое водное пространство. Внезапно меня ослепил солнечный свет, видимость морской поверхности исчезла.

—Перископ вниз. Нет, не так, слишком низко. Выше, выше — теперь пониже. Вот так...

В поле зрения перископа показались черные надстройки транспортов, которые на фоне бледно-голубого неба напоминали персонажи театра теней. Они, покачиваясь, тащились на восток стройной колонной без всякого предчувствия беды. И неудивительно — ведь они пересекли Атлантику в абсолютной безопасности. Я повернул перископ вокруг оси, чтобы проверить обстановку за спиной, и насчитал семь сторожевиков, старательно сновавших вокруг конвоя на различных дистанциях. Эта демонстрация силы означала, что действовать надо было быстро. Я опустил перископ, приказал подготовить четыре кормовых торпедных аппарата для веерного залпа, затем снова оценил ситуацию на поверхности моря. «У-415» осторожно подкрадывалась к скоплению транспортов. Разделявшая ее от конвоя дистанция постепенно, но заметно сокращалась. Черные силуэты превращались в корабли, а затем и в огромных монстров. Четыре эсминца бороздили море в непосредственной близости от нас. Я понял, что располагаю временем приблизиться к конвою на желательную дистанцию.

—Поправка на дальность. Теперь две тысячи метров. Перископ выше, еще выше, сейчас чуть пониже. Вот так...

—Новая дальность 2000 метров установлена. Цель схвачена.

—Веерный залп — товсь! Пли!

Одна за другой торпеды повыскакивали из аппаратов и устремлялись в направлении импозантного строя транспортов, эскортных, тральщиков. 58 подводников замерли, прислушиваясь к ритму биения своих сердец. Прошли две минуты — признаков поражения целей все еще не было. Я направил перископ на двигавшийся впереди конвой, почти загипнотизированный этим зрелищем. И вот — один... два... три взрыва в молниеносной последовательности. Три

грибовидных облака черного дыма взметнулись в колонне транспортов. Затем обзор закрыл огромный серый борт эскорта.

— Тревога! Погружение на глубину 150 метров.

Рулевой трижды поднял и опустил рукоятку машинного телеграфа. Мы затихли в напряженном ожидании разрывов глубинных бомб. «У-415» устремилась ко дну. Ее гребные винты яростно вращались. Только я знал о том, что случилось. Эскадрон обнаружил нас, потому что я держал перископ на поверхности слишком долго. Серийный взрыв прогрехотал сверху недалеко от рубки. Через короткие промежутки времени лодку сотрясли шесть мощных толчков. Несколько мгновений был слышен только скрежет наших горизонтальных рулей, затем новая серия взрывов швырнула лодку дальше на глубину. Главмех на несколько секунд выровнял лодку, чтобы она села на грунт ровным килем. Этот маневр навлек на нас еще одну серию взрывов. Мы слышали плеск от сбрасывавшихся в воду боезарядов, и, казалось, от них не было спасения. Прогрехотала серия из двенадцати взрывов — суший ад. Где-то сорвало клапан, и фонтан воды толщиной с руку ворвался в центральный проход. Наверху эскадры собрались вместе, чтобы добить нас — мы слышали их маневры без всяких акустических приборов. Последняя серия взрывов взяла нашу содрогавшуюся лодку в вилку. Затем дьявольски молотившие воду гребные винты возвестили о новой серии сброшенных боезарядов.

Хотя солнце скрылось за горизонтом и охотники погрузились во тьму, они продолжали швырять свои кассеты бомб. Их взрывы припечатывали нашу лодку к песчаному дну и непрерывно сотрясали ее. К 06.00 следующего утра мы находились под бомбежкой уже 18 часов. Главмеху удалось сохранить плавучесть лодки, несмотря на бесчисленные течи, повреждения, разрывы трубопроводов и клапанов, недостаток электроэнергии и сжатого воздуха. В полдень интенсивность бомбардировки не снизилась. Очевидно, британские эскадры действовали по очереди. Мы слышали, как в район нашего погружения прибывают новые корабли и продолжают свое дело со свежими силами. Наступил вечер, однако свирепые удары по нам не ослабевали. Мы давно привыкли к щелчкам импульсов «асдика» и шуму вращавшихся винтов, который то удалялся, то приближался, достигая максимальной громкости. Это были мгновения, когда сбрасывалась вниз масса картечи, когда разрывы бомб колотили ударными волнами по стальному корпусу лодки, когда замирали наши сердца, а в темном корпусе что-то вспыхивало и плескалась вода. Это были мгновения, когда мы чувствовали себя погребенными в иле. И все же мы каким-то образом оставались живыми.

Снова наступила ночь. Англичане истязали нас взрывами уже 37 часов. Они сбросили более 300 боезарядов и не собирались прекращать свою охоту. Однако в 02.15 беспорядочное движение охотников заставило нас поверить, что их терпение — а может быть, боеприпасы — иссякло. Гребные винты эскадр перестали вращаться, затем число оборотов то увеличивалось, то убывало. Через несколько бесконечных минут шум винтов эскадр, постепенно удаляясь, затих за восточным горизонтом. Тишина поразила слух своей внезапностью. Любой звук усиливался до уровня грохота взрыва: капание жидкости на палубные плиты, всплески воды в днище, кашель тяжело дышавших людей, тиканье наручных часов. Медленно, очень медленно команда освобождалась от стресса, поняв наконец, что бомбардировка кончилась.

Через час «У-415» вырвалась на поверхность к живительному источнику свежего воздуха. Я протиснулся через люк на мостик. Заработали дизели, зажужжали вентиляторы, лодка набрала скорость и понеслась в темноте на запад. Перед рассветом мы ушли под воду. Главмех удерживал двигавшуюся лодку на глубине 25 метров, давая нам возможность принять первые за два дня радиogramмы. Судя по сообщениям, Берлин, Гамбург, Ганновер вновь подверглись массированным воздушным налетам, в Италии союзники прорвали наш фронт, а Советы предприняли широкое наступление на юге России. Мы узнали также из радиogramм штаба, что, пока «У-415» находилась между жизнью и смертью, погибли три наших подлодки. «У-342» попала

под бомбежку и затонула. «У-448» и «У-515» несколько дней не отвечали на запросы штаба и, вероятно, погибли. Мы перехватили радиogramмы, адресованные другим подлодкам, которые, как предполагалось, еще оставались на плаву. Одна из радиogramм предназначалась для нас: «У-415» прекратить боевые операции, сообщить свои координаты, немедленно вернуться на базу».

Мы покорно всплыли, сообщили на базу координаты и результаты боя. Ожидая, что наша радиogramма будет перехвачена англичанами, приготовились к атакам их бомбардировщиков дальнего действия. У нас остались лишь считанные минуты, чтобы перезарядить батареи. От ее бетонного убежища в Бресте «У-415» отделяла дистанция примерно в 300 миль. Она могла покрыть это расстояние в пределах 30 часов, двигаясь в надводном положении с большой скоростью. Вместо этого мы были вынуждены возобновить свои периодические погружения.

Четверо суток мы двигались под водой, избегая самых изощренных попыток англичан потопить лодку. И в конце концов мы приблизились к скалистому берегу Бретани, всплыли в ночи, подсвеченной серпом месяца, последовав в кильватере нашего эскорта к безопасным теснинам Бреста. Около полуночи наша добрая старая лошадка заняла свое место под бетонным укрытием. Пирс был освещен слабым рассеянным светом. Лишь несколько военных чинов флотилии нашли время поприветствовать нас. Команда лодки застыла в полном молчании, когда Винтер принимал мой рапорт.

Вскоре я сидел за столом в офицерской столовой рядом со старшим офицером. Воспользовавшись паузой, спросил у него о том, что занимало меня последние пять дней:

— Герр капитан, почему штаб приказал нам вернуться? Неужели мы получим наконец свой «шнёркель»?

— Зайдете в мой офис завтра по этому вопросу, — сказал Винтер, — а сейчас ужинайте и рассказывайте мне о своем походе.

— Все время одно и то же. Постоянная потребность всплыть на поверхность и глотнуть свежего воздуха. Урвать минуту, когда «томми» тебя не видят, погружаться под воду, если они суетятся поблизости, снова вынырнуть, когда они повернутся к тебе спиной. Проблема состоит в том, чтобы найти удобный момент для реализации своего шанса.

Поглощая холодную свинину и запивая ее пивом, я рассказал Винтеру о долгой охоте англичан, из-за которой нынешний ужин мог бы и не состояться.

Когда Винтер ушел, команда «У-415» еще долго продолжала отмечать свое возвращение после успешного похода. Перед тем как уединиться в своей комнате, я посидел часок с офицерами своей лодки в баре. Отмывшись в ванне, растянулся в постели, покрытой белоснежными простынями, и скоро уснул.

ГЛАВА 20

На следующий день в 15.30 я зашел в офис Винтера. Сначала он справился о том, как устроились мои подводники. Я сказал, что о них хорошо позаботились.

— Отлично, — произнес Винтер и продолжил: — Теперь о причине вашего отзыва из похода. Как вы, вероятно, уже слышали, верховное командование ожидает в ближайшем будущем высадку союзников на континент. По всем признакам она может состояться в мае.

— Ходят разные версии о том, где они могут высадиться. Что-нибудь определенное известно об этом?

— Мне не известно. Возможно, в Норвегии. Полагают, что они могут попытаться сделать это на побережье Бискайского залива. Но вероятнее всего, проведут десантную операцию на побережье близ Гавра, здесь кратчайшее расстояние от британских портов. Во всяком случае, нам нужно сохранять бдительность и боеготовность. Ваша лодка будет немедленно отправлена в док. Допустимы лишь самые неотложные ремонтные работы. Уже через десять дней вы получите боевой приказ. К этому времени необходимо обеспечить шестичасовую боеготовность лодки. Дальнейшие указания вы получите в этом офисе от старшего офицера штабного подразделения «Запад», когда командование примет решение относительно нашего контрнаступления.

Вспомнив о беспокойстве Винтера состоянием лодки и команды, я снова закинул удочку на наболевшую тему:

— Вполне вероятно, герр капитан, что выполнение нашего будущего боевого задания потребует оснащения лодки «шнёркелем». Что-нибудь предусмотрено на этот счет?

— Пока не знаю, — ответил он уклончиво. — Просто «шнёркелей» больше не поступало. Жаль, конечно, но вам придется обойтись без него, многим другим капитанам тоже. Нам придется противодействовать высадке союзников тем, чем располагаем.

— Герр капитан, штаб должен понимать, что мы не сможем уверенно выполнять боевые задания без «шнёркелей».

— Я понимаю вас и сочувствую. Однако не имею полномочий изменить ситуацию. Хотелось бы помочь вам, но есть предел и моим возможностям.

Я покинул офис Винтера с твердой решимостью раздобыть «шнёркель» во что бы то ни стало и оснастить им «У-415» до начала десантной операции союзников. Судя по вооружению противника, которое мы наблюдали в море, его силы вторжения должны были быть столь велики, что ни одна наша подлодка не сможет быть использована в боевых целях без «шнёркеля». Меня беспокоила мысль о том, как плохо штаб представляет себе масштабы боевой мощи союзников и как мало извлекли уроков из наших ужасных потерь начальники в Берлине.

Я отвел «У-415» в сухой док и договорился об объеме ремонтных работ. Затем позвонил на верфи Лориана и Сент-Назера, чтобы справиться о наличии там запасных «шнёркелей», правда, без успеха. Их поставляли в таком мизерном количестве, что оснастили всего лишь семь подлодок, базировавшихся на Брест. Однажды для меня мелькнул луч надежды: один из инженеров дока сообщил, что видел разобранный «шнёркель» в грузовом депо вокзала Монпарнас в Париже. Однако все мои попытки приобрести и доставить в Брест необходимое оборудование утонули в море бюрократических формальностей. Постепенно я смирился с тем горьким обстоятельством, что придется снова выходить в море без «шнёркеля».

В течение нескольких дней пришли или приковыляли в бухту отдельные подлодки. Они составляли лишь часть тех, которым было приказано вернуться для отражения высадки союзников. За первые четыре месяца 1944 года было уничтожено более 55 наших лодок — около 80 процентов от вышедших в море. Мизерный тоннаж потопленных за этот период судов не оправдывал понесенных нами потерь. Само сохранение лодок должно было стать первоочередной задачей, поскольку они могли бы послужить тысячелетнему рейху, оказавшемуся в смертельной опасности.

С прибытием «У-821» тонкая струйка возвратившихся в порт подлодок иссякла. «У-311» была потоплена на обратном пути в порт, «У-392» не удалось встретиться у скал с нашим эскортом, «У-625» и «У-653» потерялись в Бискайском заливе, «У-744» и «У-603» пропали, не отправив радиogramм бедствия. В дополнение к лодкам, которые базировались на Брест и предназначенным

для укрепления нашей обороны накануне вторжения союзников, к нам были направлены 20 подлодок из Норвегии. И все без «шнёркеля». Экипажи этих подлодок не имели опыта борьбы с противолодочными средствами противника. Только две из них прибыли в порт назначения. В целом в Бресте осталось лишь 15 подлодок — семь из них оснащены «шнёркелями». А мы должны были защищать тысячелетний рейх от миллионов союзных десантников.

Май наступил в атмосфере благоухания магнолий и сирени. Слабый бриз с океана распространял их на необъятные пастбища Бретани. Когда в начале апреля я покидал побережье, теплый ветерок с юга и отдельные распутившиеся почки порождали только предчувствие прихода весны. За время моего отсутствия деревья покрылись листвой, зазеленела трава, расцвели цветы, установилась по-летнему жаркая погода.

Персонал верфей круглосуточно трудился под общей бетонной крышей, чтобы отремонтировать и оснастить оборудованием 15 подлодок для выполнения ими наиболее важного боевого задания. Торпеды, горючее и продовольствие были доставлены на пирс одновременно, чтобы сократить срок их погрузки в лодки. Наши мотористы произвели добровольно массу мелких починок, чтобы обеспечить боеготовность лодок к намеченному сроку.

В то время как спадала активность на верфях и усиливалась нервозность в штабных учреждениях базы, противник завершил свою подготовку к огромной десантной операции через пролив Ла-Манш. Он усилил воздушные налеты на порты побережья Бискайского залива, держа ежечасно нас и силы ПВО в напряжении. Каждую ночь эскадрильи самолетов союзников проносились над нашими базами, усеивая бухты и фарватеры магнитными минами. Каждый день наши тральщики выходили на поиски скрытой под водой плавучей смерти, а скалы побережья Брестской бухты отражали эхо от взрывов мин. Многочисленные эскадрильи англо-американских бомбардировщиков вторгались в небо Франции, систематически подвергая бомбардировкам ее территорию, выводя из строя шоссе и железнодорожные пути, вокзалы, склады, аэродромы, казармы, мосты, деревни и города. Они разрушали прекрасную Францию, которой до сих пор война почти не коснулась.

В один из этих солнечных зловещих дней старший офицер штабного подразделения «Запад» капитан Розинг нанес ожидавшийся визит в компаунд Первой флотилии. Он ознакомил нас с планом штаба по уничтожению десантного флота союзников. В роли гостеприимного хозяина высокопоставленного гостя и командиров подлодок

Девятой флотилии, базировавшейся на другом конце города, выступал капитан Винтер. Когда мы расселись за столом совещания, я обратил внимание на своих соратников по предстоявшей неординарной операции. Слева от меня сидел мой друг Хайн Зидер, командир «У-984». Справа — Дитер Захсе с «У-413». Кроме них здесь были Тедди Лештен, командир «У-373», Хайнц Марбах с «У-953», Бодденберг с «У-256», Ул с «У-269», Хартман с «У-441», Штарк с «У-740», Буге с «У-629», Кнакфус с «У-821», Мачулат с «У-247», Штамер с «У-354», Бекер с «У-218» и Кордес с «У-763».

Все мы были молоды, преданы делу, полны решимости выиграть сражение, к которому готовились так долго. Восемь из нас, включая меня, имели свои соображения относительно предстоявшей боевой операции. Однако адмирал Дениц не считал нужным консультироваться с теми, кому предстояло сделать невозможное — остановить десантный флот, да еще без помощи «шнёркеля».

Участники совещания приготовились слушать. Капитан Розинг пригладил на голове свою прическу с проседью, как будто выбившиеся волосы мешали ему думать. Он начал говорить только после того, как привел их в порядок.

— Господа, как вы знаете, вторжения союзников можно ожидать в любой момент. Вы должны быть готовы выйти в море в любой час. Так как нашей разведке не удалось установить точную дату

и место высадки десанта, я передам вам лишь общие указания. Мы должны быть готовы отразить десанты в любом месте. В Норвегии содержатся для этого в боеготовности 22 подлодки. Еще 22 сосредоточены на побережье Бискайского залива в портах Лориан, Сент-Назер, Ла-Палис и Бордо. Наиболее вероятно, однако, что силы вторжения просто пересекут Ла-Манш и попытаются высадиться на наш берег в 20-50 милях от портов Англии. Тогда в бой придется вступить вам. Приказ штаба лаконичен и точен: «Атаковать и топить десантные суда. В качестве последнего средства — таранить корабли противника с целью их уничтожения».

В комнате воцарилась мертвая тишина. Пятнадцать капитанов, опытных подводников, не могли поверить в то, что слышали. Это было явное безумие. Мы яростно сражались в течение нескольких месяцев поражений и потерь за то, чтобы сохранить от гибели подлодки и их команды. Теперь, когда их осталось так немного, штаб предлагает пожертвовать всем, что удалось спасти, без учета продолжения войны. Нелепо использовать подлодку в качестве торпеды. Неужели мы приобретали боевой опыт и мастерство для самоубийства? Неужели этот бессмысленный жест оправдывает нашу гибель на морском дне?

Я взял себя в руки и спросил эмиссара штаба:

— Герр капитан, значит ли это, что мы должны таранить корабли противника, даже если сохранится возможность вернуться в порт за новыми торпедами?

— Приказом предписано таранить. Вот директива, которую мне поручено довести до каждого из вас. Господа, я буду откровенным, У вас, скорее всего, не будет возможности повторить атаку. Вот почему приказано атаковать столь решительно, даже если это означает добровольное самоуничтожение.

Теперь все стало ясно. Он передал смысл и содержание приказа совершенно точно, не оставив нам ничего другого, кроме как действовать по примеру японских камикадзе. Мне пришло в голову, что этот приказ отражает понимание штабом безнадежности войны. Но я не осмеливался еще делать выводы из этого заключения.

Хайн Зидер, чья лодка была оснащена «шнёркелем», тоже позволил себе высказаться:

— Я предлагаю в этой связи, чтобы подлодки со «шнёркелями» были направлены в Ла-Манш именно сейчас, герр капитан. Нам выгоднее атаковать первыми через несколько часов после выхода десанта в море и до его высадки на наш берег.

— Мы не можем позволить себе подвергать свои подлодки опасности до начала высадки, — возразил наш гость. — Вам будет приказано выйти в море заблаговременно. Мы располагаем вдоль нашего побережья хорошей системой раннего оповещения. Детали будут доведены до вашего сведения в момент выхода из порта. Если, господа, у вас имеются еще вопросы, теперь самое время их задать.

О чем здесь было спрашивать? Нас учили выполнять приказы беспрекословно. И все же мы, 15 капитанов, обсудили в одностороннем порядке не вполне раскрытые положения приказа. И пришли к выводу, что свободны в тактических маневрах. Но если встречаем силы вторжения, то атакуем их, пока не израсходуем все торпеды, затем идем на таран.

Участники совещания покинули место сбора. Каждый уходил, одолеваемый мрачными мыслями. Я удалился в свою комнату, включил радио и попытался расслабиться в удобном кресле. Прикинул, что авангарды сил вторжения не позволят подлодкам, лишенным «шнёркелей», занять выгодные позиции в Ла-Манше, когда десантная операция уже начнется. Я был уверен, что семеро из моих друзей придут к аналогичному выводу. Только семерка подлодок, оснащенных

«шнёркелями», имела шансы на успешные атаки сил вторжения. Итак, в лучшем случае наше командование могло рассчитывать на семь подлодок в своих планах по отражению десанта через Ла-Манш. Этим людям будет противостоять — если мои оценки военно-морской мощи союзников что-то значат — флот вторжения, состоящий из тысяч транспортов, боевых кораблей и десантных судов, не говоря уже о бесчисленных самолетах, которые будут прикрывать десантную операцию. Разумеется, семь подлодок не способны остановить такую армаду. Даже надежда на то, что они смогут нанести союзникам скольконибудь значительные потери, была детской иллюзией. Если наша армия и авиация окажутся неспособными остановить вторжение на пляжах приморской полосы и сбросить десант в море, то тогда следует рассчитывать только на то, что Всемилоостивейший Господь спасет наши души и Германию.

Установка на шестичасовую боеготовность лишала экипажи 15 обреченных подлодок возможности прогуливаться по городу. Увольнительные отменили. Я позаботился о том, чтобы отвлечь моих подводников от невеселых размышлений. Автобусные прогулки, пешие экскурсии, игры и состязания заполняли их досуг. Была организована профессиональная учеба. Капитан Винтер делал все возможное, чтобы скрасить нам жизнь. Мы, капитаны, провели солнечные дни на курорте флотилии Ле-Трешер, купаясь в море, загораая, играя в шахматы и бридж с девушками из учреждений морской администрации, которые не подозревали о нашем роковом будущем. Мы больше не говорили вслух о высадке десанта союзников, но думали о ней постоянно так же, как о нашей неминуемой гибели.

Нам все напоминало о смерти, особенно приспособление для спасения нашей жизни. В один из дней мы увидели, как проходят в Брестской бухте учения подлодок, оснащенных «шнёркелями». Мы, матросы и офицеры подлодок без «шнёркелей», с черной завистью следили за маневрами своих товарищей. Когда мы наблюдали, как маленькие верхушки «шнёркелей» едва достигают до поверхности моря, оставляя за собой лишь короткий пенный след, нам казалось, что товарищи застрахованы от гибели, нас же смерть не минует.

В воскресенье 28 мая мы, 15 командиров подлодок, были приглашены в дивизию СС посмотреть своими глазами, какие принимаются меры для укрепления одного из участков обороны Атлантического вала. На грузовиках нас доставили к побережью Ла-Манша и продемонстрировали сложную военную технику, долговременные подвижные огневые точки и укрепления. Пехотные подразделения провели впечатляющие маневры, показывая различные виды техники, готовящейся к отпору десанта. Дивизию укомплектовали личным составом весьма молодого возраста. Многие солдаты были еще юношами, не достигшими 18 лет, а офицеры — не намного старше. Тем не менее нам показалось, что армия, люфтваффе и СС были способны подавить десантную операцию в зародыше. Мы вернулись в Брест более спокойными за судьбу нашей обороны.

Ночью мы зарегистрировали семь вторжений одного и того же самолета противника в небо над Брестской бухтой. На следующее утро, 29 мая, адъютант командующего базой передал указание, чтобы все подлодки оставались на своих стоянках в бункерах до дальнейшего уведомления.

— «Томми» сбросили одну из своих мин как раз перед бункером, — пояснил он мне. — Зенитчик на крыше одного из наших зданий заметил место ее падения. Наши тральщики займутся этим. К наступлению ночи бухта будет очищена.

— Ох уж эти «томми»! — воскликнул я в негодовании. — Скоро они будут подкладывать свои подарки нам в постель.

Адъютант, конечно, понял, что я имел в виду.

Остаток дня два тральщика вертелись во внутренней бухте у подходов к бункеру, где попали в западню 15 подлодок. Однако они не обнаружили мины. К вечеру поиски прекратились и бухта была открыта для передвижения кораблей. Вопрос был исчерпан: зенитчик оказался жертвой психоза, которому поддались мы все.

Дни напряженного ожидания перемежались с бессонными ночами. Все свидетельствовало о приближении дня высадки союзников — участвовавшие воздушные налеты, активизация французского подполья, рост антипатии к нам со стороны местного населения, агрессивность пропаганды на немецком языке британской радиостанции «Кале», максимальная высота прилива в начале июня. 4 июня, когда британская эскадрилья из четырех «либерейторов» сделала заход со стороны солнца с целью бомбардировки и уничтожения наших подлодок, защищенных бетонным навесом, я понял, что час нашей последней битвы очень близок.

И вот наступило пятое число. В ранние утренние часы, когда щебетание птиц еще не умолкло под воздействием жары, я вывел подводников на прогулку. Мы прошли строем по окрестностям Бреста с бодрой песней, которая будила еще спавших французов. Семикилометровая экскурсия понравилась моим ребятам, она отвлекла их от служебных будней.

После полудня я оставил команду на попечение своих офицеров и отправился в город с Хайном Зидером, капитаном «У-984». Около 18.00 мы заглянули в офис, чтобы узнать что-нибудь о десанте союзников. Поскольку ничего нового нам не сообщили, мы решили отведать на ужин аппетитные блюда в городе вместо тощих бутербродов, подаваемых в баре флотилии. Зашли в один из своих любимых ресторанов, заказали два больших омара и запеченные улитки на закуску. Зидер и я наслаждались классическим бретонским ужином, но были лишены возможности пообщаться с хорошенькими девушками, которые в последнее время стали чересчур застенчивыми и несговорчивыми. Я вспомнил Маргариту из Сент-Дени и с горечью подумал о том, что больше никогда не увижу ее в Париже.

Когда мы вернулись в компаунд базы, он был погружен в темноту и тишину. Везде был погашен свет, его обитатели, казалось, спали. Бодрствовали только ночная вахта и дежурные радисты.

Среди ночи я был разбужен шумом от ударов кулаков, колотивших в мою дверь. Дневальный срывающимся от волнения голосом кричал:

—Тревога, союзники наступают, тревога! Через секунду я оказался у двери:

—Где они высадились?

—В Нормандии, высадка в полном разгаре!

Он побежал дальше будить моих друзей.

Я включил свет и взглянул на часы. Они показывали 03.47 — 6 июня 1944 года, С досады подумалось: пока союзники садились на корабли и десантные суда, прогревали двигатели своих истребителей и бомбардировщиков, пересекали Ла-Манш, чтобы нанести нам воздушный удар, мы безмятежно спали на белоснежных простынях в 200 милях от места, где должны бы сейчас находиться.

В возбужденном состоянии я натянул на себя военную форму и не стал бриться. Дело оставалось за малым. Я неторопливо собрал свои вещи, аккуратно сложил их и положил в шкаф. Засунул в грудной карман моей зеленой форменки зубную щетку и тюбик пасты. Надел китель и закрыл комнату. Спустился вниз по лестнице и, выйдя из здания, отправился в бетонный бункер. Мой час настал. Я больше не вернусь.

Когда я пересек сходи, команда моей лодки уже выстроилась на палубе для переклички. Старпом доложил:

—Герр обер-лейтенант, команда в сборе. Подлодка к походу готова. Я приподнял

козырек своей фуражки и осмотрел шеренгу подводников:

—Вольно, ребята. Вы знаете, что противник уже высадился на наш берег или высаживается сейчас. Помешать ему мы больше не можем. Но в наших силах пресечь новые поставки оружия и подкрепления высадившимся десантникам. Мы сделаем все возможное. Приготовьтесь к выходу в море. Все по местам.

Не было необходимости говорить им всю правду. Что касается моей команды, то для нее этот поход должен был быть таким, как обычно.

Я шагал по палубе, ожидая сигнала к выходу в море. Рядом стояла «У-629», которой командовал Буге. С ним я опустошил немало бутылок вина в Ле-Трешер, когда мы попадали в полосу беззаботной жизни и развлечений. Хотя от последнего боя нас отделяло лишь несколько часов, мы обменялись тем не менее улыбками и добрыми пожеланиями. Затем я продолжил вышагивать по палубе. Уходили минуты. Прошел час. Наконец медленно миновала ночь.

Когда над побережьем Нормандии забрезжил новый день, крупнейшая из всех десантных операций шла полным ходом. Огромный флот — свыше четырех тысяч десантных судов с 30 дивизиями союзников на борту, 800 эсминцев, крейсеров, линкоров, боевых кораблей других классов — приближался к побережью Европы, которое подверглось огневому налету десятью тысячами самолетов противника. Дивизии парашютистов сыпались с неба за оборонительными линиями наших войск, а бесчисленные планы высадили там солдат, танки, пушки и боеприпасы.

Пока французская земля содрогалась от взрывов миллионов бомб и гранат, пока первые волны десантников уничтожались концентрированным огнем оборонявшихся, пока только несколько сотен наших самолетов поднимались в небо, а сопротивление нашей пехоты и боевой техники медленно ослабевало под ударами с воздуха и моря, — 15 подлодок простаивали в ожидании под навесом бетонного убежища в Бресте, еще 21 подлодка удерживалась в портах на побережье Бискайского залива и 22 остальные оставались в безопасности в фиордах Норвегии.

В 10.00 приказа к выходу в море все еще не поступило. Командование не проронило ни слова. Наши парни вынесли на палубу радиоприемник, чтобы послушать новости. Сообщалось о героическом сопротивлении наших армий и о том, как они сбрасывали десантников обратно в море. Звучали фанфары и военные марши, призванные внушить населению, что величайшая битва обязательно завершится нашей полной победой. Команды 15 подлодок, приведенные в состояние наивысшей боевой готовности, приветствовали эти новости и отбивали на палубе чечетку в такт военной музыке.

Теперь приказы отдавались и отменялись в течение нескольких минут. Постепенно смятение возрастало. Подлодки в полдень все еще стояли у пирса. Слухи и ложные тревоги следовали друг за другом как молодые бычки во время панического бегства.

В 14.40 нам, 15 капитанам, было приказано явиться в офис Винтера. Стояла мертвая тишина, когда Винтер вручал каждому из нас приказ в запечатанном конверте. Я вскрыл свой голубой конверт, развернул листок бумаги красного цвета, которая содержала запоздалые указания Льва, Всмотриваясь в строку телетайпа, я похолодел. Буквы напоздали одна на другую. Я все прочел: «У-415» выйти в море в полночь и следовать в надводном положении на полных оборотах к

побережью Великобритании между мысом Лазард и пунктом Хартланд. Атакуйте и уничтожайте транспорты противника».

Приказ был еще более безумным, чем тот, что поступил из штаба ранее. Он требовал от меня и семерых моих друзей, тех, чьи лодки не были оснащены «шнёркелями», оставаться на поверхности моря и следовать без всякой защиты к южному побережью Британских островов в то время, когда небо почернело от тысячи самолетов, а море кишело сотнями эсминцев и сторожевых кораблей. Совершенно очевидно, что нам не удалось бы спастись от гибели до того момента, когда представилась бы возможность таранить транспорты в британских портах.

Семи подлодкам, оснащенным «шнёркелями», повезло больше. Им было приказано следовать в погруженном состоянии в район, где происходило вторжение союзников. Медленное продвижение под водой отчасти отсрочивало их неизбежную гибель.

Капитан Винтер ходил бледным и угрюмым. Он крепко пожал руки командирам, с которыми подружился. Он сделал все, что мог, чтобы наши последние дни на суше были сколько-нибудь приятными и содержательными. Большого сделать он был не в состоянии.

ГЛАВА 21

Часы показывали пять с лишним вечера, когда я вернулся в бетонный бункер. Радио не было слышно. Зато огромный бетонный свод резонировал мелодии песен 800 подводников, отчаянно стремившихся выйти в море на борьбу с врагом, даже если это означало неизбежную гибель. В 21.00, когда на поля сражений в Нормандии опустилась ночь, 15 подлодок вышли в бухту. Ночь была ясной. В еще светлом небе слабо мерцали звезды. Вскоре должна была взойти полная луна, чтобы осветить нам путь в Атлантику.

21.30. Семь подлодок, оснащенных «шнёркелями», ушли под воду в Брестской бухте и стали исчезать одна за другой с интервалом в пять-десять минут. Их отход остался незамеченным самолетом противника, делавшим виражи неподалеку от берега и готовым нанести удар по всему, что движется на поверхности моря. Пока подлодки двигались под водой в кильватерном строю через узкий проход из бухты к Ла-Маншу, мы, менее привилегированные, расположились рядом с эскортом, ожидая, когда поднимется огромный красный круг луны и покажет нам путь.

22.30. Корабли береговой охраны начали движение к устью бухты. Как только они вышли на оперативный простор, закашляли наши дизели и черные силуэты восьми подлодок последовали в кильватерном строю за тральщиком. Первой шла «У-441» под командованием капитана Хартмана. Как старший по званию среди нас, он принял роль лидера. За кормой его лодки следовала «У-413» Захсе. Далее в строю двигалась «У-373» Тедди Лештена. За ней «У-740» Штарка, «У-629» Бугса, «У-821» Кнакфу-са, ведомая мною «У-415» и замыкавшая строй «У-256» Бодденберга. На юго-востоке поднялась над горизонтом полная луна. Она висела на небе как гигантский фонарь, освещавший длинный строй подлодок и отчетливо отражавшийся в безмятежном море. Вопреки правилам, все подводники надели свои желтые спасательные жилеты. Мостик лодки был завален грудami боеприпасов, рубка превратилась в арсенал. Расчеты зенитчиков дежурили у своих пушек в напряженном ожидании первого самолета противника. Я находился на своем месте, стараясь держать лодку строго в кильватере «У-821» и сохранять дистанцию в 300 метров от нее.

23.10. Первые радиолокационные импульсы были засечены нашими «бугом» и «флайем», как только берег исчез из вида. Рапорт снизу: «Шесть импульсов спереди, быстро усиливаются!» — вызвал беспокойство у подводников на мостике.

Все навестили уши по ветру, стремились заглянуть подальше. Я озирался вокруг бронированного ограждения мостика, однако даже при ярком лунном свете не обнаружил ни одного крылатого монстра.

23.20. Головная часть нашего строя вышла в открытое море. В присутствии эскорта восемь подлодок продвинулись дальше в район противолодочной обороны противника, разрезая серебристую поверхность моря. Не прекращались визг усиливавшихся радиолокационных импульсов и поток предупреждений о опасности снизу.

23.40. Внезапно слева по курсу в пяти милях впереди вспыхнул фейерверк. Нас предупредили, что несколько наших эсминцев совершали переход из Лориана в Брест. Мы не должны были принимать их за британские корабли. Я сфокусировал свой бинокль на место вспышки и увидел, как семь эсминцев отражают атаки с воздуха в траверзном строю. Обе стороны обменивались тысячами трассирующих пуль и снарядов, над нашими кораблями висели осветительные ракеты, добавляя свой яркий белый свет к желтому сиянию луны. По мере нашего приближения шум боя усиливался. Надрывались зенитки, выли авиационные моторы. «Томми», заметив наше приближение, прекратили свои яростные атаки, опасаясь попасть под перекрестный огонь эсминцев и подлодок. Эсминцы понеслись на восток мимо нашего длинного строя тральщиков, которые, воспользовавшись шансом вернуться в порт под надежной защитой, покинули наш строй и поспешили встать в кильватер эсминцам. Их неожиданный маневр оставил восемь подлодок на милость британской авиации. В этот момент все они действовали согласованно. Я командовал:

— Увеличить обороты втрое, полный вперед. Стрельба по целям без предупреждения.

7 июня. В 00.35 наши подлодки продолжали двигаться на максимальной скорости в Атлантику. Покашливали дизели, вырывались наружу отработанные газы, импульсы «асдика» беспрерывно барабанили по корпусу. Я поймал себя на том, что постоянно гляжу на часы, словно они могли сказать, когда лодка получит роковой удар.

00.30. Импульсы «асдика» быстро меняли свою силу от протяжного стога до пронзительного визга. Очевидно, «томми» патрулировали небо на разных дистанциях от нашей процессии. Они, должно быть, полагали, что мы спятели. Иногда я слышал рев авиационных моторов на довольно близком расстоянии, но обнаружить самолет не мог. Стрелки часов медленно ползли по циферблату. Англичане, видимо, ждали подкрепления. Наше зрение обострилось, а сердца учащенно бились в предчувствии воздушного налета.

01.12. Бой начался. Внезапно были атакованы головные подлодки. В разных направлениях полетели трассирующие пули, затем послышался бой зениток. В небо взметнулись фонтаны воды.

01.17. Загорелся один из самолетов противника. Он вспыхнул как комета, пронесся над головной лодкой, сбросил четыре бомбы и рухнул в океан. От взрывов бомб потеряла управление «У-413» Захсе. Ее вертикальный руль левого борта заклинило, лодка выбилась из строя. Она быстро потеряла скорость и скрылась под поверхностью океана.

01.25. Самолет сделал заход на очередную атаку, вновь нацеливаясь на головные лодки. Три подлодки, ярко освещенные осветительными ракетами, вели плотный огонь и держали самолеты на расстоянии. Разгорелся впечатляющий фейерверк, поглотивший и самолет и лодки. Неожиданно «томми» улетели. Радиолокационные импульсы показывали, что они кружат вокруг нашего строя, готовя новую атаку. Я поднялся над ограждением мостика, силясь увидеть или хотя бы услышать летящие самолеты.

01.45. Целью новой британской атаки стала подлодка, следовавшая в конце строя за нашей кормой. Четырехмоторный «либерейтор» сделал заход с правого борта и, спикировав на носовую

часть «У-256», попытался провести ковровую бомбардировку нашего строя с тыла. Зенитные расчеты лодки Бодденберга открыли огонь. Однако самолет сделал вираж и ушел из зоны огня. Тогда наступил наш шанс.

— Огонь! — скомандовал я.

Пять зенитных стволов — все, чем мы располагали, — ударили по «либерейтору», пока он сбрасывал свои бомбы перед «У-256», проносясь мимо нас. Четыре гигантских водяных столба взметнулись в небо вслед за изрешеченным пулями самолетом, пытавшимся укрыться от нашего огня. Однако наша 37-миллиметровая зенитка не промахнулась. Самолет взорвался и упал в воду.

«У-256», поврежденная сброшенными бомбами, потеряла ход и беспомощно замерла за нашей кормой, медленно выпадая из общего строя. Мы видели ее в последний раз. Сознавая, что выход из строя «У-256» сделал нас первоочередной мишенью в случае атаки с хвоста колонны, я приказал поднести к зениткам больше боеприпасов. Импульсы резко возросли. Однако некоторое время англичане не предпринимали атак.

02.20. Теперь импульсы пошли с правого борта. Неожиданно из ночной темноты справа выскочил «сандерлэнд».

— Самолет с правого борта, высота 40 метров, огонь! — выкрикнул я.

Последовали короткие очереди из наших спаренных 20-миллиметровых пушек. Пилот, однако, умело повел машину прямо над нами вне пределов досягаемости нашего огня и сбросил четыре бомбы. Одновременно нас атаковал по пеленгу 90 с правого борта «либерейтор», ведя огонь из всех стволов. Через мгновение у середины лодки прогремели четыре взрыва. Они подняли «У-415» из воды и повалили наших моряков на палубные плиты. Затем лодка снова опустилась в воду, и на нее обрушились тонны поднятой взрывами воды, прорвавшейся в рубочный люк. На этом все закончилось. Оба дизеля вышли из строя. Заклинило правый горизонтальный руль. «У-415» пошла по дуге, постепенно теряя скорость. Над нами с правого борта висела осветительная ракета, предательски высвечивая погибавшую лодку. Она беспомощно качалась на волнах. Из ее разорванной цистерны вытекало горючее. «У-415» превратилась в неподвижную цель, которую можно было без труда уничтожить.

В замешательстве я взглянул через рубочный люк в темное пространство корпуса. Казалось, что всякая жизнь там остановилась. Меня охватила тревога. Лодка могла потонуть в любой момент, поэтому я скомандовал:

— Все на палубу! Приготовить спасательные шлюпки и круги!

В ответ не прозвучало ни звука. Должно быть, обитатели прочного корпуса были оглушены взрывами. Прошли бесконечно долгие секунды. В отдалении жужжали самолеты, готовившиеся к новой атаке. Она должна была стать роковой. Неожиданно по трапу стали подниматься подводники, очнувшиеся от шока. Они рвались к свежему воздуху, швыряя на мостик резиновые спасательные пояса. Мы начали готовить спасательные шлюпки. Тем временем зенитчики наводили стволы пушек на невидимые самолеты, кружившие над беспомощной добычей. Скоротечность атаки и серьезные повреждения не позволили нам послать сигнал бедствия. «Это, — подумал я мрачно, — судьба многих моих погибших друзей — безмолвная и негласная смерть».

«У-415» ожидала последнего удара. Поскольку лодка вроде бы не собиралась тонуть, я приказал подводникам, чтобы они укрылись за рубкой и прекратили спуск шлюпок. Я был полон решимости оставаться на борту до тех пор, пока лодка держится на плаву, и отстреливаться до тех

пор, пока остаются боеприпасы и артиллеристы способны вести огонь из зениток. Оказалось, однако, что нам не суждено было погибнуть без оповещения. Радисту удалось наладить радиопередатчик и послать в штаб радиограмму о катастрофе.

02.28. Усилившийся рев авиамооторов возвестил о новой атаке. Еще один «сандерлэнд» зашел с правого борта, ведя яростный огонь. Проносясь над нашим мостиком, он сбросил кассету бомб из четырех боезарядов. Оглушительные взрывы отбросили лодку в сторону. Слева нас атаковал на бреющем полете «либерейтор». Наши расчеты на спаренных 20-миллиметровых зенитных установках сразу же открыли огонь по кабине, быстро опустошив магазины. Черный монстр пронесся над мостиком, сбросил четыре боезаряда, затем умчался, дыхнув отработанными газами в наши лица. Когда подлодку отбросило влево и четыре водяных столба поднялись высоко в небо рядом со срединными цистернами по правому борту, зенитчик из 38-миллиметровой автоматической пушки всадил серию боевых зарядов в фюзеляж бомбардировщика. I Самолет, объятый пламенем, рухнул в море. Рев двигателей «сандерлэнда» замер вдали.

Затем все смолкло. Рядом с лодкой все еще светилось на поверхности небольшое пламя. «У-415» погибала, но все еще держалась на плаву. «Флай» и «буг» вышли из строя, мы остались без средств предупреждения. Мостик был продырявлен снарядами. Разрывом снаряда убило зенитчика. Многие были ранены. От боли стонал старпом, спину которого сильно иссекли осколки. После боя я почувствовал жар. Полагая, что с меня стекает пот, провел по воспаленным глазам тыльной стороной ладони. Когда она окрасилась в красный цвет, я понял, что по лицу струится кровь. Белая фуражка была продырявлена крохотными осколками, как сито, некоторые из них поранили мне голову.

Затем я услышал снизу голос главмеха:

— Лодка набирает воду через камбуз и носовые клапаны. Сильная течь в радиорубке. Постараюсь устранить, если вы сумеете отогнать самолеты.

— Ты сможешь заставить ее погружаться? — спросил я.

— Ничего не обещаю. У нас нет электроэнергии. Но сделаю все, что возможно.

Я спустился на скользкую палубу. Она раскололась в нескольких местах под действием снарядов, которые ударились в доски, прежде чем отскочить в воду и разорваться. Один из бомбовых контейнеров попал в центральную цистерну с правого борта и оставил на нем глубокую вмятину. Хуже было то, что кормовые цистерны балласта с правого борта разорвало. Горючее вытекало из них мощной струей, быстро растекаясь по поверхности моря.

С каждой минутой опасность нового налета нарастала. Подлодка слабо качалась на океанских волнах, парализованная и почти мертвая. Следующие 20 или 30 минут должны были привести к финалу. С биением сердца мы ожидали либо новой атаки, либо смерти в глубинах моря.

Неожиданно прозвучал хриплый голос главмеха:

— Лодка готова к погружению на ограниченную глубину, не больше чем на 20 метров. Только один мотор способен дать 80 оборотов.

— Ты сможешь удержать ее на этой глубине или лодка пойдет на дно?

— Не знаю, но могу попробовать.

Я решил рискнуть. Находившиеся наверху подводники быстро спустились через круглый люк в свой стальной гроб. Я увидел, как палуба постепенно уходила под воду, и захлопнул крышку люка. Через несколько секунд вода поглотила «У-415».

Внутри корпус выглядел так, как будто по нему пронесся ураган. В мерцании аварийного освещения прошел по палубе, усеянной патрубками, трубопроводами, проводами, битым стеклом, вентилями, койками и столами. Вода хлестала через пробоины в радиорубке, клапаны в носовой части и камбузе. Оба баллера руля были погнуты, причем с правого борта настолько сильно, что руль не мог проворачиваться. Передний комплект аккумуляторных батарей треснул, и отсек заполнил электролит. Радиорубка была разгромлена, гирокомпас разбит. Глубиномер выведен из строя, электрические и дизельные компрессоры разрушены, сломаны оба перископа, дизель правого борта сорван с основания, а главная помпа на центрифуге разбита. Поскольку механическое управление вертикальными и горизонтальными рулями заклинило, я приказал управлять ими вручную.

Плавное бесшумное движение. Слышно лишь легкое жужжание одного электромотора и приглушенный лязг инструментов. Медленно освобождаются от страшного напряжения душа и тело. Несколько часов мы двигались вперед, я управлял лодкой, а главмех наблюдал за ремонтными работами. Мы двигались почти вслепую, полагаясь только на неточный магнитный компас, постоянно готовые к тому, что лодка упадет на дно.

10.27. Внезапно на глубине 27 метров лодка испытала мощный толчок. За ним последовали еще два. Мы наскочили на рифы у побережья Бретани. Ситуация складывалась критически, поскольку я не мог сориентироваться по перископу.

— Право руля. Продуть цистерну плавучести три. Курс 2-70.

Снова толчки — один, другой, затем пронзительный звук. Резко дернулась железная бочка и отлетела метров на пятнадцать. Лязгающие звуки: один, два, три, затем чудовищный скрежет — лодка столкнулась с подводным препятствием еще раз. Сила толчка почти выбросила ее на поверхность, где бы мы продержались лишь несколько минут. Затем «У-415» медленно повернулась курсом на запад. И мне показалось, что нас унесет от опасных рифов.

10.45. Главмех выбрался из рубки и сообщил, что перископ исправлен. Я подошел к нему. Когда в окулярах перископа показалась поверхность моря, я с изумлением увидел, что нас окружают серые скалы. На вершине одной из них к северо-востоку мигал маяк Кессана. Оказывается, мы оказались в струе течения, которое несло нас прямо на скалы. Придя в себя от шокирующего зрелища, я крикнул:

— Главмех, какова скорость вращения баллера левого борта?

— 120 оборотов.

— Доведи ее до 150, или мы разобьемся о скалы.

Через перископ я увидел эскадрилью самолетов, летевших на низкой высоте, затем направил его на маяк, чтобы проверить, как мы справляемся с течением. Прогресса не было. Я снова крикнул:

— Главмех, добавь еще 50 оборотов.

— Это опасно, электромотор может сечь, — услышал я в ответ.

— Плевать! Дай мне хоть 200 оборотов — лодка должна идти быстрее.

Вскоре я почувствовал сильную вибрацию. Поймал в фокус перископа одну из опасных скал. Лодка уже подходила к ней, но теперь стала медленно выползать из западни. Через 40 минут мы обогнули крайний риф на западе, и я с облегчением обтер вспотевшую шею. Когда начался отлив, я повернул лодку на прежний курс к югу и приказал сбавить вращение баллера до безопасных 100 оборотов.

13.00. Старпом передал тревожную весть о том, что меньше чем через два часа у нас иссякнет электроэнергия. Если это так, то мы должны срочно покинуть лодку. Однако мне не хотелось бросать ее. Я надеялся добраться до места встречи с нашим эскортом дерзким рывком в надводном положении.

13.30. Лодка движется на перископной глубине. Небо патрулируют самолеты звеньями по четыре-шесть машин. Земли не видно.

13.45. Движение продолжается. Эскадрилья двухмоторных самолетов проносится в миле от нас к северу, едва не задевая поверхность моря.

13.58. С востока появились два «либерейтора». Я убрал перископ и подождал, когда они удалятся.

14.10. Перископ снова над поверхностью. Я убедился, что мы приближались к скалам у оконечности Брестской бухты, и развернул перископ, чтобы проконтролировать обстановку. Со стороны кормы появились три двухмоторных самолета. Я опустил перископ так быстро, как только позволяло подъемное устройство.

14.18. Голубое небо свободно от самолетов. Настал наш час совершить рывок к месту встречи с эскортом и передать радиogramму с запросом помощи.

14.20. Лодка всплыла на поверхность. Когда я вышел на мостик, то чуть не ослеп от солнечных лучей. Закашлял единственный дизель, и измученная подлодка стала медленно набирать скорость. Я нервно следил за небом, а радист в это время настраивал передатчик, чтобы послать радиogramму с просьбой о воздушном прикрытии. Затем последовали бесконечные минуты пребывания в одиночестве на мостике. Лодка ковыляла по контролировавшейся противником зоне, оставляя за собой густой шлейф горючего. Небо необъяснимым образом оставалось свободным от самолетов. Через несколько минут мы достигли условленного места встречи с эскадрами. Я повернул лодку на восток, чтобы сократить расстояние до берега. Однако щадящий режим, позволявший нам держаться на поверхности, кончился: за кормой из-за горизонта появились пять двухмоторных самолетов. Мы мгновенно ушли под воду.

Катастрофа. Лодка, лишенная электроэнергии, вышла из-под контроля, пошла вниз с дифферентом на нос и опустилась на дно на глубине 42 метра после мощного толчка. Через несколько секунд прогрехотали разрывы глубинных бомб. В лодку хлынула вода, залила палубные плиты и заполнила днище. Возникла опасность заполнения водой кормового отсека аккумуляторных батарей. Вода сильно утяжелила «У-415». Если противник заставит нас находиться под водой слишком долго, мы уже не сумеем подняться со дна моря.

19.35. От воды закоротило электропривод к нашей единственной действовавшей помпе. Шансы всплыть быстро уменьшились. В корпусе лодки стало тихо, как в гробнице. Слышалось только, как капает сверху вода. Я задернул зеленую занавеску у своей койки и стал обдумывать, как выйти из положения.

23.00. Помощь с базы могла прийти в любую минуту, если только наш радиосигнал был принят. Я приказал включить акустические приборы, но акустик услышал только шум нашей собственной подлодки.

01.00. Сигналов с востока, где находился порт и откуда должна была прийти помощь, нет. Я рискнул подождать еще два часа, а затем попытаться пройти в бухту самостоятельно.

01.50.

— Прямо по курсу слышу слабый шум гребных винтов, — прозвучал наэлектризовавший меня голос акустика.

Я зашел к нему, надел наушники. Шум от эскортов стал слабеть и скоро умолк. Я физически ощущал на своей спине тонны воды, давившие на нашу лодку. Может, эскорты остановились? Или мы передали неточные координаты? А может, их атаковали самолетами и корабли вернулись в порт?

23.07. Вновь послышался шум и стал постепенно постепенно усиливаться. Стал различаться звук вращающихся винтов. Действовать нужно было быстро, или эскорты повернут назад, никого не обнаружив.

23.08

— Продуть весь балласт.

В цистерны ворвался сжатый воздух, однако «У-415» оставалась неподвижной. 03.09.

— Прекратить продувку цистерн один-три, все на корму. Лодка

по-прежнему не двигалась. 03.10.

— Все в носовой отсек. Продуть все цистерны! — скомандовал я. 03.П.

— Все — на корму... — продолжал командовать я, покрывшись холодным потом. 03.12.

— Все в носовой отсек, быстрее, ребята, быстрее! Сжатый воздух кончился. 03.13.

— Снова все на корму!

Лодка начала осторожно покачиваться. Она кренилась, дрожала, но поднималась все выше и выше, спасая саму себя. У самой поверхности она в последний раз вздрогнула, вырвалась наружу и застыла в полной неподвижности.

Я открыл крышку люка и выскочил в темноту. Перед нами двигались две тени. Я просигналил фонарем, оповестив, что мы в аварийном состоянии и можем двигаться только со скоростью 5 узлов. Немедленно один из эскортов пристроился к нам в кильватер. Так, между двумя кораблями, «У-415» начала медленное движение к порту.

04.45. С трудом маневрируя на одном дизеле, я вел лодку в освещенный квадрат в бетонном укрытии, где на пирсе нас ожидало несколько темных фигур. Нос отпрянул, уткнувшись в бетонную стену, однако швартовы, уже закрепленные на кнехтах, удержали лодку на месте.

Через минуту были перекинuty сходни. Капитан Винтер бросился на борт лодки и крепко пожал мне руку. Он был явно растроган.

— Рад видеть вас и команду. Вам следует хорошо помыться и почиститься, выглядите как пират. Отсылайте парней по комнатам, пусть отдыхают. Увидимся, как только будете готовы ко встрече.

Он повернулся к моим подводникам, отдал честь и затем вернулся на пирс.

Когда я вышел из лодки, то увидел Захсе и Бодденберга, которые вернулись в порт предыдущей ночью. Их лодки были отбуксированы в Брест эскортами, шедшими за эсминцами, перед тем как нашу колонну атаковали самолеты противника.

Я потащился на холм и вышел в свою комнату, искренне поблагодарив свою счастливую звезду. Мне казалось, что «У-415» совершила свой последний поход. Она была так изувечена, что трудно было надеяться на ее возвращение в строй. Теперь командованию придется предоставить мне новую лодку, оснащенную «шнёркелем». Утешившись этим, я принял душ, смыл с себя кровь и пот, завернулся в белые простыни и погрузился в глубокий сон.

В полдень меня разбудила острая боль. Голова ныла от ран, нанесенных шрапнелью. Боль пронзала и все тело в ритме ударов сердца. Яркое солнце слепило глаза. Закончив мучительный процесс одевания, я с трудом добрался до госпиталя, расположенного от нашего жилого корпуса через два здания.

Молодой врач осмотрел раны и сказал:

— Мне придется побрить вам голову.

Я стал возражать, и врач согласился выбрить лишь отдельные участки на моей голове. Он заморозил мой скальп, затем ковырял, резал и сшивал кожу почти час перед тем, как меня отпустить. Оправившись от боли, я навестил раненых старпома и стрелка-зенитчика. За обоими хорошо смотрели. Они быстро выздоравливали и попросили меня не искать для них замену.

Вскоре я выяснил, что вторжение союзников в Нормандию продолжается. Американские десанты на пляжи полуострова Котенин и британские близ Байо еще можно было сбросить в море. Наши оборонительные линии понесли серьезные потери, но не были прорваны. Между тем жалкие остатки германского подводного флота получили еще один сокрушительный удар. В месяц, предшествовавший шести дням июня, было потоплено 25 наших подлодок. Общее число потерь возросло до невероятной цифры — 440 судов. У нас осталось только 60 подлодок для отражения десанта. Большинство из них базировалось в портах побережья Норвегии и Бискайского залива. Участвовали в операциях против десанта союзников только 15 подлодок, вышедших из Бреста. Из восьми, отправленных на самоубийство без «шнёркелей», навсегда пропало пять, три спасшихся — «У-415», «У-413» и «У-256» — только случайно избежали гибели. В результате тяжелых потерь командование отменило безумный приказ передвигаться в надводном положении и таранить корабли неприятеля. Благодаря этому был отсрочен окончательный разгром германского подводного флота. Что касается семи подлодок, оснащенных «шнёркелями», которые вместе с нами ушли из Брестской бухты 6 июня, их судьба пока оставалась неизвестной. Пять других лодок со «шнёркелями» были направлены в Ла-Манш из Атлантики, чтобы компенсировать наши потери, но только две прибыли туда. Таким образом, в первую фазу вторжения союзников мы потеряли минимум 12 подлодок.

«У-415» поместили в сухой док. Практически все в ней нуждалось в укреплении и замене, от сильно деформированного корпуса до двух пришедших в негодность баллеров рулей. Главмех определил около 500 серьезных поломок, однако этот перечень был сокращен до 55 из-за нехватки запасных деталей и времени. Каждую лодку отправляли в море как можно скорее, даже если она не совсем была пригодна к бою. «У-415» со всеми ее бедами должны были за две недели каким-то образом отремонтировать.

Пока продолжались ремонтные работы, я продолжал требовать установления «шнёркеля» на мою подлодку, однако все требования постоянно отклонялись под тем предлогом, что наши эшелоны с техникой не могли добраться в Брест из-за диверсий французских подпольщиков. В отчаянии я попытался нанять грузовик, чтобы отправиться за «шнёркелем» самому, но мне не разрешили идти на риск трансконтинентальной поездки. Дефицит в самом обычном оборудовании и запчастях был настолько велик, что пришлось разобрать на части «У-256» для переоснащения «У-413» и «У-415». Бодденберга, командира «У-265», и его команду отправили на родину для получения новых назначений.

С отъездом Бодденберга мы с Захсе остались последними капитанами подлодок в Бресте. Мы понимали, что люди, отдававшие нам приказы, утратили чувство, реальности и даже здравый смысл. Но нас научили выполнять приказы, разумные и не очень, и поэтому были обречены на гибель вместе с «У-415» и «У-413». Мы никогда не оглашали свои тайные мысли, никогда не упоминали в разговорах друг с другом о возможности неизбежной и бессмысленной смерти, а старались сосредоточиться на выполнении своих обязанностей, слушая с возрастающей тревогой новости из Нормандии, в том числе официальные сообщения верховного командования вермахта и более точные свидетельства с полей сражений к северу от нас.

В течение второй и третьей недели вторжения англоамериканские войска постепенно закрепились на полуострове Котенин, затем прорвали наш фронт на двух участках и начали наступление на запад. Однако на фронт бросили новые немецкие дивизии, и мы еще надеялись, что он будет удержан. В это же время положение наших подводных сил продолжало ухудшаться. «У-247» со «шнёркелем» серьезно пострадала от бомбардировок эсминцев и была вынуждена вернуться в порт до того, как вышла в Ла-Манш. «У-269», другая подлодка со «шнёркелем» под командованием Ула, была потоплена близ южного побережья Англии. Пять подлодок, оснащенных этими приборами, вышедшие наконец из норвежских портов, были потоплены одна за другой через короткие промежутки времени. К 30 июня операции наших подлодок, начавшиеся во время вторжения союзников, завершились полным провалом. Мы потопили всего пять союзных транспортов и два эсминца, а потеряли 22 подлодки.

В последние дни июня командование преподнесло мне неприятный сюрприз. На борт подлодки прибыли три молодых, неопытных офицера, чтобы заменить наших ветеранов. Новички должны были пойти с нами в свой первый и, скорее всего, роковой поход. Команда встретила их с нескрываемым скептицизмом. Уход опытных офицеров создал вакуум в управлении лодкой, который заполнить мог только я один. 30 июня «У-415» уже была признана пригодной для нового похода.

Накануне выхода в море я получил из дома письмо. В нем сообщалось, что родители и сестра переехали в Дармштадт — столицу земли Гессен. Труды осенью ждала ребенка. Сообщение это меня обрадовало, однако я был огорчен решением отца снова переехать в город, где семья будет постоянно находиться под угрозой воздушных налетов. Я так и написал в своем ответном письме домой. Я не писал родным о том, как близко вокруг меня ходит смерть, закончив свое послание бодрым «до свидания». В моем положении это пожелание походило на черный юмор.

ГЛАВА 22

Поздним темным вечером 2 июля мои подводники начали прибывать на борт лодки небольшими группами, стараясь не вызывать подозрений о нашем скором выходе в море. Такая конспирация понадобилась для того, чтобы скрыть уход лодки от ночной смены французских докеров. В полночь мы сняли швартовы с кнехтов. Я отвел лодку от бетонного бункера и направил ее в ночную тьму. В 02.00 «У-415» начала свой последний поход, все еще без «шнёркеля».

Как только лодка достигла достаточной глубины под килем, мы ушли под воду. Для экономии горючего двигались на малых оборотах на запад. Я получил задание действовать в 200-мильной прибрежной зоне, приблизительно в 80 милях от побережья. Мы должны были не допускать входа в Брестскую бухту эсминцев и десантных судов противника. «У-415» превратилась сейчас в призрак. С ограничением подвижности, сомнительной боеспособностью, с крайней потребностью всплывать для вентиляции воздуха и подзарядки аккумуляторных батарей в условиях постоянной угрозы воздушного нападения подлодка стала плавающим гробом, мишенью для атак самолетов противника, всегда готовых отправить ее на дно.

Когда занялся новый день, я посадил лодку на дно. Ее нос касался песчаного дна, как голова пасущейся лошади. Все двигатели были запущены, а приборы выключены, команда отправлена спать. С началом отлива лодка снялась со дна, поднялась на поверхность, продвинулась дальше в море, затем снова залегла на дно. Эти маневры повторялись через равные промежутки времени. Во вторую ночь мы рискнули провести пять бесконечных минут на поверхности, вентилируя отсеки. В связи с усилением импульсов «асдика» ушли под воду и продолжили свое бесшумное движение в погруженном положении близко ко дну. Грохот взрывов, спорадически доносившийся со стороны Ла-Манша, напоминал нам о том, что англичане находились в постоянном поиске целей.

Через 40 часов «У-415» прибыла в заданный район. На самых малых оборотах мы проследовали под водой [j на 30-метровой глубине к северу. Наш акустик не услышал ни малейшего шума, напоминавшего звук вращавшихся гребных винтов. К концу дня, когда приблизился момент всплытия, наши сердца забились сильнее и чаще. Затем мы поднялись на поверхность в ночной тишине.

Чуть больше 20 минут «томми» нас не беспокоили. Затем стали появляться их самолеты. Мы совершили срочное погружение. В момент, когда толща морской воды закрыла подлодку, на нас посыпался град глубинных бомб. Внезапная бомбардировка подействовала ошеломляюще на моего нового главмеха. Неспособный управлять лодкой, он привел ее в хаотическое движение. Мы чувствовали себя как во время езды на «Американских горках» и стояли перед опасной альтернативой: либо рухнуть на дно, либо всплыть на поверхность и подставить себя под смертельный удар противника. Я бросился на место главмеха, вывел лодку из беспорядочного движения, выровнял ее и добился, чтобы она медленно двигалась на ровном киле. Затем, глубоко вздохнув, сказал своему ошеломленному главмеху:

— Действуй так, Зельде. Вот наш курс. Все еще потрясенный, он взялся за выполнение своих обязанностей. Моряк впервые попал под бомбежку, впервые так близко ощутил смерть. Я понимал, что вынужден буду мириться с его неподготовленностью, пока он не освоится в боевой обстановке.

С первой бомбардировкой начался наш танец смерти. Всю ночь мы жадно ловили мгновения, чтобы вынырнуть на поверхность моря для подзарядки батарей и вентиляции воздуха. За час до рассвета во время нашего последнего за ночь всплытия удалось почти что завершить подзарядку батарей. После оглушительных разрывов боезарядов очередной бомбовой кассеты мы затаились в глубине, измученные, истощенные и усталые.

Эсминцы союзников, которые мы должны были атаковать и уничтожить, не появлялись ни на третий, ни на четвертый день. По ночам я опускал лодку на дно, где было так тихо, что различалось только дыхание людей и слабый скрежет от носа лодки, тершегося о песок. Однако потребность в воздухе и электроэнергии вынуждала нас продолжить опасные всплытия и погружения под грохот разрывов глубинных бомб. И все же «У-415» упорно дожидалась появления кораблей противника. В то время как пилоты королевских ВВС не жалели средств для уничтожения нашей и других одиночных подлодок, британские корабли не обращали на нас внимания. Ни один из них не появлялся в районе патрулирования. Я тщательно обследовал в течение недели наш квадрат, но не встретил ни одного эсминца или десантного судна союзников. На девятую ночь бесполезного патрулирования я дерзнул проверить бдительность британских пилотов передачей радиogramмы на базу следующего содержания: «Район патрулирования свободен от судоходства. Ждем новых указаний».

Сразу же за передачей мы скрылись под водой и на глубине 25 метров стали дожидаться ответа из штаба. Он приказал нам вернуться в Брест. Мы совершили обратный переход всего за 42 часа на волнах прибывавшего прилива, перенесшего нас в горловину Брестской бухты. Поздним вечером 13 июля мы прибыли к месту встречи с эскортом. Скорое всплытие, быстрый ответ на позывные эскорта, и «У-415» последовала за ним в порт.

В 22.25 я осторожно привел свою лодку в бункер под защиту семиметрового бетонного навеса. Ее двигатели заглохли. Когда капитан Винтер перешел по сходням на борт лодки, он увидел зеленые лица моих подводников, выстроившихся на палубе. Винтер принял мой рапорт и приветствовал команду улыбкой, прикрывающей его глубокую озабоченность. Обойдя строй, повернулся ко мне и сказал приглушенным голосом:

— Вас отозвали для особого задания. Свяжитесь с моим старшим морским инженером и обсудите с ним вопросы, требующие немедленного решения. В течение трех дней вы должны быть готовы. Только это время мы можем выделить вам на подготовку.

Я отдал честь и взобрался на мостик. Здесь инженер флотилии беседовал с моим главмехом. Я расслышал, как он говорит ему:

— ...И я предлагаю не позднее 07.00 вывести лодку из бухты. Есть возражения?

Возражения были у меня. Я не спал 10 часов, команда измучилась и тоже нуждалась в отдыхе. Пришлось мрачно сказать старпому:

— Приготовьте лодку к маневрам ровно в 09.00. Скажите коку, чтобы он разбудил меня в 07.00. Вопросы есть?

— Пока нет, герр обер-лейтенант.

— Отлично, распустите команду. Позаботьтесь о том, чтобы сегодня вечером были исключены любые попойки, или мне придется наказать виновных.

Медленно просыпаясь, я еще слышал в туманных сновидениях грохот разрывов глубинных бомб. Последние разрывы заставили меня открыть глаза. Я убедился, что нахожусь не в море, а в своей комнате в порту и кто-то колотит кулаками в мою дверь. Полусонный, приоткрыл внутреннюю дверь и прокричал в вестибюль:

— Достаточно, я слышу!

Через входную дверь донесся голос дневального:

—Герр обер-лейтенант, вы должны были выйти в море в семь, но сейчас уже десять. С семи утра мы пытаемся вас разбудить.

—Благодарю. Сходите в бункер и скажите, что я буду через десять минут.

Сердитый на себя за то, что проспал, я быстро оделся, спустился по лестнице, прыгая через пять ступенек, и при свете яркого солнца отправился дальше вниз по извилистой тропинке в бункер. Когда я свернул в дверной проем, то увидел свою лодку. Она двигалась кормой вперед с дымившими дизелями. Меня взорвало. Старпом не имел права выводить ее без моих указаний. Как раз тогда, когда я обдумывал форму выговора, воздух потряс грохочущий взрыв. На том месте, где только что стояла лодка, в небо взметнулся мощный фонтан воды. Затем корма «У-415» поднялась из воды, будто один из концов плавающего бревна, выбросив за борт двух подводников. Мощные струи воды обрушились на лодку. «У-415» подорвалась на мине. Она развернулась правым бортом и двинулась по инерции к каменному ограждению внутренней бухты.

На мгновение зрелище гибнувшей лодки парализовало меня. Придя в себя, я прыгнул в моторную лодку и помчался к «У-415». Дойдя до пирса, лодка ударилась носом в каменную стену. В этот момент я уже был рядом с ней. Мотористы и матросы выбирались из корпуса через рубочный люк с кровоточившими ранами, бледные и потрясенные. Одни хромали, другие тащились кое-как. Лодка начала крениться на левый борт. Я забрался на нее, влез на мостик и стал помогать подводникам выбираться из узкого отверстия люка.

—В кормовых отсеках есть еще люди, мертвые или без сознания, — сказал моторист.

—Перетаскивай их в помещение центрального поста! — крикнул я ему.

Моторист не ответил.

Раненые продолжали подниматься по трапу. Некоторые повредили руки, другие — ноги. Когда поток людей снизу иссяк, я спустился в помещение центрального поста. За мной последовали два унтер-офицера, оставшиеся невредимыми. Внутри корпуса все было разрушено. Трубы, патрубки, переходники, рубильники, вентили, другие детали оборудования валялись на плитах палубы и в днище. Струя грязной вонючей воды била сквозь широкую трещину в корпусе в кормовой торпедный отсек, быстро заполняя лодку. Три подводника в тяжелом состоянии лежали на палубных плитах дизельного отсека. Еще двое распластались между электромоторами в кормовой секции. В то время как подлодка заполнялась маслянистой жидкостью и постепенно кренилась на левый борт, трое из нас таскали тяжелые тела мотористов в носовые отсеки. Кто-то открыл передний люк, который находился еще над водой. Общими усилиями мы вытащили мотористов из корпуса и погрузили их на одну из моторных лодок, подошедших к «У-415».

Крен подлодки стал угрожающим. Ее корму поглотило море. Как только я перебрался в моторку, старая добрая рабочая лошадка, скользя по каменной стене, опрокинулась на левый борт. Ее палуба скрылась в темной бездне моря. Затем, дернувшись в последний раз кверху, рубка и мостик опустились в воду, и вся подлодка ушла на дно. «У-415» больше не существовало.

Я еще не оторвал взгляда от места гибели подлодки, когда пирса коснулась моторка. Ко мне, прихрамывая, подошел крайне обескураженный старпом. Раздраженный его самовольным выводом лодки из бункера, я крикнул:

—За это вам придется ответить, старпом!

—Герр обер-лейтенант, мне приказал вывести лодку со стоянки главный инженер флотилии. Он ждал вас целый час и потерял терпение.

—Главный инженер не начальник вам, старпом. Он не может приказывать, когда дело касается лодки. Вам следовало бы это знать. А сейчас соберите всех, кто не пострадал, и пересчитайте. Я буду сопровождать раненых в госпиталь.

—Полагаю, герр обер-лейтенант, двое из наших людей погибли.

—Да, я видел, как их подбросило вверх. Возьмите моторку и поищите их в бухте. Может, тела плавают где-нибудь. Найдете и сообщите мне об этом немедленно.

Мощный взрыв привлек внимание экипажей других подлодок, а также докеров, рабочих и служащих верфей. Было много желающих помочь. Когда мы несли тяжелораненых к санитарным машинам, я смог рассмотреть их. У всех были переломы ног. Ступни перекручены назад, пальцы ног сплющены. Одни повредили внутренние органы и стонали от боли, другие находились в бессознательном состоянии, их головы кровоточили.

Я сел в санитарной машине рядом с тяжело раненым электриком, и она помчалась по улицам Бреста под вой сирен. Мне пришло в голову, что «У-415» подорвалась на mine 14 июля в национальный праздник Франции — День взятия Бастилии. Гибель «У-415» была подарком англичан французам в этот день. Моя лодка подорвалась на mine, сброшенной ночью 28 мая. На грохот ее дизелей среагировал звукоулавливающий часовой механизм. И все же я решил, что судьба оказалась благосклонной к «У-415». Она не была потоплена в море, где мы нашли бы свою могилу, а погибла в порту, где оставались шансы на спасение. Почему я не проснулся вовремя? Почему старпом уступил требованиям главного инженера? Эти вопросы мучили меня. И почему я пережил тысячу бомбовых ударов в море, когда другие погибали? Видимо, я не был нужен ни небесам, ни преисподней.

Когда я прибыл в госпиталь, часть из моих пострадавших подводников уже лежали на операционном столе. Пятеро спасенных нами из кормовых отсеков все еще не приходили в сознание. Переломы ног и рук не носили тяжелого характера, однако врачи сообщили, что Два моряка получили серьезные травмы спины. Травмы черепа и сотрясения мозга получили еще двое. Они пострадали, когда ударились о палубные плиты. Уходя из госпиталя, я оставил там 14 своих ребят.

Вернувшись на базу, я встретил расстроенного капитана Винтера. Главный инженер уже сообщил ему о своем роковом приказе. Поскольку должность его считалась второй по значению в командовании базой, Винтер оказался в затруднительном положении. В сложившихся обстоятельствах он не располагал возможностью привлечь к ответственности вышестоящего начальника, а я мог только добиться увольнения старпома. Однако я простил первого вахтенного, оправдывавшегося тем, что не решился противоречить главному инженеру. Я убедил себя, что старпом только выполнил приказ вышестоящей инстанции.

Потеря «У-415» лишь пополнила статистику гибели нашего подводного флота. В течение двух первых недель июля — во время моего последнего похода — мы потеряли 11 подлодок, не оснащенных «шнёркелями». Почти все, чем располагала база. Еще две лодки со «шнёркелями» были потоплены в Ла-Манше, сократив численность подлодок, направленных для противодействия десантам союзников, до пяти. С потерей «У-415» «У-413» осталась единственной подлодкой без «шнёркеля» из тех, что вышли в море вечером 6 июня. Она все еще находилась в сухом доке, ожидая конца ремонтных работ.

Между тем пять оставшихся подлодок со «шнёркелями» использовали свои устройства для забора воздуха, чтобы оставаться в погруженном положении и не подвергаться воздушным ударам противника. Они продолжали рейды в Ла-Манше и даже достигли некоторых успехов, «У-953»

потопила три эсминца, «У-984» послала на дно три транспорта и один сторожевик, того же добились «У-763».

В эти ужасные две недели не больше трех-четырех подлодок одновременно атаковали конвои, доставлявшие живую силу и военную технику союзников из южных британских портов на пляжи Нормандии. Там могло быть около 100 подлодок, если бы ранее они не были бессмысленно принесены в жертву. С крахом германского подводного флота и вместе с ним люфтваффе потери союзников на путях снабжения морем стали минимальными. Новые дивизии, полностью укомплектованные личным составом и оснащенные тысячами танков и транспортных средств, хлынули на побережье Нормандии, поставив огромные плавучие пирсы, вывезенные из Великобритании. Вскоре союзники захватили Шербург, обеспечив себе базу для широкомасштабных операций. Германские армии не смогли помешать им вбить клинья в свои боевые порядки и продвинуться в глубь территории Франции. Пал Авранш, американские войска двигались вдоль северного побережья Бретани, приближаясь к Бресту.

На другой день после гибели «У-415» я прежде всего зашел в госпиталь навестить раненых подводников. Большинство из них было в стабильном состоянии, руки и ноги загипсованы. Пятеро тяжелораненых лежали полностью в гипсе, двое из них все еще не пришли в себя. Я принес им сигареты и табак. Это все, что можно было предложить невинным жертвам трагической ошибки.

Когда я вернулся в компаунд базы, один из моих унтер-офицеров сообщил, что британская радиостанция «Кале» этим утром упомянула в своей передаче о нашей лодке.

—Герр обер-лейтенант, диктор сказал, что вы потопили лодку сами, чтобы не ходить больше в море на устаревшем подводном корабле.

Я ответил с улыбкой:

—Теперь вы видите, как быстро англичане собирают и распространяют информацию. Каждому из нас это должно послужить уроком.

День за днем я проводил в нетерпеливом ожидании своего нового назначения, готовя оставшуюся невредимой часть команды к неизбежному возвращению в Германию. Пока командование решало мою судьбу, я навестил Хайна Зидера, вернувшегося из похода, встретил на пирсе Марбаха, выслушал рассказ Кордеса о его драматическом возвращении на базу. Вчетвером мы отметили их успехи, стремясь вспомнить доброе старое время, потребляя большое количество шампанского и изысканных морских блюд. Если кто-то из нас, участников пиршества, и опасался в душе ужасного исхода войны, он не признавался в этом даже себе. Как и прежде, мы сохраняли надежду и уверенность в конечной победе. Я был убежден, что война претерпит драматический перелом, как только будет произведено достаточное количество наших чудолодок, и верил, что скоро получу одну из них.

Затем наступило 20 июля. В полдень, когда я вернулся из госпиталя, дневальный передал, что капитан Винтер ждет меня в офицерской столовой. К моему удивлению, там собрался весь офицерский состав флотилии. Каждый понимал, что только чрезвычайно важное событие могло вызвать такое собрание. Высказывалось много догадок, и нарастало напряжение, когда в зал вошел Винтер со своим штабом, С окаменевшим лицом он потребовал тишины:

—Господа! Я уполномочен проинформировать вас о содержании полученного мною телетайпа от командования. В это утро было совершено покушение на жизнь фюрера. Однако он благополучно избежал трагического исхода. Заговорщик, армейский офицер, арестован. Могу вас заверить, что

флот не причастен к заговору. Все остается как прежде. Война будет продолжаться до победного конца.

Это сообщение потрясло нас. Тот факт, что некто попытался убить идола нации, не укладывался в сознании. Наша реакция на него разнилась от недоверия до крайней озабоченности. Участники собрания разошлись в замешательстве и гневе. Новость вскоре распространилась по всему компаунду: экипажам оставшихся подлодок и обслуживающему персоналу о ней сообщили раньше, чем они узнали об этом из передач британской радиостанции «Кале».

Я вернулся в свою комнату в сильном расстройстве. Разумеется, я допускал, что на родине имеется определенное число недовольных. Это было естественно, когда шла продолжительная война с большими потерями и разрушениями. Но я не предполагал, что могла существовать организованная оппозиция режиму, готовившая изменнические заговоры и попытки открытого мятежа. Я опасался, что покушение на фюрера могло ослабить моральный дух немцев.

Это событие в жизни флота имело лишь одно очевидное последствие. Отдание чести было упразднено, и военнослужащие всех родов и видов вооруженных сил должны были приветствовать друг друга так, как это делали члены партии. В результате возникало много нелепых забавных ситуаций, когда на вновь введенное приветствие военнослужащие по-старому отдавали честь. В других отношениях война продолжалась как обычно — она неуклонно ухудшала наше положение.

Началось время печальных прощаний. 21 июля два буксира потащили «У-415» по дну бухты в сухой док. Мне было поручено демонтировать ее ценное оборудование и изъять служебные документы. Я пошел в док, прихватив с собой своих офицеров и часть команды. Мы обнаружили свою лодку лежавшей на правом борту. С кормы корпуса зияла широкая пробоина, шпангоуты полопались, цистерны были разорваны, баллеры погнуты, рулевое устройство и горизонтальные рули сорваны. От «У-415» остался лишь металлический лом. Я поручил своим заместителям наблюдать за ходом демонтажа и удалился.

Через два дня море вынесло на поверхность тела двух наших подводников, погибших во время взрыва мины. Патрульный тральщик доставил их в порт. 25 июля мы похоронили погибших на небольшом кладбище в окрестностях города. Чтобы отдать последнюю дань уважения подводникам, погибшим неизвестно за что, на кладбище пришла в парадной форме г винтовками, к некоторым из которых были примкнуты штыки, вся моя команда. К их могиле был доставлен венок и от Винтера. Затем под залп 24 ружей деревянные гробы медленно опустили в землю. Остаток дня я посвятил письмам родным покойных. Что я мог сказать родителям, которые должны были предполагать, что их сыновья погибли как герои в бою? Я достал великолепную писчую бумагу с тонкими линиями обрамления по краям, черным крестом в верхнем левом углу и начал писать. Долго подбирал нужные слова и выражения.

ГЛАВА 23

Я не жалел о том, что июль подходит к концу. За несколько последних месяцев обстановка резко ухудшилась. Крупные силы союзников, наступавшие из Нормандии, встречали слабое сопротивление наших войск. Возникла угроза, что они отрежут Бретань от остальной Франции, лишив нас путей отхода в Германию. Угроза базам подлодок на Атлантическом побережье нарастала с каждым днем. Жизнь в недавно оживленных портах Бреста, Ло-риана и Сент-Назера замерла вместе с гибелью их флотилий подлодок. Только в июле было потоплено еще 18 атакми с воздуха. Среди этих жертв оказались «У-212» и «У-214», не оснащенные «шнёркелями», которые выходили в море, чтобы защитить бухту базы от боевых кораблей противника. Британские эсминцы, начавшие стягивать петлю блокады вокруг нашего порта, послали обе лодки на дно.

В июле я навсегда распрощался со своими друзьями Захсе и Зидером, командирами «У-413» и «У-984». Каждая из этих лодок вышла охотиться в море, но обе они вместе с экипажами погибли в один и тот же день.

Распрощавшись с ближайшими друзьями, я все более чувствовал себя ненужным. Командование еще не приняло решение о будущем нашего экипажа. Попытки капитана Винтера посодействовать нам ни к чему не приводили. Не видя никаких перспектив, я стал готовиться к войне на суше. Приближалась осада Бреста. Когда американские танки покатались на юг по холмам Бретани, наши войска стали отступать к Бресту, который был объявлен крепостью. Повсюду в городе лихорадочно строились оборонительные укрепления. Моим подводникам были выданы ружья и пулеметы, мне было приказано готовить команду к боям на суше. Для нас перспективы оказаться в западне и попасть в плен в Бресте стали довольно реальными.

Однажды в начале августа я возвращался с командой с полевых учений, когда мне передали, что я должен явиться к старшему офицеру. Обычно мрачный Винтер встретил меня с улыбкой на лице:

— Вам везет, вы назначены капитаном «У-953». Поздравляю!

Я был удивлен и обрадован. Дело в том, что Марбах, капитан подлодки, отправился в штаб в Берлине получить Рыцарский крест. Однако, как выяснилось, наступление союзников помешало его возвращению.

— Через час вы примете команду лодки, — продолжил Винтер. — Как вы знаете, она оснащена «шнёркелем», а ее ремонт займет примерно десять дней. Готовьтесь.

— Герр капитан, я безмерно рад.

Новое назначение совершенно изменило мое будущее. Вместо того чтобы оказаться в западне в крепости Брест, быть убитым на суше или попасть в лагерь военнопленных, я по крайней мере смогу сражаться и умереть в море. Это было то, что я умел и к чему был призван.

В назначенный час я принял командование подлодкой Марбаха. Большая часть команды знала меня или слышала обо мне. Это способствовало быстрому сближению нового командира и экипажа лодки. Поскольку часть команды «У-953» ушла в отпуск и не имела возможности вернуться, я укомплектовал недостающих людей мотористами и моряками с «У-415», которые проявили большой интерес к службе на новой подлодке. Чтобы не воевать на суше, они были рады выйти в море и хотели сражаться с британскими эсминцами пусть даже в одиночных спасательных шлюпках.

В условиях подготовки к выходу в море дни проходили быстро. Моя сборная команда самоотверженно трудилась, стремясь при остром дефиците времени выполнить как можно больше работ и компенсировать недостаток надежных квалифицированных специалистов в сухом доке. Наступление союзников стимулировало все возрастающий поток отказов французских специалистов-судоремонтников от сотрудничества с немецкими завоевателями. Кое-кто из них убежал буквально после завтрака. Что еще хуже, те, кто оставались в доке, были более враждебны, чем лояльны, и требовали постоянного присмотра. Между тем большинство оставшихся не у дел подводников с «У-415» отправились в окопы, опоясывавшие Брест, тех же, кто остался в моем распоряжении, постоянно осаждали служащие немецкой гражданской администрации, предлагавшие большие взятки за переправку на родину в нашей лодке, когда она выйдет в море из брестской ловушки. В этой суматохе мы были не в состоянии придерживаться графика подготовки к походу.

Брест ожидал осады. Пока части и соединения союзников быстро продвигались из Нормандии, угрожая Парижу, окружая Лориан и приближаясь к Сент-Назеру, в Брест вливалось все больше и больше наших войск. Местное население пряталось по домам и ожидало дальнейшего развития событий со смешанными чувствами страха, ликования и стоицизма. Командование отдало приказ эвакуировать Брест, Лориан и Сент-Назер слишком поздно. Ко времени поступления приказа Деница англичане перекрыли все возможные выходы из бухты. На юг были направлены большие флотилии боевых кораблей, блокировавших три порта. Каждую ночь самолеты сбрасывали мины в районах судоходных линий, парализовав движение всех надводных кораблей и заставив подлодки продвигаться в смертельно опасных условиях. Наряду с охотой за подлодками в море, королевские ВВС постоянно совершали все более массированные налеты на наши военно-морские базы. Жалкие остатки трагической гибели прославленного когда-то флота, насчитывавшего несколько сотен подводных лодок, отсрочили свое собственное уничтожение лишь благодаря тому, что укрывались в убежищах под семиметровой толщиной бетона.

13 августа в 10.45 в нашем компаунде на базе завывли сирены воздушной тревоги. Я укрылся в тоннеле, вырытом в холме. Почти сразу же зенитные установки ПВО открыли плотный огонь. Через вход в тоннель я видел рой четырех моторных «либерейторов» примерно из 20 машин. На средней высоте они летели прямо в зону зенитного огня. «Либерейторы» приближались, игнорируя многочисленные разрывы снарядов вокруг них и упорно выдерживая курс и высоту. Внезапно от самолета отвалилось крыло и стало планировать в воздухе. Кувыряясь, за крылом последовал фюзеляж и упал в бухту. В небе раскрылись четыре белые точки парашютов. Второй «либерейтор», охваченный пламенем, выпал из боевого построения. Третий взорвался в воздухе. В это время оставшиеся самолеты сбросили по одной мощной бомбе. Я отчетливо видел, как они летели к бункеру. Затем раздался такой грохот, будто весь мир сорвался со своих петель. Вулканические взрывы сотрясали холм и окружающий воздух. Жесткие взрывные волны заставляли задерживать дыхание. У заградительных воздушных шаров росли фонтаны из пыли и обломков, закрывая панораму бухты. Прозвучало несколько новых залпов наших зениток, глухой рокот авиамоторов в небе с северной стороны. Потом наступила тишина.

Я бросился бежать вниз по холму в тревоге за свою лодку. Пробравшись между грудями битого камня и бетона, вбежал в прохладный сумрак бункера и обнаружил, что «У-953» плавно колыхалась на своей стоянке, совершенно невредимая. Я прошелся вдоль длинного ряда пустых стоянок, пока не достиг группы рабочих. Они смотрели на потолок, где зияла небольшая пробоина с вылезшей наружу арматурой. «У-247», еще одна лодка, занимавшая стоянку, покрылась тонким слоем пыли. Шеститонная бомба, самая мощная из тех, которыми располагали союзники, не смогла нанести ущерб нашим лодкам. Поскольку это было единственное попадание в бункер, можно сказать, что колоссальные усилия противника с целью уничтожения двух оставшихся наших лодок закончились полным провалом.

Я вернулся к подлодке, чтобы проверить, как продвигаются работы, которые, по моим расчетам, должны были закончиться через четыре дня. Когда я ступил на борт «У-953», главмех, служивший еще при Марбахе, позвал меня в носовой торпедный отсек. Я нагнулся и посмотрел в длинную трубу торпедного аппарата. Внутренняя заслонка была сломана. Круглая крышка от нее, единственная преграда для воды, помимо внешней заслонки, валялась на палубных плитах. Я был озадачен и встревожен.

— Виновата взрывная волна от бомбы, которая взорвалась в бухте в 50 метрах отсюда, — прояснил главмех. — Уверен, что некоторые из наших подлодок погибли именно так. Лодку может потопить единственная глубинная бомба, если торпедная труба не закрыта снаружи, а внутренняя заслонка повреждена. Погибшие лодки не могли сообщить об этом.

— Послушай, — прервал я его, — если бы наша торпедная труба не была задраена снаружи, лодка лежала бы на дне уже сейчас, а ты и я добирались бы в Германию пешком. Проверь все заслонки и замени сломанную. И поспеши. Я не хочу, чтобы задерживался выход в море.

Как и в Бресте, воздушные атаки союзников на бункеры в Лориане, Сент-Назере, Ла-Палисе и Бордо принесли незначительные результаты. Однако наступление союзников на суше порождало страх и смятение. Все, кто мог бежать, пробирались из наших опасных северных портов в Ла-Палис и Ла-Рошель. Они имели выход в море между островами Ре и Олерон. Эти проливы еще не были блокированы британским флотом и оставались окнами для бегства из Франции тысяч немцев, которым было позволено уехать на родину. Оба порта были выбраны командованием в качестве убежищ для подлодок с северных баз. Здесь они должны были заправляться горючим, запасаться продовольствием и проходить ремонт для последующих выходов в море на боевые задания!

Однако британский флот теперь господствовал на морских подступах к северным портам, и наши потрепанные, не отремонтированные полностью подлодки имели мало шансов добраться до безопасных портов. Те, которые не были потоплены эсминцами, уничтожались самолетами или подрывались на минах. «У-736», вышедшая из Лориана, была потоплена 6 августа, «У-608», позже следовавшая за ней, погибла почти на том же месте 10 августа. Днем позже «У-385» разорвали на части глубинные бомбы. 12 августа близ Лориана была потоплена «У-270», а «У-981» подорвалась на mine, пытаясь выйти из бухты Ла-Рошель. 14 августа «У-618» была повреждена авиабомбой и потоплена в конечном счете эсминцами. 18 августа «У-107» погибла под бомбами, а «У-621» стала жертвой одной из самых боеспособных и эффективных групп кораблей-охотников, патрулировавших в Бискайском заливе.

В те дни упадка Германии крах нашей обороны в Атлантике сопровождался поражениями на других фронтах. Советские войска заняли города Пшемисль, Белосток, Ковно и Пресков. Они продолжали свое мощное наступление по территории России. Серьезные поражения потерпела Германия и Греция, а Румыния перешла на сторону союзников. В Италии наши части отступили от Рима и вели бои за удержание новых оборонительных линий дальше на севере. В довершение всех этих поражений, силы вторжения США, Франции и Великобритании высадились 15 августа на французском Средиземноморском побережье между Ниццей и Тулоном. С этой новой линии фронта бронетанковые части союзников двинулись на север, угрожая изолировать наши дивизии в западной части Франции. База подводных лодок в Тулоне была уничтожена ударами с воздуха авиации. Были потоплены восемь подлодок, и среди них старая знакомая «У-230». В результате подводная война в Средиземноморье прекратилась. Эту печальную картину дополнила наша потеря во французских водах всех эсминцев, кораблей береговой охраны и тральщиков.

Отступление усиливало смятение и даже рождало панику. Атмосфера в крепости Брест стала взрывоопасной. Город был объявлен свободным от ограничений в приеме наших войск. Был введен строгий комендантский час для населения. Сухой док охранялся морскими пехотинцами. Все зенитные установки переместили на стратегические позиции, чтобы укрепить внешнюю границу обороны города. Вооруженные до зубов подразделения военных моряков патрулировали город и окрестности. Морской колледж, принадлежавший некогда прославленной Первой флотилии, был превращен в командный центр обороны Бреста из-за имевшейся там обширной системы подземных тоннелей. Девятая флотилия подводных лодок была расформирована, а ее командующий переведен в Норвегию. На прощанье ему удалось сделать почти невозможное: отправить в море «У-256» под командованием Бодденберга. Эта старая подлодка, получив приказ на выход в море и даже «шнёркель», незаметно выскользнула из внутренней бухты и прорвалась сквозь кордон британских боевых кораблей у скал.

Теперь настало время сворачивать дела и капитану Винтеру. Он переправил самое ценное имущество и оборудование Первой флотилии в подземные помещения, сумев с честью отбиться от

домогательств военных. Большое число высокомерных армейских офицеров, которые уклонились от сражений за спасение рейха и неплохо провели время во Франции, прибыли в порт вместе с женами и вагонами личного имущества, коллекциями вин разных сортов и шампанского. Они требовали, чтобы их вещи были переправлены в Германию на подводных лодках, и сильно негодовали, когда Винтер отверг их домогательства. Положение крайне обострилось, когда на оборонительных линиях города прозвучали первые выстрелы и первые американские танки «шерман» показались перед окопами.

В дни хаоса, когда военные моряки были единственными защитниками Бреста и никто не знал, где находятся оборонительные линии или когда союзники начнут наступление, в злосчастном порту оставалось только две лодки: «У-953» и «У-247». Заканчивался их ремонт в доке, который позволял надеяться на то, что они вырвутся на свободу. Первой вышла и попыталась прорваться на родину «У-247». Она погибла со всем экипажем. Теперь оставалась только моя подлодка.

19 августа «У-953» посчитали наконец пригодной для выхода в море — с некоторыми ограничениями, правда. Дизели находились в плачевном состоянии. Давно следовало заменить аккумуляторные батареи, но для этого не было ни материала, ни времени. Короче, ремонт сделали только профилактический. Разумеется, у нас не было возможности совершить учебные погружения или опробовать «шнёркель». Опираясь на самоотверженность и неутомимость каждого подводника, мы удвоили свою бдительность на вахтах, стараясь предупредить попытки французских подпольщиков совершить диверсию на нашей лодке. Нам удалось запастись горючим и продовольствием. К моему изумлению, мне было приказано не брать на борт торпеды, но загрузить лодку и трубы торпедных аппаратов ценным оборудованием и приборами, а также вывезти с собой из западни высокопоставленных лиц. Этот ценный груз было предписано доставить в южный порт Ла-Рошель, откуда гражданские лица могли еще добраться домой через Францию.

Я критически проанализировал ситуацию и пришел к выводу, что, если лодку предназначили для спасения гражданских лиц, то тем более в этом нуждались оставшиеся подводники с «У-415». Получив разрешение Винтера взять их на борт, я разыскал всех своих парней, отправленных в окопы, сводил их подлечиться в госпиталь и попрощался с теми подчиненными, которые были вынуждены из-за ран остаться в осажденном Бресте. Затем я приказал обеим командам оставить на суше все ненужные вещи и проследил за их уходом из компаунда базы. Когда мы прибыли на пирс, я столкнулся с большой группой плачущих и жестикулирующих гражданских лиц, французов и немцев, которые пытались пробиться на борт подлодки. Охрана стремилась оттеснить возбужденных людей обратно на пирс. Некоторые из них были настолько агрессивны, что их пришлось взять на мушку, чтобы держать на расстоянии.

Объединенная команда быстро выстроилась для переключки на кормовой палубе. Шесть штатских с напряженными лицами стояли на мостике. Старпом сообщил о численности людей на лодке. Всего оказалось 99 человек — на 45 больше, чем предусмотрено инструкцией. Стремясь умерить страсти оставшихся на пирсе людей, я, умышленно повысив голос, произнес:

— Хочу подчеркнуть, что этот переход будет одним из самых тяжелых. Экипаж лодки должен находиться на боевых постах. Основная ответственность ляжет на плечи постоянной команды, ей поможет, если необходимо, экипаж «У-415». Работать, принимать пищу и спать придется не меняя своего места. Исключить лишние передвижения и разговоры. В санитарных целях будут расставлены в удобных местах жестяные банки. Хочу, чтобы вы знали, что прибрежные воды кишат кораблями противника, наши шансы пробиться весьма незначительны. Десять к одному, что мы не прорвемся сквозь заслон из британских кораблей в Ла-Рошель, так что не питайте иллюзий. Нужно быть готовыми к немедленному выходу в море. Ни шагу с лодки, какие бы ни были причины.

Я распустил строй подводников и повернулся к шести штатским. Они с ужасом узнали о предстоявших опасностях. Двое схватили свой багаж и поспешили покинуть лодку. Меня позабавил и обрадовал их уход. Он давал нам хоть немного, но больше пространства. Четверо более храбрых последовали за мной под палубу. Центральный проход и все отсеки, кроме помещения центрального поста, были завалены крупногабаритным оборудованием, деревянными ящиками, чемоданами и картонными коробками. В носовом торпедном отсеке грузы были уложены в днище, на свободных от торпед стойках, в торпедной трубе. Я сказал четверем гостям, чтобы они никуда не уходили, оставив их там в полном смятении.

Затем я отправился доложить Винтеру о готовности подлодки к выходу в море. Когда я поднимался к верху холма по извилистой тропинке в компаунд, то слышал глухую дробь пулеметов на севере и увидел адъютанта Винтера, спешившего вниз. Запыхавшись, он сообщил, что я должен взять на борт еще четырех специалистов, которых рейх не может позволить себе отдать американцам. Поскольку эти ценные персоны не могли прибыть на лодку до утра, наш выход в море откладывался на 24 часа. В негодовании я повернул обратно к пирсу, потому что было ясно, что чем дольше мы оставались в порту, тем труднее будет пробиться сквозь блокаду в Ла-Рошель.

Вскоре в корпусе лодки распространился аромат гуляша. Подводники и гости, усевшись на ящики, чемоданы, трубопроводы и койки, поглощали ужин, который, как им казалось, был последним в порту. Радио передавало приятную мелодичную музыку. Я сидел за крохотным столиком в своем углу и составлял план перехода, когда музыка затихла и английский диктор стал передавать новости:

«Передача адресуется нашим друзьям — подводникам в Бресте. Наступило время для вас прекратить участие в боях. Если вы выйдете из порта с белым флагом на своем перископе, мы отнесемся к вам с уважением. Но если вы решитесь сражаться, то вам грозит быстрая гибель. Я с большим волнением говорю это вам, экипажу «У-953», которому снова придется выходить в море. Могу сообщить, что десятки британских эсминцев ожидают встречи с вами. Они отправят вас на дно, если вы осмелитесь воевать. Предупреждаю, это будет ваш последний...»

Это было уже слишком. Я сердито крикнул в радиорубку:

— Убери из эфира этого кретина, найди музыку!

— Но, герр капитан, — сказал радист, — это единственная радиостанция, которую мы можем поймать в бункере.

— Тогда крути пластинки.

Утром 21 августа на борт подлодки прибыли последние четверо гостей с большим багажом и приборами. Я не разрешил им взять столько багажа, и после горячей перепалки новички расстались с личными вещами. Я поместил их в кормовой торпедный отсек и сказал, что они не должны выходить оттуда ни при каких условиях, должны есть, спать и, возможно, умирать там. Затем я приказал плотно задрать люки лодки, выключить радио и поставить подзарядку батарей на полную мощность. Когда я сошел с лодки, оба дизеля дымили и рокотали на мелководье стоянки.

Я вышел из прохладного бункера на яркий солнечный свет и летнюю жару, затем стал взбираться на холм, чтобы в последний раз явиться к местному начальству. Бункер в скале кишел людьми в армейской форме. На многих офицерах был надет парадный мундир, пригодный больше для торжественного заседания в «Пари-опера», чем для защиты крепости Брест. Бросались в глаза

беспорядок и нервозность. Перед подземными тоннелями останавливались армейские санитарные машины, выгружая новые жертвы боев за Брест. Вдоль внешней линии окопов сейчас развернулось ожесточенное сражение. Американские танки кое-где уже прорвались в крепость. Я пробежал по тоннелю в поисках Винтера. Кто-то сказал, что он ушел в компаунд. Уханье тяжелых зенитных орудий не прекращалось, пока я добрался до опустевшего компаунда. Черные россыпи снарядов взрывались в небе в 700 метрах к северу. На плоской крыше юго-восточного крыла здания я заметил несколько человек в морской форме, наблюдавших в бинокли за ходом сражения на севере. Я помчался вверх по лестнице и нашел Винтера. Он и офицеры его штаба выражали удовлетворение результатами нашего зенитного огня. Был подбит американский танк, вышедший на дорогу, которая вела к морскому колледжу. Винтер уже смирился с тем, что руководство обороной Бреста и его флотилией, состоявшей из одной подлодки, перешло к пожилому нервному генералу с моноклем. Я обратился к своему непосредственному начальнику и доложил о готовности «У-953» к выходу в море.

— Можете уходить по своему усмотрению, — сказал Винтер. — Когда предполагаете выход?

— После заката солнца, герр капитан. В 21.30.

— Я приду проводить вас. Только, пожалуйста, без суматохи. Не хочу, чтобы у докеров возникли подозрения.

Когда мы спускались по холму, начали выть сирены воздушной тревоги. Мы побежали ко входу в соседний подземный тоннель. Через несколько секунд холм содрогался от бесконечной череды мощных взрывов. Я последовал за Винтером в обширную сеть тоннелей, мимо многочисленных коек, занятых ранеными. Скользя взглядом по бледным лицам немецких медсестер, которых ожидало мрачное будущее. Рядом сустились взъерошенные французские девицы, со страхом ожидавшие решения своей участи коллаборационисток. Их никчемные теперь кавалеры надменно вышагивали в сапогах и блестящих мундирах с красными полосками на галифе. Я увидел также сбитых с толку матросов и пехотинцев, ожидавших самых нелепых приказов. Бомбардировки не прекращались. Все в катакомбах — земля, койки, спящие люди — потонуло в уханье зениток и вибрировало от грохочущих взрывов.

Через 30 минут массированный воздушный налет закончился. Когда все успокоилось и сирены возвестили отбой воздушной тревоги, мы с Винтером вернулись к компаунду. При виде его нас охватило немое отчаяние. То, что только что было комплексом величественных гранитных зданий, союзники почти полностью разрушили. С гибелью колледжа судьба Первой флотилии подводных лодок окончательно была решена. Винтер стоял на руинах своего дела. Кроме отправления своей последней подлодки в море, он больше ничего не мог сделать. Я понял, что он хотел остаться наедине с собой, и медленно пошел назад к лодке.

ГЛАВА 24

Время: 22 августа 1944 года. 21.20. Только несколько матросов вышли на палубу, чтобы управиться со швартовыми. Я стоял на мостике, ожидая прощального визита Винтера.

В 21.22 он пересек сходни. Отвечая на мое приветствие, сказал:

— Хорошенько позаботьтесь о парнях и лодке — удачи вам.

— Вам тоже, герр капитан. Надеюсь, мы скоро встретимся в более благоприятной обстановке.

— Главное для вас — выбраться отсюда, пока еще не поздно.

Несколько команд — и швартовы сняты с кнехтов, сходни убраны на пирс. «У-953» бесшумно вышла со стоянки. Осторожно, без единого звука она проскользнула до середины внутренней бухты. Это было необходимо, чтобы не задействовать акустические мины. Я остановил лодку и спустился в корпус, затем главмех совершил пробное погружение.

Обстановка внутри корпуса представляла собой пародию на 'Морские инструкции и условия безопасности. Проходы завалило ценное оборудование пассажиров. Сообщения между различными отсеками оказались серьезно затруднены. Тяжесть дополнительного груза плюс количество людей, вдвое превышавшее норму, создавали серьезные проблемы для главмеха в управлении лодкой. Ему потребовалось больше часа, чтобы определить параметры плавучести и балансировки подлодки, необходимые в чрезвычайных условиях.

«У-953» всплыла и приблизилась к эскрту, вероятно единственному на плаву. Ночь была безлунной, все погрузилось в кромешную тьму. Эскорт двинулся вперед, мы — за ним. Когда «У-953» прошла противолодочные сети, я включил дизели. После того как исчезли скалы, а на экране радара стали вспыхивать радиолокационные импульсы, я понял, что мы запеленгованы. Внезапно в двухстах метрах впереди вспыхнула осветительная ракета. В тот же миг с эскорта нам просигналили фонарем: «Внимание. Британские торпедные катера в атакующей позиции. Подготовьтесь к бою».

Я не ожидал такой встречи с англичанами и вызвал наверх расчеты зенитчиков.

— Следите за торпедными катерами — огонь по видимым целям, — приказал я.

Осветительная ракета погасла, и море вновь почернело. Эскорт остановился, заставив нас сделать то же самое. Теперь мы подверглись угрозе, которую не видели, а стрелять мы не могли, так как пушки меньшего калибра неэффективны в случае атаки прямо по курсу. Чтобы принять бой, я должен был развернуть «У-953» носом к Бресту, а орудиями против катеров. Но лодка не могла двигаться кормой вперед.

Я просигналил эскрту, чтобы он медленно продвигался вперед и постоянно пускал осветительные ракеты. Хотелось встретить торпедные катера на большей глубине. Но как только мы продвинулись дальше, я заметил десятки теней, изготовившихся к атаке с дистанции 800 метров. Я громко скомандовал:

— Оба дизеля — полный вперед, лево руля!

«У-953» нехотя развернулась, подставив на несколько бесконечных секунд свой борт навстречу атакующему противнику. Когда лодка завершила разворот, наши пушки открыли огонь. Мы поспешили обратно в порт, лишая торпедные катера возможности прицельно и выпустить свои смертоносные торпеды. Катера, значительно превосходившие нас в скорости, быстро приближались при свете осветительных ракет. Но затем так же внезапно, как появились, повернули и ушли в море.

Инцидент похоронил мои надежды вырваться из бухты в эту ночь и, возможно, в любую другую. Торпедные катера не только были опасны сами по себе, они указывали на присутствие поодаль значительной флотилии сторожевых судов. Казалось, что наше возвращение в Брест было окончательным и мы обречены на то, чтобы взорвать свою лодку и разделить участь осажденного гарнизона города.

На заре «У-953» прошмыгнула обратно в порт. Я предупредил подводников и гостей, чтобы они подальше держались от докеров и хранили молчание относительно ночного приключения. Затем я снова закрылся зеленой занавеской в своем углу и постарался найти способ выбраться из порта.

Оставалась только одна возможность — уйти в подводном положении. Этот маневр был чреват рядом опасностей: сесть на мель, наскочить на мину, попасть в сильное течение. Прежде им никогда не пользовались. Но я рассчитывал, что во время отлива мы могли бы без эскорта добраться до горловины бухты незамеченными, затем совершить погружение на глубину, достаточную для того, чтобы вода покрыла мостик лодки. После этого у нас остался бы слабый шанс выбраться из западни на волнах отлива.

Я тихо поднялся с койки, пока 100 человек на борту лодки мирно дремали, веря в мою способность вывести их на свободу. Я прошел по пустынному бункеру и площадке возле него. Винтера и его штабное окружение нашел в подземном убежище. Пока я рассказывал об инциденте с торпедными катерами и о своем плане перехитрить «томми», он смотрел на меня обеспокоенным, мрачным и усталым взглядом.

Пожелав счастливого пути, он затем спросил:

— Не хотите ли присоединиться ко мне в поездке по окопам?

— Герр капитан, хотелось бы. Но я должен подготовиться к ночному выходу. Не сплю уже несколько дней.

— Вы можете кое-что упустить из того, о чем никто другой не сможет рассказать потомкам, — мрачно заметил Винтер. Затем, подавив волнение показной строгостью, добавил: — Впрочем, не важно. Держите себя молодцом. Я не смогу проститься с вами на пирсе. Дела удерживают меня здесь.

Мы снова пожали друг другу руки. Я уходил с убеждением, что больше никогда не увижу его.

23 августа в 02.55 я отодвинул зеленую занавеску в своем углу, надел кожаную куртку, вошел в освещенное тусклым светом помещение центрального поста и напомнил главмеху о необходимости быстрого и аккуратного погружения по первой команде. Затем занял свое место на мостике.

В 03.05 я вывел «У-953» из бункера, чтобы больше в него не возвращаться. Когда лодка бесшумно скользнула в темноту по направлению к горловине бухты, за которой нас поджидал неприятель, я бросил последний взгляд на оставшийся за кормой город. Берега с их обширными доками и верфями едва просматривались. На фоне ночного неба едва различался на вершине холма морской колледж, разрушенный бомбардировками. И надо всем этим угадывались смутные очертания Бреста, города, которого не пощадила война и который ожидало дальнейшее разрушение и капитуляция. Только теперь я полностью осознал, может, впервые, что безвозвратно потеряно все — слава, успехи, триумфы. Воссоздать прошлое невозможно.

«У-953» прошла мимо заброшенной противолодочной подводной сети и двинулась, подобно призраку, дальше к горловине. Наше бегство проходило под покровом темноты, сгущавшейся от окружающих бухту холмов и скал. В 03.45 мы проскочили на волне прилива мелководье. Я вел лодку по памяти, стараясь не сесть на мель. Когда на небе с востока показались первые просветы, мы заметили впереди неподвижные неприятельские торпедные катера. Они выглядели черными точками на перламутровой поверхности моря. Между тем мы еще не достигли достаточной глубины бухты, которая позволила бы нам уйти под воду. Я продолжил движение вперед на малых оборотах, избегая шума и рискуя, что противник обнаружит лодку. На волне отлива мы скользили по направлению к катерам, когда появились первые проблески рассвета. Я обнаружил перемещения в боевом строю катеров. Они бороздили поверхность моря, а затем направились к скалам, возвышавшимся по обе стороны от горловины бухты. Стало ясно, что мы не можем двигаться дальше в надводном положении.

В 04.23 мы опустились под воду. Нос лодки медленно погружался в море. Долгие секунды я наблюдал еще перемещения катеров, затем вода хлынула в подкову ходового мостика. Я закрыл крышку рубочного люка и стал прислушиваться к плеску воды, покрывавшей лодку сверху. Когда маленькие торпедные катера мчались в разных направлениях, их гребные винты громко верещали, вспенивая спокойную морскую поверхность. В момент, когда главмех закончил выравнивание лодки, я приступил к выполнению своего замысла: опустил ее на глубину 15 метров и начал бесшумное движение. В отдалении на безопасной дистанции прогремели три взрыва глубинных бомб.

04.40. «У-953» погрузилась на глубину 20 метров. Все больше торпедных катеров сновали над нами, разбрасывая ручные гранаты для нашего устрашения.

05.08. Впереди с правого борта разорвались шесть глубинных бомб. Бесчисленные верещающие винты на поверхности заставляли нас покрываться холодным потом и строить мрачные прогнозы во влажной стальной гробнице.

05.20. Со стороны открытого моря прогремели взрывы кассет из 12 глубинных бомб. Импульсы «асдика» стали пронизывать толщу воды на небольшой глубине. Впереди по правому борту взорвались новые кассеты. Раскаты их взрывов прокатились сквозь прибрежные воды и еще долго звучали вдалеке.

06.45. Подлодка опустилась на глубину 40 метров. Торпедные катера остались далеко за кормой, продолжая разбрасывать гранаты. Впереди от мыса Кессан до самой южной оконечности скалистого побережья Брестской бухты море содрогалось от взрывов глубинных бомб, сбрасывавшихся наугад.

07.30. Я изменил курс лодки на юго-юго-запад и опустил ее на глубину 50 метров.

08.10. Мы двигались прямо над океанским дном, неоднократно застревая в песчаных наносах, но каждый раз течение плавно поднимало нас над неровным дном. В нескольких милях двигались зигзагообразным курсом на средней скорости четыре эсминца. По правому борту группа морских охотников прощупывала радиолокаторами глубину в поисках беглецов из Бреста. Наши гражданские пассажиры медленно умирали от страха и нервного напряжения.

09.00. Мы взяли новый курс 200 градусов. Лишенный возможности видеть и ориентироваться по приборам, я целиком полагался на собственную интуицию. С двумя выключенными электромоторами лодка перемещалась на воздушной подушке устремленного на юг течения. Импульсы «асдика» били по ее корпусу с нарастающей силой, все громче становился шум от передвигавшихся наверху кораблей.

09.40. Начался отлив. Главмех опустил нос лодки на песчаное дно в 85 метрах под бороздившими море охотниками. Не менее десятка эсминцев беспокойно взбивали воду над нами гребными винтами. Они постоянно совершали круговые движения, останавливались, слушали глубину, сбрасывали и сбрасывали бомбы, меняли диспозицию, двигались назад и вперед, снова останавливались, ощупывали дно локаторами и сбрасывали глубинные бомбы, взрывы от которых толкали нас на скалы и превращали корпус лодки в камеру пыток.

Полдень. «У-953» двигалась по течению с дифферентом на нос, плавно раскачиваясь, как маятник. Взрывы глубинных бомб и шум гребных винтов наверху держат каждого обитателя лодки в напряжении. И все же вода ~ серая, мутная, теплая, полная водорослей и океанского мусора — защищала лодку от пеленгации.

16.30. Прилив начал ослабевать, течение стало менять направление в сторону открытого моря. «У-953» приподняла свою носовую часть и возобновила движение над неровным дном. Она медленно входила в Бискайский залив среди скрежета, верещания и грохота. Когда шум постепенно затих, стало ясно, что мы миновали зону действий британских кораблей и выбрались из западни. Мы вырвались на свободу, но оставались пленниками собственной воню. Узкий стальной цилиндр лодки переполнял смрад, исходящий от множества потных тел, солянки и машинного масла, переполненных испражнениями жестяных банок. Некоторых инженеров-кораблестроителей рвало.

24 августа. 03.00. Наступило подходящее время, чтобы провентилировать отсеки лодки при помощи «шнёркеля». Операция требовала запустить дизели, находясь под водой. Действие этого прибора уже давно вызывало у меня любопытство. Главмех вывел лодку на глубину 14 метров, поднял мачту-трубу и высушил ее, затем были открыты клапаны. С протяжным свистом в корпус лодки устремился свежий воздух. Заработал один из дизелей, закачивая в корпус больше морского воздуха. Набрав скорость, лодка пошла на глубине устойчивым ходом. Просто чудо! Я наблюдал, как возрождалась лодка. Отпала необходимость подниматься на поверхность, подвергаясь смертельному риску. Жизнь внутри корпуса снова стала сносной.

Мы перезарядили батареи и пошли крадучись по восточной окраине Бискайского залива, кишевшей неприятельскими кораблями. Периодически двигатели заглушались, производилось прослушивание среды нашего обитания акустическими приборами для того, чтобы ни один охотник не смог запеленговать наш корпус и заставить врасплох губительной бомбардировкой. Когда занялся новый день, я приостановил нашу операцию по вентиляции воздуха под водой. Перископ и поплавки были убраны, и «У-953» пошла дальше, балансируя на глубине 40 метров.

Пока солнце совершало свое дневное движение по кругу, «У-953» продолжала следовать вслепую на юг в подводном положении. Когда снова пришла полночь, мы выдвинули поплавки и перископ на поверхность. Ни один самолет, патрулировавший залив, не заметил вершушек «шнёркеля» и перископа, хотя пилоты летали довольно низко над водой.

На заре 26 августа нам удалось добраться до самой южной точки нашего маршрута. Отсюда я решил совершить быстрый переход на восток к порту на побережье залива. Через пять часов «У-953» мягко опустилась на грунт на глубине 48 метров. Я приказал поднять лодку на перископную глубину и разглядел тонкую линию побережья на востоке. Внимательно осмотрев горизонт, я заметил на севере покачивавшиеся вершушки мачт и дымовые трубы эсминцев. Лишь случайно мы остались незамеченными ими.

13.20. Когда я в очередной раз выдвинул перископ, то увидел, что берег возвышался перед нами как стена. Мы приблизились к нему вплотную, настолько близко, что это уже становилось опасным. Я принял срочные меры, чтобы нас не вынесло на берег, и скомандовал:

— Лево руля, курс 3-40.

Вскоре мы чуть не столкнулись с маяком на северной оконечности острова Олерон. Показалось звено из шести двухмоторных самолетов, летевших на малой высоте. Я опустил перископ, пока они пролетали над нами. Через три минуты небо стало чистым. Я взял несколько пеленгов от маяка, пока мой штурман Хеннеке прокладывал курс. Мы обнаружили сильное течение, уходившее на север, и я понял, что не смогу определить до ночи, когда можно рискнуть подняться на поверхность и следовать в порт. Пока же лодка была вынуждена блуждать под водой в районе, где несколько дней назад погибли некоторые из моих друзей. Я вошел в помещение центрального поста и занялся изучением карты, содержавшей подробную характеристику прибрежных вод вокруг двух островов. Остров Ре, в центре которого располагался небольшой городок Сент-Мартин, имел сомнительную репутацию. Древняя крепость служила прежде перевалочным пунктом,

откуда французы расселяли по дьявольскому острову закоренелых преступников и политических заключенных.

Через два часа после захода солнца мы поднялись на поверхность. Маяк исчез. Полагая, что течение отнесло нас к северу, я направил лодку на юг к башне, которая возвышалась на побережье. Мы двигались на электромоторах, чтобы не привлекать внимания эсминцев и не задействовать акустические мины. Через семь минут я увидел в бинокль высокую, узкую башню. Определив ее как маяк, я сообщил об этом штурману, полагаясь на его умение провести лодку на якорную стоянку порта Ла-Рошель.

— Время поворачивать на восток, новый курс 1 — 1 — 5, — предложил Хеннеке.

— Лево руля, курс 1 — 1-5, — скомандовал я.

«У-953» бесшумно повернула к берегу. Но в следующий момент мне показалось, что она врезалась в землю. Внезапный скрежет и легкий толчок свидетельствовали о том, что лодка действительно ударилась о дно, соскользнула в мягкий ил и остановилась.

— Продуть балласт — полный назад! — закричал я.

Лодка поднялась, бешено вращавшиеся винты вынесли ее из ила на глубину. Не обращая внимания на возможность присутствия эсминцев, я приказал включить определитель глубины, нашел проход в узком проливе и повел лодку на восток, порой задевая дно. Что-то действительно не ладилось. Пока мы четыре часа двигались вперед, маяк постепенно растворился за кормой. Не удавалось найти сколько-нибудь приметный ориентир. Я еще больше засомневался, когда дно снова стало сближаться с нашим килем. В конце концов лодка сделала круг и ударилась несколько раз о дно. Я был вынужден заключить, что мы попали в западню. В это время день уже кончился и на поверхность моря опустился туман. Мы всплыли и стали на якорь, рассчитывая продолжить движение, когда клубы тумана испарятся под солнцем.

В 07.40 туман осел, обнажив верхнюю часть берега. Вскоре он очистился полностью. Лодка тоже вышла из тумана. Я поспешил поднять якорь и начал сверяться с картами и справочником. В это время прогремел взрыв примерно в 100 метрах с левого борта. Последовал глухой рокот артиллерийского выстрела. Нас обстреливала собственная артиллерия.

— Запрос, герр обер-лейтенант, запрашивают наши опознавательные.

— Старпом, сообщите им фонарем наш номер. Скажите, чтобы они передали на базу о нашем прибытии в порт в 23.00.

Осознав, что зашел не в ту бухту, я приказал главмеху срочно погрузиться. «У-953» опустилась на илистое дно с легким толчком. Ограждение мостика покрыла сверху на три метра мутная, серая от песка вода — и только что начался прилив. Мое обещание прибыть в порт до полуночи оказалось чересчур оптимистичным.

Теперь стало совершенно ясно, что я принял маяк на северной оконечности острова Ре за маяки острова Олерон. Поскольку днем раньше я определил маяк правильно, то пришел к заключению, что сильное течение отнесло нас на север на невероятную дистанцию в 17 миль и мы, не зная об этом, проскочили мимо усеянного минами входа в порт, где на прошлой неделе подорвались три наши подлодки. Поскольку ночью все маяки выглядят одинаково, у меня не было оснований полагать, что я взял пеленги не с той башни. Кроме того, проход к бухте, в которую меня занесло, имел характеристики, почти идентичные тому, что вел в Ла-Рошель.

Теперь, прильнув к перископу, я был вынужден следить за началом спада воды и гадать, сколько времени нам будет позволено оставаться живыми. За маяком поверхность моря отслеживали три британских самолета. Между тем наш мостик поднимался все выше и выше над мутно-серой водой. Через два часа после полудня отлив прекратился, однако я был настолько заинтригован дерзкими полетами самолетов, что не замечал прилива до тех пор, пока мостик не поглотила морская вода. Затем с чувством облегчения спустился в помещение центрального поста и там играл в карты с главмехом и другими подводниками до ночи.

21.30. «У-953» поднялась на поверхность, вышла на полных оборотах грохочущих дизелей из враждебной бухты, пронеслась мимо маяка на полмили в море, повернула на юг и двинулась параллельно берегу острова Ре в порт. Мы видели, что нас преследуют британские эсминцы, раздосадованные безнаказанностью дерзкого броска подлодки. После бесконечного часа прослушивания верещащих радиолокационных импульсов мы вошли в пролив, ведущий в Ла-Рошель. Затем, остановив дизели, я включил бесшумные электромоторы.

Вскоре мы заметили силуэт небольшого тральщика, посланного нам навстречу. Получив наш ответ на запрос, корабль поспешил назад в порт, громяхая своим тралом. Перед ним дугой разорвались на различных дистанциях шесть акустических мин. Взрывы встряхнули и корпус нашей лодки, и всю команду.

28 августа, в понедельник, в 02,30 «У-953» наконец проскользнула на свою стоянку в бетонном бункере Ла-Палиса. Это была единственная подлодка, которой удалось передислоцироваться сюда из северных портов.

Когда мне принесли ароматный утренний кофе, я задернул занавеску в своем углу и включил свет, чтобы насладиться напитком. Взбодрившись, я покинул лодку, чтобы доложить о прибытии командующему Третьей флотилией. По пути я заметил только две подлодки — старые посудины, боевые рубки которых имели вмятины и разводы ржавчины. Повсюду виднелись следы запустения и заброшенности. Пройдя до конца холодный темный бункер, я вышел на сырой утренний воздух. После короткой поездки в «ситроене» прибыл в старинный огороженный стеной город Ла-Рошель. Машина остановилась перед трехэтажным зданием, и часовые указали мне путь в кабинет командующего.

Из-за стола поднялся тучный офицер небольшого роста, одетый в выцветшую форму хаки. Он был, видимо, лет на 15 старше меня.

— Мне уже сообщили о вашем прибытии, — сказал офицер. — Вам не нужно было дожидаться сегодняшнего дня, чтобы войти в порт, мы готовы были принять вас и в выходные дни. Вам повезло, что наши артиллеристы приняли ваш сигнал. Обычно они не делают этого. У них приказ — открывать огонь по любой приближающейся цели. Сначала они приняли вас за британскую подлодку, высаживавшую диверсантов. Как видите, мы хорошо подготовились для отражения десанта.

— Вы полагаете, что осада порта неизбежна?

— Да. Они могли бы попытаться высадиться с моря, но наша артиллерия заставляет их держаться на расстоянии. Мы находимся в несколько лучшей диспозиции, чем Брест и Лориан.

Он кратко сообщил мне о мерах, принятых объединенным командованием вооруженных сил по обороне города. Германский фронт обороны побережья Бискайского залива сужался, и флотские защитники Ла-Рошели рассчитывали на большой приток в город тяжелой артиллерии, танков, пехоты, который освободит их от непривычных функций по ведению оборонительных боев на суше. Командующий предложил мне отослать лишних подводников с «У-415» и инженеров-

кораблестроителей к его адъютанту, который позаботится об их немедленной переправке в Германию. Все оборудование, вывезенное из осажденного союзниками Бреста, необходимо погрузить на грузовики и доставить в германские порты.

—Ваша лодка должна быть готова к выходу в море. Четыре дня пребывания в порту — вот все, что я могу вам предложить, — сказал командующий.

—Но, герр комендант, мне нужно больше времени. Мои батареи и дизели следовало поменять еще несколько месяцев назад. Мне сказали, что здесь на лодку поставят новые батареи. Из-за этого мы и прибыли сюда.

—Вас дезинформировали, — ответил он жестко. — У нас ничего нет. Жаль, конечно, но вам придется подождать переоснащения лодки до прибытия в Норвегию. Я с трудом сдержал свое возмущение, отдал честь и вышел из комендатуры. За четыре дня мы не сможем вывести лодку из аварийного состояния, не говоря уже о подготовке к длительному боевому походу. Уже короткий переход из Бреста выявил бесчисленные неполадки. Чем дольше мы оставались без ремонта, тем большие неприятности нас ожидали.

По возвращении в Ла-Палис я приказал своим бывшим офицерам с «У-415» сойти с командой на берег и готовиться к отъезду в Германию. Затем я сообщил офицерам с «У-953» о графике молниеносной подготовки к выходу в море. К своему разочарованию, мы вскоре обнаружили, что все немецкие специалисты с верфей отправились на родину в преддверии надвигающейся осады. Пришлось всех наших механиков и мотористов определить на работы по приведению «У-953» в боеспособное состояние. На пирсе, а также на стоянке началась кипучая деятельность. Увесистый груз, мешавший ремонту, был вынесен с лодки и погружен на грузовики. Пока шла погрузка, водители нервничали, стремясь поскорее начать свой рейс на восток.

Обстановка в порту отражала общее замешательство среди наших войск во Франции. Пока мы были в море, союзники, наступавшие по всем направлениям, заняли значительные территории. В Бретани американцы захватили Нант и быстро продвигались вдоль побережья, 24 августа пал Париж, к неопишуемой радости французов. Наступая вдоль Лазурного берега, силы вторжения заняли Тулон и Марсель. Наша безнадежная борьба в Южной Франции завершилась. Повсюду на контролируемых нами территориях активизировались группы диверсантов из французского движения Сопротивления. Отряды партизан, которых союзники снабжали во всем необходимым, совершали диверсии на наших коммуникациях, путях снабжения и отступления в Германию. Бомбардировщики союзной авиации бомбили железнодорожные пути и шоссе магистраль, а истребители обстреливали из пулеметов длинные колонны войск, уходивших из западных портов. Погибали тысячи людей, не обученных для ведения боя на суше. Среди них секретарши, инженеры, гарнизонные клерки, моряки, судостроители, грузчики, автомеханики. Некоторые колонны беженцев сократились до жалких кучек людей, упорно пробивавшихся в Германию. В дни общего отступления в конце августа из Ла-Рошели и соседних портов эвакуировалось 25 тысяч человек. Среди них были подводники с бывшей «У-415», сотни моряков с других подлодок, не нашедших применения в войне на море. В Бордо экипажи «У-123», «У-129», «У-178» и «У-188» были вынуждены взорвать свои подлодки, прежде чем пуститься в путь на родину по суше. Их переход через враждебную Францию сопровождался адскими испытаниями и унижениями. Лишь немногим удалось добраться до границ Германии. Остальные оказались в могилах или за колючей проволокой.

В Ла-Рошели трагедия подводного флота продлилась несколько дольше. Одна подлодка, «У-260», в конце августа добралась до Норвегии. Ей удалось прорваться сквозь блокаду союзников, но и она позднее подорвалась на минном поле близ южного побережья Ирландии. С уходом «У-260» моя лодка осталась единственной в гигантском бетонном сооружении, вмещавшем в год нашего наивысшего морского могущества более 40 подлодок. «У-953» была также и единственной

подлодкой, оставшейся во французских портах. С начала вторжения союзников на континент было уничтожено 66 наших подлодок, а потоплено судов противника тоннажем все лишь 170 тысяч тонн. Противолодочная оборона союзников стала настолько эффективной, что более трех четвертей подлодок со «шнёркелями», направленных для борьбы с неприятельскими десантными судами, не вернулись на базу. В решающие дни августа можно было ожидать, что британская противолодочная оборона вдоль судоходных маршрутов через Ирландское море и Северный пролив ослабеет, однако выжили лишь немногие наши подлодки, рассчитывавшие воспользоваться этим перерывом.

С уничтожением минимум 90 процентов оперативных единиц подводного флота и потерей всех баз на побережье Бискайского залива штаб был вынужден прекратить боевые операции в Ла-Манше. Последний акт трагедии должен был разыграться на севере. Моя же подлодка застряла в плачевном состоянии в Ла-Рошели,

Понимая, что Франция безвозвратно потеряна и что у нас осталось лишь несколько дней, чтобы потратить свое последнее жалованье, я отпустил после полудня в субботу команду на три часа сделать закупки в торговых рядах деловой части города. Мои карманы были забиты франками, но я нашел очень мало товаров, заслуживающих внимания. Купил лишь халат матери да шелковые чулки сестре. К комендантскому часу мои подводники быстро возвратились в свою временную резиденцию в городе, поскольку ночью нашу безопасность больше никто не мог гарантировать. Только утром были обнаружены в сточной канаве, протекавшей по краю одной из улиц, тела двух полураздетых морских офицеров. У каждого было перерезано горло и отрезан пенис.

«У-953» к концу недели так и не получила приказ на выход в море. Мои механики трудились все воскресенье, чтобы завершить самый необходимый ремонт, но только во вторник 5 сентября главмех посчитал лодку пригодной для похода — с некоторыми оговорками и ограничениями. Я запланировал выход в море на ночь в среду.

6 сентября в 10.00 я зашел в комендатуру, затянувшись в свежий отутюженный мундир, чтобы доложить коменданту о готовности «У-953» к походу. Он принял меня в неформальной обстановке и пожелал удачи. Затем комендант сообщил, что капитан Розинг, высокопоставленный офицер штабного подразделения «Запад», который собирается в случае осады города вылететь в Германию самолетом, просил меня явиться к нему. Меня заинтересовало, что он должен был мне сказать. Я не вполне представлял себе круг его обязанностей, поскольку вопросы оперативного использования подлодок решались в штабе Деница. Меня ожидала бронемашина, и мы помчались по городу с такой скоростью, что было слышно, как визжат о мостовую покрышки. Через несколько минут мы прибыли на великолепную виллу. Здесь повсюду готовились к спешному отъезду. На лужайке матросы жгли кипы документов, на грузовики грузились шкафы и оргтехника. Меня привели в изящный кабинет капитана.

Розинг, одетый в белоснежные брюки, упаковывал в саквояж теннисные мячи и ракетки. Затем отрывисто заговорил:

— Как-то пролистал ваш вахтенный журнал. Вы неплохо водите лодку на мелководье. Это ваша специализация? Кажется, и блокады вы прорываете без труда.

— Герр капитан, я действовал сообразно обстоятельствам, — ответил я, раздраженный по двум причинам. Во-первых, именно он передавал нам в минувшем мае приказ о необходимости таранить подлодками неприятельские корабли. Во-вторых, для меня мало значил комплимент в устах человека, который командовал лодкой крайне незначительное время и, возможно, никогда не слышал разрывов глубинных бомб.

— Ладно, на этот раз вы получите трудное задание, — продолжил Розинг.

Он развернул карту с нанесенным на ней маршрутом моего похода. Я должен был проводить операции в Северном проливе, в опасной зоне между северным побережьем Ирландии и минными полями к западу от Шотландии. Подробные указания должны быть даны по радио. Розинг передал мне некоторые карты минных полей. Он объяснил также, как миновать минные поля у Ла-Рошели, прорваться сквозь блокаду британских кораблей и добраться до заданного района. Закончил он тем, что спросил:

—Вопросы есть?

Поскольку у меня было собственное представление о навигации, я ответил, что вопросов нет.

Мы отдали друг другу честь, и на этом наша своеобразная встреча завершилась. Я побежал к бронемашине и помчался на ней в компаунд, минуя воинские колонны. Там я упаковал свои скромные пожитки и на той же бронемашине отправился к бункеру. По пути встретились несколько тяжелых танков, грохотающих по улице, и колонна пехоты с полевой артиллерией, двигавшаяся через город, чтобы занять свои позиции на внешней оборонительной линии. Оттуда доносился глухой рокочущий шум приближавшейся битвы. Менее чем за неделю Ла-Рошель превратилась из сонного средневекового городка в укрепленный боевой пункт, гарнизон которого был готов сражаться до последнего.

Прибыв в Ла-Палис, я немного задержался у входа в бетонный бункер, устремив свой взгляд к солнцу. Умышленно посмаковал эти минуты, потому что знал, что ночью уйду с лодкой под воду и буду жить во тьме многие недели. Я знал, что в лучшем случае не увижу солнца до тех пор, пока лодка, пройдя две тысячи миль под водой, не всплывет осенью или, скорее, зимой в норвежском фиорде. В худшем же случае я мог вообще не увидеть дневного света и погрузиться в подводную могилу, в вечную тьму.

Подойдя к лодке, я был поражен видом деревянных контейнеров со свежими овощами, стоявшими на палубе. На мгновение показалось, что ничего не изменилось с тех славных дней, когда я начинал службу подводника. Впрочем, все стало по-иному. Несколько сотен наших подлодок улетучилось, подобно нашим победам на суше. Но осталась, по крайней мере, одна, обреченная на гибель в сражении.

Я подозвал старпома, следившего за погрузкой продовольствия, и сообщил ему:

—Выходим из этой западни в час ночи. Без эскорта, учтите это. И пожалуйста, никакой переклички.

—Как насчет уведомления артиллерийских батарей на побережье?

—Не хотелось бы, чтобы они знали о нашем отходе. У «томми» уши повсюду. Лучше рискнуть быть обстрелянными.

После ужина в 20.30 наступило полное затемнение. Я закрылся занавеской в своем углу и растянулся на зеленом кожаном матрасе. Бремя ответственности за команду давило на меня со всей своей тяжестью. С уходом последней подлодки из нашего последнего порта на побережье Бискайского залива битва за Атлантику подошла к горькому и вместе с тем дерзкому финалу.

ГЛАВА 25

7 сентября; 01.00. При тусклом свете я изучал навигационные карты в помещении центрального поста. Был так поглощен планированием выхода в море, что вздрогнул, когда услышал голос старпома:

— Подлодка покинуть порт готова — команда на своих местах.

— Благодарю. Теперь задраить люки всех переборок, команде надеть спасательные жилеты. Когда будем пересекать бухту, только два-три человека должны оставаться в корпусе.

Клацнули водонепроницаемые двери, подводники облачились в свои желтые спасательные жилеты. Я натянул на себя куртку на овчине, последовал за командой на ходовой мостик и командовал приглушенным голосом:

— Отдать носовые и кормовые. Оба мотора на полные обороты, реверсивный ход — прямо руль!

Подлодка бесшумно отошла от пирса и выскользнула в бухту из бетонного убежища кормой вперед. Прошли в ночной тьме первые 300 метров. Никто не заметил нашего ухода.

— Стоп машина! Малый вперед! 20 — влево. Новый курс 20-80.

Я повел лодку к центру пролива между двумя островами. В последний раз я взглянул на уплывавшую в призрачной дымке Ла-Рошель, которая вскоре разделила судьбу Бреста и других портов, осажденных союзниками. Лодка двигалась по темной поверхности залива — последний из «волков» покидал свое логово. Было тяжело расставаться с этим берегом, откуда мы пронесли немецкий флаг через семь морей. У меня было такое ощущение, что все мои прежние походы, все наши огромные жертвы оказались напрасными.

Когда неясные очертания берега скрылись за горизонтом и лодка вышла в горловину бухты, высота прилива стала максимальной. Впереди по правому борту стройная башня маяка на острове Олерон указывала нам путь сквозь ночной туман.

— По правому борту тени. Эсминцы, пеленг 3-40.

В этот момент на нас вышли шесть неприятельских кораблей, едва заметных в открытом море. Однако радиолокационные импульсы не беспокоили. Нас не обнаружила и своя береговая артиллерия. Когда взятый пеленг на призрачный маяк по левому борту показал] 20 градусов, я изменил курс и повел лодку на юг. «У-953» двигалась медленно, используя в качестве прикрытия черную береговую линию. После того как скрылся маяк, я рискнул запустить дизели. Как только они начали дымить отработанными газами, лодка набрала скорость. Мы шли десять миль вдоль видимого побережья берега под постоянной угрозой быть перехваченными противником. Но, как я и предполагал, неприятельские сторожевики с началом рассвета удалились, чтобы не подвергаться риску обстрела нашими береговыми батареями. Затем я повел лодку в открытое море. Когда на небе погасли звезды, «У-953» ушла под воду. Теперь мы расстались с берегом Бискайского залива навсегда.

На закате второго дня нашего похода разыгрался шторм. Сильный ветер гнал высокую волну, покрывавшую наш «шнёркель». Снабжение корпуса лодки воздухом часто прерывалось, в нем возникал вакуум, приводивший к удушью. От него наши головы буквально раскалывались. Но, несмотря на бушующий шторм, я чувствовал себя великолепно. Под защитой 14-метровой толщи воды и сильного волнения моря запеленговать нас было почти невозможно. Уже давно я не находился в такой безопасной обстановке, неприятности с использованием «шнёркеля» компенсировались снижением угрозы атаки с воздуха.

В эти часы скрытного движения наши радисты при высочайшей бдительности занимались дешифровкой радиogramм из штаба, касающихся «У-953» и нескольких других «волков», все еще остававшихся на плаву. Находясь в помещении центрального поста, я обнаружил в потоке радиogramм и приказ о нашей новой операции. Он состоял в том, что наша лодка совместно с «У-

484» и «У-743» должна была заняться патрулированием на западных подступах к Северному проливу. «У-953» предписывалось обеспечить крайний южный фланг этого рубежа.

По окончании сеанса передачи приказов оперативного содержания штаб сообщил нам резюме последних коммюнике верховного командования вермахта. В них говорилось о тяжелых боях и наших потерях в Западной и Южной Франции. Англичане развернули мощное наступление на Бельгию, американцы вышли на линию Намур- Орлеан. Мы узнали также, что франко-британские войска движутся на север вдоль реки Рона, а Советы готовы вступить в наши восточные земли. В других сообщениях, тоже удручающих, говорилось о бомбардировках Германии многочисленными эскадрильями бомбардировочной авиации союзников, которые сравнивали с землей наши города и превращали их в печи крематориев. Не было ни одной обнадеживающей вести, ни малейшего намека на остановку в пагубном развитии событий.

В ночь на 10 сентября короткое замыкание кабеля в помещении центрального поста поставило нас на грань катастрофы. Только мгновенная реакция главмеха, затушившего пожар руками в перчатках, спасла нас от аварийного всплывтия, чреватого гибелью.

«У-953» шла устойчивым курсом на северо-запад, преодолевая обширные пространства Бискайского залива. Поверхность моря взбурывали сильные осенние ветры, что затрудняло использование «шнёркеля». В ранние часы 11 сентября, как раз после того, как мы миновали восьмой градус западной долготы, вышла из строя наша центробежная помпа, а без нее мы теряли возможность сохранить способность оставаться на плаву в чрезвычайных обстоятельствах. Унтер-офицер Бергер, старший механик, разобрал помпу иковырялся в ней до заката, пока она не заработала.

13 сентября, вскоре после полуночи, поступившие из штаба дурные вести касались меня лично. Случилось то, чего я долгое время опасался: под массированную бомбежку попал Дармштадт, где находился новый дом моих родителей. Воздушный налет, происшедший в минувшую ночь, стер с лица земли центр города, десятки тысяч горожан погибли, многие тысячи остались без крова. Родители, переехавшие в город, вопреки моим возражениям, очевидно, снова потеряли все свое имущество — о чем-то более трагичном я и думать не хотел. Надеялся, что они укрылись в ближайшем бомбоубежище.

На следующий день «У-953» взяла курс на северо-запад, следуя вдоль континентального шельфа. Нашему движению под водой пока ничто не мешало, поскольку мы находились вдали от порта. Мы доверяли «шнёркелю» ровно настолько, насколько его отсутствие приводило к гибели другие подлодки.

16 сентября. Через 40 минут после полуночи внезапно заглох дизель с правого борта. Нас начали преследовать аварии. Когда главмех вернулся с кормы, его хмурое лицо выражало тревогу.

— В дизеле лопнула втулка — черт бы его побрал, этот старый хлам.

Внезапное удушье помешало нашему разговору. Поплавок застрял в «шнёркеле», и доступ воздуха в корпус прекратился. Левый дизель высосал почти весь остававшийся в нем воздух, прежде чем был заглушен. Подводники судорожно дышали с выкатившимися из орбит глазами. Главмех опустил лодку под воду в надежде освободить «шнёркель» от поплавка. Однако маневр не дал результатов. Дышать стало еще труднее. Главмех отчаянно жестикулировал, пытаясь побудить своих помощников опустить трубу «шнёркеля» в целях устранения затора. Механики судорожно дергали рычаги, тянули трубу, ухватившись за трос, затем подняли ее простым домкратом. Потянулись мучительные минуты, затем труба освободилась от затора и морская вода устремилась в днище под звуки, напоминавшие полоскание горла. Поплавок с хлопком выскочил из трубы, и она начала всасывать внутрь воздух. Внезапная перемена давления ударила многих по

барабанным перепонкам. Не выдержав боли, моряки опустили на палубные плиты и судорожно глотали воздух, чтобы уравновесить давление.

Неудачи и поломки продолжали преследовать лодку. В ночь на 17 сентября доставляли много нервного напряжения попытки удержать лодку на глубине «шнёркеля» в условиях разбушевавшегося моря и работы одного дизеля. Главмех часами пытался зарядить наши батареи, но этому препятствовало сильное волнение, из-за которого поплавки постоянно застревал в трубе «шнёркеля». Затем без всякого предупреждения лодка вырвалась из-под контроля моего опытного главмеха. Из дизельного отсека донесся плеск воды. Лодка резко осела на корму и пошла вниз под большим углом, совершенно неуправляемой. Главмех с отчаянной решимостью попытался остановить погружение лодки на глубине 285 метров, и после нескольких невероятных усилий она вновь была взята под контроль.

Причина проникновения воды в дизельный отсек оставалась загадкой. Видимо, она как-то прошла внутрь лодки через воздухозаборную трубу «шнёркеля». В днище дизельного отсека скопилось свыше 20 тонн воды, да еще пять в самой трубе. После того как труба вышла оттуда, мы снова опробовали «шнёркель», но вместо воздуха через него в лодку хлынули новые потоки воды, заставив ее продолжить погружение, чреватое катастрофой.

Не оставалось сомнений, наш «шнёркель» оказался недееспособен. Ситуация становилась угрожающей. Мы стояли перед выбором — либо задохнуться под водой, либо подняться на поверхность моря, где нас мог уничтожить противник. Я выбрал всплытие. В этом случае оставался слабый шанс добраться до побережья Ирландии и, скрываясь между скалами, исправить неполадки. Я изменил курс лодки с северо-запада на восток и поднял ее на поверхность штормившего моря. Стрелки бросились к своим автоматическим пушкам. Два моториста сняли с палубы решетки и скрылись в пространстве между легким и прочным корпусами, чтобы выяснить причину неисправности. Левый двигатель громко заревел и потащил лодку сквозь ураганный ветер, громады волн и ливень. Ночь была явно не из разряда обычных, но она держала охотников в портах.

Поскольку погода нам благоприятствовала, я продолжил движение к берегу и полностью перезарядил батареи. Перед закатом мы ушли под воду без приключений. Главмех доложил о неисправности, которую обнаружили мотористы: в воздухозаборнике был сорван поврежденный скрытый фланец. Установка нового фланца могла начаться не раньше вечера.

Мы провели еще одну ночь на поверхности штормового моря, спасавшего нас от преследования. Наконец через два часа ремонтных работ под ударами морских волн мотористы установили новый фланец и полностью перезарядили батареи. После столь невероятной удачи «У-953» нырнула под волну двадцатиметровой высоты.

На следующую ночь в 23.18 мы заметили свет маяка на ирландском побережье, миролюбиво мигавший нам издали. После консультаций со старпомом у перископа я решил, что это маяк Луп близ устья реки Шанон. Через 40 минут после полуночи во время регулярного акустического прослушивания мы слышали разрывы глубинных бомб в той зоне моря, которую пересекли минувшей ночью. Англичане вернулись к охоте за подлодками.

Мотористы приступили к разборке правого дизеля и починке его втулки. Мы в носовых отсеках сосредоточились на том, чтобы удержать под водой лодку на глубине «шнёркеля». В эти опасные напряженные часы до нас доходили короткие радиogramмы и новости. Штаб настойчиво рекомендовал немногим одиночным «волкам» следовать в норвежские порты вдоль пограничной линии в 200 метрах от ирландского берега. Однако наблюдения за обстановкой заставили меня подозревать утечку из нашей системы безопасности, благодаря которой британские эсминцы вышли на эту линию первыми. Почти полдюжины подлодок бросили вызов превосходящим силам

союзников, и все они, кроме двух, погибли. В помещении центрального поста я получил радиogramму бедствия, продублированную штабом: «Подверглись бомбардировке. Тонем. 62 С. Ш., 01 В. Д. «У-867». Чуть позже поступила еще одна радиogramма бедствия из того же района: «Дефект в «шнёркеле». Атакованы с воздуха. Погрузиться не можем. «У-865». Это была последняя радиogramма лодки. Перед рассветом она была потоплена самолетом.

Позднее в ночь пришло сообщение о том, что крепость Брест пала после четырехнедельной осады. Я вспомнил о капитане Винтере, который, должно быть, сделал все возможное для обороны города. Затем мои мысли перенеслись в Дармштадт. Как там моя семья? Год назад мне сообщили бы об этом. Тогда Дениц еще поддерживал связи со своими капитанами, информируя их о хороших и дурных событиях дома. Но эти дни безвозвратно ушли в прошлое.

Внезапно из рубки донесся голос рулевого:

— Держаться курса невозможно — вышел из строя компас...

В бессильной ярости я выругался. Без гирокомпаса продолжать поход было крайне опасно. Пользоваться запасным магнитным компасом невозможно. Он не был отлажен с того времени, как лодка год назад покинула Киль, и не внушал доверия. Оказавшись в безвыходном положении, я приказал лечь на грунт. Бергер разобрал гирокомпас, предупредив несколько раз, что не имеет ни малейшего представления, как снова его собрать. Весь день вокруг нас бороздили море сторожевые корабли противника. Через 19 часов непрерывной работы Бергеру все же удалось собрать прибор.

20 сентября на рассвете я взял пеленг от маяка Инишбофин. Затем, ожидая встречи с противником, приказал отсоединить «шнёркель» и повел лодку на перископной глубине. Шум от импульсов «асдика» и вращавшихся винтов невидимых кораблей усиливался. Однако я увидел только самолет и скалы острова Клэр. Затем до меня дошло, что нас обмануло новое изобретение англичан. Они разбросали в прибрежных водах звуковые буи, имитировавшие шум гребных винтов и грохот взрывов. Таким образом противник рассчитывал выманить наши подлодки в море, где их могли бы запеленговать сторожевые корабли и уничтожить. Ободренный своим открытием, я повел лодку нормальным ходом.

На следующую ночь море успокоилось и только ложные «громыхалки» нарушали тишину. «У-953» обогнула мыс Эррис и продолжила движение к заливу Донегал. В 03.08 заглох левый дизель. С кормовых отсеков донеслось краткое сообщение:

— Заклинило муфту сцепления.

Я, подобно пирату, грязно выругался, выскочил из своего угла, заменил главмеха на посту управления, чтобы он смог разобраться в причине неисправности. Вскоре он вернулся с неприятным известием. Муфты нужно было демонтировать. С двумя бездействовавшими дизелями лодка продолжала двигаться на электромоторах еще три часа, затем легла на грунт в заливе Слайго. Целый день мотористы, перепачканные маслом и соляжкой, трудились при дефиците воздуха с фанатичным упорством. Нашими постоянными спутниками были разрывы глубинных бомб за западным горизонтом и шум «громыха-лок». Через час после полуночи оба дизеля были наконец отремонтированы и «У-953» оторвалась от грунта.

Тяжелый грохот взрывов бомбовых кассет преследовал нас во время движения вдоль скалистого побережья. Рано утром открылся маяк острова Аран, сверкавший под солнцем. С наступлением ночи я взял пеленги от острова Тори, скалы которого высились над океаном, как белоснежные соборы. Ночью «У-953» вошла в Северный пролив. Была заметна бурная деятельность англичан вдоль всей двухсотметровой береговой линии. Мы осторожно продвигались на глубине

«шнёркеля» от маяка к маяку и к рассвету добрались до острова Иништрахалл. В 06.00 наша подлодка наконец прибыла в район охоты. Она легла в засаду на скалистое дно Северного пролива, сберегая силы для атак.

Грохот взрывов на западе не прекращался. «Томми» сбрасывали кассеты глубинных бомб, словно это были малоценные каменные глыбы. Интенсивность бомбардировок снова навела меня на подозрение, что англичане были проинформированы о нашем походе и сосредоточили здесь свои силы, чтобы разделаться со мной и моими партнерами. Однажды поздним вечером в двух милях от нас прошел эсминец, направлявшийся в бухту Лондондерри. Ближе к полночи мы продвинулись на глубине «шнёркеля» на восток, проникая все дальше в глубь пролива, где конвои были вынуждены следовать в стесненных условиях. Мы крейсировали в узких проходах три часа, совершая осторожные маневры, прислушиваясь и прощупывая окружающую обстановку. Затем снова легли на дно в 13 милях к востоку от Иништрахалла. Казалось, здесь, было идеальное место, чтобы затаиться и нанести удар из засады. Постоянный глухой рокот взрывов, доносившийся под водой с запада, и слабый шум от винтов быстро двигавшихся эсминцев свидетельствовали о мощных бомбардировках, производившихся на открытом морском пространстве. Но ни один из британских капитанов не подумал о прибрежных теснинах. Они могли бы легко расправиться с нами в пространстве между берегом и ближайшими минными полями.

На третий день патрулирования лодки в проливе мимо нас в сторону Ирландского моря проследовали два эсминца. Я оставил охотников без внимания, ожидая крупную дичь, которая должна была, по нашим расчетам, скоро появиться. Преждевременная атака только раскрыла бы наше присутствие и отпугнула бы надводные суда от захода в пролив. Этот и два последующих дня отличались повышенной активностью англичан вдоль 200-метровой линии, но через пролив не прошел ни один конвой.

29 сентября после семидневного бесплодного ожидания патрулирование «У-953» внезапно оборвалось, «Шнёркель» превратил нашу жизнь в сплошной кошмар. Штормовой ветер катил с Атлантики к побережью Ирландии огромные волны. Главмех предпринимал самоотверженные усилия, чтобы удержать лодку под водой, но периодически верхушка трубы «шнёркеля» поднималась над поверхностью на три-четыре метра, позволяя «томми» легко обнаружить нас. Я не видел больше смысла рисковать гибелью лодки от бомбардировок противника или столкновения со скалами и решил прекратить наши муки:

— На сегодня достаточно, главмех, опускай ее под воду.

— Труба не двигается, — доложил механик, дергавший рычаг подъемника. — Трос порвался, эта чертовщина никуда не годится...

Новая поломка представляла серьезную проблему. Если бы лодка получила сильный дифферент, труба могла рухнуть и никакая сила не возвратила бы ее на место. Это означало бы конец нашего подводного и любого другого существования. Было совершенно очевидно, к нашему разочарованию, что лодка не способна вести охоту. И все же нам продолжало везти: труба держалась на своем месте, позволяя пользоваться «шнёркелем». Однако сейчас ее массивный и ненадежный поплавок прибора сильно выдавался над поверхностью моря, когда мы находились на перископной глубине, и мешал провести скрытную атаку.

Выход из строя «шнёркеля» увенчал наш поход, состоявший из непрерывного устранения неисправностей. Хотя команда заслуживала приза за терпение, я все-таки решил прервать патрулирование в проливе. С трубой «шнёркеля», нелепо торчавшей на глубине 40 метров, «У-953» взяла курс на свою новую базу — норвежский порт Берген. Преодолевая сильное подводное течение, мы пересекли пролив по диагонали и, лавируя между минными полями и британскими группами сторожевиков, направились к Гебридским островам.

В полночь 1 октября дизели все еще тащили лодку вперед. Склонившись в помещении центрального поста над столиком для навигационных карт, я составлял радиограмму, информировавшую штаб о нашей неудаче, и планировал быстрое бегство с места радиосигнала. В 01.00 радиограмма была отправлена. Понадобилось всего четыре буквы кода, чтобы сообщить: «В проливе нет движения конвоев. Мощная противолодочная оборона. Лодка в аварийном состоянии. Возвращаемся на базу. «У-953».

Моя радиограмма побудила штаб запросить другие подлодки их оценку обстановки. На запрос не ответили три наших партнера по операции в Северном проливе. «У-484» и «У-743» англичане уничтожили в тот же день менее чем в 20 милях от нас на северо-западе от острова Инштрахалл. «У-925» была потоплена близ побережья Ирландии.

Моя радиограмма имела и другие неприятные последствия: на рассвете радар обнаружил три эсминца, приближавшихся с кормы. Я поклялся больше не использовать радиопередатчик, пусть парни из штаба гадают о том, что происходит. В 10.30 была запеленгована новая группа кораблей-охотников, на этот раз впереди по левому борту. Мы насчитали шесть эсминцев, бороздивших море. Они, наверное, имели в придачу эскадрильи самолетов, помогавших вести поиск. Вскоре шум от радиолокационных импульсов, работавших двигателей и вращавшихся винтов заполнил все отсеки. Одни подводники слушали его с расширенными от страха глазами, другие свернулись на своих койках, делая вид, что ничего не слышат. Шесть кораблей «томми» вели поиск, прощупывая глубины моря, не подозревая, что мы огибаем минное поле в трех милях к востоку от них и всего лишь в 20 метрах от поверхности. Ночью шум переместился к корме, а затем ушел дальше в море. В полночь нас беспокоил какой-то корабль, но через два часа он удалился, и в 03.30 мы вдохнули свежего воздуха и загремели дизелями на поверхности.

За несколько суток «У-953» прошла мимо Гебридских островов на север. Там мощные порывы осеннего ветра гнали высокие волны. Подлодка как-то ухитрялась продлевать свое существование, несмотря на постоянное преследование эсминцев и частые появления самолетов. В эти недели бесконечных срочных погружений подводники получали невыносимую нагрузку на барабанные перепонки, зрение, легкие, но, хуже того, оставались наедине со своими тайными мыслями. Можно было вспомнить о беспечной юности, школе, триумфальных наступательных операциях на суше в первые годы войны, сотнях потопленных кораблей противника и чествованиях, организованных для нас по этому поводу, о женщинах, любовных утех. Но, вспоминая о прошлом, нельзя уже было остановить горькие мысли о поражениях, неудачах в морских походах, бегствах из портов, о погибших на дне моря друзьях, отступлении на суше, разбомбленных немецких городах. Лично меня не покидала тревога о судьбе моих родителей и сестры.

Когда «У-953», следовавшая курсом на восток, прокрадывалась во вторую неделю октября 1944 года мимо Шетландских островов, уничтожение германского подводного флота подходило, к концу. С тех пор как мы покинули осажденную Ла-Рошель, было потоплено 17 подлодок — почти весь контингент, сохранившийся для боевых операций на море. Четыре из них отправились в свой первый боевой поход из Норвегии. Эти подлодки были оснащены «шнёркелями», укомплектованы хорошо обученными, но неопытными и неверно инструктированными экипажами. Они стали легкой добычей союзников.

В 40 милях на северо-восток от Шетландских островов мы попали в зону охоты группы британских сторожевых кораблей, контролировавших подходы к Норвежскому морю. Наступил 28-часовой период жестокого преследования эсминцев, нервного напряжения команды, разрывов глубинных бомб. Во время этого последнего испытания мы двигались под водой близко к поверхности, готовые в любую минуту открыть огонь и умереть. И все-таки «У-953» снова удалось выскользнуть из дьявольских объятий. Много часов после этого взрывы продолжали звучать за кормой нашей лодки, пока через шесть недель беспрецедентного подводного хода вознесшиеся к небу горные хребты Норвегии не остановили наше движение на восток.

Примерно через два часа после рассвета я заметил в перископ звено патрулировавших в небе самолетов и низкорослый маячок на одинокой скале в середине прохода в фиорд. Морские волны набрасывались на крохотный голый скалистый остров, вспенивая вокруг него поверхность моря. Не доверяя больше «шнёркелю», я включил электромоторы, «У-953», с трудом преодолевая течение, выходила на позицию, с которой можно было войти в фиорд. Морские волны обрушились на лодку. Раздался тяжелый удар, затем грохот и звон — на палубу упала труба «шнёркеля». Прилив угрожал разбить лодку о скалы. «У-953» сделала рывок вперед на скорости 10 узлов — все, что она могла выжать из себя в подводном положении. Она билась, как лосось, в бурных водах, медленно продвигаясь метр за метром. Пройдя маяк, «У-953» попала в бурный водоворот и понеслась к скале, отвесно возвышавшейся над морем. Быстрая перекладка рулей — лодка вошла в фиорд. Итак, мы снова выжили.

ГЛАВА 26

В центре фиорда неподвижно стоял тральщик береговой охраны, не замечая нашего прибытия. Я смог четко различить в окулярах перископа лица моряков на тральщике, потом опустил перископ, чтобы застать их врасплох. Команда на всплытие завершила наше длительное пребывание под водой. В трубопроводах зашипел сжатый воздух. С глухим стоном лодка вынырнула на дневной свет под жерла орудий тральщика.

Встревоженный капитан крикнул через мегафон:

— Откуда вас черт принес? Довольный успехом своей

маленькой хитрости, я ответил:

— Мы — инспекция. У вас есть на борту контрабанда?

— Контрабанды нет, есть гарем. Но не для ваших парней.

И, как бы опасаясь нашего досмотра, капитан приказал рулевому лечь на обратный курс. Тем временем команда моей лодки вывалилась наружу через рубочный люк. Одни занялись пушками, другие подтаскивали боеприпасы, третьи перегнулись через ограждение мостика с бледными лицами и сигаретами во рту.

Подышав некоторое время свежим морским воздухом, я едва не задохнулся от вони и смрада, выходивших из рубочного люка. Аромат сигарет, по которым я так истосковался, не мог перебить ужасный запах от шестидневного гниения в корпусе. Наоборот, первая сигарета отдавала горечью. Но через два часа, когда «У-953» повернула в фиорд Бергена, я полностью наслаждался ею.

Тральщик предупредил о прибытии лодки, способствовав организации весьма скромного приема в нашу честь. На причал встречать нас вышла небольшая группа людей, облаченных в синюю морскую форму или серую кожаную одежду. Они имели редкую возможность наблюдать возвращение подлодки из похода. Многие месяцы лодки уходили в море безвозвратно. Однако моя команда едва ли была похожа на возвратившихся героев. С непромытыми волосами, длинными бородами, позеленевшими лицами и впалыми щеками, глазами яблоками, выкатившимися, как бильярдные шары, мы напоминали больше истощенных и усталых лесных партизан.

Концы с подлодки были закреплены на причале. Прибывший на борт старший офицер принял кивком мой лаконичный рапорт и поприветствовал команду. Он сообщил, что впереди нас ждут суровые испытания, но заверил также с нотками теплоты в голосе, что все худшее позади и ситуация в ближайшее время кардинально улучшится. Затем старший офицер пригласил нас на

коктейль и ужин. За столом подавали крепкие напитки и сытную пищу. Нас спрашивали о последних днях пребывания в Бресте и обстановке в Ла-Рошели. Мои подводники в ответ рассказывали фантастические истории в духе «Тысячи и одной ночи». Когда обнаружилось, что они приняли слишком много ликера, я поднялся из-за стола, прекратив застолье. Нар поселили в отдельное помещение. И вскоре можно было услышать, как бородатые морские волки громко распевали песни, отмокая в ваннах или стоя под душем.

На следующий день после крепкого ночного сна я решил добиться получения новой подлодки, поскольку «У-953» разваливалась на глазах. Она нуждалась не только в новом «шнёркеле», но также в замене двух дизелей, всего комплекта аккумуляторных батарей и тысяче других единиц разного оборудования. Об этом я переговорил с главным инженером флотилии. Выяснилось, что на базе ВМС не было ни одной из тех деталей, в которых я нуждался, и совершенно отсутствовала возможность поставить мою лодку в сухой док на продолжительный капитальный ремонт. Кажется, я убедил главного инженера в том, что мне необходимо предоставить новую лодку.

Но в Бергене отсутствовало что-либо более существенное, чем запчасти и условия для ремонта. Туда не доставлялась почта. Я рассчитывал на письмо, телеграмму — на что угодно, — только бы знать, что дома все в порядке. И наши мешки с письмами, видимо, потерялись где-то — либо в неразберихе отступления из Франции, либо из-за того, что почтовые суда были потоплены авиацией противника в проливе Скагеррак или в фиордах. Мы были отрезаны от родины. Отсутствие вестей о судьбе родных и близких тяжело переживалось каждым из нас.

Под низкими, серыми, слоистыми облаками я повел «У-953» в арсенал выгрузить торпеды. Там находилось несколько помятых корпусов лодок, подлежавших резке на металлолом. Я ожидал оживления активности наших подлодок, базировавшихся в Норвегии, после того как порты во Франции были потеряны. Но здесь царил удручающее безмолвие. Напрасно я надеялся на давно обещанные новые типы подлодок.

Ужин в жилом корпусе был скудным и строго нормированным, чего и следовало ожидать в сложившихся условиях на пятый год войны. Мне сообщили, что комендант города решил организовать торжественный вечер в нашу честь, где можно было побаловаться разными напитками, закусками, послушать музыку и потанцевать с норвежскими девушками. Возвратившись в свою комнату, я вытащил из своего единственного чемодана комплект морской формы, который захватил с собой. Она была влажной, в морщинах и плесени. Неприятный запах сопровождал меня, когда я ехал в загородный дом в горах, на курорт флотилии.

Утром на третий день своего пребывания на берегу я встретил своего старого знакомого — офицера штабной группы «Запад» капитана Розинга. Он успел выбраться самолетом из Ла-Рошели за несколько часов до того, как в него вошли американцы. За его прибытием в Норвегию последовало открытие близ жилого комплекса подводни-ко"в штабного учреждения в целях активизации подводной войны против англичан. Вкратце сообщив Розингу о своем последнем походе, я обратился к нему с просьбой:

— Герр капитан, прошу посодействовать мне в получении новой лодки — если возможно, новейшего типа. «У-953» просто непригодна для выхода в море. В Норвегии к тому же нет условий для ее ремонта и приведения в боеготовность.

— Не вижу возможности для выполнения вашей просьбы, — ответил Розинг. — Мы предпринимаем сейчас все усилия, чтобы восстановить каждую лодку обычного типа для предстоящих весной крупных сражений.

— Герр капитан, ремонт нашей лодки займет времени не меньше, чем строительство новой.

— Это не вам решать. Ваше дело — исполнять приказы.

С ним было все ясно, разговор больше не имел смысла. Я был отправлен в отпуск.

В тот же день у меня возникла идея отремонтировать мою лодку на верфях в Германии, Мое будущее оказалось тесно связанным с «У-953». Я понял, что целесообразнее оставить мечты о новой лодке и сконцентрироваться на продлении жизненного ресурса старой.

Команда приняла эту идею стоически. Гораздо большую озабоченность вызвали новости, переданные по радио. Мы узнали, что англичане достигли нижнего Рейна, а американцы заняли первый немецкий город Ахен. Сообщалось о массированных бомбардировках союзниками Штутгарта, Мюнхена и даже Инсбрука. Обстановка складывалась как нельзя хуже, хотя нас уверяли, что не все потеряно. Голос из Берлина снова и снова внушал нам, что скоро будет использовано новое оружие, которое обеспечит нам окончательную победу. Мы видели, что на нас надеются, и выходили в море с целью это доверие оправдать.

В сумерках в туманный день позднего октября «У-953» была готова покинуть порт. Перед наступлением ночи катер береговой охраны вывел нас в фиорд. Это был бесшумный переход через неприятельскую акваторию, где уже действовали британские торпедные катера. По окончании первой ночи мы прибыли в бухту Хаугесун-на и укрыли на целый день лодку под навес пирса. На следующую ночь последовали за эскортом среди скал, порогов и теснин вдоль скалистого побережья в Ставен-гар. Снова мы провели день в бездействии у незащищенного пирса в нервном напряжении. На закате начали продолжавшийся всю ночь переход через фиорды и опасные теснины в Эггерсунн. Здесь мы закрепили швартовы за низкорослые сосны, росшие из расщелин Скального камня, и спрятались под их ветвями. На следующую ночь вышли без сопровождения в открытое море и, пользуясь временно отремонтированным в Бергене «шнёркем», обогнули южный каблук Норвегии и вошли в пролив Скагеррак. Через две ночи мы повстречали в Балтийском море немецкий конвой и с наступлением дня прошли мимо маяка Кильской бухты. Серым холодным утром «У-953» пришвартовалась у пирса Тирпица. Мы вернулись в Германию.

Наше прибытие не вызвало торжественных мероприятий, по существу, оно осталось незамеченным. Одевшись в свой старый сморщенный костюм из кожи, я вышел на пирс и направился к допотопному пароходу, который стоял у пирса с начала войны. Я искал там резиденцию командования Пятой флотилии, поскольку знакомый тендер «Лех» уже исчез. Мне сообщили, что резиденция переехала на берег. Шагая по знакомым просмоленным доскам настила, я наблюдал многочисленные свидетельства деградации порта со времени моего последнего посещения его 22 месяца назад. Старый тендер лежал после бомбежки на берегу, его палубы заливала нефтяная жижа и мутная вода. В отдалении высились черные стены развалин. Горы металлолома и строительного мусора заполнили пространство, которое когда-то было фешенебельным районом Бе-леву. Я с трудом нашел новую резиденцию командования флотилии среди разрушенных казарм. Командующий выслушал мой рапорт с полным безразличием. Мне было приказано отправляться в Любек. Там можно с уверенностью рассчитывать на ремонт подлодки, здесь же, в Киле, нельзя было гарантировать даже ее безопасность.

Через час после того, как мы закрепили швартовы, их пришлось снова снять. «У-953» покинула Кильскую бухту и поспешила на восток под темнеющим вечерним небом. Когда рассеялся утренний туман, лодка вошла в устье реки Траве и вскоре после полудня притулилась к шаткому пирсу небольшой базы ВМС — Любек-Симе. Я не застал коменданта базы в его резиденции. Часовой сообщил, что он отправился завтракать и может вернуться только через несколько часов.

В небольшом жилом комплексе базы было безлюдно, похоже, им мало пользовались. «У-953» была единственной подлодкой, пришвартованной к пирсу. Мои подводники завтракали, сидя на ограждении мостика или прямо на палубе. Завтрак оказался скудным, но и за это мы были

благодарны. В полдень мне сообщили, что комендант готов встретиться с нами. Мы собрались на небольшой площадке, и я представил команду довольно упитанному офицеру. Он что-то говорил мне о том, что выбрал это место для службы Отечеству в согласии со своими привычками и семейными обязанностями. Я с негодованием заметил, какую недовольную мину он скорчил на лице, когда инспектировал моих подводников, неопрятных и истощенных после долгого похода. Мы немедленно стали восстанавливать свои силы. Я отвел «У-953» в сухой док, где ее должны были переоснастить. Возвратившись в жилой комплекс, с удовлетворением обнаружил, что старпом позаботился о расселении команды по казармам. Мой чемодан был доставлен в угловую комнату, которая на некоторое время должна была стать моим домом. Я распаковал вещи, отправил часть одежды в стирку и чистку. Затем не без волнения я попытался связаться с родными. Однако телефонная связь с Дармштадтом бездействовала — и это через два месяца после воздушного налета. Я послал родным телеграмму с просьбой немедленно ответить.

Скоро выяснилось, что восстановление «У-953» займет восемь-десять недель. Эта новость, означавшая продолжительный отпуск для всей команды, была воспринята как большая милость подводниками, чье стремление побывать дома, разыскать родных и близких росло с тех пор, как мы прибыли в Норвегию. Поскольку родители не ответили на мою срочную телеграмму, я сам решил выехать как можно раньше домой. Уже собравшись в дорогу, получил из штаба сообщение о том, что у меня забирают главмеха и старпома. С большим сожалением я расстался с главмехом, опытным незаурядным инженером, и испытал еще большее разочарование, когда на его место мне прислали инертного главмеха с «У-415». Что еще хуже, на мою лодку получил назначение юный курсант, который вообще понятия не имел о подлодках. Поскольку предусматривалось, что он займет место старпома, я срочно повысил в должности своего подводника Цимера, хотя тому тоже недоставало опыта. Столь опасная перетряска командного состава лодки требовала решительных действий, но я решил ничего не предпринимать до своего возвращения.

В холодный туманный день в начале ноября я отправился из Любека в Дармштадт через Берлин. Поезд был набит пассажирами с сильным прибалтийским акцентом. Это были беженцы, спасавшиеся от наступающих русских войск. В основном среди них преобладали женщины, дети, старики, одетые в старую поношенную одежду и тащившие с собой жалкий скарб. Дрожа от холода, они стояли рядом со своими ящиками, узлами, саквояжами. Из купе в купе распространялись тревожные новости и слухи. Восточный фронт быстро двигался на запад, над Кенигсбергом нависла смертельная опасность. И почти так же быстро двигался на восток Западный фронт.

Стоя в проходе вагона и погрузившись в невеселые размышления, я глядел в окно. В ногах лежал чемодан с подарками для родителей и Труды. За окном мелькал безрадостный серый пейзаж. Со временем виды монотонных северногерманских равнин все чаще сменялись развалинами с почерневшими стенами, воронками, горами обломков и полуразрушенных дымовых труб. Затем появились руины разрушенных городских кварталов. Мы прибыли в Берлин.

Повсюду откуда-то бежали люди. Вокзал был забит тысячами пассажиров. Женщины, одетые в форму Красного Креста, раздавали еду и какую-то черную бурду, которую они называли кофе. Худенькие юные пехотинцы с тяжелой ношей из ружей и вещмешков, в потертой залатанной форме тащились по вокзалу, как старики. Я протиснулся с багажом сквозь плотную толпу людей на платформе и направился к Ангальтскому вокзалу. Поездка в метро избавила меня от переживаний по поводу обширных разрушений в городе, однако и под землей я видел порушенные судьбы людей. В метро обитали тысячи бездомных, изможденных женщин и детей, сбитых с толку солдат, торопившихся в разоренные дома или на разваливавшийся фронт. Их лица были отмечены печатью нужды, голода, бессонницы, безразличия и отрешенности.

Наступила ночь, когда затемненный поезд оставил позади разоренный Берлин и под пронзительный гудок устремился на юг, лязгая колесами. В поезде я как мог убивал время. Курил,

думал и мечтал. По моим подсчетам, я должен был быть дома — если не в Дармштадте, то на фабрике своего отца — в полдень следующего дня при условии, что не случится никаких неожиданностей.

Час ночи. Место в купе напротив заняла девушка в форме люфтваффе и стала проявлять ко мне более чем поверхностный интерес. Чтобы избавиться от ее навязчивого любопытства, я вышел в коридор и закурил сигарету. Однако через несколько секунд девушка последовала за мной.

— Вы не брат Труды? — спросила она неуверенным голосом.

Нехотя я ответил:

— Нет, девушка, вы, должно быть, ошиблись.

— Простите, — извинилась она, — но вы очень похожи на него. Понимаете, она моя подруга, брат ее служит во флоте, сходство поразительное.

После этого я сдался:

— Ладно, признаюсь, я брат Труды. А вы кто? Она улыбнулась, память ее не подвела.

— Вы меня не узнаете? Я Клара Эхингер, одноклассница Труды. Может быть, самая близкая ее подруга.

Нет, я не узнал эту девушку. Ведь она была тогда еще маленькой девочкой, а я уже пятнадцатилетним юнцом. С тех пор прошло десять лет — целая жизнь. Теперь, когда она была рядом, я был рад возможности скоротать время поездки приятными воспоминаниями о счастливой юности. Мы говорили о школьных годах и обсуждали давно забытые эпизоды. Она действительно была ближайшей подругой моей сестры, когда мы жили около озера Констанца. Клара сказала, что ей всегда нравились мои родители, а большая статья о них в местной газете написана великолепно.

Внезапно спазмы сжали мне горло.

-- О какой статье вы говорите?

Ее глаза расширились, а рот перекосило от ужаса.

— Вы не знаете? — изумилась она. — Нет, вы, конечно, не знаете!

Клара закрыла лицо руками. Больше она ничего не хотела мне рассказывать. Все вокруг закружилось, сначала медленно, затем быстрее. Словно большое колесо принялось вращаться по инерции. Я слышал, как девушка продолжала говорить сквозь слезы:

— О, простите меня, Труды и ваши родители погибли во время воздушного налета на Дармштадт два месяца назад.

Испытывая головокружение, я оперся на стенку купе, чтобы подняться и выпрямиться. Перед глазами проплывали окно, стенка, люди. Я сжал зубы и сдержал слезы. . Никто не должен видеть меня плачущим. Я прикрыл глаза и сделал глубокий протяжный вздох.

Постепенно — не знаю, сколько это заняло времени, — я пришел в себя и стал воспринимать то, что слышал. Может, Клара ошиблась? Но нет, я понимал, что она сказала правду. Теперь все

кончено. Никогда я не увижу своих близких, никогда не услышу смех сестренки, никогда не почувствую материнскую заботу, не услышу рассказов отца о своих проектах. По какой-то ужасной ошибке покинули этот мир они, а не я. Именно я должен был умереть. И тысячу раз был готов к этому. Я уходил сражаться в море ради сохранения их жизней, ради их безопасности. Но обманулся в своих ожиданиях. Почему Всевышний предпочел взять их невинные жизни вместо моей грешной?

Клара постепенно отошла от шока. Она была удручена тем, что оказалась вестницей смерти. Я старался успокоить ее. Говорил, что она избавила меня от тягостного неведения о судьбе родителей и бесцельной поездки. Я изменил свои планы. Не было никакого смысла ехать в Дармштадт.

В Эйзенахе мы с Кларой пересели на другой поезд и отправились в городок Озеро Констанца. В бесконечно долгой ночи наш разговор не клеился. Я не мог ни о чем думать, кроме как о потере родных и никчемности всего остального. Когда поезд мчался по рельсам среди серого ноябрьского утра, я протер стекло окна и увидел на стене вокзального здания лозунг, который выглядел как злая ирония: «Наши города погибают, стены рушатся, но наши сердца никогда не дрогнут!»

Когда ночная тьма окутала восточные отроги Шварцвальда, поезд прибыл в родной город Клары. Она простилась со мной, смущенная и обескураженная. Я поехал дальше в ночной тьме и не выходил из поезда до тех пор, пока не увидел, как лунный свет отражается на поверхности озера Констанца. Я вытащил свой багаж из вагона в Восточном Уберлингене, где мои родственники спасались от войны. Когда я начал разыскивать их дом, то ощутил внезапную потребность вернуться на вокзал, сесть на другой поезд и вернуться на подлодку к своей команде. Я принадлежал им. Но я продолжил поиски родственников, держа в руке тяжелый чемодан с подарками. Я не знал, что с ними делать. У меня не было даже любимой девчонки, которой я мог бы их передать. Марианна погибла в развалинах Берлина. Ивон-на пропала еще раньше. Маргариту я потерял в Париже, занятом американцами. Марика была замужем за другим.

Мое появление на пороге дома деда вызвало замешательство. Многочисленные родственники, жившие более или менее согласно под общей крышей, явно не ожидали моего возвращения с Атлантики. Они полагали, что я потерялся в хаосе, следовавшем за вторжением на континент союзников, и примерно в то время, когда родители получили от меня последнее письмо. Их удивление по поводу моего возрождения из небытия быстро сменилось встревоженными взглядами и беспокойным шепотом за моей спиной. Чтобы успокоить родственников, я твердо произнес:

—Ваша тревога мне понятна. Не надо оправдываться.

—Что ты намерен делать?

—Не знаю.

—Ты хочешь остаться у нас?

—Нет, я зашел просто повидаться. Оставлю у вас свои книги и некоторые вещи...

Вскоре я узнал, что моя кузина Лора пристроилась где-то в Шварцвальде. Я немедленно позвонил ей и выяснил, что там много снега и прекрасные условия для катания на лыжах. Наконец я нашел себе убежище, место, где можно забыться на некоторое время.

Рано утром следующего дня я оставил у родственников свои книги, подарки и покинул озеро. Медленно тащившийся поезд повез меня в горы, поменявшие в течение часа окраску с темно-

зеленой на ослепительно белую. Зима наступила раньше, чем ожидалось. Глубоко в лесу на маленькой станции я уселся в сани, и лошади доставили меня на высокогорье в Шёнвальд. Там кузина зарезервировала мне номер в отеле.

Лора была страстной поклонницей горнолыжного спорта. В следующие несколько дней мы встречались с ней, как только первые солнечные лучи освещали белоснежные верхушки огромных хвойных деревьев, взбирались повыше и спускались на лыжах в долину. Каждое утро мы повторяли эти подъемы и спуски по несколько раз, завтракали содержимым холщовой сумки, привязанной к моему поясу, затем снова носились на лыжах по белоснежным полям, через замерзшие горные потоки до заката солнца. Постепенно моя депрессия ослабляла свою хватку.

Лора старалась подбодрить меня, но ей удавалось это лишь до некоторой степени. Каждый вечер мы слышали эхо артиллерийской канонады, доносившейся с Вогез, расположенных всего лишь в 60 километрах к западу. Мы не могли не слышать радиопередач, сообщавших о наших потрясающих потерях на всех фронтах. Советы захватили Ригу, Литву, пол-Польши и создали себе плацдарм наступления на Балканах. Происходили ожесточенные бои на западном берегу Рейна, американцы сровняли с землей Кёльн и Ахен. Я прислушивался к этим сообщениям с нарастающим беспокойством. Нет, я не мог больше вести праздную жизнь, когда рушилась наша оборона на Рейне, а немецкие города исчезали в пламени и клубах дыма. Я был накрепко связан со своей лодкой и командой. Это все, что у меня осталось.

В один из холодных дней ноября я простился с Лорой и сел в сани, отправлявшиеся к станции. Когда мы спустились в безмолвную долину, я спрашивал себя: Боже мой, что будет с Германией? Куда делось это чудо-оружие, которое нам обещали столько раз? Как сможем мы без него остановить русских, американцев, англичан, французов — весь мир?

Я прибыл на базу подводных лодок Любек-Симе в холодный ненастный день. Юный старпом Зельде, которого я оставил на время своего отсутствия во главе небольшой части экипажа подлодки, доложил, что воздушные налеты и дефицит запчастей замедлили ремонт «У-953». Он явно отстал от графика, и нам бы повезло, если бы подлодка вышла в море в новогодний праздник. Однако, несмотря на неприятную весть, я расположился в своей комнате с ощущением, будто нашел спасение от всех бед.

Здесь пахло смолистой хвоей. Через трюмные стенки я слышал в соседних комнатах говор своих подводников, узнавал голоса каждого из них. Меня радовало их присутствие. Оно придавало уверенность и осмысленность существованию.

Вечер я провел со своими подводниками и узнал, что многие из них тоже пережили свои личные трагедии во время отпуска. Бергер обнаружил в руинах свой родной город Клеве, расположенный в непосредственной близости от линии фронта на западе. Во время пожара погибли его жена и единственный ребенок. Кто-то показал ему место их захоронения. Сразу же после посещения могилы он вернулся на базу к своей подлодке. Один из мотористов тоже обнаружил только развалины своего дома. Его родители пропали без вести. Узнав об этом, он тоже поспешил вернуться на базу. Другие подводники провели отпуска в поездах и автобусах в попытках найти свои семьи, спасавшиеся бегством из города в город. Те, кто все-таки встретился с родными, почти не располагали временем для общения с ними. Кое-кто вообще не доехал до дома. Их города оказались уже за линией фронта, в Силезии. Для них всех, как и для меня, оставалась одна дорога — возвращение на подлодку к товарищам, с которыми они могли разделить трагическую судьбу.

Однако не со всеми членами экипажа мои отношения складывались безоблачно. Наступил декабрь с его морозами и снегом, с пронизывающими восточными ветрами. Началась долгая зима. Под стать ненастным дням было и мое настроение, омраченное присутствием в команде трех

офицеров. Старпом, главмех и курсант не обладали ни опытом, ни зрелостью. Они доставляли мне больше забот, чем помощи, и расхолаживали команду. Мои подводники, профессионалы, имевшие длинный-послужной список, боевой опыт и награды, видели мало проку от незрелого главмеха и относились к юному курсанту с нескрываемым презрением. Мириться с таким положением дел на боевой подлодке было тяжело и опасно. Я попросил отдел кадров заменить главмеха и курсанта. Подобная дежурная просьба, которая год назад была бы удовлетворена автоматически, даже если бы ее расценили как каприз капитана, на этот раз была решительно отклонена. Моя попытка доказать, что кадровая замена необходима для сохранения боеспособности лодки и экипажа, вызвала лишь пренебрежительную отмашку. Мне как бы дали понять: «Какая разница? Жизнь подлодки слишком коротка, чтобы о ней беспокоиться, даже если команда подводников идеальна».

Не только некомпетентность была причиной моего недовольства курсантом. Что еще хуже, он был приставлен нацистской партией вбивать в головы подводников официальные догмы, идеалы и лозунги. Партийное вмешательство в дела подводного флота имело короткую, но бурную историю, которой предшествовала неудавшаяся попытка покушения на Гитлера. До этого наш флот был свободен от политического вмешательства. Даже после покушения, когда партийное влияние на все стороны жизни страны резко усилилось, командиры подлодок, и в том числе я, успешно противодействовали проникновению в среду подводников офицеров-политработников пассивным сопротивлением. Но с упадком рейха партийное влияние становилось все более могущественным и догматичным. Это приводило в отчаяние ветеранов, офицеров и рядовой состав, разделяющий их настроения. Подводники время от времени жаловались мне на попытки курсанта поучать их в партийном духе. Их реакция на это была совершенно естественной: они доказывали свою верность долгу и героизм делами и поступками и не нуждались в партийных поучениях относительно того, как воевать и умирать.

Удалось бы мне или нет освободиться от курсанта, но я был полон решимости положить конец его назойливым поучениям. На общем собрании команды я указал главмеху, старпому и курсанту, что они еще не приобрели достаточной квалификации, чтобы исполнять свои должности на борту подлодки. Я предупредил их, что они не смогут оставаться долго на своих постах, если не будут строго следовать моим распоряжениям, касающимся их подготовки к боевому походу. Кроме того, я так загрузил курсанта мелкими поручениями, что у него не оставалось времени произносить партийные речи.

Во вторую неделю декабря активность в порту драматически возросла, что свидетельствовало о подготовке нашего весеннего наступления на море. В десятидневный срок с Балтики прибыли пять обычных подлодок. Заполнились пустые казармы, активизировались ремонтные работы в сухом доке. Но прибывшие в порт суда не вносили ничего нового в наш боевой потенциал. Они ничем не отличались от нашей старушки «У-953», Словом, военные приготовления не обещали остановки нашего катастрофического падения в пропасть.

И тут забрезжил свет надежды на Западном фронте. Ранним утром 16 декабря наши армии предприняли мощное контрнаступление в Арденнах против англо-американских сил. Немецкие радиостанции сообщили о крупных успехах немецких войск, продвинувшихся в первые же часы далеко в глубь территории противника. Наконец началось давно обещанное крупное наступление. Мы опять двинулись на запад, и наши дивизии не остановятся до тех пор, пока последний солдат союзников не будет сброшен в море, Я слушал победные новости со смешанным чувством надежды, беспокойства и сдержан- ности. Хотя прорыв в Арденнах дал первоначальные впечатляющие результаты, он произошел на достаточно узком фронте для глубокого проникновения наших войск на юг. Мои надежды увядали и росла тревога по мере того, как проходили дни и уже не приходили вести о наших успехах. Через, неделю после того, как мы были взбудоражены фанфарами и военными маршами, голоса, заверявшие нас в скорой победе, умолкли. Наступление замедлилось от холода и грязи, а затем было остановлено свежими

дивизиями союзников, брошенных на ликвидацию нашего наступательного клина. В канун Рождества наши шансы на крупную победу пришли к нулю.

В канун Рождества в порту было торжественно и тихо — по крайней мере до полуночи. Я совершал вечерний обход комнат, беседуя со своими подводниками, раздавая им заверения, в которых они не нуждались. Каждый из них прикрыл свою душу прочным панцирем, чтобы защититься от превратностей распадавшегося мира. Я вернулся в свою комнату после того, как выпил со своими офицерами, унтер-офицерами и матросами изрядное количество налитков. Сварил себе кофе на горячей плите, погрузился в кресло и принялся читать. Комната была насыщена запахом хвои от елки, которую матросы установили в одном из углов. Это напомнило мне счастливые праздники Рождества в прошлом. Жилой комплекс затихал. Я постепенно заснул, видя во сне веселую пирушку.

Через несколько часов после полуночи меня разбудил громкий стук в дверь. Стучал мой идейный курсант, который стоял на вахте;

— Герр обер-лейтенант, я видел, как один из матросов провел через проход в заборе женщину и скрылся с ней в комнате.

Сообщение меня заинтересовало. Я отправился в дальний конец коридора, где находилась комната матросов. Стараясь не шуметь, открыл дверь. В комнате было темно и тихо. Включил свет, но обнаружил, что ребята подстраховались, вывернув лампочки.

— Сходите за фонариком, курсант.

— Слушаюсь, герр обер-лейтенант! — воскликнул он, сгорая от нетерпения,

Я остался у двери, прислушиваясь. Слышал только тихое размеренное дыхание спавших матросов. Жаль, что курсант вмешался в это дело и помешал мне спать. На этом этапе войны разве имело значение, где наши парни занимались любовью? Ведь каждому из нас отмерено не так много жить и любить. И все же дисциплина должна соблюдаться.

Курсант вернулся с фонариком, и я направил луч света на первого спавшего матроса. Все в его кровати выглядело естественным. Следующий матрос проснулся от света и моргнул ресницами. Третья постель была подозрительно объемной. Я приподнял краешек одеяла, и под ним показалось испуганное личико юной блондинки. Я осознал, как бестактно поступил, и опустил край одеяла, чувствуя себя виноватым. Затем в казарме зажегся общий свет, и я обнаружил еще двух девиц.

Я ограничился осмотром этой комнаты, рассчитывая, что обитатели других, услышав суматоху, постараются побыстрее освободиться от своих напарниц. В отношении же трех «попавшихся» матросов мне пришлось решать старую коллизию между требованиями дисциплины и моими личными симпатиями к парням. Я отложил свое решение на время после праздников.

На второй день после Рождества задрожала земля и послышался глухой рокот в отдалении. Мне это было хорошо знакомо. Шла массированная бомбардировка города — в данном случае Гамбурга. Я взял бинокль большого увеличения и занял место на шоссе, проходившем неподалеку, по господствовавшей над местностью возвышенности.

На голубом небе не было ни облачка, воздух холоден и прозрачен. Гамбург освещало белое зимнее солнце. С моего места были видны солнечные блики на крыльях и фюзеляжах «летающих крепостей», подлетевших со стороны моря. Они плавно спускались с небес и пикировали на город. Самолет за самолетом выплывали из отдаленной дымки. В просветах между сотнями

бомбардировщиков и бесчисленных истребителей сопровождения подпрыгивали серые и черные комочки от разрывов зенитных снарядов. Я видел через окуляры бинокля, как на Гамбург сыплются бомбы, как вспыхивают на фоне голубого шелка небосвода красные и желтые шары, как взрываются и кувыркаются в воздухе горящие самолеты, как наши «мессершмиты», подобно ястребам, бросаются на бомбардировщики, заполняя воздушное пространство обломками неприятельских летающих машин. Под моими ногами на расстоянии многих километров от боя дрожала земля. Тысячи ни в чем не повинных жителей Гамбурга, которые молились на Рождество, были заживо сожжены и обращены в пепел. Должно быть, мои родные погибли таким же образом.

Что за гнусная, нелепая война, на которой здоровые мужчины и самая совершенная техника используются для уничтожения беспомощных и безобидных людей. Я убеждал себя, что участвую в другой войне, где одни топят другие корабли с оружием и боеприпасами, прежде чем последние будут использованы для убийств и разрушений. Но каким бы способом ни велась война, ее ужасные последствия не поддаются воображению. Смерть в гигантских масштабах становилась столь будничной, что сама жизнь казалась неуместной, лишней, а обыкновенные радости жизни чем-то ненормальным, странным и нелепым. Даже любовь порядочной женщины воспринималась как помеха каждодневному кошмару выживания.

Моя горечь в связи с трагическим ходом войны, с тупостью и некомпетентностью в штабе, обрекавшими нас на бессмысленные жертвы, стала невыносимой в начале января. После попыток ускорить ремонт нашей лодки в период между Рождеством и Новым годом я был вызван — без всяких объяснений — к адмиралу Деницу в резиденцию его штаба, расположенную в окрестностях Берлина. Это было странно, так как Лев все больше и больше удалялся от своих капитанов. В годы триумфа и побед он регулярно навещал командиров подлодок и их команды в портах. Позже он прекратил свои визиты и вместо них вызывал командиров на встречи в казенной атмосфере штаба в Париже. После захвата союзниками Парижа и гибели большинства наших судов Лев перестал приглашать капитанов.

В Берлине я занял номер в отеле «Фюрстендорф», принял душ и побрился, надел свежую белую сорочку и новый галстук. Затем на ожидавшем меня мини-автобусе отправился по шоссе в восточный пригород столицы Бернау. Проехав по пустынному шоссе, через сосновую рощу, я прибыл к комплексу штабных зданий, тщательно охраняемых и носящих экзотическое название «Коралл». После проверки документов часовым меня провели внутрь могущественного морского ведомства. Лабиринт вычищенных до блеска коридоров, легион офицеров в безукоризненно белых мундирах делали здание похожим на госпиталь. Отсутствовали только запахи эфира и антисептики. Я сразу почувствовал себя не в своей тарелке. Меня потянуло назад к своей пропотевшей, чумазой команде.

Мне сообщили, что адмирал еще не приехал, и пригласили позавтракать. В столовой декорированные столы, прекрасные скатерти, отборный фарфор, серебряные приборы с орнаментом, ряды официантов в белых фраках произвели на меня впечатление какой-то ненужной парадности. Я подумал, что большинство этих людей можно было бы использовать в годы войны с большим смыслом. Если бы они меньше развлекались и старались снабжать нас средствами для ведения сражений, Германия сохранила бы многие из тех 203 экипажей подлодок, которые были потоплены в минувший год. Возможно, мы располагали бы тогда армадой подводных лодок в 682 оперативные единицы, которая была отправлена на дно с начала войны.

Когда столовую покинули элегантные штабисты, я остался с пятью офицерами, чья синяя форма резко контрастировала с белизной мундиров постоянных обитателей этого здания. Отсутствие наград характеризовало их как новичков, еще не нюхавших пороха. Из совместной беседы я узнал, что это командиры новой партии подлодок, которые ко времени укомплектования личным составом уже устарели. Эти ребята были готовы выйти в море, но их задержал вызов адмирала. Глядя на них, я видел перед собой покойников. При отсутствии боевого опыта у них не было ни

малейшего шанса выжить, даже если они и не имели недостатка в уме, способностях и хорошей подготовке. В условиях обширной и многообразной системы противолодочной обороны противника они неизбежно потеряются. Я подозревал, что они не были даже проинструктированы относительно того, что их ожидает.

Через некоторое время нам сообщили, что адмирал готов принять нас, и провели в большой светлый кабинет. Дениц стоял у окна, на его бледном лице играли лучи зимнего солнца. Он сильно постарел с тех пор, как я в последний раз видел его в Лориане в 1941 году. Тогда в теплый осенний день он прикрепил к моей груди Железный крест. Теперь же он выглядел осунувшимся, малорослым и менее подвижным.

Адмирал пожал каждому из нас руки и пригласил присесть в кресла, стоявшие напротив его стола. Он прошелся перед нами и начал говорить, стараясь держаться уверенно и решительно. Он говорил о необходимости самопожертвования и о больших переменах к лучшему в подводной войне, которые вскоре должны были про-» изойти. По его словам, цель нашего предстоящего похода — это связать военно-морские силы союзников в их собственных акваториях и не допустить операций противника близ побережья территорий, контролировавшихся нашими войсками. Мы должны были стать теми доблестными воинами, которые будут самоотверженно сражаться до тех пор, пока новые типы лодок не изменят ход войны в нашу пользу. Когда мы вернемся из похода, то получим первую из этих лодок. В заключение Дениц поразил нас заявлением, что ради выполнения стоявших перед Германией задач он пошлет на фронт все имевшиеся в наличии лодки, даже те, которые предназначены для учебных целей.

Речь адмирала была короткой, но впечатляющей: Дениц все же не утратил способности зажигать в нас искры энтузиазма, также как после его выступлений в годы триумфа. Вместе с тем он ничего не сказал нового и, как мне показалось, был убедителен только потому, что нам отчаянно хотелось верить ему. Мои представления о Денице сводились к тому, что его тактика, некогда обеспечившая нам победы, теперь вызывала бессмысленную гибель тысяч подводников вместе с их устаревшими подлодками. Его последний приказ можно было расценить только как отчаянную попытку отсрочить неизбежное поражение. И все же я от всей души желал себе ошибиться.

После двухдневного отсутствия я вернулся на базу. На следующее утро за завтраком старпом доложил, что ремонт «У-953» завершен и лодка днем раньше отбуксирована к пирсу. Затем в большом возбуждении он сообщил мне, что в порт прибыли две лодки новейшего типа и перед наступлением сумерек пришвартовались рядом с нашей. Я прервал завтрак, переоделся в свой кожаный костюм и спустился к причалу. У его подножия стояла «У-953», свежескрашенная, с надраенной палубой, с пушками, на которых еще не высохла смазка. Мои подводники собрались на кормовой палубе для переклички. Каждый из них поглядывал одним глазом на меня, а другим — на монстрообразные новые подлодки, стоявшие по оба борта от нашей. Я вступил на борт нашей возрожденной рабочей лошадки, ответил на рапорт старпома и приветствие команды, затем сказал всем, что нам придется совершить еще один поход на нашей старой подлодке, прежде чем нам предоставят лодку нового типа, подобную тем, что раскачиваются рядом с нами. Я пообещал это в надежде, что Дениц сдержит свое обещание.

Из того, что дал поверхностный осмотр «У-953», я пришел к выводу, что в сухом доке механики основательно поработали. Страдавшая всемк старческими болезнями, она была переоснащена новым оборудованием. Прежний примитивный «шнёркель», доставлявший нам столько неприятностей, был заменен новым гидравлическим устройством с усовершенствованным поплавком. Вонь от разложения и застоя сменил запах новой краски. «У-953», кажется, была готова к походу.

Затем я решил познакомиться с одной из подводных диких. Перейдя по сходням на один из стальных китов, я спросил у вахтенного, на месте ли командир. Тот ответил утвердительно.

—Как его имя?

—Капитан-лейтенант Зигман.

Мой прежний капитан с «У-230»! Я взобрался по необъятной скорлупе легкого корпуса на мостик, опустился через люк в оборудованную сложнейшей аппаратурой боевую рубку, из нее в помещение центрального поста, которое походило на электростанцию. Заметив Зигмана, стоявшего ко мне спиной, я взволнованно произнес:

—Доброе утро! Хочу доложить о своем прибытии. Зигман обернулся:

—Что за черт! Неужели это ты? Что привело тебя в этот вшивый порт?

—Прибыл из Норвегии на старой развалюхе, чтобы из нее сделали новую.

—Ты все еще ходишь на одном из этих старых гробов? — спросил он с удивлением.

—Увы, у меня нет ваших связей. Поздравляю с новой подлодкой.

—Спасибо. Пойдем, я покажу тебе ее. Или ты уже видел такой корабль раньше?

—Нет, не имел удовольствия.

Пока мы шли в носовые отсеки, Зигман сообщил, что сменил «У-230» на новую подлодку весной прошлого года. 21 августа, когда союзники высадились в Тулоне, команда бежала с «У-230», которой командовал уже Эбербах. Большинство наших старых товарищей захвачено в плен. Я также узнал от Зигмана, что Фридрих покинул «У-230» вместе с ним и остается его главмехом. Ридель же стал капитаном «У-242». Мы дошли наконец до носового торпедного отсека. В его обширном помещении было установлено шесть торпедных аппаратов вместо четырех, имевшихся на обычных подлодках. Вдоль стенки прочного корпуса располагалось хранилище для 14 незагруженных торпед.

—Мы загружаем аппараты при помощи гидравлики за десять минут, — пояснил Зигман. — Только нажимаем кнопки, и все потихоньку идет само собой. Больше мы к торпедам не прикасаемся.

Отсек был оборудован механизмами для хранения, перемещения и загрузки торпед в аппараты. Торпедисты, спавшие на старых лодках вповалку среди стальных рыбин, имели здесь просторное помещение для отдыха. Офицеры и унтер-офицеры занимали помещения, похожие на каюты 1-го класса на пассажирском лайнере. Водоизмещение новой лодки почти в три раза превосходило водоизмещение «У-953».

—Ты не поверишь, но мы движемся под водой быстрее, чем на поверхности, — продолжил Зигман пояснения. — Можем двигаться там с предельной скоростью в 17 узлов довольно продолжительное время.

—И кроме того, можете атаковать конвой из подводного положения.

—Это еще не все. Мы не только быстрее движемся под водой, но также способны стрелять торпедами с глубины 50 метров, воочию не видя цели. Глубина нашего погружения в два раза превышает вашу, и мы легко уходим от преследующего эскорта.

—Выходит, что вы практически неуязвимы.

— Именно так. Высокая скорость позволяет нам атаковать и уходить незамеченными. Новая электронная система управления стрельбой обеспечивает стопроцентную точность огня. Наш новый «шнёркель» действует так же, как ваш перископ. Он выдвигается очень быстро и позволяет скорее перезарядить батареи. Наша подлодка — идеал субмарины.

То, что нам говорили много месяцев, было правдой. Новые подлодки действительно существовали. И по общему мнению, это на самом деле было чудо-лодки. Отправленные в море в достаточном количестве, они могли бы загнать союзников в глухую оборону на море. Если бы только наступление противника с востока и запада могло быть задержано на определенное время...

Зигман отказался от моего предложения позавтракать. Он спешил провести конец недели в кругу семьи. Мы тепло расстались, пожелав друг другу удачи и успеха. Оба сознавали, что нас теперь разделяло. Великолепная новая лодка давала ему весомые гарантии пережить конец войны. Моя же древняя обрекала меня на верную гибель.

С горечью в душе и тревогой за свою команду я приготовился к выходу в море.

ГЛАВА 27

Утром 8 февраля «У-953» выскользнула из Любекской бухты и направилась на север. Через 12 часов барахтанья в волнах нам уже казалось, что мы и не выбирались на сушу. Лодка, вопреки прежним язвительным замечаниям в ее адрес, демонстрировала высокие ходовые качества и слаженную работу механизмов. На высокой скорости «У-953» проходила теснины и мелководье среди Датских островов. Новое электронное оборудование предохраняло ее от внезапной атаки противника. Новый чувствительный радар, компактный и легко управляемый, постоянно вращался, отслеживая обстановку на небе и на море.

Перед наступлением второго дня похода наша лодка вошла в пролив Скагеррак. Выход ее в глубокие воды совпал с появлением тумана и усилением активности противника. Радар пеленговал слабые импульсы из разных источников, но лодка была защищена плотной пеленой тумана, как хрупкий стеклянный сосуд, помещенный в коробку с ватой. Я не намерен был рисковать командой и лодкой только ради того, чтобы увеличить скорость хода в надводном положении. Как только радар запеленговал два самолета, я приказал уйти под воду.

Послышалось шипение выходявшего из цистерн воздуха, и я почувствовал, как лодка начала погружаться. Перед тем как закрыть крышку рубочного люка, подумал, что англичанам будет трудно отыскать в тумане место нашего погружения. «У-953» ушла под воду. Я полагал, что наше движение на глубине продлится до окончания перехода, семь или восемь недель. За шипением подтравливавшего воздуха последовал тревожный возглас:

— Трещина в загрузочном люке дизеля — лодка набирает воду!

— Только не это, — застонал я. — Черт бы побрал эту старую посудину! Закрывать клапаны, готовиться к всплытию — выравнивай, главмех.

Неожиданно лодка дала резкий дифферент на корму. Решив, что течь серьезна, я приказал включить обе донные помпы. Но прежде чем они заработали, «У-953» стала быстро погружаться. Стараясь быть как можно спокойнее, я отдавал распоряжения:

— Продуть балласт. Оба двигателя — полные обороты. Всплытие. Надеть спасательные средства.

В ответ на возглас главмеха: «Мостик свободен!» — я бросился к рубочному люку. За мной последовали зенитчики. Наверху день сменился сумерками. Плотность тумана была столь велика,

что исчезли из виду нос и корма лодки. У нас оставался один выход — двигаться на север в фиорд Осло. Там на базе ВМС в Хортене я рассчитывал устранить течь — если бы мы, конечно, пережили ночь.

— Самолет, пеленг 1-2-5, дистанция 5000 метров, — зазвучал взволнованный голос в переговорной трубе.

Затем заревели авиамоторы. С правого борта начала бить 20-миллиметровая спаренная зенитная установка, за ней последовала 37-миллиметровая автоматическая пушка. Через мгновение над лодкой промчалась слабая тень и исчезла вдаль, прежде чем зенитчики могли повернуть стволы. Где-то неподалеку почти одновременно раздалось два взрыва глубинных бомб. Послышался шум двигателей второго приближавшегося самолета. Наша артиллерия послала в туман завесу огня. Но самолет находился уже над нами. С неба пролился яркий свет. Туман засверкал, как сполох пламени. «Томми» сбросили осветительную ракету на парашюте, который завис в стороне от нас в тумане.

Новая атака Началась с кормы по правому борту. Сквозь сияющую пелену тумана прорвался рой трассирующих пуль. Была сброшена вторая ракета. Пока над нами кружили два самолета, радар запеленговал приближение третьего. Вскоре четыре машины носились в воздухе, подобно голодным стервятникам. Мы ожидали следующей атаки, подтянув новый комплект боеприпасов и уныло глядя на холодные волны Скагеррака. Затем самолеты стали пикировать на нас один за другим. Но их атаки с бреющего полета не удались. Огонь наших зениток не позволял самолетам произвести бомбардировку. Когда атаки закончились, радар показал наличие в воздухе лишь трех самолетов.

Дизели грохотали в унисон с ревом авиамоторов. Стволы зениток вертелись согласно указаниям радара. Более двух часов атаки не повторялись. Затем в 02.20 вышел из строя наш радар. Не отслеживая небо, мы были беззащитны, не могли вести эффективный огонь. Гибель лодки представлялась более реальной, чем заход в фиорд Осло.

Англичане бдительно следили за нами еще два часа. Затем произошло невероятное и непостижимое. Самолеты, один за другим, прекратили преследование. В 04.40 небо очистилось. Вскоре после 06.00 туман рассеялся и показались горы Норвегии. Через час мы вошли в бухту Хортена.

К моему большому разочарованию, я обнаружил, что небольшая база ВМС не оснащена оборудованием для ремонта загрузочного люка дизеля. Мне посоветовали отправиться в Кристиансунн, где имелась приличная ремонтная база. Однако я нашел здесь способного электрика, который заменил выгоревший кабель радара. Проведя беспокойный день в порту, «У-953» снова отправилась в опасный переход. Прокрадываясь вдоль скалистого побережья, ощупывая локатором свободный проход между скалами и рыбацкими шхунами, нам снова удалось пройти незаметными для англичан, которые бдительно отслеживали южную часть горизонта. Через час после рассвета мы проскользнули в бухту Кристи-ансунна. И здесь я узнал, что смогу устранить течь на лодке только в Бергене. У меня не оставалось иного выбора, как следовать туда в надводном положении, полагаясь на небрежность британских летчиков. Если бы противник совершил налет несколькими самолетами, лодка, естественно, не смогла бы себя защитить.

Мы вышли из Кристиансунна через час после наступления сумерек. Море успокоилось. Грохоча дизелями, лодка двигалась по волнам в опасной близости от скал, укрываясь в фиордах под сенью высоких гор. Мы шли по ночам, огибая скалы и ловушки, днем отсиживались в портах, ставших ненадежным убежищем. На восходе солнца 11 февраля лодка повернула в фиорд Бергена, завершив переход, казавшийся совершенно невозможным. Мы прошли дистанцию от Любека до

Бергена в надводном положении без единой царапины. Уверен, что повторить такой поход мы бы уже не смогли.

В Бергене штаб Одиннадцатой флотилии охватила тревога. Ее вызвала частично пропажа «У-1053». Готовая к походу лодка после глубокого погружения не вышла на поверхность. Отчаянные ночные поиски не дали результатов. Кроме того, радио сообщило удручающую новость о том, что Советская Армия прорвала Восточный фронт и отбросила наши войска на западный берег Одера. Казалось невероятным, но русским удалось создать плацдарм для наступления близ Врицена, всего в 60 километрах к востоку от Берлина и 40 километрах от резиденции штаба Деница. Очевидно, правда сильнее, чем надежда и желание. Она совершенно беспристрастна. Я осознал, что угроза самому существованию Германии гораздо больше, чем мы в состоянии допустить.

Тем не менее я вел себя так, будто война будет продолжаться вечно. С мрачной решимостью сосредоточился на ремонте лодки, который планировал, и на подготовке ее к выполнению задания. В середине этого тревожного дня я повел лодку в сухой док, где должны были намертво заклепать и заварить погрузочный люк. На борту «У-953» было все необходимое оборудование, чтобы обойтись без него. Я решил, что не буду больше пользоваться этим люком, пока управляю лодкой. Постарался пораньше покинуть док, поскольку имел последнюю возможность выпастись в нормальной постели перед тем, как на несколько недель уйти под воду.

В середине следующего дня я вывел «У-953» из сухого дока, убедившись, что сваренный шов выдержит самые свирепые атаки глубинными бомбами. Чтобы еще раз испытать подлодку на прочность, я выбрал путь, оказавшийся роковым для «У-1053». За погружением «У-953» наблюдал тот самый тральщик, что присутствовал при трагическом уходе под воду нашей предшественницы. Выведя подлодку на глубокую воду, я укрылся вместе с командой в прочном корпусе и приказал главмеху медленно и осторожно погружаться. Мы старались услышать малейший скрип болта или треск заваренного шва. Но не было слышно ни звука. «У-953» с честью прошла испытание: она доказала свою прочность, вела себя безукоризненно, охотно следовала всем нашим командам.

Поздним вечером 17 февраля мы наконец покинули Берген. Скоро над фиордом опустилась ночь. Огромные скалы сомкнулись вокруг лодки, словно хотели проглотить нас. Ветер гнал с запада на восток тяжелые тучи, временами закрывавшие луну и помогавшие нам укрыться от противника. Через два часа мы достигли северного выхода из фиорда Берген, где причудливые скалы, залитые бледным светом, противостояли пенистым морским волнам.

— Импульсы радара над носовыми отсеками! — гаркнул в переговорную трубу оператор.

Я понимал, что нам нельзя долго оставаться на поверхности, но требовалось время, чтобы провести подлодку между скал и течений. Как только она вышла из спокойной серебристой акватории фиорда в бурные волны Норвежского моря, я подозвал к рубочному люку главмеха.

— Слушай внимательно, Зельде, — обратился я к нему, словно к несмышленному ребенку. — Когда я объявляю тревогу, ты должен опускать лодку под воду крайне осторожно — никаких рывков, никакого чрезмерного крена. И не больше чем на 30 метров, понятно?

— Понятно, командир.

— Цель по курсу 25-100, нулевой пеленг! — крикнул матрос.

На этом закончилось наше движение по поверхности моря. Пронзительно зазвенел звонок, из цистерны бадла-ста со свистом вырвался воздух. Перед тем как сойти в рубочный люк, я заметил, что нос лодки опустился под воду чересчур быстро, и крикнул:

— Главмех, не опускай лодку ниже 35 метров, будь внимательным!

Захлопнув крышку люка, я почувствовал, что лодка опускается с нарастающим дифферентом.

— Проклятье! Выравнивай лодку, поднимай носовую часть!

Нос опускался на подводные скалы, которые могли разнести корпус вдребезги. Через несколько секунд мощным толчком меня выбросило из рубки на палубные плиты, затем лодка взбрыкнула, как норовистая лошадь, и сделала скачок вверх. Я взял управление на себя. Несколько резких маневров горизонтальными рулями, быстрая регулировка, и лодка успокоилась. Ошарашенный и обозленный, я снова обратился к главмеху:

— Скажи Бога ради, что ты делаешь?

— Был в неисправности дифферентометр, командир, — промямлил Зельде виновато.

— Чепуха, ты установил дифферентометр всего несколько часов назад.

— Может, это из-за мощной фронтальной волны.

— Ладно, Зельде, больше никаких сюрпризов. Придется тебя потренировать на погружения, когда вернемся в порт — если вернемся. — Я схватил с верхней полки микрофон и скомандовал: — Слушать в носовом торпедном отсеке. Проверить в торпедных аппаратах все крышки и узлы. Все забортные клапаны. Результаты доложить немедленно.

Через несколько минут напряженного ожидания пришли ответы. Старпом доложил, что в носовом отсеке все в порядке. Несмотря на мощный толчок, мы избежали повреждений. Некоторое время «У-953» шла спокойно на заданной глубине курсом на северо-запад в Атлантику. Однако вскоре главмех снова продемонстрировал свою неопытность и, хуже того, некомпетентность. Неспособный поддерживать ход лодки на глубине «шнёркеля», он постоянно выдвигал трубу на обозрение бдительных «томми» и в конце концов уронил ее на палубу. Несколько раз главмех закрывал поплавком трубу «шнёркеля», от чего страдала вся команда. Из-за удушья подводники дергались и блевали. В то же время умопомрачительные пируэты лодки швыряли их из стороны в сторону. Главмех делал наше существование невыносимым. Приходилось снова и снова брать на себя его функции и обучать его основам эксплуатации «шнёркеля».

Мы продолжали свое беспокойное движение, хотя сам поход представлялся бесполезным. К этому времени союзники сконцентрировали свои военно-морские силы, разбросанные ранее на большом пространстве океана, в районе Британских островов. Большие группы эсминцев патрулировали близ Шетландских и Фарерских островов с целью перехватить одиночных «волков», о рейдах которых британское Адмиралтейство заранее информировали сочувствовавшие им агенты. Ни одно из мероприятий по подготовке к нашему весеннему наступлению на море не осталось для противника секретом. В первые дни февраля было потоплено шесть наших подлодок, впервые совершавших поход. Одна за другой они попадали в ловушки противника. Эти лодки были слишком медлительны и неповоротливы, чтобы соревноваться с высокотехнологичными командами неприятеля, охотившегося с моря и с воздуха. Командный состав большинства лодок не имел боевого опыта и не знал приемов спасения от охотников. Окружавшие Великобританию моря превратились в своеобразный бассейн, в котором англичане упражнялись в искусстве уничтожения наших беспомощных подлодок. И если сотням самолетов, сторожевиков и охотников не удавалось топить все наши подлодки, то их работу довершали минные поля, протянувшиеся на несколько сот миль.

Такова была обстановка, когда «У-953» приблизилась к передней линии обороны противника. Подводники, несмотря на ослабленные барабанные перепонки и плохое зрение, не пали духом и не утратили чувства юмора. Когда мучения от движения лодки на глубине «шнёркеля» закончились и «У-953» пошла нормальным ходом, команда расслабилась и настроилась на оптимистический лад. Одни писали письма, которые, как всем было известно, никогда не будут отправлены по почте и никогда не дойдут до адресата. Другие читали или сочиняли стихи. Случайно я обнаружил в стопке перепечатанных коммюнике командования вермахта образцы литературного творчества подводников. Их искренность компенсировала недостаток изящества стиля. «Элегия о «шнеркеле», которую написал моторист Хагеман, в шуточной форме передавала ужасные испытания, которые мы переживали каждую ночь:

С тех пор как мы покинули Берген,

На нас, несчастных, обрушилось много бед.

Со страхом, дрожью и плачем

Мы тащимся часто к «шнёркелю».

Когда от вакуума лопаются наши перепонки,

Мы падаем на палубу в муках и слезах,

Глаза наши выкатываются из орбит.

Чтобы видеть, приходится их брать в руки.

Чтобы ослабить боль и выпрямиться, Мы уравниваем давление, зажимая носы. Каждый бранится — и это никогда не кончится: «Поведение поплавок «шнеркеля» необъяснимо». Но мы попали под его власть совсем недавно. И обречены страдать от него каждую ночь. Теперь остаток жизни мы будем зависеть От перепонки и глаз наших верных жен.

Механик Мюллер, добродушный парень, обратился в своем творчестве к более веселой теме:

Моряк часто носит татуировку

Как украшение, а не знак табу.

Исповедь в каждом из его грехов

Наколота на его многострадальной коже.

Среди якорей, канатов и пилы-рыбы,

Среди черепашек, бабочек и морских звезд

Царствует прекрасная, как жемчужина,

Его нагая возлюбленная.

Он носит ее крепко, бережно и нежно

На своей левой волосатой руке.

На правой — выколота пара переплетенных рук

И надпись: *Роза, я твой со всеми твоими деньгами».

Выколоты имена других дам сердца

И даже дни их рождения.

Да, обманутый моряк никогда не потеряет лицо,

Его ветреную кралю легко стереть.

Выколи крест на ее имели, и получишь другую татуировку:

Вместо Розы будет Сузи из Тимбукту.

После недели осторожных маневров с целью обойти кордоны охотников мы получили оперативный приказ. Он поступил 23 февраля в 01.00, когда «У-953» преодолевала морские волны, взъерошенные штормовым ветром с запада. Главмех отчаянно пытался удержать лодку на глубине «шнёркеля», но она поднималась и опускалась, как на качелях, вынуждая подводников цепляться за трубопроводы и вентили. При этом они не прекращали выполнять свои обязанности. В отчаянии я снова брал на себя функции механика и выговаривал ему:

— Главмех, сколько мне учить тебя контролировать лодку и держать ее на ровном киле?

— Шторм усиливается, — отвечал он, — поэтому я и не могу удержать лодку.

— Зельде, не вешай мне лапшу на уши. Видишь, лодка идет устойчиво. Просто держи ее на глубине 13 метров.

Через несколько минут после того, как Зельде заступил на свое место, лодка снова потеряла устойчивость. Подводники судорожно хватали открытыми ртами воздух и скользили по палубным плитам, как по льду. В отчаянии они пучили глаза и молча молили меня избавить их от этой бессмысленной пытки. Затем подлодка резко дернулась и обнажила над поверхностью свою надстройку, ставшую удобной целью.

Стервятники тотчас обнаружили нас.

— Импульсы радара, громкость три! — закричал оператор. Подавив желание открыть

люк и послать на мостик стрелков, я скомандовал:

— Оба дизеля — полные обороты! Открыть все воздушные клапаны. Команде — в носовой отсек, включая тебя, главмех.

Мощно загрохотали дизели, подлодка отчаянно раскачивалась. Несколько секунд, показавшихся вечностью, сна оставалась на поверхности беззащитной, затем пошла под воду медленно и уверенно. Когда образовался дифферент в 40 градусов на нос, обескураженные подводники стали пробираться на свои места в кормовые отсеки, медленно передвигаясь и подталкивая друг друга. Работу дизелей взяли на себя электромоторы. «Шнёр-кель» и перископ были втянуты внутрь, и лодка резко рванулась вниз. На глубине 80 метров мне удалось выровнять ее. Только после этого мы осознали, что бомбардировки не было.

Через 20 минут, когда «У-953» уже шла нормальным ходом на запад, я решил проблему с главмехом раз и навсегда. Стало очевидно, что Зельде — безнадежен. И никто не простил бы мне решения предоставить ему еще одну возможность погубить 54 подводника. Я потребовал, чтобы главмех покинул помещение центрального поста и оставшееся время похода находился в качестве гостя в офицерской кают-компании.

Остаток ночи я провел на центральном посту. Когда по корпусу лодки забарабанили импульсы «асдика», а наверху зашумели винты морских охотников, ведших поиск, я приказал заглушить двигатели, опустить «шнёркель» и готовиться к бомбардировке.

На столике лежала радиограмма из штаба, принятая вскоре после полуночи. С тех пор к ней никто не прикасался. Я поднес листок с текстом к небольшой лампе и прочел: «У-953». Проводить операции в Плимутском заливе, начиная от мыса Лизард. Следовать вдоль 200-метровой линии от побережья. Информация о новых минных полях будет передана позднее».

Приказ удивил меня по двум причинам. В октябре прошлого года штаб прекратил операции подводных лодок в Ла-Манше из-за того, что наши потери там значительно превосходили успехи. Почему они решили снова послать нас в район, который стал кладбищем немецких подлодок? И зачем эти настойчивые требования следовать вдоль 200-метровой линии? Штабу было хорошо известно о создании здесь эффективной противолодочной обороны. Наши потери были печальным свидетельством тому. Чтобы не совершать самоубийства, я решил проигнорировать последнюю часть приказа и повел лодку установленным курсом.

«У-953» преодолела уже значительное расстояние. Я провел лодку вдоль западной оконечности обширных минных полей к югу от Гебридских островов, уклонился от встречи с большой флотилией эсминцев близ Северного пролива, затем проскользнул в спокойные прибрежные воды Западной Ирландии, миновал знакомые маяки. Во время этого этапа нашего скрытного движения попытки штаба активизировать подводную войну в проливе Ла-Манш привели к новым потерям. «У-480» была потоплена у мыса Лэндс-Энд, «У-927» атакована самолетом и отправлена на дно у Эддистоунских скал. Это была уже 13-я лодка, потерянная в феврале.

В течение 17 дней подводного плавания я менялся в соответствии со строгим графиком дежурства со старшим механиком Бергером. Наконец «У-953» обогнула южную оконечность Ирландии у маяка на Фастнетской скале и вышла в Ла-Манш. В эти дни мы изучали коммюнике верховного командования вермахта, отчаянно пытались отыскать хоть слабый лучик надежды. Увы, напрасно. Трагизм обстановки усиливался по мере того, как рушились наши фронты, сдерживавшие наступление союзников. 5 марта американские войска вошли в Кёльн. Двумя днями позже они форсировали Рейн у Ремагена, и вскоре оба берега реки от Голландии до Кобленца оказались под контролем союзников. На востоке Советская Армия вторглась в Германию широким фронтом от Балтики до Силезии, вынуждая к бегству тысячи солдат и гражданских лиц. Пока мы ждали чуда, которое спасет нашу родину, города, где жили многие подводники из нашего экипажа, были захвачены врагом. Все наши попытки начать весеннее наступление заканчивались неудачами. Как правило, устаревшие подлодки, неопытные офицеры и беспомощные экипажи гибли на дне под глубинными бомбами, подобно животным, идущим на заклание. Похоронную музыку для них воспроизводили тысячи акустических буев, славших ложные предупреждения о присутствии неприятельских эсминцев.

Этот дьявольский концерт сопровождал нас каждый день, а в морских глубинах еще распространялось эхо от взрывов, уничтоживших «У-683», когда мы осторожно подходили ясным солнечным утром к мысу Лизард на юго-западе Англии. Шум «громыхалок» следовал за нами до внешнего рейда Фалмутской бухты, где я заметил три патрулировавших эсминца. Корабли ходили зигзагами до полудня, но нас оберегала, как щит, высокая плотность воды. Сильное течение, тащившее лодку в залив, тоже помогало скрыть наше присутствие.

Несколько дней мы крейсировали в прибрежных течениях, пытаюсь обнаружить подходящие цели. Порой поверхность моря находилась всего в пяти метрах от ограждения мостика лодки, а дно — всего лишь в двух метрах от киля. Мы тайком сновали взад и вперед между Эддистоунскими скалами и Плимутской бухтой, ожидая своего шанса. Над нами бороздили море надводные корабли, вели авиаразведку самолеты и громыхали акустические буи. Не было никакой возможности вынырнуть на поверхность для вентиляции отсеков и подзарядки батарей.

19 марта мы едва не разделили судьбу своих погибших друзей. «У-953» лежала на грунте, ожидая конца прилива, когда слабые шумы вращавшихся винтов усилились. Прежде чем мы могли сняться с грунта, рядом с нашей лодкой, затаившейся на глубине всего лишь 38 метров, оказались три эсминца. Серии взрывов боезарядов заставили лодку совершить шесть быстрых судорожных прыжков. Причем пугали не столько сами взрывы, сколько грохот, который следовал за ними. Сначала возникало впечатление, будто по корпусу лодки протащили железную цепь или сеть, затем следовал грохот, как если бы на нее сбросили огромный груз булыжников. Никто из нас никогда не слышал такого шума прежде, и это было страшное, мучительное испытание. Что означал этот скрежет и грохот? Возможно, какое-то новое изобретение, имевшее целью вывести нас из терпения. Однако я пришел к заключению — и как выяснилось позже, правильному, — что англичане использовали новое радиолокационное средство, подобное «асдику».

Еще не затихли громовые раскаты от первой серии взрывов, как «томми» начали вторую бомбардировку. Она рвала на части океан, сотрясала дно, колотила мощными ударами лодку, едва не разрывая наши барабанные перепонки и раскалывая корпус. Однако «У-953» стойко держалась. Импульсы «асдика» беспрерывно били по корпусу лодки, но третья бомбардировка уже гремела вдаль от нас. Видимо, эсминцы наткнулись на нас случайно. Их поисковые средства не смогли показать сколько-нибудь определенные очертания корпуса лодки. Вскоре отлив унес морских охотников в море. Их бомбардировки вслепую мы слышали еще три часа.

20 марта. «У-953» крейсировала у побережья на перископной глубине. В 09.20 я заметил несколько верхушек мачт с восточной стороны. Акустические средства не подавали никаких сигналов. Через десять минут верхушки мачт удлиннились и на серебристой поверхности моря четко обозначились клубы дыма семи транспортов и четырех эсминцев. Я был заворочен этим зрелищем, радуясь возможности послать на дно несколько черных монстров. Быстро отдал команду:

— Все по местам, средний вперед.

Сейчас должны были получить вознаграждение недели и месяцы ожидания возможности покарать врага. Я повел лодку в направлении небольшого конвоя и прикинул свои шансы. Два эскорта шли впереди громоздких транспортов, и два других охраняли его сзади. Правый фланг конвоя был открыт для атаки. Бергер, дежуривший в помещении центрального поста, управлял лодкой как опытный моряк. Я был доволен своим выбором нового главмеха. Пока «У-953» находилась в засаде, конвой не совершал никаких маневров. С целью уберечься от опасности он двигался к мысу Лизард или Фалмутской бухте с невероятным легкомыслием. Охваченный азартом охотника, ожидавшего легкую добычу, я скомандовал:

— Десять градусов вправо! Отлично, так и держи курс.

Быстро окинул взглядом горизонт. В небе чернели несколько самолетов. Хеннеке рассчитывал курс, а старший матрос регулировал счетное устройство.

— Открыть заслонки торпедных аппаратов. Приготовиться к стрельбе по целям. Новая дистанция — две тысячи метров. Оба двигателя — полные обороты.

«У-953» неслась на большой скорости, невидимая для транспортов и гсд^двая немедленно атаковать. Затем пришло сообщение, сорвавшее атаку:

—Заслонки торпедных аппаратов полностью не открываются. Я

процедил сквозь зубы серию ругательств:

—Сделайте еще одну попытку, вы должны их открыть. Проходили секунды, лодка мчалась вперед.

—Заслонки открыть невозможно — погнута рычажная передача! — прокричал старпом в переговорную трубу.

—Попытайтесь в последний раз — они должны быть открыты, — настаивал я.

—Они совсем не двигаются, — ответил старпом, поднимаясь в рубку с удрученным видом.

—Разве ты не проверял заслонки, когда мы ударились о скалу?

—Проверял, тогда они открывались как надо.

В гневе и отчаянии, теперь уже точно зная, что старпом не проверял заслонки, я положил лодку на грунт. Затем ринулся в носовой отсек в надежде поправить положение. Несколько матросов все еще пытались повернуть рычаги, однако заслонки и крышки оставались в полуоткрытом положении. Авария лишила нас не только надежды на успешную атаку, но и сделала бессмысленным продолжение патрулирования. Фактически с более скверной ситуацией мы прежде никогда не сталкивались. С полураскрытыми внешними заслонками торпедных аппаратов внутренние оставались единственной преградой для проникновения в лодку морской воды. Однако они были слишком хрупкими, чтобы выдержать ударные волны от взрывов глубинных бомб. Я вспомнил случай с воздушным налетом на Брест, когда единственная авиабомба, взорвавшаяся на дистанции 50 метров от нашей подлодки, сломала внутреннюю заслонку, хотя внешняя была плотно закрыта. Я чувствовал, как по спине пробежал холодок. Бомбардировка, которую мы пережили днем раньше, легко бы сорвала заслонки и привела к затоплению лодки в течение секунд.

Коря себя за то, что принял на веру прежние заверения старпома о безупречном состоянии лодки, за то, что лично не проверил состояние рычажного механизма еще в доке, я стоял сейчас перед сомнительной перспективой безопасного возвращения в Норвегию. С мрачной решимостью я приготовился плыть через смертельно опасные прибрежные воды Англии и Ирландии с всего лишь одним исправным торпедным аппаратом.

Когда начался отлив, я снял лодку с грунта и повел на запад. Призрак смерти витал перед нашими глазами, когда с правого борта близ мыса Лизард прогремели взрывы глубинных бомб. Они уничтожили «У-327». Этот день оказался роковым и для двух других подлодок. В Северном проливе была потоплена «У-1003», а у Гебридских островов — «У-905». Сражение продолжалось с односторонними потерями для нас. Противник методично уничтожал наши подлодки, по одной в день. Внезапные бомбардировки, которые встретили наших новичков в Северном проливе близ мысов Лэндс-Энд и Лизард, показались мне очевидным свидетельством того, что англичане были заранее проинформированы о наших операциях.

Как раз в эти недели нашего ужасного самоуничтожения я потерял одного из своих близких друзей и сокурсников. Ридель, командовавший «У-242», погиб где-то у побережья Англии во время своего первого боевого похода в качестве командира подлодки. Она потонула, не подав сигнал бедствия. Никто точно не знает, куда опустился его стальной гроб.

Мы прошли мимо Северного пролива, обогнули Гебридские острова и осторожно проследовали дальше по спокойному морю на глубине «шнёркеля». По пути прошмыгнули сквозь кордоны эсминцев, особенно многочисленные у Шетландских островов. Затем преодолели последний рубеж противолодочной обороны англичан в Норвежском море. Когда «У-953» приблизилась к скандинавским горным вершинам, союзники прекратили охоту за нами. «У-953» вошла в фиорд Бергена в погруженном положении, не подавая сигналов о своем прибытии эскорту. Мы всплыли, полные отчаяния, не предъявляя ничего в качестве трофеев после своего долгого и мучительного похода — ничего, кроме своих жизней.

ГЛАВА 28

Когда «У-953», постаревшая и поржавевшая, закрепляла свои швартовы на пирсе, небо закрывали тяжелые серые тучи. Мы прибыли в порт в 16.10 7 апреля 1945 года. Никто не ждал и не встречал нас. Как только команда лодки добралась до жилого комплекса, начал моросить дождь. Берген и окружавшие его холмы исчезли за его завесой. Наступил вечер, полный мрачных предчувствий.

Командующий Одиннадцатой флотилией подводных лодок наскоро организовал для нас вечерний прием. Я доложил, что поход не принес результатов и мы едва унесли ноги. Я сообщил ему также, что мимо наших неисправных торпедных аппаратов прошел неприятельский конвой в полной безопасности.

— Всегда найдется очередной повод для атаки, — сказал командующий сочувственно. — Англичане просто так не исчезнут. Во время следующего похода вам придется поразить много целей.

Он уверял меня, что впереди нас ожидает успех. Подлодки новейших конструкций должны подойти со дня на день, а обычные, которые использовались в учебных дивизионах, уже поступают в порты в больших количествах.

Застолье затягивалось. Мы обсуждали профессиональные темы, не касаясь положения Германии. Я бодрствовал пять дней назад и, не отдыхая почти семь недель, испытывал непреодолимую потребность во сне. Когда заметил, что мои подводники пьянеют от крепких напитков, то резко поднялся, давая понять, что застолье закончилось.

На следующее утро я отправил «У-953» на верфи для тщательного обследования. Ее поломки оказались более серьезными, чем мы предполагали. Поскольку для серьезного ремонта лодки требовался сухой док, решено было переправить ее в Тронхейм. Составив докладную записку, содержащую новые доказательства необходимости замены главмеха, я прихватил с собой вахтенный журнал, навигационные карты и отправился к старшему офицеру штабного подразделения «Запад». Меня встретил нервный мужчина в безукоризненно отутюженном морском мундире, тревога сменила на его лице надменное, безжалостное выражение, которое он демонстрировал нам в мае 1944 года перед высадкой союзников. Без предисловий я попросил его о замене своего главмеха.

— Мы не располагаем морскими офицерами нужной вам квалификации, — заявил этот представитель штаба. — Их очень мало. Предлагаю вам потренировать Зельде в фиорде перед новым походом.

— Герр капитан, я был достаточно терпелив и пытался много раз научить его управлению лодкой. Он просто не способен к этому. Мой стармех выполнял в походе обязанности главмеха. Зельде никогда бы не доставил нас обратно в порт.

Штабист брюзгливо пообещал, что разберется в ситуации. Я оставил его кабинет с ощущением, что проблема так и не решена.

Развязка наступила на следующий день, когда я готовил экипаж и лодку к переходу в Тронхейм. С приближением сумерек меня вызвали к штабному офицеру.

— Ваш главмех был у меня, — начал он разговор. — Зельде жаловался, что вы большую часть похода продержали его в офицерской комнате. Почему вы прибегли к такой жестокой мере и не сказали мне ничего об этом?

— Герр капитан, это было сделано в интересах безопасности. А не упомянул я об этом эпизоде потому, что не считал его относящимся к делу.

— Напротив, вопрос достаточно серьезен. Он меняет все дело. Теперь я понимаю, в чем оно состоит. Разумеется, я не могу одобрить ваши действия, разве не ясно?

— Позвольте мне напомнить, герр капитан, что ответственность командира начинается с заботы о безопасности экипажа и лодки. Когда об этом встает вопрос, командир вправе принимать любые решения, которые считает необходимыми. Как командир, я так и поступил в интересах лодки и экипажа.

— Все это остается с вами, но вы не должны были прибегать к такому жестокому решению. Теперь мне все ясно. Мы заменим вашего главмеха.

Несмотря на то что я должен был поскорее отбывать в Тронхейм, штабист прочел мне длинную лекцию. Он сообщил, что около 60 подлодок старого типа готовятся к отправке на фронт. Что более важно, 80 подлодок новейшей конструкции большого водоизмещения и 40 малого вот-вот заканчивают учебные походы и будут готовы не позднее чем через две недели к беспрецедентному контрнаступлению. Вскоре более 150 подлодок окружат Британские острова и перережут пути снабжения сил союзников на континенте. Я слушал эти новости с большим воодушевлением. Однако все оказалось не так просто. По Розингу, Германия возродится в считанные недели. Интересно, слышал ли он последние армейские сводки.

В тот же вечер 11 апреля «У-953» вышла из бухты Бергена. Она имела на борту лоцмана, лейтенанта береговой охраны, знакомого со сложными навигационными условиями в норвежских фиордах. Двигаясь по темной поверхности моря, «У-953» взяла курс на север, дерзнув пройти мимо британских торпедных катеров, проникших в фиорды и уже потопивших несколько наших кораблей. Три ночи мы петляли по узким фарватерам в сплошной тьме. Проходили мимо рифов с минимальным зазором и чуть не погибли близ Хелится, где ночью раньше была торпедирована «У-486». Мы обогнули бухту Олесунна, с трудом избежав опасности налететь на скалы во время прилива, форсируя работу дизелей на реверсивном ходу. Далее лодка уклонилась от прибрежных скал в море, попав под обстрел радиолокационных импульсов, и проскользнула в сквозной проход в скале, за которым находился очередной фиорд. Близ острова Смела мы опять чуть не налетели на скалы, куда нас пытались заманить норвежцы светом ложного маяка. И вот в конце третьей ночи лодка прибыла в Тронхейм, где пришвартовалась на стоянке в бетонном бункере. Это случилось в 06.00 14 апреля.

Поскольку был еще слишком ранний час для посещения резиденции командования Тринадцатой флотилии подводных лодок, разрешения вопросов обустройства команды и помещения «У-953» в сухой док, я решил выпить. Радиоприемник был настроен на германскую радиостанцию, и в отсеки полилась легкая музыка. Я потягивал кофе из чашки в своей маленькой каюте, когда музыку прервал голос диктора: «Внимание, слушайте специальный информационный выпуск. Передаем важные новости».

Когда возобновилась музыка, мою усталость как рукой сняло. Спецвыпуск новостей, как правило, означал добрые вести. Я не мог себе представить, какое событие могло ободрить нас в это время.

Только предыдущей ночью мы узнали, что наш индустриальный район Рур окружен союзниками, англичане приближаются к Гамбургу, американцы захватили Дармштадт, Франкфурт и Штутгарт, французы оккупировали Шварцвальд, а русские заняли Вену и штурмуют Берлин. Если Германию могло спасти чудо, то оно должно было потрясти воображение.

Но вот музыка прекратилась и зазвучал дикторский голос: «Слушайте спецвыпуск новостей. Президент США Франклин Делано Рузвельт скончался 12 апреля. Провидение устранило одного из злейших врагов нашей страны. Провидение на стороне немецкого народа. Смерть Рузвельта будет иметь далеко идущие последствия. Очень скоро единство союзников будет поколеблено и война примет благоприятный для нас оборот. Повторяю — Франклин Делано Рузвельт умер в Соединенных Штатах...» Голос диктора потонул в бравурных звуках военного марша.

Мои подводники, молча слушая радио, продолжали свой завтрак. Очевидно, новости не показались им настолько важными, чтобы отвлечь их внимание от служебных проблем, дум о доме и семье. Лично я не усматривал в смерти Рузвельта что-либо обнадеживающее для Германии. На место бывшего президента США заступит другой деятель, который продолжит его беспощадный курс. Победоносные армии союзников не повернут просто так назад и не оставят поле битвы.

Компаунд флотилии, в свое время игравшей важную роль в подводной войне в Арктике, был довольно скромным по размерам. Я не встретил там никого из знакомых. Доложив о нашем прибытии, я договорился о размещении команды в казармах. Переместиться с лодки в жилой комплекс не составляло труда: зубная щетка, немного нижнего белья, рабочая роба для подлодки — вот все, что входило в наши личные вещи. Чтобы быть в курсе событий, я прихватил с лодки в свою комнату коротковолновый приемник. Новости с фронта заставили меня вспомнить о местах, где прошла моя юность, о Франкфурте, Шварцвальде, которые вместе с их немецким населением уже попали под контроль союзников. Да и остальная Германия была зажата между двумя мощными силами, и ее оборона приняла такой отчаянный характер, что подросткам, старикам и старухам рекомендовалось использовать в качестве последнего средства борьбы с агрессором зубы, ногти и фаустпатроны.

Моя война приближалась к концу, как и война всей Германии. 17 апреля меня известили, что лодка получила повреждения, которые почти невозможно устранить. Носовые торпедные аппараты лишились от удара о скалу механизма регулировки, и его следовало создать заново. Этот продолжительный и сложный вид ремонтных работ должен был надолго задержать наш выход в море. Хуже всего было то, что некоторое время нельзя было воспользоваться сухим доком.

Мое раздражение нарастало. С внезапной и трагической ясностью я понял, что война проиграна. Все происходившее вокруг убеждало меня в этом. Я уже представлял себе, как мы заканчиваем жизнь в огромном лагере для военнопленных, отданные на милость безжалостных врагов. Мы будем доведены до дикого, скотского состояния, из которого не будет иного выхода, кроме голодной смерти.

И все же, как мне казалось, был путь спасения. Там, у кромки моря, стояла моя лодка. Когда она пройдет ремонт, я мог бы отправиться на ней в Южную Америку — например, в Уругвай или Аргентину. Бегство на лодке вдруг показалось единственным выходом. Какая удача, что мне удалось сохранить свою лодку для последнего похода!

Внезапное озарение мгновенно перешло в обдумывание плана по претворению его в жизнь. Я послал Хеннеке за соответствующими навигационными картами, не раскрывая ему своих намерений. В течение нескольких дней вечерами я оставался в своей комнате и, склонившись над картами, намечал маршрут побега. Взвешивал свои шансы добраться до Рио-де-ла-Плата, рассчитывая сократить экипаж до минимума, состоявшего только из надежных, преданных,

холостых мужчин, исключив таким образом измену. Я знал, что могу положиться на большинство команды, но сомневался в офицерах. Главмех был переведен в другое место службы, новый назначенец, незнакомый с командой, оказался бы серьезной обузой. Это же относилось к старпому и курсанту, оба слишком молоды, чтобы разобраться в ситуации. Я наметил несколько ключевых сослуживцев, которых я вовлеку в свой заговор прежде всего. Только немногих, потому что я затевал опасную игру. Она была вызовом не только моему начальству, но и тому ядру твердолобых военных, которые вступали за превращение Норвегии в крепость и начало своей собственной войны за призрачную победу.

Между тем было сломлено наше сопротивление в Италии, Австрии и Германии. Теперь только сумасшедший мог говорить о переломе в войне в нашу пользу. Однако присяга, патриотизм и дисциплина так укоренились в немцах, что многие вполне здравомыслящие люди жертвовали своими жизнями ради безнадежного дела. Среди них были командиры и команды подводных лодок. Их топили по две-три в день, когда они выходили из Бергена, Кристиансунна и Киля в свой первый и последний поход. Сотни прекрасных людей погибли зазря, только во имя преданности долгу и рейху.

27 апреля «У-953» все еще стояла у пирса, и казалось, что она вовсе не пройдет ремонт, необходимый для реализации моего замысла. Затем я неожиданно был вызван к штабному офицеру в Берген. Озадаченный срочным вызовом, я приготовился к продолжительной поездке поездом через половину Норвегии. Поскольку у меня ничего не было с собой, кроме формы подводника, неуместной для поездки, я взял на базе во временное пользование лыжный костюм. Такими костюмами пользовались в лучшие времена те, кто проводил отпуск в горах Норвегии. Одетый в синие лыжные брюки и светло-серую куртку с капюшоном, имея с собой рюкзак с продовольствием на четыре дня, я выехал из Тронхейма и пустился в путешествие через покрытые снегом горы. 30 апреля после полудня поезд прибыл на вокзал Бергена. По памяти мне удалось разыскать компаунд. Когда пришел в свою комнату, то почувствовал себя иностранцем в отеле.

Во вторник 1 мая в 08.30 я постучал в дверь кабинета штабного офицера:

— Разрешите доложить, явился по вашему приказанию, герр капитан,

— Ваше прибытие ожидали вчера, — сухо заметил Розинг.

— Герр капитан, я старался прибыть как можно скорее.

— Ладно, не важно. Вашу подлодку не смогут отремонтировать к началу нашего наступления, а фронту необходим каждый опытный моряк. Вам придется принять под командование другую подлодку, готовую к выходу в море. Она должна прибыть в ближайшее время из германского порта в Кристиансунн.

— Слушаюсь, герр капитан.

— Вам нужно проявить в борьбе с Англией волю и решимость. Адмирал Дениц приказал перевести все подлодки из Германии в Норвегию, мы продолжим войну на море отсюда. О капитуляции не может быть и речи. Мы выстоим и навязем свои условия противнику.

Розинг вручил мне приказ явиться к командующему Двадцать седьмой флотилией и затем продолжил:

— Я хочу использовать вас также в качестве курьера. С вами будет послано несколько секретных документов, которые вы передадите на наши базы в Осло, Хортене и Кристиансунне. Полагаю, документы будут готовы в полдень.

Я был слишком взволнован, чтобы ответить. Воистину, безумию не было пределов. Щелкнув каблуками, я повернулся и вышел из кабинета. Покинув Розинга, я от досады сжал зубы. Мой великолепный план бегства неожиданно оказался невыполнимым. Но затем я снова прибодрился. Новая подлодка, готовая к походу, даст мне более благоприятный шанс побыстрее добраться до Южной Америки. Решение бежать еще более окрепло, как только я вспомнил о бессмысленных планах штаба вести войну на море до тех пор, пока последний подводник не ляжет на дно.

Влияние приказа Деница уже ощущалось. На базе и в порту развернулись последние приготовления с целью направить в роковой поход оставшиеся лодки. Механики и докеры работали так самоотверженно и напряженно, будто от их усилий зависело спасение рейха. Между тем по компаунду распространились ошеломляющие вести. Последнее коммюнике верховного командования свидетельствовало о том, что битва за Берлин вступила в решающую фазу. Гитлер взял на себя командование войсками, защищавшими столицу.

В 19.00 я получил секретные документы, которых дожидался. К этому времени было уже поздно выезжать, поэтому я скромно поужинал в офицерской столовой и пошел выспаться перед поездкой в Кристиансунн.

Вытянувшись на постели, я включил радиоприемник и стал ждать новостей. Наконец музыка прекратилась. Голос диктора, сначала дребезжащий, затем громкий и хриплый, прервал короткую паузу: «Внимание, прослушайте важное сообщение».

Мгновенно моя сонливость улетучилась. Я взглянул на часы. 21.30. По радио звучал музыкальный фрагмент из оперы Вагнера, предвещавший мрачную весть. Я полагал, что сообщат о падении Берлина и даже о том, что прекращение огня предотвратило бессмысленные жертвы. Но вот снова заговорил диктор низким и торжественным голосом: «Наш фюрер, Адольф Гитлер, сражавшийся до последнего дыхания, пал смертью храбрых за Германию в своей штаб-квартире в рейхсканцелярии. 30 апреля фюрер назначил гросс-адмирала Деница своим заместителем. Гросс-адмирал, преемник фюрера, обращается сейчас с речью к немецкому народу».

Это был завершающий акт трагедии. Конец нашим мучениям, конец войне и истории Германии. Самое невозможное событие свершилось. Смерть Гитлера могла привести лишь к окончательному поражению. Я с трудом различал голос Деница. Он говорил о том, что вооруженная борьба должна продолжаться ради спасения жизней миллионов беженцев, что немцы должны сражаться и защищать свои семьи. Его слова потонули в мелодии национального гимна.

Меня охватила беспредельная печаль. Вместе с десятью миллионами немцев я отдал все, что у меня было, что я любил и лелеял. Ради своей страны и победы я пожертвовал домом и семьей. Я слепо верил в общее дело, сражался, надеялся, страдал и ждал чуда в глубокой преданности национальной идее. И вот теперь все кончилось. Наступил полный крах.

Удрученный, я потащился в офицерскую столовую. Там сидели командующий флотилией и ряд офицеров, обескураженные, опечаленные, бледные.

— Он погиб на баррикадах, мы должны продолжить его дело, — произнес чей-то голос. Кто-то другой воскликнул:

— Он дал нам пример! Мы должны держаться и продолжать войну здесь, в Норвегии. Союзникам понадобится черт знает сколько времени, чтобы выкурить нас из этих гор.

Третьи говорили осторожно, предположив, что наступил конец войны. Обмен мнениями вскоре прекратился из-за общего чувства безысходности. Мы разбрелись по своим углам.

На следующее утро, 2 мая, я сел в поезд, доставивший меня в Осло поздним вечером.

3 мая я доставил конверт с секретными документами по нужному адресу и затем воспользовался поездом до Хортена. Там я вручил второй пакет адъютанту командующего базой ВМС и продолжил свой путь по железной дороге к последнему пункту назначения.

4 мая около 07.00 я прибыл в Кристиансунн после бессонной ночи, проведенной на деревянной скамье неотапливавшегося вагона. Над городом висел голубой небесный купол. Я побрел по узкой пыльной дороге через сосновую рощу и поросль низких елей к обширному комплексу зданий базы ВМС. В 08.30 я вошел в здание, где располагались просторные кабинеты представителей командования флотилии. Молодой адъютант провел меня к командующему флотилией. Из-за стола поднялся морской офицер с наградами на груди. Он был командиром подлодки, когда охота за конвоями еще была успешной. Капитан Юргенсен — один из тех счастливых, которым отзыв с фронта в подходящее время помог избежать катастрофы.

— Герр капитан, я прибыл в ваше распоряжение.

— О да, мне сообщили о вашем прибытии. Вы должны принять под свое командование новую подлодку. Она еще не прибыла, но ожидается со дня на день. А пока почему бы вам не устроиться у нас поудобнее? Я извещу вас. На этом пока все.

Этот короткий вежливый прием породил во мне странное предчувствие. В поведении Юргенсена было что-то искусственное. Что-то еще скрывалось за выражением озабоченности на его лице. Он казался рассеянным и взволнованным. Я вышел из его кабинета в полной уверенности, что Юргенсен знал о постигшей нас беде, но не хотел об этом распространяться.

Поспешив на пирс, я увидел возле него две покачивавшихся подлодки старого типа. Рядом с ними ютилась лодка нового типа небольшого водоизмещения. Приблизившись к ней, я заметил белую капитанскую фуражку, затем лицо над ограждением мостика.

— Ангерман, неужели это ты? — крикнул я командующему с пирса.

— Здорово! Ты еще жив? — откликнулся тот.

— Дурная трава в рост идет, — ответил я пословицей.

— Одна из этих развалюх — твоя? — спросил он, указывая на старые посудины.

— Нет, я должен принять под свое командование новую лодку, которая скоро прибудет.

— Не хочу тебя разочаровывать, но в море сейчас ад. Боюсь, твоя лодка не сможет добраться сюда. Мы только что пересекли Скагеррак, поэтому я говорю с полным знанием дела. Небо — черное от их самолетов. В Германии полный разгром. Берлин взят Советами. Американцы встретились с ними на Эльбе. Мы покидали Киль, когда по нам орудия били прямой наводкой. — Он стер с лица пот и продолжил: — «Томми» захватили Киль. Первые британские танки появились на пирсе Тирпица, когда мы находились в середине внутренней бухты. Они начали палить по нам, и, ей-богу, мы чудом добрались сюда. Во время перехода потеряли минимум семь лодок. Я перестал считать потери только этим утром. Уверен, что долго так продолжаться не может.

Ангерман еще продолжал рассказывать о пережитых ужасах, когда к пирсу подошла другая малая подлодка новой конструкции. Один из матросов бросил швартовы. В этот момент я узнал еще одно знакомое лицо. Мой закадычный друг Фред Шрайбер тоже избежал гибели в Балтике.

Фред в знак приветствия помахал рукой. Его сверкающие глаза потеряли былую живость, кожа приняла пепельный цвет. Я понял, что случилось несчастье.

Как только были перекинuty сходни, я бросился встретить друга. Мы молча обменялись рукопожатиями. Он вытащил из кармана помятый лист бумаги и передал его мне. Глаза Шрайбера увлажнились. Я развернул лист бумаги. Это была дешифрованная радиограмма из штаба:

«Вниманию всех подлодок. Немедленно прекратить огонь. Прекратить все боевые операции против судов союзников. Дениц».

Когда я читал текст радиограммы, буквы расплывались. Я с трудом расслышал голос Фреда:

— Мы приняли ее полчаса назад. Это — финал.

У меня внезапно зануло сердце. Я отвернулся, чтобы сдержать слезы. Меня не учили проигрывать.

К 5 мая подводная война закончилась. Дениц, глава нового правительства, согласился на предварительные условия капитуляции всех наших вооруженных сил в северной части Европы. На следующий день база ВМС была взбодорана еще одной радиограммой Деница. Адмирал, приведший наш подводный флот к славе и трагедии, скорбел о верных долгу моряках, лежавших на океанском дне, и благодарил тех, кто пережил ужасные битвы:

«Мои подводники, за вами шесть лет войны. Вы сражались как львы. Подавляющее превосходство противника загнало нас в тесный угол, из которого невозможно продолжать бой. Непобежденные и незапятнанные, вы сложили оружие после героической битвы, не имевшей прецедента. Мы с гордостью вспоминаем своих павших товарищей, которые пожертвовали своими жизнями ради фюрера и отечества. Друзья, храните в себе мужество, с которым вы так долго и с честью сражались за лучшее будущее отечества. Да здравствует Германия. Ваш гросс-адмирал».

Это было послание, положившее конец нашим страданиям. Впервые в нем признавалось наше поражение. Наконец заканчивалось уничтожение людей. С этих пор нас оставит страх перед возможностью бесславно погибнуть. Меня охватило незнакомое чувство умиротворенности, когда я осознал, что выжил. Давно приговоренный к смерти в стальном гробу избежал гибели. Ощущение жизни было так прекрасно, что казалось воплощением мечты.

Эпилог

Номинально война закончилась 5 мая 1945 года. Но мне пришлось сражаться еще шесть месяцев, прежде чем я выиграл битву за выживание. Поначалу капитуляция Германии заставила меня почувствовать себя обманутым и преданным. Я решил, что она освободила меня от клятвы верности народу, отечеству и военной дисциплине. Поскольку все, что стало мне дорого, потеряло смысл, моей единственной заботой было сохранить свободу. Однако между мной и свободой помещался обширный скрипучий аппарат оккупационных властей союзников. Естественно, я полагал, что всем, кто сражался за Германию, предстоял долгий, болезненный и унижительный процесс интернирования, допросов и принудительной высылки.

Я решил не зависеть от капризов военной администрации союзников, которая в лучшем случае тяготилась бы своими многочисленными и сложными обязанностями, а в худшем — проявляла мстительное и жестокое отношение к своим бывшим врагам. Я был готов бежать туда, где найду подходящие условия жизни, и полагал, что ничто не мешает мне поступить так, как мне хочется.

Некоторое время после капитуляции Германии у меня не было оснований доверять победителям. Англичане продолжали охоту на последние подлодки, которые пытались прорваться из Германии в Норвегию. Я считал, что они проводят политику тотального уничтожения немецкого подводного флота. Со своим старым другом Фредом Шрайбером я проводил большую часть времени у пирса, наблюдая, как немецкие капитаны приходили в Кристи-ансунн на своих помятых, изрешеченных пулями и снарядами лодках. Экель с «У-2325» и Веке с «У-2354» рассказали нам, что пять подлодок из их группы были потоплены во время перехода через Датское море и пролив Скагеррак. Таким образом, с окончания войны мы потеряли еще 16 подлодок, а общая цифра потерь с начала войны составила цифру 779.

7 мая стало днем, когда вокруг нас бушевало народное ликование. Норвежцы праздновали свое освобождение. Три наших моряка, которые были обнаружены пьяными в компании норвежцев, были арестованы по приказу командующего флотилией Юргенсена, намеревавшегося для острастки другим предать их суду военного трибунала. И последним по времени, но не по значению были слухи о готовности англичан немедленно захватить наш компаунд. На этом мрачном фоне я уговаривал Фреда Шрайбера бежать со мной в Южную Америку. Он неохотно принял мой план. Мы решили, что ускользнем на его подлодке-малютке из порта, пройдем на глубине «шнёркеля» до Тронхейма, где стояла моя более крупная подлодка «У-953», и затем оттуда, выбрав из экипажа надежных людей, отправимся в Аргентину.

8 ночь, когда мы намеревались осуществить свой план, всем было приказано явиться в ремонтный цех к капитану Юргенсену и его помощникам. Мы с Фредом в ужасе отпрянули, когда вышли на освещенный тусклым светом плац, где выстроились подковой команды подлодок лицом к выбеленной стене ремонтного цеха. Там с временно сколоченной виселицы свисали три петли. Под ними находился широкий помост, на котором стояли три табуретки. Перед виселицей находилась грубо сбитая скамья, покрытая широким полотнищем военно-морского флага. Корабельный фонарь, поставленный на красное полотнище, бросал жуткий свет на экземпляр книги Гитлера «Майн кампф». Строй морских пехотинцев занял место позади плаца. Взад и вперед сновали штабные офицеры. Лейтенант Ланге, молодой адъютант Юргенсена, выкрикивал отрывистые приказания.

Подводники беспокоились. Юргенсен начал свою речь:

— Солдаты, я собрал вас здесь вместе, чтобы показать, как нам избежать нового 1918 года. Примером должны послужить эти три дезертира. Пусть их участь вселит ужас в сердце каждого,

кто заражен революционным духом. Мы защитим и сохраним идеалы, завещанные нам погибшим мученической смертью фюрером. Стража, вывести эту троицу!

То, что последовало за этим, представляло собой совершенный кошмар. Пленники были выведены на плац со связанными за спиной руками. На мгновение они оцепенели, увидев три петли, свисавшие с перекладины, затем вырвались и побежали прочь, Ланге несколько раз выстрелил одному из беглецов в спину. После того как тот упал лицом к земле, двое других остановились. Всех троих снова притащили к виселице.

Ланге громко зачитал длинный список сфабрикованных обвинений. Затем потребовал самого сурового наказания: смерти через повешение. Никто в рядах подводников перед лицом шеренги вооруженных морских пехотинцев не посмел протестовать против экзекуции.

Юргенсен объявил трех подсудимых виновными по всем статьям и приговорил их к повешению за шею «до тех пор, пока смерть не отделит их тела от душ».

Затем было приказано страже привести приговор в исполнение. Но прежде чем трое осужденных были доведены до платформы, они снова вырвались и стали отчаянно бороться за жизнь. Прогремели выстрелы. При зловещем свете фонаря на плацу завязалась борьба, был слышен тяжелый топот ног, поднялась пыль. Трое осужденных снова были схвачены, но нечеловеческими усилиями они освободились еще раз. Несчастные парни отбивались, кусались, лягались и вырывались до тех пор, пока не были укрошены окончательно.

Теперь Юргенсен уже кричал:

— Расстреляйте этих мерзавцев, не надо вешать, стреляйте в них!

Морские пехотинцы услышали приказ, и все закончилось очень быстро. Один из них поднял ружье и выстрелил в упор. Лицо осужденного сплющилось, как блин. Двое других тоже рухнули, изрешеченные пулями. Морские пехотинцы подтащили три тела к стене ремонтного цеха и оставили их там. Командам подлодок было приказано разойтись, ушел прочь строй морских пехотинцев, плац опустел.

Поздно ночью два унтер-офицера помогли мне втащить тела расстрелянных на шлюпку. Мы привязали грузы к их ногам и шеям, затем, работая веслами, добрались до середины фиорда. Три всплеска воды — и мертвые моряки были похоронены согласно морским традициям.

Казнь заставила Фреда решительно отказаться от намерения выйти в море этой или какой-нибудь другой ночью.

Несколько дней компаунд пребывал в могильной тишине. Многие его обитатели были шокированы инсценированным убийством и мучились угрызениями совести. Происшедшее убило во мне последние надежды: если немцы убивали немцев без тени смущения, то мне нельзя было рассчитывать на лучшее будущее на родине. Не было надежд и на милость победителей. К моему удивлению, англичане проигнорировали наши подлодки на базе и не причинили вреда другим, которые подчинились их приказам двигаться в ближайшие британские порты, вывесив черные флаги на выдвинутых перископах. Мои опасения относительно победителей ослабли еще больше после первой встречи с британским офицером.

В середине мая я отправился к британскому военному коменданту в небольшой провинциальный городок к востоку от Кристиансунна. Мне было поручено обговорить с ним условия эвакуации персонала военно-морской базы. В поездке на бронемашине меня сопровождали два матроса с пулеметами наготове. Нас предупредили о возможной засаде бывших норвежских партизан,

жаждавших реванша. Я обнаружил британского коменданта, полковника Макгрегора, в довольно позднее время надевавшим свой военный мундир в номере провинциального отеля.

Макгрегор закрыл за мной дверь и предложил стул.

— Я только что сделал утреннюю гимнастику, — сообщил он извиняющимся голосом со своеобразным шотландским акцентом. — Понимаете, бег по утрам позволяет держать себя в форме. А мужчина моего возраста должен следить за своим весом. — Затем полковник налил мне в стакан вина и добавил; — Это лучшее, что я мог найти в этом захолустном городке.

Одеваясь, Макгрегор немного рассказал о себе. Три месяца назад он приземлился на парашюте в этих горах и организовал здесь норвежские отряды сопротивления. Затем объяснил, что ему приказано добиваться от немецких войск в течение трех дней оставить Кристиансунн и переправиться на ближайший остров Тромой. Я был совершенно обезоружен простотой общения с Макгрегором и решил, что сотрудничать с таким офицером не унижительно, не опасно.

Жарким майским полуднем тысячи наших моряков направились по мосту в хорошо оборудованный военный городок на Тромое, который несколько лет использовался как опорный пункт немецкой береговой артиллерии. Рядовой состав был размещен в казарменных бараках. Фред, я и группа офицеров заняли чистый фермерский дом, использовавшийся под клуб. Полное отсутствие британских военных и неспешное расселение нас группами по собственному желанию позволяли думать, что наше пребывание на Тромое будет недолгим и вполне сносным.

Но все оказалось по-другому. Несмотря на добровольно соблюдаемый строгий распорядок дня, который предусматривал много организационных мероприятий и ранний отход ко сну, часы и дни тянулись невыносимо медленно. Военный городок будоражили слухи относительно наших перспектив и будущего Германии. Тревога и раздражение возрастали по мере того, как дни слагались в недели, а от -британского командования не поступало никаких вестей. Кое-кто не смог выдержать психологической нагрузки. Один офицер повесился на чердаке дома на веревке, привязанной к балке. Мы похоронили его среди красных скал Тромоя. Через три недели после нашего прибытия на остров взбунтовались в бараках рядовые-инородцы, мобилизованные в нашу армию, как утверждалось, принудительно. Они забаррикадировались в своих бараках и застрелили офицера, посланного к ним для расследования. Бунт продолжался до тех пор, пока его подавлением не занялись британские подразделения с континента.

Через две ночи англичане вернулись. Нас разбудили, согнали со штыками наперевес массой на луг и приказали раздеться. Мы ходили взад и вперед в пространстве между двумя рядами «томми», в то время как в наших жилищах искали спрятанное оружие. Приказ раздеться был преднамеренным унижением, нагота стирала различие между офицерами и рядовыми. Это давало всем понять, что мы должны подчиняться англичанам беспрекословно. «Томми» обнаружили в бараках рядовых мало интересного и после обыска офицерского домика отбыли так же внезапно, как и появились.

Они снова пришли в начале июля, на этот раз для допроса под открытым небом. Нам сообщили, что необходимо зарегистрироваться для получения сопроводительных документов. Воодушевленный перспективой быстрой репатриации, я с готовностью выдал британцу всю информацию, которой он добивался. Когда он спросил, откуда я родом, я назвал Франкфурт-на-Майне, где надеялся начать жизнь сначала. Впрочем, у меня с этим городом не осталось никаких связей, кроме грустных воспоминаний и банковского счета на некоторую сумму обесцененных денег. «Томми» удалились, и мы опять застыли в невыносимом ожидании.

Развязка наступила 24 июля. На остров прибыло небольшое подразделение британских войск. Были собраны те, кто выразил готовность репатрироваться в американскую и французскую зоны.

Нас повели на баржи, ожидавшие в фиорде, затем переправили в небольшой порт Мандал. Там окружили смешанными англо-норвежскими патрулями, которые выглядели довольно воинственно. Эту ночь мы спали в британских военных палатках, впервые за несколько недель набив животы тушеной бараниной с луком и картофелем.

Утром нас подвергли продолжительной процедуре обысков и допросов. Чтобы легче было выколачивать признания, нас снова заставили раздеться. Допрос проводился в ближайшем амбаре. Моим инквизитором был британский офицер, лет на пятнадцать старше меня. С самого начала мне задали вопросы, которые мне потом пришлось выслушивать довольно часто. Я честно отвечал на них.

—Ваша последняя должность во флоте?

—Командир подлодки.

—Мне казалось, что мы уже всех вас уничтожили. Сколько кораблей союзников вам удалось потопить?

—Не знаю.

—Послушайте, неужели вы не докладывали начальству о потопленных кораблях?

—Докладывал, но не интересовался подсчетами.

—Означает ли это, что вы снимаете с себя ответственность за содеянное?

—Сэр, я выполнял свой долг.

—Хорошо, не будем это обсуждать. Но мы потрепали вас достаточно крепко, не правда ли?

—Возможно, в живых осталось не больше двадцати командиров подлодок. Кроме меня, только два-три из них провоевали почти всю войну.

—Вы были членом нацистской партии?

—Нет.

—Были членом гитлерюгенда?

—Нет.

—Были ли вы членом каких-либо других партийных организаций?

—Нет.

—Вздор, вы, немцы, все так отвечаете. Вы должны были входить хотя бы в одну организацию. Как иначе вы могли стать офицером и особенно командиром подлодки? Ладно уж, признайтесь, что были хотя бы членом гитлерюгенда.

—К сожалению, должен вас разочаровать. Вы дезинформированы. Флот не рекрутировал офицеров из гитлерюгенда, и членство в партии не было необходимой предпосылкой для службы. Мы должны были отвечать тем же требованиям, что и ваши рекруты во флотскую службу.

— Я слышал другое. Должен предупредить, что вам следует говорить только правду. Ложные показания повлекут за собой тяжелые последствия. Вам лучше признать свое членство в партии, чтобы избежать неприятностей. Мы захватили партийные списки, поэтому легко установим истину.

— Таковы факты, мне нечего добавить.

Инквизитор прервал свой допрос и заглянул в объемистую книгу — список лиц, находившихся в розыске. Ничего не обнаружив, он спросил, как мне удалось выжить, и, кажется, был поражен, когда я рассказал ему некоторые эпизоды своего спасения в безнадежных ситуациях. В конце концов он проштамповал мои сопроводительные документы и вручил их с дежурной улыбкой:

— Берегите. Без этих документов вы окажетесь за колючей проволокой. Удачи, капитан.

В тот же день после полудня я уже опирался на поручни старого угрюмого транспорта, направлявшегося в Германию. Несколько тысяч уволенных со службы людей стопились на палубе и наблюдали, как исчезает вдаль норвежский берег. В этой толпе не слышалось ни смеха, ни всплесков веселья — только тягостное молчание. На следующее утро, 26 июля, мы снова вышли скопом на палубу. Наше судно вошло в широкую дельту реки Везер. После этого два буксира притащили его к пирсу Бременхафена. Мы молчали и тогда, когда снова вступили на землю Германии. Тотчас нас окружили американские солдаты и собрали документы. Нас погрузили в грузовики и отвезли в лагерь на окраине города. Там подвергли санобработке и накормили. Мы с Фредом разделили на двоих банку сардин и несколько штук сухого печенья, которое сохранилось еще с отъезда из Норвегии. Затем завернулись в одеяла и заснули под ночными звездами.

На рассвете 27 июля около трех тысяч человек были посажены в товарный поезд, отправлявшийся во Франкфурт, где нас должны были освободить. Это была медленная, долгая и унылая поездка. Мы проезжали пшеничные поля, ждавшие уборки, придорожные станции и переезды, охранявшиеся американскими солдатами, автомагистрали, забитые колоннами бронетехники союзников, и горы строительного мусора, которые когда-то были прекрасными городами. Мы прибыли во Франкфурт на второй день после полудня. Когда поезд петлял по пригородам и затем по Шаумайнкаю, расположенному вдоль Майна, я с горечью обнаружил, что родной город разрушен до неузнаваемости. Он стал местом дислокации американского гарнизона.

Поезд остановился у набережной близ когда-то цветущего Ницца-парка. Я спросил у охраны, в чем причина остановки. Мне ответили, что нам придется оставаться в открытых платформах для скота, пока не доедем до Хёхста, города к западу от Франкфурта.

Наконец поезд покинул Франкфурт. Мы въехали в Хёхст и поехали дальше на запад без остановки. Было ощущение, что американцы надули нас, и я подумывал о том, чтобы спрыгнуть с поезда. Но прежде чем я смог осуществить свое намерение, поезд остановился на закате в долине Рейна. Несколько ружейных выстрелов, большая суматоха, и поезд окружили французские солдаты. Кто-то из них бегло на немецком с французским акцентом объявил через мегафон:

— Опустите головы. Это французская армия. Будем стрелять при малейшем признаке неповиновения. Сохраняйте спокойствие и подчиняйтесь приказам.

Всеобщее замешательство. Я понял теперь, что свобода была всего лишь иллюзией, а в действительности нас ожидает плен за колючей проволокой. Мы ругались и жаловались, что передача нас французам была незаконной. Однако никто и не собирался выслушивать наши жалобы и обиды. В эту ночь никто не спал. Мы сидели в товарных вагонах под светом автомобильных фар и грозными дулами ружей. Волков отдали на попечение стада.

29 июля в 05.00 нас разбудили звуки «Марсельезы», за которым последовал приказ, произнесенный звонким эльзасским голосом:

— Немедленно освободить вагоны. Построиться на берегу реки. Не пытайтесь убежать — это будет ваша роковая ошибка.

Около трех тысяч немцев спешили и выстроились согласно приказу. Нас повели по раскачивавшемуся понтонному мосту через Рейн во французскую зону оккупации. Вскоре мы удостоились увидеть трагикомическое зрелище. Когда взошло солнце, его лучи отражались бликами на величественном памятнике победы, установленном на вершине горы Нидервальд. В то же время Рейн отрезал нам путь назад в относительно безопасную британскую зону оккупации, сотни из нас туда никогда не вернутся.

Мы продолжали свой марш по утренней жаре, подгоняемые криками и жестикуляцией французских солдат. Когда пленные притаились к лагерю строгого режима Дитершайм, то все были обессилены. Под аркой, украшенной орнаментом, мимо нас прогромыхал фургон с раздетыми истощенными трупами, который тащила упряжка лошадей. Солдаты со сверкающими на солнце штыками, примкнутыми к ружьям, отделили офицеров от рядовых и впихнули нас в огромную клетку, уже заполненную немецкими военнопленными. Наши соотечественники, полураздетые и грязные, выглядели ходячими скелетами. Они обросли длинными, спутавшимися волосами и бородами. Их задубевшая коричневая кожа потрескалась от недоедания. Месяцами они жили под открытым небом и спали в земляных норах, подверженные воздействию всех стихий. Любой дождь превращал эту голую землю в море грязи и хоронил людей в могилах, которые они вырыли своими руками.

Мы с Фредом выбрали свободную нору и зарыли в пыль свои немногие пожитки. Игривые марокканские солдаты беспрерывно швыряли ручные гранаты и стреляли из ружей в свое удовольствие. Вскоре после полудня на телеге привезли жестяные банки с едой. Формально это была первая кормежка после того, как мы отведали в Норвегии тушеную баранину с луком и картошкой. Предполагалось, что в банках был суп, но выглядел он как помой от мытья посуды. Я сказал Фреду, что не собираюсь превращаться здесь в очередной скелет и попытаюсь бежать отсюда этой же ночью.

Когда над лагерем опустилась ночь, я начал опасную разведку с целью выбраться на волю. Осторожно прокрался в проход между клетками и пополз в пыли к ограждению лагеря между двумя сторожевыми башнями. Приходилось двигаться через освещенное прожекторами пространство на виду у сидевших в башнях пулеметчиков. Потом — внутреннее ограждение забора и слабо освещенный участок. Теперь между мной и свободой находились только два ограждения из колючей проволоки. За внешним — густые заросли папортника. Они могли бы защитить меня, если бы я только добрался до этого места. Решив, что в следующую ночь я выберусь этим маршрутом на свободу, я медленно проделал обратный путь в нору. Когда вернулся, большая часть ночи уже прошла.

Трубные напевы «Марсельезы» стряхнули с меня сон. Проснувшись, я немедленно рассказал Фреду о плане своего побега. К моему разочарованию, Фред отнесся к нему без энтузиазма. Он сказал, что у меня будет больше шансов выбраться из лагеря, если я пойду один. Если мне повезет, он последует моему примеру и мы встретимся по условленному адресу во Франкфурте.

Ночью в 21.30 я снова выполз из норы. Двигался медленно, долго и с замиранием сердца. С крайними предосторожностями выбрался в тень угловой башни. Несколько минут переждал там, заставляя себя ползти дальше. Затем распластался на земле. Со сжатыми зубами и пересохшим горлом двинулся дальше. Вытянувшись во всю длину, цепляясь пальцами за высохшую почву, я извивался и полз по направлению к внутреннему ограждению из колючей проволоки. Пот заливал

мои глаза, пропитывал одежду. Я прикоснулся к проволоке, подлез под нее и оказался у внешнего ограждения. Глубоко вздохнув и бросив быстрые взгляды на сторожевые башни, осторожно приподнял проволоку и выкатился под ней за забор. Потом пополз дальше через заросли папоротника в темноту.

Кругом стояла мертвая тишина. Я прокрался через луга и ржаное поле в маленькую деревушку в долине Нахе, расположенную в трех километрах от югу от лагеря. Там пробрался в чей-то амбар и заснул в стоге сена.

Разбудил меня резкий звук. Он исходил от фермера, запрягавшего лошадей. Я подошел к нему и без утайки сказал, что бежал из лагеря и нуждаюсь в помощи. Еще не оправившись от удивления, фермер сказал, что немногие пленники, убегавшие так далеко, кончали тем, что нанимались служить во французский Иностраный легион. Мы прошли на кухню, где его жена и дочь накормили меня сытным завтраком из жареных яиц и картофеля. Пока я ел, фермер пообещал, что посодействует в обеспечении меня и Фреда документами.

Проспав ночь на перине, я проснулся с новыми силами и решимостью вызволить Фреда из лагеря. Хотя фермер не одобрил рискованное предприятие, он снабдил меня всем необходимым. Ночью я осторожно пробрался к лагерю с мешком еды для истощенных пленников. Когда я пробирался через внешнее ограждение, меня обнаружили два марокканца. Я поднялся на ноги, полагая, что буду расстрелян на месте. К моему удивлению, охрану больше интересовало содержимое моего мешка, чем я. Говоря лучше них по-французски, я убедил их, что пытаюсь пронести тайком еду для моего друга. Пообещал дарить по пачке американских сигарет, если они позволят каждый раз в удобное для меня время проходить мимо них за такую мзду. Жадность восторжествовала. Взяв две пачки «Кэмела», марокканцы даже подняли проволоку, чтобы я проник в лагерь. Я нашел Фреда спящим в норе. Ошеломленный моим появлением, но все еще не готовый совершить побег, Фред оправдывал свою нерешительность тем, что надеется получить к концу недели свои документы. Если этого не произойдет, он обещал совершить побег в субботу ночью. Я был раздражен провалом своего рискованного предприятия и покинул Фреда, оставив еду для умирающих и беспомощных. Другая пачка сигарет обеспечила мой безопасный уход из лагеря.

Два дня я с удовольствием прожил на ферме. Помогал хозяину в полевых работах, сгребал и укладывал в стог сено, работал грузчиком. Я с аппетитом поедая простую здоровую пищу и плескался по вечерам в цинковой лоханке. Я радовался своей судьбе, потому что понял, что за свободу следует бороться в любых условиях.

В субботу ночью я снова подошел к лагерю с пачками американских сигарет, полученных от фермера. Два марокканских охранника помогли мне за взятку проникнуть за ограждение из колючей проволоки. Когда я приблизился к норе Фреда, в темноте метнулось несколько теней. Вмиг меня окружили и схватили. После этого я понял, что был задержан своими же соотечественниками. Оказалось, что меня включили в список военнопленных, которых должны были этапировать во Францию. Комендант лагеря угрожал расстреливать по пять человек из списка за каждого, кто убежит. Оказавшись перед страшной дилеммой, мои товарищи надеялись, что я вернусь и попаду в их засаду. Конечно, мое возвращение спасло пять жизней, но в этот момент я не мог простить предательства своим приятелям военнопленным. Этот эпизод создал стену отчуждения между мной и вчерашними товарищами.

В воскресенье 5 августа нас с Фредом и с большой группой военнопленных отвели на железнодорожную платформу. Там уже дожидался товарный поезд из 42 вагонов для скота. Нами набили грязные вагоны, по 100 человек в каждый, и закрыли их снаружи. После этого поезд отошел от платформы и направился к неизвестному пункту назначения во Франции.

Духота и вонь от испражнений превратили вагоны в камеры пыток. Когда поезд двигался к французской границе, я стал ковырять доски задней стенки вагона при помощи ножа, который мне удалось сохранить при себе. Я долго украдкой занимался этим делом, пока другие военнопленные лежали в прострации, полумертвые от жажды и голода. К полночи я вырезал достаточно большую дыру, чтобы выбраться через нее наружу. С приближением поезда к остановке я просунул в отверстие сперва голову, потом плечи. Однако на полпути к свободе меня неожиданно схватили за ноги и втащили назад в вагон. Десятки моих сокамерников бросились на меня, как гиены. Снова я стал их пленником.

Мучительная поездка продолжалась всю ночь, следующий день и ночь вслед за ним. Узники были лишены воды и пищи, страдали дизентерией. Хуже того, один из истощенных людей умер на вторую ночь, другой — на следующее утро. Смрад от трупов стал невыносим. Чтобы глотнуть свежего воздуха, я уткнулся лицом в проделанное мною отверстие в стенке вагона, вдыхая запах океана.

Вскоре после этого поезд остановился в незнакомой местности. По обе стороны от путей находилось много французских солдат. Они приказали нам выйти из вагонов и погнали в хорошо замаскированный лагерь военнопленных, напоминавший укрепленный колониальный форпост. Я выяснил, что мы находились близ Ла-Флеша, города между Ле-Маном и Нантом.

Лагерь целиком поглотил нас. После того как унтер-офицерский состав отделили от офицеров, нас поселили в грубо сколоченных бараках и снабдили талонами на питание. Я сразу же начал искать выход наружу в этой огороженной зоне. Но лагерь был обнесен забором, гораздо более внушительным чем тот, что был в Дитершайме. По периметру ограждения, увенчанного рядами колючей проволоки, были установлены пулеметные гнезда. Кроме того, молодые французские рекруты сильно отличались от той охраны, которую можно было подкупить. Мне и Фреду пришлось мириться с тем, что нам предстояло провести здесь много времени на скудном рационе питания.

Потянулись дни прозябания в жаре и голоде. Я совершал бесчисленные прогулки по огороженной территории лагеря в поисках лазейки для побега. Часами лежал в тени отхожих мест, наблюдая за распорядком дня и поведением охраны лагеря. По ночам, когда спадала жара, я ползал вдоль ограждения, уклоняясь от света прожекторов, пытался перебраться через ограждение в другие лагерные зоны — все напрасно. За две недели в Ла-Флеше щеки у меня впали и выпирали ребра. Я презирал тех, кто смирился с лагерной жизнью, и даже тех, кого выносили из лагеря мертвыми. Голод был сильнее, чем дружба и проповедь утешения, он был хуже, чем смертельная болезнь. Беспощадный торг среди пленных был столь же распространен, как и смерть. За еду выменивали кольца, часы, одежду и даже золотые коронки на зубах. Продовольственные пайки выменивались за подмокшие окурки сигарет. В лагере были осведомители, воры, религиозные и политические фанатики, сумасшедшие и трусы. И лишь очень немногие заключенные готовы были бежать на свободу.

Лишь на третью неделю своего прозябания в лагере я придумал способ своего спасения. Мой план побега был так прост, что не мог не увенчаться успехом. Каждый день большая группа узников из бывших унтер-офицеров приходила к нашим, отхожим местам, чтобы забрать высокие металлические бочки, наполненные испражнениями, и унести их в северный конец лагеря для опорожнения в ямы. Я и Фред должны были незаметно присоединиться к этой группе, выйти с неприятной ношей из лагеря и больше не возвращаться туда.

Наша первая попытка побега на следующее утро не удалась. В момент, когда мы вышли из своей зоны и присоединились к колонне кашляющих узников, военнопленный-австриец опознал в нас офицеров и привлек внимание охраны. К счастью, нам удалось отговорить ее от намерения посадить нас на два месяца в одиночные камеры. После этого я быстро усовершенствовал свой

план. В тот же вечер, когда обитатели лагеря уснули, я пробрался из нашего барака к забору, отделявшему офицерскую зону от соседней унтер-офицерской. Перебравшись через забор к соседям, укрылся в одной из уборных. Чуть позже моему примеру последовал Фред.

С рассветом лагерь ожил. Последовали два часа тягостного ожидания. Затем прибыла рабочая команда. Мы с Фредом взяли металлическую бочку, смешались с другими узниками и вышли из унтер-офицерской зоны неопознанными. С бьющимися от волнения сердцами подошли к ямам и спрятались за большую бочку. Пока охранники беззаботно болтали, мы уползли подальше в заросли высокой травы. Добравшись до опушки ближайшего леса, углублялись в него дальше, пока не почувствовали себя в безопасности. Отсюда мы поспешили на запад, пробираясь через густые заросли кустов, мелкие речушки и тропы.

Через три часа мы свалились от изнурения в чаще леса. Лесные ягоды позволили ослабить голод и утолить жажду. Ночью мы вышли на дорогу, уходившую на восток к Ле-Ману. Несколько часов тащились по шоссе, прыгая в кювет всякий раз, когда проезжали легковые машины или грузовики, и затем снова пускались в утомительный путь. Наши чулки совершенно стерлись, пятки покрыли волдыри. Мы блуждали три ночи, обходя французские блокпосты и фермеров, направлявшихся в город. Нас постоянно преследовал страх. Брели, объятые тревогой и беспокойством, но с непоколебимым желанием вырваться на свободу, поддерживая себя пищей, которую добывали в фермерских садах или в отбросах. Днем спали, прижавшись друг к другу, в лесу или в водосточных трубах. Когда наконец к завершению третьей ночи пришли в Ле-Ман, то привели в порядок одежду, побрились в парке и, голодные, направились в центр города. Найдя вокзал, мы выяснили, что поезд на Париж придет не раньше полуночи. Пришлось покинуть город и скрываться весь день в поле, заросшем резедой. По окончании сумерек мы пробрались на вокзал через сортировочную станцию поближе к пассажирской платформе.

В 01.07 прибыл поезд. Фред и я поспешили на платформу, чтобы затеряться в потоке пассажиров, садившихся в переполненный вагон. Когда поезд покинул Ле-Ман, мы присоединились к пассажирам, растянувшимся на полу и притворившимся спящими в надежде, что кондуктор не потребует у них билетов. Однако во время появления кондуктора, выкрикивавшего: «Ваши билеты, мадам и месье», Фред вскочил на ноги и побежал в конец поезда. Между тем кондуктор не побеспокоил меня и остальных. Я долго ждал возвращения Фреда, но так и не дождался.

Поезд прибыл на вокзал Монпарнас в Париже чудесным утром 1 сентября 1945 года. Я одиноко стоял среди обтекающей меня толпы пассажиров, высматривая Фреда. Его не было, а бесполезное ожидание стоило мне свободы. Дежурный по вокзалу попросил меня показать свой билет. Пока я сочинял историю с похищенным багажом, появились два жандарма, бросавшие на меня подозрительные взгляды. Я бросился бежать по улицам Парижа. Но мои натертые после побега из лагеря ноги подвели. После непродолжительного преследования я был схвачен полицейскими и прохожими. Не желая, чтобы меня считали вором, я признался, что бежал из лагеря военнопленных. В результате меня раздели и посадили в глухую камеру.

Очень скоро в полицейском участке появился капрал. Он позволил мне надеть одежду, но не туфли. Затем повел меня в наручниках по улицам Монпарнаса, подгоняя дулом револьвера. На метро мы добрались до Северного вокзала. Меня повезли поездом по солнечной сельской местности до Кормей-де-Паризи и, наконец, доставили пешком в мрачную крепость под названием форт Кормей.

Новые обыски и допросы. Я отказывался разговаривать с кем-либо, кроме офицера. В результате был брошен в темную камеру. Пошарил в темноте, нашел охапку сена и заснул на ней мертвым сном.

Позже меня разбудили два охранника и вывели из камеры. Они повели меня по коридору, где пахло как в морге, вверх по лестнице и привели в кабинет. Там сержант-эльзасец предложил мне сделку: полное признание за стакан воды. Я понуро согласился. Но сержант, разумеется, услышал от меня не то, что хотел. С большим удовольствием он напомнил мне о наказании, которое меня ожидает за ложные показания, — бессрочная одиночная камера со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако, сказал он, есть выход: офицеры моей квалификации требовались для службы во французском Иностранном легионе. Если бы я согласился стать добровольцем, то оказался бы на свободе через четыре недели и наслаждался пищей и вином легионеров, а также искусными в любви девицами из борделя в Сиди-бель-Аббес. Я сказал, что не тот, кто ему нужен. Сержант злоеюще улыбнулся и заметил, что у меня будет достаточно времени для пересмотра своего поспешного решения. Вскоре дверь в камеру снова захлопнулась за мной.

В крошечной тьме меня мучил голод. И все же тьма меня устраивала. Она скрывала мой собственный убогий вид и насекомых-паразитов, населявших камеру. Долгое время находился в глубоком трансе. Как наваждение, звучал совет сержанта пересмотреть мое решение. Наконец я решил уступить ему, потому что выхода из этого каменного форта не было. Пусть меня пошлют куда угодно, только бы там была малейшая возможность для побега.

Когда охранники вывели меня из камеры и привели к сержанту, я выдавил из себя задыхаясь:

— Иду на службу.

Он снова злоеюще улыбнулся и приказал солдату принести мне поесть. Подкрепившись гуляшом с хлебом и кофе, я подписал контракт. Мне был обещан быстрый перевод в другое место для восстановления сил. Однако отъезд задержал острый приступ дизентерии, уложивший меня в госпиталь форта. Несколько дней я цеплялся за жизнь и неожиданно выздоровел. 28 сентября мне отдали мои пожитки, а также поношенную коричневую форму Немецкой трудовой службы, по которой меня опознали бы как военнопленного, если бы я попытался снова убежать. Приветливый капрал сопровождал меня в обратной поездке в Париж, а оттуда в лагерь близ Ле-Мана.

Как легионер-новобранец, я не располагал свободой. Фактически мое положение было еще хуже, чем раньше. Я все еще оставался узником лагеря строгого режима для военнопленных. К тому же комендант лагеря предупредил меня, что, если я вздумаю снова убежать, то попаду под суд военного трибунала и буду расстрелян как дезертир из легиона. Кроме того, я был ослаблен перенесенными испытаниями и потерял в весе почти 15 килограммов.

1 октября меня выпустили из временки и перевели в офицерский барак, располагавшийся в середине лагеря. Здесь я нашел нескольких приятелей — узников лагеря в Ла-Флеше. Они были переведены сюда, чтобы не сбежали. Считалось, что из этого лагеря убежать невозможно. В тот же вечер я стал искать способы вырваться на свободу. Поиски дали неутешительные результаты. Лагерь был обнесен высоким забором, опутанным сверху колючей проволокой. Его охраняли бдительные стражники. Каждый день я тратил много времени на изучение распорядка дня часовых в пулеметных гнездах, охранников, патрулировавших двойной забор, который отделял наш барак от жилого комплекса французов. По ночам я настойчиво искал лазейки в ограждении лагеря. Однако все было тщетно. Мое отчаяние усиливалось по мере того, как приближался день отъезда в расположение легиона.

13 октября моя счастливая звезда вновь засияла. Я получил посылку от Международного Красного Креста, под попечение которого попал, когда лежал в госпитале форта Кормей. Посылка состояла из сыра, сухого печенья, консервов и, что ценнее всего, четырех пачек американских сигарет и упаковки табака! Теперь я стал богачом, получил возможность выторговать кое-что из гражданской одежды, в которой нуждался. Через два дня подвернулось нечто, еще более ценное. Когда я находился в лагерном лазарете, юный студент-медик, помогавший лечить узников,

спросил, нет ли у меня чего-нибудь для продажи. Я предложил ему свои наручные часы. Студент сказал, что выручит за них 1000 франков, и, к моему величайшему изумлению, на следующий вечер после ужина вручил мне эту сумму. Ее было достаточно, чтобы купить билет до Германии и покупать какую-нибудь еду.

Пока я старательно выторговывал одежду для возвращения домой, у меня сложился план побега. Мои сокамерники оказались весьма падкими на американские сигареты. За 6 штук из них я приобрел кожаную сумку, куда мог сложить свои скромные пожитки. Пальто голубого цвета стоило мне 10 сигарет, а шляпа и рубашка — всего лишь трех. Больше всего я потратился на безукоризненный синий костюм, принадлежавший узнику Хорсту Бен-деру, которому я доверял настолько, что попросил его помощи в ночь побега. Его костюм обошелся мне в 20 сигарет плюс предательская коричневая форма Немецкой трудовой службы. Последнее, в чем я нуждался, были металлические крюки для подвешивания разделанных туш скота. Я приобрел их за 10 сигарет у молодого узника, работавшего в местном магазине, под тем предлогом, что собираюсь смастерить себе вешалку для одежды. В действительности я намеревался использовать крюки для преодоления ограждения лагеря в затемненном пространстве между кухней и сторожевой башней. Я обдумывал план побега снова и снова, решив, что лучше умереть, чем быть схваченным еще раз. Решил совершить побег 27 октября в 22.00 перед восходом луны.

Суббота 27 октября. Обычная утренняя переключка. Я тайком тешил себя мыслью, что на следующие сутки в лагере возникнет переполох из-за моего побега. Был в приподнятом настроении и весьма словоохотлив, считая свои беседы с приятелями-узниками своеобразным прощанием с ними. Хорст Бендер получил мои последние инструкции относительно его роли в побеге. Перед ужином я завернул кожаную сумку в пальто, передал связку Бендеру вместе со своей порцией ужина и занял место близ повозки, развозившей пищу по нашим баракам.

Было холодно и сыро. Бригада при повозке тронулась в обратный путь после 20.00. Я смешался с людьми и помог им вывести фургон из расположения наших бараков на основную улицу лагеря. Далее фургон направился к кухне. Под покровом темноты я прокрался в отхожее место и там переждал, когда опустеет соседняя лагерная зона. Затем подошел к затемненному участку забора, теперь отделявшего меня от бывшей зоны. Там из-за дерева показалась едва-различимая фигура Бендера. Он перебросил через забор сверток, с которым я убежал в уборную и переоделся там в синий костюм, завернутый в коричневую арестантскую форму. Потом вернулся к забору, бросил через него сверток с коричневой формой и получил от Бендера другую связку — пальто с кожаной сумкой. На прощанье приятель помахал мне рукой.

Несколько прыжков — и я слился в темноте с внутренней стороной забора, напротив которой находилось караульное помещение. Застыл в неподвижности, когда в шести метрах от меня прошли охранники. Затем при помощи крюков зацепил несколько линий колючей проволоки. Оглянувшись на караулку и взглянув на сторожевые башни с пулеметными гнездами справа и слева, я не спеша полез к верхней кромке забора, увенчанной колючей проволокой, толкая перед собой свой сверток. Тень, которую отбрасывали хвойные деревья, скрывала меня от охранников на башнях. Наверху я разделил линии колючей проволоки на две части. Одну из них перекинул с помощью крюка на внешнюю сторону забора, другую отодвинул и закрепил двумя крюками выше, чтобы обеспечить себе достаточно широкое отверстие. Затем бросил за собой сверток и последовал за ним за пределы зоны для военнопленных. Внизу, скрываясь в тени караульного помещения, я надел пальто и шляпу и вставил в рот сигарету. Когда охранники скрылись из виду, направился к солдатским казармам. Там, где фонари освещали площадки для строевых занятий, мимо меня прошла группа солдат. Я остановился, закурил сигарету и двинулся к выходу из лагеря.

Пройдя от окраины Ле-Мана к вокзалу, я купил билет в вагон 2-го класса на поезд до Парижа, отходивший в 21.30. Примерно через два часа — 28 октября в воскресенье — я сел в поезд и занял угловое место в прокуренном купе. Утром в 07.00 я прибыл на парижский вокзал Монпарнас,

небрежно предъявив свой билет контролеру, прошел мимо одного из жандармов, который задержал меня два месяца назад, и нырнул в метро, чтобы добраться до Восточного вокзала. После того как я купил билет до Меца, у меня оставалось до отхода поезда целых тринадцать часов свободного времени. Я бродил по Парижу с неприятным ощущением. Мне казалось, что все подозрительно смотрят на меня и что первый же встречный жандарм потребует от меня предъявить документы, которых у меня не было. Однако мне удалось избежать неприятностей и вернуться на вокзал как раз перед посадкой на поезд.

Поездка до Меца заняла девять часов и довела меня до грани истощения. В Меце я купил билет до пограничного французского городка Форбах на поезд, отходивший под покровом темноты. Снова бродил по городским улицам. Голова кружилась от голода, в желудке ощущалась болезненная пустота. Нервное напряжение достигло предела. Мне отчаянно хотелось спать, но я не мог позволить себе забыться. Мне хотелось есть, но я не решался зайти в магазин без продовольственной карточки. И все же я полагал, что попал в полосу везения, — ничто не могло помешать моему побегу на свободу.

Наконец я осмелился войти в хлебный магазин и, выдумав какое-то оправдание отсутствия у меня карточек, купил два батона хлеба с хрустящей корочкой. Прохаживаясь по улицам старого города, съел их с волчьим аппетитом. Но голод терзал меня еще сильнее, и, пренебрегая опасностью, я зашел в ресторан. Там сказал, что потерял свои карточки, и попросил тем не менее обслужить меня. Заказал миску горохового супа, большую порцию лионских сосисок и овощной салат. После трапезы, напоминавшей настоящий банкет, я продолжил свое беспорядочное, небезопасное бродяжничество. Но, когда наступили сумерки, вернулся на вокзал.

Хорошо понимая, что в Форбахе мне предстояло пройти пограничный контроль, я взобрался в стоявший поезд и прошел вперед, высматривая подходящее укрытие. Дойдя до самого паровоза, я так и не обнаружил проводника. Решение пришло быстро: рывок — и я укрылся в тендере паровоза за угольной кучей. Через несколько минут вернулись машинист с кочегаром. Поезд дал свисток и отошел от вокзала Меца.

Через два часа кочегар, бравший уголь из тендера для топки, приблизился вплотную к моему укрытию. Я осторожно отполз к задней стенке, где обнаружил большой металлический ящик. Вытащив из ящика шланг, я влез внутрь и захлопнул за собой крышку. Тем временем поезд, заскрипев тормозами, замедлил ход и остановился у платформы вокзала в Форбахе. Там уже находилась большая группа солдат. Паровоз, отсоединенный от поезда, отъехал набрать воды из колонки. Когда проводники открыли ящик, чтобы достать шланг, то вместо него обнаружили меня. В оправдание своего пребывания в ящике я промямлил им по-французски, что хочу навестить своих приятелей за пограничной линией. Такое объяснение их вполне удовлетворило. Они сказали, чтобы я покинул паровоз. Я поспешил укрыться на сортировочной станции под товарным вагоном. Через некоторое время солдаты закончили проверку документов у пассажиров и удалились. Паровоз вернулся к поезду, дал гудок и двинулся вперед. Я побежал за поездом через железнодорожные пути, схватился за задний бампер первого вагона, взобрался по шаткой лестнице на его крышу и улегся там.

Поезд набрал скорость и мчался в ночной тьме. Я цеплялся за крышу, почти не замечая холода и клубов сажи, летевших мне в лицо. Заметив впереди россыпь огней города, спустился по лестнице на бампер, ожидая остановки. Она была в Саарбрюкене. На платформе стало много французских солдат. Я быстро нырнул в поток пассажиров и стал искать кого-нибудь из немецкого персонала станции. Заметив синюю форму станционного мастера, я подошел к нему и шепнул:

— Я — немец. Бежал из лагеря военнопленных. Помогите.

Мастер кивнул:

— Идите за мной. Держитесь спокойнее.

Он вывел меня на территорию грузового депо, к одиноко стоявшему вагону. Постучав в дверь, втащил меня внутрь, где находилась группа свободных от смены дорожных рабочих.

Рабочие забросали меня вопросами, дали мне мыла отмыть слой сажи на лице и руках, накормили жареной картошкой и напоили кофейным эрзацем. Они сообщили, что через полчаса здесь остановится американский поезд, идущий из Парижа во Франкфурт. В Саарбрюкене к нему цепляют паровоз с немецкой бригадой. Затем они всунули мне в руку фонарь, чтобы я выглядел натуральней, и сопроводили до платформы, к которой как раз подходил поезд. Из него выпрыгнули несколько представителей американской военной полиции, заглядывая под вагоны в поисках беглецов. Паровоз быстро сменили, и поезд приготовился покинуть станцию. Стоя между двумя рабочими в начале поезда, я с необычайной остротой и четкостью воспринимал окружающую обстановку: пыхтение паровоза, американских полицейских, французских солдат, французский говор, команды по-английски. С тяжелым грохотом паровоз двинулся в путь. Я пожал руки своим новым друзьям, запрыгнул в двинувшийся паровоз. Поезд унесся в темноту, подальше от границы в глубь Германии.

Когда на востоке побагровело небо, он прогромыхал по мосту через Рейн и проследовал дальше на восток. Все время на восток. Появились сосновые чащи к югу от Франкфурта. С первыми лучами солнца, коснувшимися верхушек сосен, я уже чувствовал себя свободным. 30 октября 1945 года, во вторник, ровно в 06.40 поезд остановился на красный сигнал семафора. Я спрыгнул с паровоза и побежал в леса своей юности.

ПРИМЕЧАНИЯ